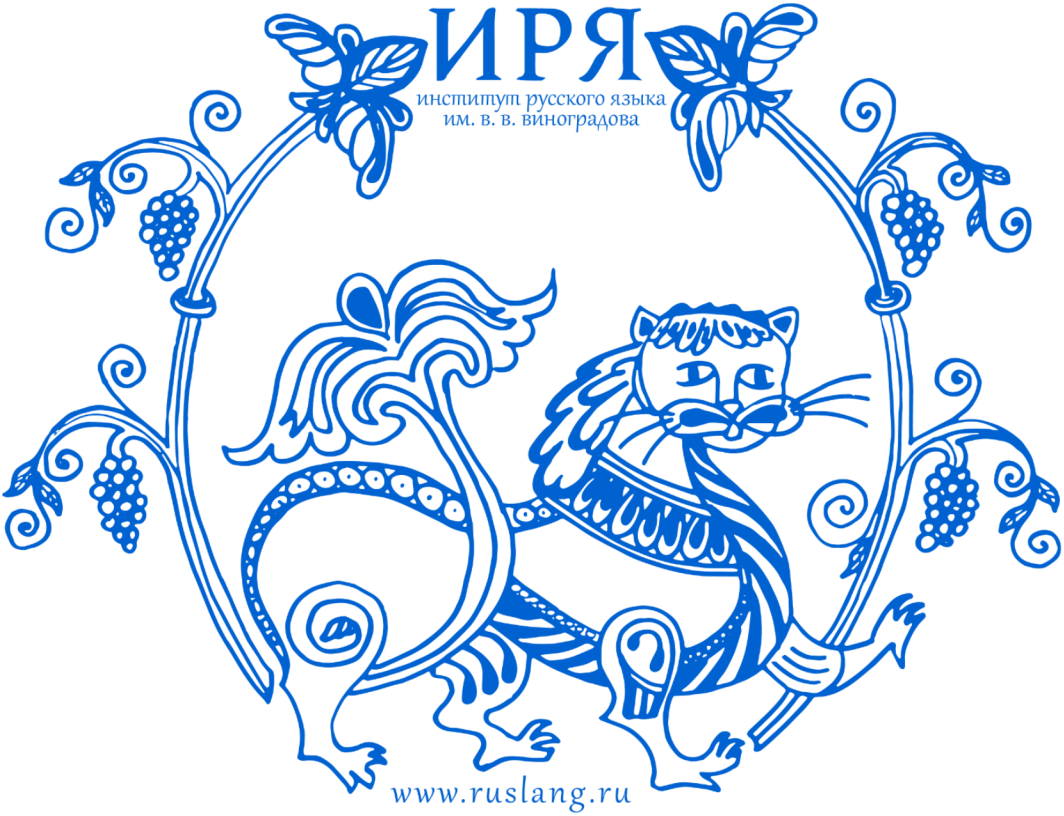
ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

- *Супersегментная фонетика*
- *Морфологическая семантика*

«Наука»

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт русского языка

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

- *Супersегментная фонетика*
- *Морфологическая семантика*

Ответственный редактор
академик
Д. Н. ШМЕЛЕВ

Москва «Наука» 1989

ББК 81
Г76

Авторы:
Д. Н. ШМЕЛЕВ, Г. Н. ИВАНОВА-ЛУКЬЯНС
М. Я. ГЛОВИНСКАЯ, С. М. КУЗЬМИНА,
О. П. ЕРМАКОВА, Е. В. КРАСИЛЬНИКОВА

Рецензенты:
доктора филологических наук
Л. П. КАЛАКУЦКАЯ, Л. Ю. МАКСИМОВ

4
Г-76

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН СССР

84140

Г $\frac{4602000000\text{-}119}{042(02)\text{-}89}$ 372-89. Кн. 1

ISBN 5-02-010961-4

© Издательство «Наука», 1989

ВВЕДЕНИЕ

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ

Хотя стилистические наблюдения как над лексикой (ср. соответствующие пометы в толковых словарях современного русского языка), так и над грамматическими фактами (в многочисленных, вышедших в последнее время стилистиках русского языка) в значительной степени дают возможность составить представление о стилистической дифференциации современной русской лексики и стилистической значимости грамматических словоформ, нельзя не признать, что и сама стилистика как таковая еще изобилует вопросами, которые представляются дискуссионными. Одним из таких обычно признаваемых дискуссионными вопросов оказывается вопрос о «функциональных стилях языка» и о «функционально-речевых стилях». Разумеется, в значительной степени это вопрос терминологический, так как признавать ли какую-либо разновидность речи, какой-либо род текста стилем или же отказать ему в этом статусе (передвинув его в другой уровень функционально-стилистического членения) — прежде всего зависит от того, как мы считаем целесообразным определить понятие «стиль языка», или «функционально-речевой стиль». Но все же дело здесь не только в терминологии, поскольку от этих определений зависят и те стилистические определения, которые даются различным языковым явлениям, — в результате чего должна появиться та или иная «стилистическая картина» данного языка. Само распределение языковых средств в соответствии с их ролью в различных типах речи (в различных сферах применения языка), коль скоро оно становится предметом специального исследования, в немалой степени зависит от тех стилевых разграничений, которые будут установлены при описании функционирования языка.

Одним из серьезных возражений против выделения «функционально-речевых стилей» явилось в свое время указание на то, что попытки разграничить языковые средства в соответствии с выделяемыми «стилями» опровергаются многочисленными примерами нарушения устанавливаемых разграничений в реальных текстах, во-первых, и наличием большого количества текстов, в которых соответствующих «примет стиля» нет, т. е. в которых языковые средства должны быть квалифицированы как «стилистически нейтральные», во-вторых.

Естественно, наши сведения о функциональной предназначенности тех или иных языковых средств (как и об их значении и правилах употребления) извлекаются из текстов, т. е. речи. То, что язык проявляется в речи, в речевой деятельности говорящих на нем людей и соответственно познается в речи и из речи, ни у кого не вызывает сомнений. Изучение словарного состава языка, получающее свое систематизированное выражение в лексикографической практике, трудно представить себе в настоящее время без привлечения текстов, иллюстрирующих употребление толкуемых слов, как и описание грамматического строя языка без опоры на данные, извлекаемые из речевых произведений. Между тем особенности речевой деятельности людей, структура самой речи в различных ее проявлениях изучена с гораздо меньшей последовательностью и менее детально, чем структура языка как такового, языка как системы. Это отмечается многими лингвистами, стремящимися восполнить указанный пробел, обратившись к исследованию языка с точки зрения особенностей его функционирования в различных условиях человеческого общения. Вот, например, как красочно написал об этом японский лингвист: «Предшествующее языкознание и японоведение не пытались исследовать язык в том виде, в каком он существует. При этом старались определить сущность языка и путем анализа выявить его структуру. Однако сущность языка понималась в духе естественных наук XIX в., а язык рассматривался как природное явление или как предмет, хотя он является социальным феноменом; выделяли одни и те же элементы независимо от того, кто, когда и где их употребляет, и именно их считали сущностью языка . . . Однако нужно изучать функции живого, действующего языка». И дальше: «Сущность воды в том, что она представляет собой соединение водорода и кислорода. Истинность этого проверяется на практике. Следовательно, такое знание стимулирует химические исследования. Однако здесь речь идет о химически чистой воде, не существующей в природе. Та же вода, которая используется в приготовлении пищи, вода, которой орошают поля, вода, в которой живут рыбы, — это колодезная, водопроводная, речная и другая вода, представляющая собой соединение многих элементов. Если провести аналогию, прежние исследования языка можно сравнить с исследованием химически чистой воды. Ныне нас не удовлетворяет только анализ строения химически чистой воды и структурные описания. Мы достигли уровня, когда необходимо выявить функции колодезной воды, воды для орошения, речной воды и создать исследования, рассматривающие эти проблемы» [Нисио Минору 1983].

Следует сразу же сказать, что в русистике никогда не было такой ситуации, когда исследовалась бы «химически чистая» структура языка. Даже во времена увлечения чисто структурными описаниями языка, эти последние постоянно уравновешивались исследованиями, выдвигающими роль «человеческого фактора» для языковой действительности, да и сами волны «структурализма» явились в известной мере неизбежной реакцией на вульгарно-со-

циологические работы, когда формула «чистой воды», которая должна бы была лежать в основе изучения всех «разновидностей воды», заменялась лишь приблизительными сведениями о ней.

Нельзя утверждать, что к настоящему времени грамматический строй русского языка, даже если представить его только как «систему отношений», исследован настолько строго и полно, что здесь не требуется никаких дальнейших изысканий. Но как язык, будучи главнейшим орудием общения людей, используется в многообразных условиях общения, в реальной практике своего применения, выяснено еще совсем неполно. Вместе с тем очевидно, что и «система отношений» в языке обусловлена его функционированием, т. е. лишь условно (и это необходимый шаг в изучении всякого языка) может быть обобщена в отвлечении от ее реализаций в речи, в речевой деятельности самих носителей языка.

В своей образной «аналогии» японский лингвист прямо как будто бы опирался на известное стихотворение Л. Мартынова:

Вода
Благоволила
Литься.
Она
Блистала
Столь чиста,
Что ни напиться
Ни умыться.
И это было неспроста.
Ей
Не хватало
Ивы, тала
И горечи цветущих лоз.
Ей
Водорослей не хватало
И рыбы, жирной от стрекоз.
Ей
Не хватало быть волнистой,
Ей не хватало течь везде.
Ей жизни не хватало —
Чистой,
Дистиллированной
Воде!

Исследования последних двух десятилетий, посвященные разговорной речи и недифференцированно-устной речи как таковой, многочисленные к настоящему времени исследования, в которых рассматриваются особенности публицистической, научной и художественной речи, а также общие стилистические описания современного русского литературного языка дают возможность не только, как это чаще всего делалось прежде, выделить отдельные «стилистические пласты» русского языка, но и очертить хотя бы приблизительно отдельные «типы речи», обусловленные типическими ситуациями общения. Таким образом, становится возможным и более подробное описание языка в его функционировании. Лексический материал, сам по себе наиболее трудно поддающийся систематическому и исчерпывающему описанию уже в силу своей «безбрежности», был тем не менее «отправной точкой» при определении «функциональных разновидностей» языка, грамматические же явления рассматривались под этим углом зрения лишь спорадически. Между тем идея создания функциональной грамматики русского языка, учитывающей как направление «от средств языка к семантике», так и направление «от семантики к средствам

языка» (см. цитируемые дальше работы А. В. Бондарко), получает широкое признание, и теперь вряд ли кто-либо из лингвистов станет безоговорочно утверждать, что учет «понятийных категорий» при описании языка не соответствует задачам лингвистического описания, а анализ «от смысла к языковым средствам», иногда присутствующий в «стилистиках», приведет к неоправданной «семантизации» грамматики.

Многое из того, что, правда, не всегда последовательно и дифференцированно изучалось в стилистике, в последние десятилетия было успешно исследовано также в таких смежных с «собственно лингвистикой» отраслях знаний, как психолингвистика, социолингвистика, прагматика.

Так, в исследованиях по прагматике было показано возможное несоответствие буквального значения языкового знака предполагаемой на него реакции. Например, в автобусе (троллейбусе, трамвае, электропоезде) на фразу «Простите, вы не можете передать деньги на билет?» — явно неадекватным явился бы только ответ «Прощаю. Могу», точно так же, как на требование контролера «Гражданин, вы предъявите, наконец, билет, если он у вас есть!» — не соответствовал бы прагматическим правилам (реальной ситуации) ограничиться словесным ответом «Предъявлю, он у меня есть». Ср. также неадекватность (в данном случае скорее всего — нарочитую) на вопрос «Ты пойдешь завтра на концерт (доклад и т. п.)?» — ответа «Нет, я не пойду. Я поеду (а не пойду пешком)». Можно отметить и различное осмысление таких, например, фраз: «Вы поедете на эту конференцию?» и «Вы пойдете на эту конференцию?» — в первом случае вопрос относится скорее всего к какой-то выездной конференции (вне данного города), во втором — к конференции, которая происходит (будет происходить) в данном городе (независимо, пойдет ли тот, к кому обращен вопрос, пешком или воспользуется «транспортными средствами»). Прагматическая реакция на словесный знак, естественно, не может не учитываться при стремлении определить функциональную природу грамматических явлений языка, поскольку в различных условиях общения назначение одних и тех же средств языка вызовет различную реакцию и приведет к различным результатам. Элементарные примеры неадекватной реакции, вызванной неправильным пониманием многозначного слова (вследствие намеренного и неосознанного отказа от понимания контекста его употребления) или неправильным, т. е. не соответствующим условиям общения, употреблением этого слова, легко найти во многих юмористических рассказах и фельетонах. Точно так же особенности «речевого этикета», присущего данному коллективу, предопределяют уместность или неуместность тех или иных реакций. Как пишет Т. В. Булыгина, «в случае неадекватной реакции собеседника, основанной на буквальном толковании косвенного речевого акта, не всегда легко инкриминировать ему нарочитое нарушение принципа коммуникативного сотрудничества», поскольку «в подобных случаях мы имеем дело не с конвенциями языка, а скорее с кон-

венциями употребления, имеющими отношение к коммуникативной, но не к собственно языковой компетенции» [Булыгина 1981][1].

На связь социолингвистики со стилистикой указывается и исследователями, специально разрабатывающими именно социолингвистические проблемы: «Интересы социолингвистики и стилистики во многом совпадают: обе дисциплины исследуют проблему вариативности языка и факторы, определяющие выбор языковых средств в процессе коммуникации» [Швейцер, Мельников 1980]. Отмечается, что «проигрывание человеком социальных ролей связано с использованием языковых подсистем, обычно — разных стилей. Поэтому естественно изучение речевого аспекта ролевого поведения людей в соотнесении с функционально-стилистической дифференциацией используемого ими языка» [Крысин 1976]. Нетрудно заметить, что речь при этом может идти не только о совпадении интересов, но в ряде случаев и о совпадении материала и его интерпретации. Так, в статье, из которой взята последняя цитата, «ролевые отношения» иллюстрируются, в частности, сменой обращений на *ты* и на *Вы*, в разных ситуациях и при различном характере отношений между говорящими приобретающей совершенно различное экспрессивное значение [Крысин 1976]. Аналогичные примеры комментировались во многих работах, посвященных употреблению форм лица глагола. Ограничусь здесь двумя, приведенными в одной из статей автора этих строк: — Да *ты* не шутишь, Фома? — Во-первых, *я* не *ты*, Егор Ильич, а *вы* — не забудьте это; и не Фома, а Фома Фомич (Достоевский); Бабушка имела особенный дар, прилагая с известным тоном и в известных случаях множественные и единственные местоимения второго лица, высказывать свое мнение о людях. Хотя она употребляла *вы* и *ты* наоборот общепринятому обычаю, в ее устах эти оттенки принимали совсем другое значение. Когда молодой князь подошел к ней, она сказала несколько слов, называя его *вы*, и взглянула на него с выражением такого пренебрежения, что если бы я был на его месте, я растерялся бы совершенно . . . (Л. Толстой) [Шмелев 1961. Другие примеры — см.: Шмелев 1964].

Функционально-стилистическая характеристика грамматических средств языка, как и других языковых средств, предполагает выяснение возможностей их функционирования в различных условиях языкового общения, т. е. в конечном счете — в различных типах речи. То, что носители литературного языка говорят и пишут не совсем одинаково, т. е. говорят не совсем так, как пишут, что в зависимости от обстоятельств (официальная или неофициальная обстановка, назначение высказываний, тема разго-

[1] Ср. приводимые в этой связи примеры: «вопрос» учителя, обращенный к ученику, занятому во время объяснений в классе посторонними делами: «Иванов, я тебе не мешаю?» и «вежливый» ответ: «Нет-нет, нисколько, пожалуйста, продолжайте» или ответ на вопрос: «Можно положить тебе салата?» — «Можно, но есть я его не буду» — там же. Ср. примеры из повестей Л. Кэррола, которые анализирует Е. В. Падучева [Падучева 1982].

вора) используемые ими средства различны, представляется очевидным, однако при исследовании соответствующих различий сразу же возникает необходимость определения самих понятий функция языка, функционирование языка, тип речи и целого ряда других, уже устойчиво связываемых с этими понятиями терминов.

В настоящее время, по-видимому, почти никто из лингвистов (также как и философов и психологов, касающихся вопросов, связанных с природой и ролью языка в общественной жизни, в мыслительной деятельности индивидуума и т. д.) не сомневается в том, что основной, центральной функцией языка является его коммуникативная функция; вместе с тем как только дело доходит до определения других функций языка, выявляются разные точки зрения, и само определение понятия «функция» в результате этого неизбежно становится не вполне определенным, а иногда и довольно противоречивым.

Как отмечает Н. А. Слюсарева, «формальная сторона языковых явлений лежит, так сказать, на поверхности грамматики, поэтому она и была описана столь тщательно на протяжении многовековой истории грамматической науки. Функциональная же сторона, как и само понятие функции, еще находится на начальном этапе изучения» [Слюсарева 1981] [2]. Отвечая на вопрос о том, какие функции языка следует признать базовыми, Н. А. Слюсарева называет три функции: коммуникативную, когнитивную и эмоциональную, замечая вслед за этим, что «есть еще одна, четвертая функция, которую по рангу среди сущностных характеристик языка нельзя поставить ниже, хотя она весьма сильно отличается от первых трех. Имеется в виду метаязыковая функция, т. е. способность языка в полном объеме и непротиворечиво описывать самого себя» [Слюсарева 1981]. Вполне соглашаясь с возможностью выделения названной триады, позволю себе, однако, усомниться в правомерности постановки в тот же ряд «метаязыковой функции». Конечно, язык способен описывать «самого себя», но ведь в общем в таком же «полном объеме и непротиворечиво», как и другие явления нашего мира. Важнее, пожалуй, было бы добавить к этой триаде функцию эстетическую, т. е. если не стремиться к перераспределению действительно присущих языку и закономерно приписываемых ему характеристик, упомянуть о его эстетических возможностях, так или иначе проявляющих в любой сфере его функционирования. Говорящие не относятся безразлично к форме высказывания (даже безотносительно к его содержанию). В. Д. Девкин приводит ряд немецких примеров того, что он называет «метакоммуникативными реакциями» адресата. Он пишет: «Метакоммуникативные реакции кодового содержания могут состоять из критических или иных оценочных замечаний, возражений, несогласия с применением избранных собеседником средств

---

[2] Для целей нашего исследования нет необходимости останавливаться на ряде других определений «функций языка», часто связанных и с иными их обозначениями [К. Бюллер, Н. Трубецкой, Р. Якобсон, В. А. Аврорин и др.].

(именно средств, а не содержания высказываемого») [Девкин 1981]. Приводимые дальше немецкие примеры, призванные иллюстрировать это положение, могли бы быть переданы по-русски примерно так:

— С каких это пор мы стали на ты.

— Я не разрешаю разговаривать со мной таким тоном.

— Позаботьтесь тщательнее о способе выражения.

— Твой стиль очень небрежен.

— Какие же примеры подаете вы детям своей небрежной (вульгарной) речью?

— Оставь эти вульгарные выражения!

— Ты всегда будешь так же вяло разговаривать?

— И тебе не стыдно, что такие выражения срываются у тебя с языка.

— Ты говоришь на таком жаргоне, что и вообразить трудно.

— Ты говоришь загадками.

Разумеется, в подобных «метакоммуникативных реакциях» трудно увидеть нечто большее, чем проявление эстетической функции лишь в самом зачаточном виде, если связывать с ней какое-либо творческое начало. Соблюдение «речевого этикета», форм вежливости и т. д., так же как и соблюдение, например, шаблонов деловой речи, представляются скорее проявлением того, что прямо сковывает любое языкотворчество. Ср., например, такой эпизод в рассказе В. Шукшина «Чудик»:

В аэропорту Чудик написал телеграмму жене:

«Приземлились. Ветка сирени упала на грудь, милая Груша меня не забудь. Васятка».

Телеграфистка, строгая сухая женщина, прочитав телеграмму, предложила:

— Составьте иначе. Вы — взрослый человек, не в детсаде.

— Почему? — спросил Чудик. — Я ей всегда так пишу в письмах. Это же моя жена!. . Вы, наверно, подумали. . .

— В письмах можете писать что угодно, а телеграмма — это вид связи. Это открытый текст.

Чудик переписал.

«Приземлились. Все в порядке. Васятка».

Телеграфистка сама исправила два слова: «Приземлились» и «Васятка». Стало: «Долетели. Василий».

Но требования делового стиля, как и телеграфистки в рассказе Шукшина, продиктованные, правда, несколько индивидуальным представлением о законах телеграфного жанра, являются выражением если не эстетической функции в полном смысле слова, то, так сказать, квазиэстетической.

В. Д. Девкин четко отграничивает разговорную речь от других видов речи (от других сфер использования языка); вызывает только возражение его утверждение, что «влияние избранной темы разговора на его оформление не является определяющим». Автор так аргументирует это положение: «Об одном и том же говорят по-разному, и эти различия вызываются другими обстоятель-

ствами, а не характером темы. Разговор врачей и неспециалистов о каком-то заболевании будет разным. У постели тяжелобольного и в его отсутствие высказываются неодинаково. Однако некоторые специфические темы предрасполагают к определенному типу и жанру беседы. Так, например, обмен мнениями на политические или научные темы приводит к применению соответствующей терминологии, некоторых элементов книжности». Дальше автор пишет: «Часто предметная специализация предписывает отбор необходимых средств выражения хотя бы в отношении нужных номинаций» [Девкин 1981]. Со всем этим следует согласиться, но остается неясным, почему же разговор о заболевании между медиками, владеющими соответствующей терминологией, и неспециалистами квалифицируется вне рамок «предметной специализации», — ведь разговор и специалистов и неспециалистов на специальную тему может разниться не только осведомленностью в существе дела и применением соответствующей терминологии, но и иным построением фраз, т. е. в результате — тяготением к отличным языковым средствам.

Думается, что правильней отграничивать специальную тематику «беседы между специалистами» от ее включения в обиходно-разговорную речь, когда терминологически точные обозначения могут в той или иной мере вторгаться в разговорную стихию речи. Конечно, «беседа» тех же врачей о состоянии тяжелобольного может и не включать терминологически точные обозначения и строиться не вполне в соответствии с принятыми в научной речи способами построения высказываний, но это никак не меняет того факта, что коль скоро сугубо профессиональная речь становится более «строгой», она подвержена воздействию письменных источников; на так называемой «утренней конференции» или в условиях консилиума, очевидно, характер речи медиков все больше отдаляется от тех характеристик, которые мы приписываем собственно разговорной речи. В. Д. Девкин сам справедливо отмечает, что «степень официальности обстановки заметно налагает свой отпечаток на языковое воплощение разговора, повышая необходимость контроля за речью, изгоняя элементы сниженности, обязывая к соблюдению норм этики и литературности. В общественном месте, при общении с незнакомыми, в присутствии посторонних человек ведет себя так, как этого требует обстановка, и строит свои высказывания соответствующим образом. В условиях непринужденности, в кругу хорошо знакомых людей беседа свободна от скованности, хотя она все же продолжает подчиняться традиционным правилам, не очень категоричным, но регулирующим речевое поведение» [Девкин 1981]. И дальше: «Повышение голоса, усиление роли интонации, небрежность артикуляции, активизация коллоквиальной, фамильярной, грубой лексики и особых разговорных синтаксических структур и т. п. в своей среде активизируется» [Девкин 1981]. Со всеми этими соображениями нужно согласиться, кроме, как явствует из сказанного, приведенного выше утверждения, что выбор темы разговора не влияет на «оформление» вы-

сказывания. В прошлом то, что сейчас обозначают термином «разговорная речь», имело и такую существенную характеристику, как ее обиходность (ср. обозначение «обиходно-разговорная речь», например, в работах С. И. Ожегова). Вкрапление иностилевых элементов в определенный вид текста в широком понимании не может влиять на отнесение этого текста к той или иной разновидности языка. Естественно, что говорящие во многих ситуациях общения используют все имеющиеся в их распоряжении ресурсы языка. Другое дело — как они их используют: в ряде случаев это использование приводит лишь к комическим результатам (об этом много написано и в работах, призванных охранять чистоту языка, и — в других целях — фельетонистами). Но ведь, например, вкрапления иноязычных слов и сочетаний слов в русскую речь не обусловливают ее квалификации как речи нерусской (например, de facto, terra incognita, comme il faut, week end, aussgeschlossen и т. п.), точно так же (при совершенно иной, конечно, ориентации на оценочность) не могут способствовать расшатыванию «типа речи» (если угодно, «стиля речи») включение экспрессивных элементов даже в том случае, если такое включение нарушает «стилевой этикет».

Непоследовательность (с точки зрения устанавливаемых нами стилевых разграничений) в употреблении тех или иных языковых средств говорящим на родном языке представляется вполне естественной (ведь он, говорящий, владеет разными ресурсами родного языка), однако это никак не значит, что устанавливаемые разграничения оказываются фикцией, а построение типологии речевых актов несущественно при анализе функционирования языка в обществе. Утверждение, что избранная «тема разговора» не влияет существенно на его «оформление», обусловлено тем, что не принимаются в расчет 1 и 2 лицо «разговора» в их взаимоотношении и в реальной ситуации этого разговора. Естественно, что о болезнях, о лекарствах, так же как, например, о значениях тех или иных слов, о памятниках архитектуры, о произведениях живописи и о многом другом разговаривают и пишут как специалисты, так и неспециалисты. Но дело в том, что обозначение «тема разговора» при этом не всегда имеет тождественное значение, так как целевая установка (назначение) соответствующих фраз при в общем-то их сходном (даже идентичном) смысле почти неизбежно влияет и на их оформление. Конечно, и специалист и неспециалист может сказать «Это лекарство не следует принимать, если бывает аллергия» (но в инструкции, приложенной к таблеткам, будет написано примерно так: «Применение препарата противопоказано при склонности к аллергии»); так же, как и специалисту и неспециалисту можно приписать фразу «Это здание разрушается, его надо срочно ремонтировать», но в путеводителе (или в специальной статье и т. д.) мы найдем иную передачу тех же сведений, что-нибудь вроде: «Здание находится в руинированном состоянии и нуждается в немедленной реставрации». И вместе с тем трудно представить себе в любой ситуации (кроме фельетонного жанра, рассказов

в духе Зощенко, шутки и т. п.) фразу вроде «Применение спитого чайного напитка противопоказано при твоей склонности к употреблению крепкого чая» и т. п. Другими словами, существует несомненная обусловленность оформления высказывания его темой, связанной с назначением данного высказывания, и признание В. Д. Девкиным того, что «обмен мнениями на политические или научные темы приводит к применению соответствующей терминологии, некоторых элементов книжности», как раз и свидетельствует о несомненном влиянии темы сообщения на его оформление.

Определяя место «функциональной грамматики» среди других направлений грамматического описания языка, А. В. Бондарко отмечает, что «традиционное и современное понимание грамматики не исключает, а напротив, предполагает включение в ее предмет правил функционирования ее единиц. Однако основные направления традиционной грамматики ориентированы главным образом на описание устройства грамматического механизма — системы морфем, грамматических форм и конструкций, классов и категорий. В гораздо меньшей степени изучены закономерности действия этой системы» [Бондарко 1983]. При этом А. В. Бондарко настойчиво подчеркивает, что «включение правил функционирования языковых единиц в сферу понятий грамматической категориальности и грамматического строя языка не означает, что оттесняется на задний план субстанционная основа грамматической категориальности и грамматического строя языка — система единиц, классов и категорий как грамматических субстанций. Субстанциональные признаки грамматических единиц, классов и категорий — основа всего, что проявляется в процессах функционирования (при всей важности контекста и речевой ситуации). Лишь единство грамматических единиц, классов и категорий (как языковых субстанций) с закономерностями и правилами их функционирования может служить основанием для построения грамматики как целостной системы. Грамматическая категориальность и грамматический строй языка заключает в себе единство системно-субстанциального статического аспекта и аспекта динамического, процессуального» [Бондарко 1983]. Рассматривая вопрос о том, в каком отношении «функциональная грамматика» находится к «активной грамматике в понимании Л. В. Щербы», А. В. Бондарко пишет: «Функциональная грамматика, с нашей точки зрения, не может ограничиваться принципом «от содержания к средствам формального выражения», лежащим в основе активной грамматики. Направление от формы к содержанию необходимо и обязательно для всякой грамматики, в том числе и функциональной, потому что на нем держится системное единство грамматики. Основным предметом грамматики (включающей как один из ее аспектов и типов функциональную грамматику) является система грамматических единиц, классов и категорий в единстве с системой правил их функционирования (во взаимодействии с лексикой и контекстом)». Эта мысль уточняется следующим образом: «Направление «от средств к функциям» (от формы к семантике) са-

мостоятельно, автономно. Оно не зависит от противоположного направления. . . Направление же «от функций к средствам» (от семантики к форме) не является вполне самостоятельным. Оно всегда в той или иной форме зависит от первого направления. Даже при явно выраженной направленности исследования от семантики к средствам ее выражения . . . всегда присутствует в более или менее явной форме и подход «от средств к функциям». Этот подход может быть скрытым, подспудным, но так или иначе он учитывается» [Бондарко 1983]. Думается, что изложенное А. В. Бондарко понимание предмета и задач «функциональной грамматики» в целом не противоречит тем задачам, которые поставлены в настоящем исследовании. Нужно заметить только, что и расцениваемое автором цитированной монографии как «самостоятельное, автономное» направление от формы к семантике в большей части грамматических описаний русского языка (в том числе, в академических грамматиках, вышедших в последние десятилетия) не представлено столь уж автономно, чтоб его можно было считать совершенно независимым от противоположного направления (от семантики к форме, от смысла высказывания к средствам его выражения), которое, говоря словами того же А. В. Бондарко, «может быть скрытым, подспудным, но так или иначе учитывается». Таким образом, А. В. Бондарко совершенно прав, когда он там же указывает на то, что «противопоставление формальной и функциональной грамматик не является абсолютным», что между ними «нет резкой грани» [Бондарко 1983] [3]. В исследованиях А. В. Бондарко не ставится задачи рассмотрения «разных высказываний (текстов), характеризующихся различиями их языкового содержания, но общностью некоторых инвариантных содержательных элементов» с точки зрения их функционально-стилистической прикрепленности. Несомненна «общность смысла» (принадлежность) во фразах, приводимых в цитируемой книге: *У нас есть эти данные*; *Мы располагаем этими данными*; *У нас имеются эти данные*; *Мы имеем эти данные* (с. 51) или: *У него есть дом* и *Он имеет дом* (с. 43), но, конечно, эти фразы при общности смысла различны в стилистическом отношении и неодинаково употребительны в разных типах речи. При построении «функциональной грамматики» в несколько ином понимании ее задач, оче-

---

[3] Повышенный интерес к той области, которая обозначается обычно как «лингвистика текста», проявившийся в последние десятилетия, также неизбежно ставит перед лингвистами вопрос о роли тех или иных строевых элементов языка в создании различных типов коммуникации. Ср., например, такого рода высказывания в сб. «Лингвистические проблемы текста»: «Практическая деятельность с языком обеспечивается наличием у него двух диалектически взаимообусловленных сторон: материальной структуры и функционирования. Первая сторона связана с ассортиментом материальных средств, вторая — с той ролью, которую язык играет в жизни общества. Использование языка — это не непосредственный процесс конструирования слов и предложений, а такой процесс, который опосредован исторически сложившимися и складывающимися социальными формами его существования» [Брандес 1980].

видно, должен быть учтен и этот аспект, т. е. рассмотрено распределение языковых средств в соответствии со сферами их употребления. Эти аспекты, естественно, не противостоят друг другу, но дополняют друг друга.

Функционирование языка, разумеется, связано с исторически и социально обусловленными сферами его применения, соответственно — с различными ситуациями общения людей в обществе, определяющими, в свою очередь, разные типы речи (части которых обычно приписывается статус «функционально-речевых стилей»). Согласно нашему убеждению, язык в его реальном применении неизбежно (и так и происходит в любом литературном языке) дифференцирует свои средства в соответствии с темой и назначением высказывания и соотношением 1 и 2 лица, т. е. говорящего (или пишущего) и адресата. В этом смысле можно, по-видимому, понимать выделение В. В. Виноградовым «стилей языка» в их противопоставлении «стилям речи». Если «стили речи» целесообразно в таком случае понимать как совокупность некоторых исторически и социально обусловленных сложившихся (иногда — складывающихся) жанров, то в «стилях языка» следует видеть имманентно присущие литературному языку (т. е. языку, имеющему письменность и известную традицию употребления, уже дифференцированному стилистически — в широком смысле этого слова) разные способы применения языковых средств в зависимости от различных условий общения. Впрочем, как показывают многочисленные исследования, уже и в так называемых первобытных языках (бесписьменных, литературно не обработанных) обнаруживаются различия в «бытовом языке», т. е. в применении языка на неспециальные темы и, например, в языке заклинаний, т. е. речи, обращенной к «потусторонним силам», в языке жрецов при произнесении требуемых согласно ритуалу речей и т. д.[4]

Не останавливаясь на сложном вопросе об истории формирования «стилей языка» и «стилей речи», мы можем констатировать, что для современного русского литературного языка существенно прежде всего распределение языковых средств по трем основным сферам его применения. Это разговорная речь, художественная речь и «специальная» речь, включающая такие «функционально-речевые стили, как официально-деловой, газетно-информационный, научный и публицистический во всем разнообразии проявляющихся в них жанров. Выше упоминалось о том, что носителю языка в той мере, в которой ему доступны разнообразные языко-

[4] Ссылаясь на сведения, приведенные в работе Дж. Гамперца, Л. П. Крысин пишет: «У некоторых народностей, населяющих Африку, принято использовать особые речевые формы в тех случаях, когда исполняются роли торговца, пересказчика мифов, певца, когда оплакивается покойник или выражается соболезнование родственникам умершего». И дальше автор отмечает: «В современных цивилизованных обществах расстояние между повседневным языком и языком, используемым при исполнении ритуальных ролей, меньше, да и социальный вес самих ритуалов незначителен. Однако и здесь роли и отношения между ними накладывают ограничения на язык. . .» [Крысин 1976].

вые средства, при определенных обстоятельствах нет необходимости следовать тем ограничениям, которые диктуются стилевой дифференциацией языка. По мере надобности он может воспользоваться и в устном, и в письменном высказывании такими средствами, которые при иных обстоятельствах следовало бы расценить как стилистически несовместимые. Однако это никак не свидетельствует о том, что у владеющего литературным языком нет достаточно определенного представления о тех «правилах» языкового общения, которые налагает обстановка и «соотношение лиц». Напротив, то, что мы обычно замечаем несоответствия между назначением высказывания и его оформлением, свидетельствует о присутствии в сознании говорящих этих правил. Но между функциональными разновидностями, сосуществующими в пределах одного и того же литературного языка (функционально-стилистическим разновидностям именно литературного русского языка и посвящено настоящее исследование), конечно, не может быть четких, тем более — непреодолимых границ. Вода в реке остается водой, независимо от того, где та протекает, и примеси, которые она получает на разных участках своего течения, обычно не превращают ее в иную субстанцию, будучи в то же время очень существенными при определении ее пригодности для тех или иных целей. Присутствие в сознании носителей литературного языка представления о функционально-стилевой прикрепленности различных языковых форм служит скорее своего рода «идеальным ориентиром» при использовании языка в различных целях, чем неким безусловным императивом. Говорящий «знает», как нужно сказать, говоря о том-то и том-то в такой-то обстановке, но чем непринужденней он может чувствовать себя в данной обстановке, тем свободней он нарушает указанные границы. Разумеется, могут быть и другие причины, приводящие к совмещению разнородных стилистических средств языка в одном и том же тексте, — о них упоминалось выше и подробнее будет сказано дальше. Будучи средством общения людей, находящихся в разнообразных взаимоотношениях друг с другом, обращающихся друг к другу опять-таки в самых различных целях и с весьма неодинаковой «информацией», язык как бы приспосабливается (понятно, его приспосабливают люди, пользующиеся им) к наиболее полному и адекватному выражению этих различий. Но поиски таких различий, как об этом говорилось выше, не могут увенчаться окончательным успехом, если их вести, стремясь распределить языковые средства в соответствии с теми типами речи, которые кажутся наиболее очевидными. Типы речи характеризуются не только тем, что в них м о ж е т быть, и рискнем утверждать, что и не столько этим, как тем, чего в них н е м о ж е т быть из предоставляемых языком лексических и грамматических ресурсов. Обиходно-разговорная речь и художественная речь находятся в этом отношении полярно противопоставленными специальной речи, включающей такие «функционально-речевые стили», как официально-деловой, научный, газетно-информационный и публицистический, причем указанное

противопоставление наиболее ощутимо в первых членах данного ряда стилей и заметно стирается в последнем. Именно в этом ряду в наиболее «чистом» виде проявляется собственно коммуникативная функция и опять-таки лишь в последнем члене ряда (публицистическом стиле) ощутимей всего проявляется экспрессивная и — в определенном плане — также эстетическая функции языка.

Поставить разговорную речь, так же как и художественную, в один ряд с указанными функционально-речевыми стилями представляется нецелесообразным по следующим соображениям.

Разговорная речь — это единственный вид словесного общения, который не ориентирован ни на какие письменные образцы, допускает любые «темы разговора», свободно трансформируясь в зависимости от более специальных тем, кроме того, что не менее важно — это единственный вид непосредственного общения между говорящими. Если разговорная речь и имеет свои нормы (произношения, словоизменения, словообразования, словоупотребления, построения высказываний), на что указывают многочисленные исследования, проведенные в последнее время, — то это такие нормы, которые складываются стихийно и никак не фиксируются самими говорящими, более того, — будучи представленными в лингвистических работах, нередко вызывают протесты. В разговорной речи реализуются все функции, присущие языку (в том числе и такие, которые приписываются ему в качестве факультативных, причем на первый план может выступать любая из них попеременно на протяжении довольно короткой беседы. По существу разговорная речь многослойна и в известном смысле «многостильна», так как ее характер целиком определяется языковыми навыками говорящих и их взаимоотношениями. Она по преимуществу ситуативна [Земская 1973][5] и фактически не предполагает ни развития, ни завершения начатой темы разговора, поскольку говорящие или «по взаимному согласию» или по воле одного из собеседников всегда могут переключаться на другую тему. В то же время разговорная речь, безусловно, противостоит всем функционально-речевым стилям уже в силу своей «неорганизованности», вследствие чего и возникает производящее комическое впечатление несоответствие между формой и содержанием речи в тех случаях, когда на «неспециальные» темы начинают говорить, пользуясь средствами, выработанными в специальной речи, т. е. в речи определенным образом организованной. Стихийность и неподготовленность разговорной речи, непосредственное, прямое взаимодействие ее участников (говорящего и адресата), при котором 1 и 2 лица выступают как «переменные величины», — резко и принципиально отличает разговорную речь от «организованных» типов речи. Существенно также то, что переход в разговоре от

---

[5] Как отмечает Е. А. Земская, в разговорной речи «ситуация является полноправной составной частью акта коммуникации, она вплавляется в речь. Многие элементы коммуникации не имеют вербального выражения, так как они даны в ситуациях» [Русская разговорная речь 1973].

«обиходно-бытовой» тематики к специальной (производственно-технические, научные и т. п. темы), в той или иной мере в зависимости от обстановки, важности для говорящих обсуждаемых вопросов и т. п. изменяющий характер разговорности, не требует какой-либо стилистической мотивировки, никак не связан задачами композиционного построения речи, как это бывает в других речевых произведениях, где такие переходы обычно обусловлены целевой установкой. В этом коренное отличие разговорной речи от речи художественной.

Художественная речь — это прежде всего речь эстетически организованная, любые стилистические сдвиги должны отвечать в ней общему построению текста, быть мотивированы, как и все другие элементы произведения, его общим идейно-образным строем. Сходство с разговорной речью состоит лишь в том, что она также проницаема для любых языковых средств (если они, разумеется, не воспринимаются как ненужные, художественно неоправданные, производящие не предусмотренный автором эффект). Особенности художественных произведений, в том числе и языковые особенности, рассмотрены в многочисленных работах, для целей нашего исследования нет необходимости касаться некоторых спорных вопросов, относящихся к задачам и методам лингвостилистического анализа художественных текстов. Здесь следует остановиться лишь на дискуссионном вопросе о «стилевом статусе» художественной речи.

84140

Вопрос этот на первый взгляд звучит несколько странно: понятно, что художественная литература во всей совокупности текстов отличается и по назначению, и по характеру используемых в ней языковых единиц от таких текстов, как официально-деловой, научный и т. д. Но тогда как последние при всем разнообразии содержащейся в них информации ограничены в применении языковых средств и в общем в той или иной мере следуют предписываемой форме изложения, что и позволило говорить о соответствующих «функционально-речевых стилях», произведения художественной литературы противостоят всем этим типам речи не только своей прямой эстетической направленностью, но и полной свободой в выборе языковых средств, определяемом лишь только их соответствием идейно-художественному замыслу, воплощаемому в данном произведении. «Материалом» всех текстов (в обычном понимании этого слова) является язык, но лишь у писателя (исполнителя былин, сказок и т. п.) он становится материалом для создания художественного произведения. Краски, например, тоже используются в разных целях: для окраски стен, для крашения одежды и т. п., но и для написания картин, — на основании общности материала, мы не говорим о разных «функциональных стилях» их применения. И окраска стен и крашение одежды производятся не без определенных правил, т. е. здесь также в определенном смысле обнаруживаются эстетические требования при их использовании, но только в произведениях живописи они вы-

ИН-Т

полняют эстетическую функцию в полном объеме, т. е. сами по себе служат созданию произведений искусства.

Когда в одном ряду с другими «функционально-речевыми стилями» ставят также «стиль художественной литературы», выступая даже «в защиту» этого «понятия» [Будагов 1976], исходят из оправданной противопоставленности языка и стиля художественных произведений другим разновидностям текстов (эстетическая функция применяемых в них языковых средств, особая их организация, назначение самих произведений). Но при том, что все художественные произведения характеризуются, безусловно, общими признаками, прежде всего — (предполагаемой в них) художественностью, а соответственно и особой организацией словесного материала, они не представляют именно в отношении организации словесного материала такого единства, которое в языковом плане было бы соотносительно с официально-деловой или научной речью. При всем жанровом разнообразии текстов, относимых к официально-деловому или же научному стилям речи, в них, действительно, можно обнаружить черты, позволяющие видеть в них проявления определенного стиля речи. Тексты не всегда воплощают «стиль», так сказать, в чистом виде или полностью, но, несомненно, носители литературного языка обладают представлением об особенностях соответствующих типов речи — пусть в виде некоего абстрактного образца, которому они в той или иной мере должны следовать или от которого сознательно отказываются. Оценки вроде «Он всегда говорит казенным языком», «Он объясняется слишком по-научному», или «Что ты здесь митингуешь по всяким пустякам» или признания вроде «Мне было легче написать стихотворение, чем составить деловую бумагу» и т. п. — также косвенное свидетельство реальности для говорящих стилевой закрепленности языковых средств в соответствии с назначением речи.

Каждый из функционально-речевых стилей, объединяемый понятием «специальная речь», ориентирован на письменную форму выражения. То, что, положим, научный доклад или научная дискуссия (в том числе и не подготовленные заранее выступления по обсуждаемым вопросам) представлены в устной форме, не противоречит этому, так как говорящие обычно следуют в таких случаях (или стремятся следовать) тем формам речи, в которых научная информация закрепляется на письме. В этом также существенное отличие художественной речи от функциональных стилей.

Во-первых, словесные художественные произведения существуют и в письменной, и в устной формах (художественная литература в буквальном смысле слова и устное народное творчество, которое в настоящее время сохраняется, правда, главным образом в записях, что, однако, никак не отменяет его исконной «устности»). Литературно-художественные произведения могут быть непосредственно ориентированы и на устные образцы (подражания народным песням, сказкам и т. д.).

Во-вторых, художественные тексты настолько разнородны

именно в языковом отношении, что крайне трудно утвердиться в мысли об их стилевом единстве. Драма строится на «разговорах», тем самым (если иметь в виду современную прозаическую драму на русском языке, т. е. отрешиться от не очень характерных для современной драматургии стихотворных драм) воспроизводит основные черты устной речи и в общем-то предназначена для «проигрывания», т. е. как бы «вторичного озвучивания». Язык прозаических произведений настолько разнороден и в стилевом, и в стилистическом отношении, что недаром говорят о «многоголосии», «полифонии» тех или иных текстов.

Речь персонажей и авторское повествование во многих произведениях настолько стилистически отличаются друг от друга, что, если их брать вне контекста художественного целого, их было бы можно назвать также отдельными «речевыми стилями», не говоря уже о том, что в художественном тексте могут присутствовать и элементы всех функциональных стилей, естественно, выполняющих там иную функцию, чем в соответствующих стилях [6].

Художественная проза и поэзия, пожалуй, не меньше различаются своим языковым строем, чем разные функционально-речевые стили: в них принципиально различна интонационно-ритмическая структура, звуковая организация (ср. хотя бы роль звуковых повторов в стихах — то подчеркнуто резких, как, например, в таких строчках Маяковского: *Я недаром вздрогнул. Не загробный вздор. В порт, горящий, как расплавленное лето. . .*, то как бы едва заметных, как в таких строчках Анненского: *Среди миров в мерцании светил Одной звезды я повторяю имя. . . Не потому, чтоб я Ее любил, Но потому, что я томлюсь с другими*), совершенно иное, чем в прозе осмысление грамматических форм лица в стихах. Тогда как *я* прозы обычно связывается с рассказчиком, то сближаемым с «образом автора», то как бы даже противостоящим ему, 2 лицо — это читатель (будь то прямые обращения вроде «любезный читатель» или обращения в форме призыва к «совместному действию» вроде «теперь посмотрим, чем занят в это время наш герой» и т. п.), в лирической поэзии *я* и *ты* часто настолько условны, что мы вынуждены трактовать различные *я* как «образ лирического героя», а *ты* (формально: адресат) даже не поддается какому-либо обобщенному определению. Это может быть и кто-то неведомый нам, но представленный как реальное лицо (*Была ты всех ярче, верней и прелестней*, *Не кляни же меня, не*

---

[6] На это именно и ссылаются те исследователи, которые, наряду с другими функциональными стилями, выделяют стиль художественной литературы. Совершенно верно, что эстетическая функция объединяет произведения художественной литературы (она присуща и фольклору, но имеет ли смысл выделить — в рамках стиля художественной литературы? или отдельно — стиль фольклора, объединив, скажем, сказки и былины), в языке многих из которых исследователи отмечают как диалектные, так и «наддиалектные» черты. Решающая роль коммуникативной функции проявляется и в научной, и в официально-деловой письменности, а также и во многих ситуациях в обиходно-разговорной речи, но это не служит основанием для их объединения в один «стиль».

кляни. . .), и приобретать внелично-отвлеченное или обобщенное значение (*Если жизнь тебя обманет, не печалься, не сердись* Ср., например, многочисленные прямые обращения в стихотворениях Пушкина: Простите, *верные дубравы*!; Приветствую тебя, *пустынный уголок. . .*; Кто, *волны*, вас остановил. . .; Прощай, *свободная стихия*! (К морю); *Фонтан любви, фонтан живой*!; Принес я в дар тебе две розы (Фонтану Бахчисарайского дворца); Прощай, *письмо любви*! прощай, она велела (Сожженное письмо); Храни меня, *мой талисман. . .*; Ох, *лето красное*! Любил бы я тебя. . (Осень); *Последняя туча рассеянной бури*! Одна ты несешься по ясной лазури. . . и т. п.

Умножать примеры таких обращений в поэзии можно было бы бесконечно.

Таким образом, 2 лицо лирического стихотворения приобретает условный характер (как в целом и первое лицо — образ лирического героя), при этом как бы игнорируется реальный адресат, т. е. предполагаемый читатель. Всякий речевой акт предполагает кого-то, к кому он обращен [7], — ясно, что «обращения» к морю, дубравам и т. п. — это форма «лирического самовыражения», направленного к реальному 2 лицу, т. е. читателю.

В поэзии в концентрированном виде осуществляется то усложнение и перераспределение «речевых ролей», которое характеризует художественное произведение вообще. Вот пример иного соотношения «лиц» (столь же условного) в стихотворении Блока «Поэты»:

За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты, — и каждый встречал
Другого надменной улыбкой.

Напрасно и день светозарный вставал
Над этим печальным болотом:
Его обитатель свой день посвящал
Вину и усердным работам.

После дальнейшего язвительно-сатирического изображения «жизни поэтов» следует обращение к читателю:

Так жили поэты. Читатель и друг!
Ты думаешь, может быть, — хуже
Твоих ежедневных бессильных потуг,
Твоей обывательской лужи?

---

[7] Можно было бы возразить, что разного рода дневниковые записи (тем более — деловые заметки) нередко не предназначаются для «посторонних глаз». Но тогда они обращены «к себе в будущем», точно так же, как и «разговор с самим собой», поскольку сам воспринимающий свою же речь и становится своеобразным адресатом. Но сожженные дневники нам недоступны, хотя и об их стиле можно судить по сохранившимся образцам, а обращения «к самому себе» (когда это не в полном смысле слова «внутренняя речь») воспроизводят тот или иной социально обусловленный тип речи.

Нет, милый читатель, мой критик слепой!
По крайности есть у поэта
И косы, и тучки, и век золотой,
Тебе ж недоступно все это!. .

И завершает стихотворение после строфы, начинающейся со строчки «Ты будешь доволен собой и женой», такое «переключение на 1-е лицо»:

Пускай я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, —
Я верю, то Бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!

«Неожиданная развязка», на которой строится ряд прозаических произведений (например, многие рассказы раннего Чехова, многие рассказы Зощенко и др.), которая является решающим моментом в построении произведений О. Генри, связана, как правило, с сюжетным поворотом (в устном разговоре о каких-либо событиях собеседник иногда также «приберегает» самое интересное, определяющее некий «поворот» в освещении обсуждаемых событий, к концу своего рассказа о них; на неожиданном сдвиге построена и большая часть анекдотов и т. п.). В поэзии, где экспрессивная функция языка наиболее явно слита с его эстетической функцией, — неожиданность «развязки» определяется прежде всего интонационно-смысловым сдвигом, как бы переключающим экспрессивную направленность речи в другой регистр, т. е. требующим полного переосмысления ее эмоционального строя. Ср. в стихотворении М. Цветаевой «Попытка ревности»:

Как живется вам с другою —
Проще ведь? — Удар весла! —
Линией береговою
Скоро ль память отошла
Обо мне, плавучем острове. . .,

где после очень нелестных оценок этой «другой» и самого «адресата», противопоставленных энергичному самоутверждению: Как живется вам с простою Женщиною? Без божеств? Государыню с престола Свергши (с оного сошед). . . С пошлиной бессмертной пошлости Как справляетесь, бедняк? и т. д., — следуют завершающие напряженное стихотворение строфы:

Рыночною новизною
Сыты ли? К волшбам остыв,
Как живется вам с земною
Женщиною, без шестых
Чувств?
Ну, за голову: счастливы?
Нет? В провале без глубин —
Как живется, милый? Тяжче ли,
Так же ли, как мне с другим?

Такие экспрессивные повороты характерны для поэзии Цветаевой, но их можно обнаружить и в произведениях других поэтов. Например, одно из стихотворений «из античного мира» полузабытого сейчас Л. Мея («Фринэ») начинается так:

— Ты, чужеземец, ревнуешь меня к Праксителю напрасно:
Верь мне, мой милый, что в нем я художника только любила, —
Он потому мне казался хорош, что искусство прекрасно,
Он для другой изменил мне — и я про него позабыла. . .
Впрочем, кого не смутили бы льстивые речи: «Гнатена,
Нет, не Киприду, — тебя породила жемчужная пена!
Будь образцом для статуи богини, бессмертия ради:
Имя твое и твоя красота не погибнут в Элладе!»

Затем Гнатена в семи следующих таких же строфах рассказывает чужеземцу о появлении в Коринфе гетеры Фринэ, прельстившей многих, в том числе и Праксителя, и завершается стихотворение такой строфой:

Что же сказать мне еще? Изваянье богини Киферы
Кончил давно Пракситель, и давно повторяет Эллада
Имя ваятеля с именем мне ненавистной гетеры;
Но — да хранят меня боги! — теперь я спокойна, я рада. . .
Рада свободе. . .
Взгляни: потемнели высокие горы. . .
Тихо, в венцах многозвездных, проносятся вечные Оры. . .
Ночь и природе, и людям заветное слово шепнула:
«Спите!»
. . .О, если бы ревность. . . твоя, чужеземец, заснула.

Неодинаковая роль в прозе и поэзии многих тропов, «столкновения» омонимов, так называемой зевгмы, паронимической аттракции и т. д. освещена во многих исследованиях, поэтому здесь нет необходимости останавливаться на этом подробнее. Стоит только еще раз подчеркнуть, что все это именно языковые особенности соответствующих видов художественной речи.

Все сказанное никак не означает, что художественная речь (язык художественной литературы) в целом не может быть противопоставлена каким-либо другим типам речи или что не могут анализироваться ее особенности во всей их совокупности и во всем разнообразии проявлений. Эстетическая функция объединяет все виды словесно-художественных произведений, определяя их общность и противопоставленность другим речевым произведениям. Следует повторить: нами разделяется точка зрения, согласно которой эстетическая функция присуща языку вообще, поэтому она, естественно, не полностью отсутствует в других сферах его применения, но в художественных произведениях она играет решающую роль, неизменно проявляется в них, в то время как в других типах речи, говоря словами Р. А. Будагова, «подобная функция не обязательна либо имеет совсем другое назначение» [Будагов, 1976].

Наиболее полное воплощение в художественных произведениях эстетической функции, отграничивающее художественную речь от других разновидностей речи, никем не отрицается. В работах представителей Пражской лингвистической школы, которыми обосновывалось понимание языка как сложной системы, имеющей социальный и функциональный характер и состоящей из относительно автономных функциональных подсистем, эстетическая (иначе — поэтическая) функция языка противопоставлялась другим функциям, подчеркивалось отличие практического языка от поэтического языка, не являющегося «преимущественно коммуникативным» [8]. Признание существенных особенностей художественной речи, признание того, что язык в художественных произведениях приобретает особую функциональную направленность, никак не зависит от того, присвоим ли мы этой речи в целом название «стиля» или нет, — это зависит только от того, какое значение мы присвоим — терминологическому обозначению функционально-речевой стиль. Следует отметить также, что такие области художественного применения языка, как проза и поэзия, различаются не только интонационно-синтаксической организацией, но и неодинаковой ролью лексических средств. Для поэзии в целом не характерен такой существенный для прозы компонент, как «речевая характеристика» персонажей, чем обусловлен значительно больший лексический диапазон последней.

Всякое языковое общение предполагает: отправителя сообщения (1-е лицо), тему и цель сообщения, адресата (2-е лицо). В художественной речи все эти компоненты предстают в разнообразно осложненном и преображенном виде. «Лингвистическое моделирование речевого акта, — пишет Г. В. Степанов, — опираясь на факты, добытые при разработке теории значения и теории референции, дало толчок к превращению в рамках литературной коммуникации «говорящего» в «образ автора» с определенной коммуникативной установкой», а «слушающего» в «образ адресата» (поэтика восприятия)». Можно добавить, что сам «образ автора», воплощенный в интонационно-семантической и композиционной структуре художественного произведения, разнообразно сочетается с «образами» рассказчика, повествователя от первого лица, «лирического героя», а «образ адресата» может выступать сквозь призму всякого рода условных обращений, введения «мнимого» 2-го лица и т. д.

Если рассматривать художественную речь в целом, то можно с уверенностью утверждать, что именно в ней реализуется все многообразие как лексических, так и грамматических ресурсов языка, — ограничения накладываются только характером самого

---

[8] Подробнее о взглядах представителей Пражского лингвистического кружка на функции языка и «функциональную стратификацию языка», а также о влиянии на их концепцию поэтического языка работ «русских формалистов» — см. у Булыгиной [Булыгина 1964].

текста, осуществляемым в нем идейно-художественным замыслом (и литературной традицией).

В этом плане различные типы речи могут быть схематически представлены в виде такого ряда, построенного в соответствии со степенью их лексико-грамматической раскрепощенности:

художественная речь:
проза,
поэзия;
разговорная речь:
устная речь,
письменно воспроизведенная;
специальная речь:
публицистический стиль,
научный стиль,
газетно-информационный стиль,
официально-деловой стиль.

Хорошо известно, что каждому из указанных типов речи присущи и свои особенности (на них главным образом и обращалось внимание при их описании и сопоставлении отдельных из них). Всеми исследователями «функционально-стилистической дифференциации языка», независимо от того, что называлось ими «функциональным стилем», отмечалось также, что, во-первых, между устанавливаемыми типами речи нет непроницаемых границ, и во-вторых, в реальном применении языка обнаруживается целый ряд своего рода «промежуточных» типов речи (научно-популярная литература, устное выступление в официальной обстановке, доклад на политические темы и т. д.). Ср. в газетном очерке:

Нет, не какая-нибудь контора с колченогими столами скрывалась за скромной вывеской на фасаде, а солидное всесоюзное объединение.

И ясно, что первого встречного не посадишь в кресло руководителя подобной организации, на улице такие руководители не валяются: попробуй справься с эдакой махиной!

(Руководитель) не был «первым встречным», судьба, как говорится, распорядилась так, что масштабу объединения соответствовал масштаб личности его руководителя: молодого, энергичного, заслужившего этот пост, как никто из его коллег.

В 25 лет. . . уже был капитаном крупного траулера, в 26 лет — возглавлял Мурманское управление тралового флота, почести, награды. Когда в 1977 году его назначили начальником «Азчеррыбы», за его спиной уже был громадный опыт практической работы, кандидатская диссертация и авторитет руководителя нового типа: спокойного, жесткого, умеющего взять на себя любую ответственность, требующего от подчиненных не болтовни, а дела, и точно так же требовательно относившегося к самому себе. . . И дальше: Сейчас я моделирую ситуацию. . . Модель моя основывается все на тех же эпизодах уголовного дела и т. д.

Тот тип речи, который выделяется как «публицистический

стиль» (А. К. Панфилов), или «газетно-публицистический стиль» (Г. Я. Солганик), отграничивается от других своей вполне определенной функциональной направленностью, но достаточно свободно, как в устной, так и в письменной форме, совмещает элементы, свойственные и деловой, и художественной, и разговорной речи.

Выше говорилось о том, что «специальная речь» ориентирована, будучи представлена и в устной форме, на речь письменную («книжную»). К публицистике это применимо не полностью. В зависимости от темы выбор языковых средств в публицистическом произведении претерпевает значительные изменения, кроме того, «ораторская речь», несомненно, оказавшая влияние на формирование публицистического стиля и смыкающаяся с ним, предполагает устное исполнение, что само по себе говорит о существенной неоднородности публицистического стиля в целом [9].

Само назначение языка быть основным средством общения между людьми, средством, применяемым в разнообразных ситуациях и способным передать разнообразную информацию, обусловливает формирование разных способов «выражения смысла», наиболее соответствующих назначению того или иного высказывания. Непосредственный контакт между участниками непринужденного устного разговора на неспециальные темы, когда не требуется законченности высказываний, поскольку вербальная незаконченность восполняется одинаковым знанием ситуации, когда возможны переспросы и т. д. [Земская 1973], обусловливает особенности той формы общения, которая получила наименование разговорной, или обиходно-разговорной речи. В то же время не последнюю роль не только для содержания, но и в выборе собственно языковых средств здесь играет то, в каких отношениях друг с другом находятся конкретные лица, вступающие в общение.

Принципиально иное соотношение лиц (отправитель сообщения — адресат) определяет особенности официально-деловой и научной речи. Тогда как в разговорной речи коммуникативная функция языка может то сопровождаться экспрессивной функцией, то вообще как бы уступать место последней (выражение гнева, восторга и т. п.), в официально-деловом стиле как таковом язык выступает только в своей коммуникативной функции, при этом для адресата, как правило, решающее значение имеет не «лич-

---

[9] Применение обозначения «разговорная речь» ко всем видам устных высказываний (О. А. Лаптева) не может вызвать принципиальных возражений, но представляется неудобным при описании языковых особенностей функциональных типов речи, сохраняющих существенные черты и в письменном, и в устном исполнении, кроме того — противоречащим уже более или менее устойчивой традиции употребления термина. Ср.: «Если в письменной речи обязательно присутствует момент «избираемости» формы выражения, то в разговорной речи этого момента нет. Это — определяющее разграничение между письменной и разговорной речью. Отсюда следует, что далеко не все написанное относится к речи письменной, так же как и далеко не все устное, произносимое (и даже воплощающееся в разговоре) относится к речи разговорной» [Шведова 1960].

ность» 1 лица, но его официальный статус и соответственно — содержание сообщаемого, предопределяющие и его адресованность, причем адресат (2 лицо) выступает в той или иной социальной роли (начальник, судья, сотрудник учреждения, гражданин государства, пассажир, квартиросъемщик и т. д.; ср. соотношение сторон в официальных дипломатических документах). Научная речь как таковая также отрешена от личности 1 лица, — это не значит, разумеется, что научное сообщение всегда предстает обезличенным: мы часто можем отметить индивидуальный стиль пишущего, но если нас интересует тема научного произведения, мы обращаем внимание главным образом не на его «стиль», но на содержание; «образ» автора, если мы незнакомы с ним, складывается лишь в связи со значимостью приводимых фактов, обоснованностью их интерпретации, обоснованностью выводов и т. д. Для читающего научно-популярную литературу неспециалиста больше может значить не имя незнакомого ему автора, но его «научный статус». В газетно-информационном стиле [10] «1 лицо» вообще скрыто, — даже если та или иная информация исходит от «собств. корреспондента» (пусть даже в некоторых случаях с указанием фамилии) или со ссылкой на тот или иной источник. Адресатом является любое лицо, читающее газету (постоянно или от случая к случаю), но, как бы то ни было, эта информация рассчитана на самый широкий круг читателей, теоретически определяемый тиражом газеты. В отличие от собственно публицистических выступлений, также широко представленных в газете (как и многие другие жанры, восходящие ко всем выделенным разновидностям языка) [11], газетно-информационный стиль подчинен строгим требованиям сжатого изложения актуальных сведений о происходящих событиях, причем экспрессивно-оценочные элементы только оттеняют здесь основные задачи собственно коммуникативной функции языка. Набор экспрессивно-оценочных средств достаточно устойчив, поэтому проявление экспрессивной функции сведено здесь к определенному стандарту, экспрессивные элементы языка тем самым становятся принадлежностью данного стиля как такового. Это определенные слова-сигналы (вроде *военщина*, *вояж*, *поджигатель*, *сговор*, *ястребы*, *раздувать*, *судилище*, *сборище* и т. п.), кавычки, указывающие на определенную оценку заключаемых в них слов, а также характерные заголовки, сразу ориентирующие читателя на характер предлагаемой информации

---

[10] Термин «газетно-информационный стиль» не вполне удачен, как и термин «газетно-публицистический». Поскольку любое высказывание содержит какую-либо информацию (хотя бы косвенную, характеризующую самого говорящего), а в газете представлены самые различные речевые произведения — от стихотворений до «писем в редакцию», непосредственно воспроизводящих особенности разговорной речи (например: Потом третий выговор и — увольнение. Я давай судиться. — Лит. газ. 6 апр. 1983), необходимо отметить его условность, как впрочем, и многих других терминов.

[11] Подробный анализ всего разнообразия языка газеты представлен в книге В. Г. Костомарова [Костомаров 1971].

(ср.: «Предпраздничная вахта», «Навстречу выборам», «Вызвало интерес» и т. п. и «По законам джунглей», «Против гонки вооружений», «Необоснованные притязания», «Произвол властей», «Окрик из-за океана», «Опасные связи», «В плену прежних предрассудков», «Под маской миролюбия» и т. п.). Из синтаксических особенностей прежде всего обращает на себя внимание широкое распространение в заголовках деепричастных оборотов и неопределенно-личных конструкций, вроде: «Уверенно лидируют» (о спортивных состязаниях), «Получают новую прописку» (о переселении животных), «Обязательства выполнили», «Гарантируют надежность», «Берут повышенные обязательства», а также: «Вооружают наемников», «Заметают следы», «Мечтают о реванше», «Усиливают нажим на союзников», «Не смогли договориться», «Снова маневрируют», «Пытаются скрыть правду» и т. п.

Многие черты, свойственные газетно-информационному стилю, обнаруживаются и в публицистическом стиле (что, по-видимому, и является причиной их неразграничения при выделении «функционально-речевых стилей» во многих работах). Однако их назначение по существу различно. В то время как назначение первого — это прежде всего сообщить об актуальных событиях (оценка событий при этом, как только что говорилось, сводится к немногим языковым показателям), в публицистике на первый план выступают именно оценочные моменты, ее назначение и заключается в оценке происходящего, в обсуждении актуальных вопросов и убеждении читателя или слушателя в правильности даваемой оценки. Таким образом, коммуникативная функция языка здесь неразрывно связана с экспрессивной функцией, своеобразие проявления которой при этом заключается в ее направленности на формирование «общественного мнения». Соотношение участников при этом опять-таки определяется не личностью 1 лица как таковой (здесь опять-таки оно может быть представлено обобщенно), но его авторитетностью, характером контакта, устанавливаемого со 2 лицом (адресатом) [12].

Общение людей в различных сферах социальной жизни настолько многообразно, что, естественно, выделяемые типы речи могут наметить только приблизительные очертания функционально-стилистической дифференциации языковых средств при использовании языка в тех или иных ситуациях. Столь же условно и определение функций языка, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что разными исследователями выделяются различные языковые функции (и называются они также по-разному) [13].

Для того чтобы быть универсальным средством общения людей, призванным передать любую информацию, язык должен обладать обобщающей способностью, что соответствует выделяемой

---

[12] «При всей важности личности автора (с точки зрения контактообразующей и воздействующей функций публицистической речи) главным в публицистическом произведении являются постановка и освещение той или иной общественной проблемы» [Рогова 1975].

[13] Подробнее об этом [Шмелев 1977].

В. А. Аврориным конструктивной (формирование мыслей) и аккумулятивной (накопление общественного опыта и знаний) функциям, или когнитивной функции, отмечаемой Н. А. Слюсаревой. Несомненно, язык выполняет эти функции, — в сущности, без соответствующих свойств язык не мог бы выполнять и своей (основной) коммуникативной функции. В специальной речи эти свойства и определяют особый характер самой коммуникативной функции.

Выделяемая некоторыми исследователями, наряду с другими, контактная функция предопределяет особый характер разговорной речи. Нет необходимости подробно останавливаться на том, что именно контакт людей и обусловил развитие языка, как и развитие словесного художественного творчества. Однако само понятие контактной функции может трактоваться по-разному: или как тот компонент разговорной речи, который обеспечивает взаимопонимание говорящих при существенной неполноте словесных высказываний, или как функция установления и поддержания контакта при разговоре (фатическая функция, устанавливаемая Р. Якобсоном вслед за Б. Малиновским), или как функция, определяющая коммуникативное поведение людей при непосредственном общении.

Эстетическая функция языка и ее роль в художественной речи не требуют дальнейших разъяснений, но несомненно, что эта функция не только спорадически проявляется в «метаязыковых» (по В. Д. Девкину — «метакоммуникативных») реакциях говорящих (оценка способа выражения, а не самого содержания высказывания), но в своеобразном преломлении (в качестве, так сказать, «квазиэстетической» функции) предопределяет отбор и распределение языковых средств в соответствии с ситуацией и, в конечном счете, с требуемым данной ситуацией — типом речи.

Всему сказанному, конечно, никак не противоречит выделение устной речи вообще, т. е. отграничение всякой произносимой речи от речи письменной вообще, — разграничение и последовательное изучение и таких форм существования языка вполне оправдано и полезно. Неоправданным (и бесполезным) представляется только спор по поводу указанных терминов [подробнее см.: Шмелев 1977].

Разграничению функциональных разновидностей языка не может препятствовать реальное существование смешанных речевых жанров, ситуаций, когда смешение стилистически разнородных элементов почти неизбежно. Например, речь различных участников судебного разбирательства вряд ли способна представить какое-либо стилистическое единство, но также вряд ли было бы правомерно отнести соответствующие фразы целиком к разговорной или целиком к официально-деловой речи. Жанр критической статьи предполагает совмещение научного и публицистического стиля, допускает черты «разговорности» и т. д. Конечно, нельзя понимать тип речи или стиль речи как некую непосредственную данность, это — абстракции, но абстрак-

ции, основанные на том реальном факте, что в сознании говорящих присутствует представление о том, как надо сказать в той или иной ситуации, т. е. представление о норме «речевого поведения» в различных ситуациях. Само представление о смешении признаков разных типов речи только и может возникнуть, если есть представление о соответствующей норме.

Не кажется безупречной и точка зрения В. Г. Костомарова, отстаиваемая им в книге «Русский язык на газетной полосе», согласно которой «газетный язык» — это «весь язык», но «только» специфически прикрепленный, деформированный и видоизмененный особым принципом функционально-стилевой конструкции (с. 246). Как следует из наблюдений самого автора книги, можно говорить лишь о конструктивной и композиционной роли стилевых пластов, которые организуют «язык газеты» как нечто целое. Научный, официально-деловой и публицистический стили, сосуществующие в газете, не имитируются, подобно тому, как имитируются черты этих стилей в литературно-художественных произведениях, но именно воспроизводятся в соответствии с содержанием помещаемого на газетных страницах материала (причем, если информация о событиях обычно дается безо всякого включения в нее «автора» сообщения, то указанные тексты далеко не всегда безличны). Поэтому «язык газеты», если следовать более обычным представлениям о разновидностях языка (как бы они ни обозначались), не может быть представлен такой же разновидностью, как художественная речь, разговорная речь, специальная речь (письменные функционально-речевые стили).

Грамматические средства языка не «распределены» симметрично по типам речи или по функционально-речевым стилям. Мы можем выделить, например, отдельные синтаксические конструкции, сигнализирующие об определенном типе речи, — большая часть таких конструкций обнаруживается в разговорной речи, многие из них воспроизводятся и в художественной речи, а некоторые свободно выступают в научном изложении; тем более — в публицистическом стиле. Но было бы трудно объединить если не бóльшую, то хотя бы значительную часть грамматических средств в соответствии с их функционально-стилистической характеристикой. Кроме того, а это весьма существенно, на употребление конструкций как таковых накладываются лексические ограничения (соответственно тематические), диктуемые назначением высказывания. Так, например, в конструкциях типа: «если. . ., то . . .», не содержащих указания на какую-либо обусловленность объединяемых этим «дистантным союзом» предложений, а только служащим для противопоставления и сопоставления их содержания (ср. тогда как . . ., в то время как . . .), легко угадывается научный стиль речи. Но именно назначение высказывания устраняет значение условия и определяет значение сопоставления, — главную роль при этом играет (в плане выражения) лексика.

Показательно в этом плане различное назначение самостоятельного (грамматически) именительного, выступающего изолированно

или в постпозиционных и «вставных» конструкциях. Подобные синтаксические структуры, по-видимому, впервые были подробно рассмотрены А. А. Шахматовым в разделе [Шахматов 1941] «Односоставные бессказуемо-подлежащные предложения», при этом А. А. Шахматов разграничил прежде всего «именные номинативные предложения» и «количественно именные предложения», выделив среди первых восклицательные, описательные и вопросительные предложения. Примеры, иллюстрирующие эти виды односоставных предложений, взяты в основном из художественных произведений, — это высказывания персонажей, воспроизводящие особенности разговорной речи. В синтаксических исследованиях нашего времени было уделено внимание структурно-семантической характеристике данных конструкций, проведено (в разных исследованиях по-разному) разграничение назывных, номинативных, именных оценочных и т. д. предложений, выделены именительный темы, кратный именительный, вставной именительный, постпозитивный именительный и т. д.

В «Русской грамматике» 1980 г. о предложениях, «предикативную основу» которых образует существительное в форме именительного падежа («так называемых номинативных») сказано следующее: «Лексико-семантические ограничения отсутствуют; однако слова разных лексических значений входят в эти предложения при разных условиях. . . В конситуативно не обусловленной, относительно независимой позиции, в нераспространенном виде такие предложения ограничены словами, называющими состояние внешней среды, периода времени, стихийного явления, события. . .» И дальше: «Номинативные предложения — один из самых употребительных типов предложений. Этому содействуют их лаконичность, лексическое разнообразие их наполнения (и связанная с этим широта их семантической структуры), практически неограниченные возможности распространения, а также отсутствие стилистических ограничений: разные семантические типы таких предложений в разных условиях употребительны во всех сферах литературного языка» [Русская грамматика 1980]. Дальше выделены различные виды «не лично-субъектных» и «лично-субъектных» предложений, дана подробная их характеристика. Здесь можно не останавливаться на вопросе о том, правомерно ли объединение таких предложений, как *Тишина* и *Кругом тишина*, или *Гости* и *У нас гости* и т. п. Думается, что и структурная и семантическая природа этих предложений различна [14]. Однако для нас

---

[14] По-видимому, предложения, вроде *Кругом тишина* и *У нас гости. У нее грипп* и под. вообще нет оснований безоговорочно относить к «назывным предложениям». Если также учитывать, что для определения синтаксического значения предложения с определенным кругом других предложений (в ряде случаев на такое соотношение указывается и в «Грамматике» при семантической характеристике предложения), то придется признать, что предложения, объединяемые в «Грамматике» в соответствии с их семантикой («о бытийном, никому не принадлежащем состоянии», «о ситуации или событии в полном отвлечении от их носителя или производителя»,

сейчас более существенно, что сферы употребления разных видов назывных предложений не совпадают. Например, тогда как номинативы с оценочным значением (*Блеск! Молодец! Глупости!*), предостережения (*Лужа!*), номинативы, указывающие на что-либо (*Вот мельница*) и т. п. — принадлежность разговорной речи, но не научной или официально-деловой (поскольку не считаются предложениями вывески, этикетки и т. п.), сочетание предложений типа: *Ночь. Улица. Фонарь. Аптека. Бессмысленный и тусклый свет* — характерны именно для художественно оформленной речи. Ср. у Ахматовой:

Вечерние часы перед столом.
Неотразимо белая страница.
Пустых небес прозрачное стекло
Большой тюрьмы белесое строенье
И хода крестного торжественное пенье
Над Волховом, синеющим светло.

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанья столицы во мгле.

У Мартынова:

Ночь. Чужой вокзал.
И настоящая грусть.
. . . Реки, рощи, равнины, печаль побережий.
Похолоданье.
Вихри пыльные.

У Пастернака:

Илистых плавней желтый янтарь,
Блеск чернозема.
Жители чинят снасть, инвентарь,
Лодки, паромы.

Ряд прозаических произведений свободно включает аналогичные конструкции. Например, Чехов многие из своих рассказов начинает так: *Шестой час вечера*. Один из достаточно известных русских ученых — будем называть его просто ученым — сидит у себя в кабинете и нервно кусает ногти (Иван Матвеич); *Ясный зимний полдень*. Мороз крепок, трещит. . . (Шуточка); *Три часа ночи*. В окна мои смотрится тихая апрельская ночь и ласково мигает мне своими звездами (Любовь); *Девятый час утра*. Навстречу солнцу ползет темная свинцовая громада (День за городом); *Седьмой час июльского вечера* (Лишние люди); *Седьмой час*

«о существовании предмета» и т. д.), далеко не однородны. Ср.: *Дождь* и *Холодная моросящая жижа*: *ни дождь, ни снег*; ср. также: *Война*; *Все было бы по-другому, если бы не война*; *Какой уж тут уют*: *война ведь* и т. п.

утра (Ты и вы); *Пасмурный дождливый день.* Небо надолго заволокло тучами, и дождю конца не предвидится (Розовый чулок); *Первый час ночи* (Необыкновенный); *Утро.* Сквозь льдяные кружева, покрывающие оконные стекла, пробивается в детскую яркий солнечный свет (Событие) и т. п. Примеры таких кратких вводящих в повествование указаний на время, обстановку и т. д., выраженных при помощи номинативных конструкций, нетрудно было бы значительно увеличить. Здесь уместно ограничиться лишь указанием на то, что в поэзии при помощи таких конструкций может быть не только представлено, так сказать, статическое введение в обстановку и т. д. описываемых дальше событий, как в приведенных примерах, но и дано развернутое динамическое изображение. «Хрестоматийным» образцом является стихотворение Фета «Шепот, робкое дыханье. . .»

Выше был отмечен «разговорный характер подобных конструкций (ср. также: — *Как поездка*? — *Ничего. Тряска в автобусе. Болтливая экскурсоводка. Доехали*: *туман*, *толпа в музее*, *в общем — интересные памятники*; или: — *Почему так поздно? Собрание же*: *выступления*, *потом самодеятельность* и т. п.), — приведенные примеры иллюстрируют, однако, их особое назначение в художественных текстах, не призванных воспроизвести особенности собственно разговорной речи.

Существенным отличием художественно организованной речи от всех разновидностей устной разговорной речи, в которой преимущественно проявляются (как в лексике, так и в грамматике) экспрессивные возможности языка, является также то, что в художественном произведении происходит целенаправленное перераспределение экспрессивных и характерологических речевых показателей. Так же, как экспрессивные средства могут приобретать в художественном контексте характерологическую значимость, так и сама характерологичность речи (обычно проявляющаяся независимо от воли говорящего) становится в ряде случаев дополнительным средством создания определенной экспрессии.

СУПЕРСЕГМЕНТНАЯ ФОНЕТИКА

СУПЕРСЕГМЕНТНАЯ ФОНЕТИКА В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Функциональные разновидности речи противопоставлены друг другу на всех уровнях языка, в том числе и на фонетическом. И хотя различия как в области звуков, так и в области ритмики и интонации проявляются только в звучащем тексте, информация о них содержится почти в каждом письменном тексте. В основе функционально-стилистического подхода к рассмотрению этого вопроса лежит мысль о том, что ритмико-интонационные, или суперсегментные, особенности текста, заложенные в его письменном варианте, при озвучании воспроизводятся в точном соответствии с его жанрово-стилистической принадлежностью. Это объясняется тем, что звучащая форма текста есть отражение его лексических, грамматических, синтаксических и стилистических свойств, т. е. всего того, что определяет его функционально-стилистическое своеобразие. Поэтому звучащая форма текста также становится предметом изучения функциональной стилистики, и конечная цель такого исследования заключается не в выявлении индивидуальных особенностей произносящего или читающего текст, а в определении языковых фонетических примет стиля и жанра.

Материалом данного исследования служат звучащие тексты функциональных разновидностей языка. Среди них — как тексты сугубо устного характера, так и письменные, озвучивание которых произведено дикторами, журналистами, учеными, общественными деятелями, актерами.

Для выявления общестилевых ритмико-интонационных особенностей типов речи прежде всего необходимо решить вопрос о стилистических возможностях средств суперсегментной фонетики, вопрос, еще не нашедший в науке своего достаточно полного решения. Вопросу функционирования единиц суперсегментного уровня в различных сферах посвящены работы таких различных исследователей звучащей речи, как Е. А. Брызгунова, Л. В. Златоустова, Т. М. Николаева, И. Г. Торсуева, Н. Д. Светозарова, Н. В. Черемисина и др. К средствам суперсегментной фонетики относятся ударение, интонация, понимаемая как движение тона, и различные пограничные сигналы (между словами, синтагмами, предложениями и сверхфазовыми единствами). Эти средства проявляют себя в различных суперсегментных единицах,

т. е. единицах членения речевого потока, от слога до сверхфразового единства. Под суперсегментной характеристикой понимается конкретное проявление того или другого суперсегментного средства в пределах определенной суперсегментной единицы. Таким образом, ритмико-интонационную структуру текста формируют суперсегментные средства, проявляющиеся в пределах определенных суперсегментных единиц: интонация синтагмы, границы между синтагмами и логическое ударение. В текстах эти средства выступают в виде определенных суперсегментных характеристик, которые дополняются еще и темповой характеристикой текста. Суперсегментные характеристики конкретного текста имеют частное выражение, однако их общие черты могут служить основанием и для общих характеристик. Чтобы решить вопрос о стилистическом варьировании этих характеристик, необходимо определить стилистические возможности суперсегментных средств.

В соответствии с этим рассмотрим стилистические возможности интонации, паузирования, темпа и логических ударений.

ИНТОНАЦИЯ

Стилистическая функция интонации вытекает из возможности интонационного варьирования одного и того же синтаксического значения. Отсюда необходимость более пристального внимания к рассмотрению ее синтаксической функции. Вопрос о взаимосвязи синтаксических и интонационных значений еще не изучен окончательно, поэтому здесь излагается одна из возможностей его решения.

Сущность ее состоит в следующем. Есть два интонационных типа, которые традиционно выделяются как фонологически противопоставленные. Один тип — интонация нисходящего тона, или нисходящая интонация, — передает значения законченности и независимости, другой тип — восходящая интонация — передает значения незаконченности и зависимости. Эти два интонационных типа служат для передачи синтаксических значений, которые сводятся в конечном счете к тем же двум смысловым оппозициям. Любое синтаксическое значение выражает идею зависимости/независимости [1] и законченности/незаконченности. Если в одной синтагме или односинтагменном предложении выражаются значения законченности и независимости по отношению к соседней синтагме, то нисходящий тип интонации точно способен передать оба эти значения. Использование восходящей интонации здесь недопустимо, так как оба ее значения противоречили бы синтаксическим. Следовательно, если два основных синтаксических значения точно соответствуют значениям одного или другого интонационного типа, то интонационные варианты (т. е. использование как восходящей, так и нисходящей интонации для оформления одной

[1] Имеется в виду значение подчиненности и отсутствие подчиненности.

синтагмы) невозможны. И наоборот, если синтаксические значения данной конструкции не соответствуют одному из типов интонации, то допускается вариативное использование, то есть возможно употребление как восходящего, так и нисходящего типа.

Например, безвариантная интонация может быть в синтагмах со значением утверждения, отрицания, побуждения, обращения. Синтаксические значения этих синтагм содержат значения законченности и независимости, передаваемые нисходящим тоном. Значение незаконченности и зависимости, объединенные восходящим типом интонации, создают условия безвариантности на границе придаточной и главной части в сложноподчиненном предложении или внутри простого предложения. Например, предложение: *На краю дороги / стоял дуб* состоит из двух синтагм, каждая из которых предполагает безвариантное интонирование (в первой — значение зависимости и незаконченности передается восходящим тоном, во второй — значение независимости и законченности передается нисходящим тоном). А в предложении *На краю дороги / стоял дуб, / вероятно, в десять раз старше берез, / составляющих лес* (*Л. Т.*) вторая синтагма выражает уже значения независимости и незаконченности, не передаваемые одним интонационным типом. Создается условие для вариативности: эта синтагма может быть произнесена как с восходящей, так и с нисходящей интонацией. Но в арсенале нисходящего и восходящего интонационного тона находится целый ряд разнообразных по интонационному контуру фигур, используемых для передачи той или иной синтаксической конструкции. Они реализуют в речи основное синтаксическое значение, конкретизируют его и сообщают ему добавочные значения.

В роли таких модификаций основного тона могут выступать получившие широкое распространение интонационные конструкции (ИК) Е. А. Брызгуновой. Так, в пределах нисходящего тона оказываются ИК-1, ИК-5, а в пределах восходящего — ИК-3, ИК-4, ИК-6. Особое место занимает ИК-2, которая в силу своей структурной обособленности (наличие динамического ударения, передающего характер выделенности) имеет в этой оппозиции нейтральное положение и может выступать в функции как восходящего, так и нисходящего тона.

Итак, если значения синтаксической конструкции совпадают со значениями восходящего или нисходящего типа, то интонационное выражение данной конструкции безвариантно. Однако отсутствие вариантов не исключает использование интонационных вариаций — тех интонационных конструкций, с помощью которых реализуется тот или другой тип интонации. Значит, в данных синтагмах идея независимости и законченности для выражения значения утверждения, отрицания, побуждения, обращения должна передаваться нисходящим типом интонации в его разновидностях: ИК-1, ИК-5, а также ИК-2.

Если же синтаксическая конструкция допускает интонационные варианты, т. е. когда ее значения не могут быть переданы од-

ным интонационным типом (например, законченность и зависимость или независимость и незаконченность, в бессоюзном или сложносочиненном предложении), выбор того или другого типа усилит одно из значений и ослабит другое. В этих случаях интонационные варианты передадут в предложении различные смыслы.

Выбор того или другого интонационного варианта обусловлен синтаксическими причинами: в самой синтаксической конструкции предусмотрена либо однозначность интонационного оформления, либо возможность варьирования.

Кроме того, в самой же конструкции заложен явный или скрытый характер синтаксических значений законченности и зависимости — отсюда исходит ограничение или, наоборот, свобода в выборе интонационного варианта, отсюда и право читающего средствами интонации подчеркнуть тот или другой смысл.

В известном примере А. М. Пешковского показана градация отношений зависимости, создаваемая сочинительным и подчинительным союзом, а также местом зависимой части по отношению к главной.

— *Я не пошел в школу, и у меня болит голова* (между сочиненными предложениями — отношения независимости, и первое предложение имеет слабо выраженное значение незаконченности; такая несогласованность синтаксических значений со значениями основного тона приводит к возможности варьирования интонации: граница синтагматического членения может быть образована с помощью как нисходящей, так и восходящей интонации).

— *Я не пошел в школу, потому что у меня болит голова* (подчинительный союз изменил отношения между простыми предложениями, сделав их зависимыми, но при этом у первого предложения сохранилось выраженное значение незаконченности — конструкция безвариантная для интонации, но из-за слабой выраженности значения законченности/незаконченности в интонировании наряду с восходящей интонацией сохраняется слабая возможность употребить и нисходящую).

— *Потому что у меня болит голова, я не пошел в школу* (позиция безвариантная, так как между предложениями четко выражены отношения зависимости и незаконченности, совпадающие со значениями восходящей интонации).

Итак, интонационная передача основных синтаксических значений в речи осуществляется с помощью определенного набора ИК для восходящего и нисходящего типа; при вариативном характере интонации теоретически могут употребляться все интонационные конструкции. И во всех этих случаях интонация будет использована в своем прямом значении. Однако при этом далеко не все синтаксические конструкции будут стилистически нейтральны. Так, например, для выражения утверждения нейтральной конструкцией является только ИК-1, все остальные конструкции несут добавочные оттенки значения — стилистические или экспрессивно-эмоциональные: ИК-2 передает логическое ударение,

ИК-5 — эмоциональную приподнятость, ИК-7 — разговорность. Примером может служить односинтагменное повествовательное предложение

(*Это было давно*[1 2 5 7]),

в котором экспрессивно-эмоциональный характер ИК обусловливает их стилистическую закрепленность; так создается в интонации взаимозависимость стилистических и экспрессивных значений.

Стилистическая функция интонации определяется, таким образом, через выявление для каждой синтаксической конструкции стилистически или экспрессивно окрашенных ИК на фоне стилистически нейтральных. Например, в повествовательном предложении для выражения значения утверждения и отрицания поразному распределяются нейтральные и ненейтральные ИК.

Если для выражения значения утверждения ИК-1 и ИК-2 соотносятся как нейтральная и экспрессивная конструкции, то для выражения отрицания — обе конструкции являются нейтральными, причем более распространенной интонацией является уже ИК-2. Ср. ответы реплики:

— Да.[1] — Нет;[2] — Может быть.[1] — Не может быть.[2]

Так меняется соотношение между нейтральными и окрашенными (ненейтральными) ИК в зависимости от конкретных синтаксических условий.

Иногда в одних и тех же синтаксических условиях происходит перераспределение нейтральных и окрашенных ИК. Например, для выражения значения незаконченности внутри простого предложения при подчинительной связи между его членами употребляются, как известно, ИК-3, ИК-4, ИК-6 и ИК-2. Из них стилистически и экспрессивно окрашенными являются ИК-4, вносящая признак официальности, и ИК-2, придающая высказыванию экспрессивность благодаря логическому подчеркиванию. В роли нейтральных конструкций выступают здесь ИК-3 и ИК-6. Однако при одновременном использовании этих конструкций в тексте ИК-3 утрачивает характер нейтральности и обозначает разговорность. Например, если в текстах официально-делового стиля, в неконечных синтагмах встречаются ИК-3 и ИК-4, то текст окрашивается признаком официально-делового стиля благодаря присутствию ИК-4 на фоне нейтральной ИК-3 (такой же характер звучания приобретает текст, в котором синтаксическое значение выражено сочетанием ИК-6 и ИК-4). Но при одновременном использовании ИК-3, ИК-4, ИК-6 выступает стилеобразующее свойство ИК-4 (официальность) и ИК-3 (разговорность) на фоне нейтральной ИК-6 — создается смешение стилей. Поэтому при анализе стилеобразующей роли интонации в том или другом тексте следует учитывать эту стилистическую изменчивость ИК-3 и не принимать за смешение стилей сочетание ИК-3 и ИК-4 при отсутствии ИК-6 в текстах официально-делового стиля.

Кроме синтаксических причин возникновения вариативности интонации есть еще чисто стилистические причины. Речь идет о несобственном (непрямом) употреблении интонационных типов. Если варианты интонации вызваны синтаксическим строем предложения, то они могут иметь характер нейтральный или окрашенный в стилистическом, модальном или экспрессивном отношении. Если же варианты вызваны непрямым употреблением интонации, то они всегда ненейтральны, а выступают как яркое стилеобразующее или экспрессивно-модальное средство.

Например, для выражения синтаксических значений законченности и независимости (конечная синтагма повествовательного предложения) используются в разговорной и художественной речи ИК-3 и ИК-4, интонационное значение которых противоречит синтаксическим.

— *Вы же ничего не записали*[3]. *Вы все перепутаете*[3] (Из разговорной речи).

Такое интонирование утвердительных предложений служит для актеров одним из средств имитации разговорной речи.

— И не хочу я расстраивать[2] / ни себя, ни Вас[3], / потому как Вы мне милы[3].

— Вы нашу сестру не судите[3] (из пьесы А. Н. Островского, исп. В. Н. Рыжовой).

— Ходил в магазин? — Ходил[4].

— Масла купил[3]? — Купил[4] (Из разговорной речи).

Отклонение от нейтрального выражения синтаксического значения может иметь характер стилистической окрашенности. Если же вариант вносит добавочный модальный или эмоционально-экспрессивный оттенок, то он является экспрессивно окрашенным.

Подобно тому, как в лексике на нейтральном межстилевом поле выступают лексические единицы, окрашенные признаками стиля или экспрессивности, так и в интонации стилистически или экспрессивно окрашенные единицы способны всему тексту придать соответствующий оттенок.

Чтобы выявить стилистическое использование интонации в связном тексте, необходимо, во-первых, рассмотреть все синтаксические конструкции с точки зрения передаваемых ими значений законченности — незаконченности и зависимости — независимости. Во-вторых, определить основной интонационный тон, необходимый для выражения этих значений, для каждой синтагмы, и наличие или отсутствие интонационных вариантов в нем. В-третьих, определить для данной конструкции нейтральные и окрашенные интонационные варианты и вариации, установив при

этом характер окрашенности (экспрессивно-модальный или стилистический). В-четвертых, отметить случаи несобственного употребления интонации как средства выразительности.

Рассмотрим это на примере. Возьмем для сравнения два текста: один из художественной литературы, прочитан актером; другой содержит черты официально-делового и одновременно публицистического стиля (жанр информационной заметки), прочитан диктором.

Текст басни, интонационная транскрипция которого передает исполнение народного артиста Советского Союза Аркадия Райкина, дается с комментариями по поводу характера употребления интонационных конструкций.

В одном лесу / медведь работал зайцем. Как это произошло? (интонация нейтральная). Лесу нужен был медведь, / но свободной/ была только ставка зайца (в первой синтагме значение незавершенности передается интонацией логического ударения). И медведь / стал выполнять медвежью работу, / получая за это / заячью зарплату (интонация второй синтагмы стилистически окрашена: ИК-4 вносит оттенок официально-делового стиля, а присутствующее здесь логическое ударение — «медвежью» — создает интонационную перекличку со словом «медведь», выделенным тем же способом). Работал он добросовестно, / до тех пор, / пока не узнал, / что в этом же лесу / заяц был / оформлен медведем (сильная окрашенность признаком официально-делового стиля благодаря тому, что трижды употреблена ИК-4). Возмутился медведь: «Как же так? (непейтральная интонация вопросительного предложения с вопросительным словом создается ИК-3, передающей сильную эмоциональность, свойственную в таком употреблении разговорной речи). Слабосильный заяц / получает медвежью зарплату?! (в вопросе, не предполагающем ответа, т. е. в вопросе-утверждении, дважды употреблена ИК-3, причем один раз в виде логического ударения — медвежью, — выделившего опять-таки то же слово, но это уже не нейтральное логическое ударение, а экспрессивное, передающее повышенную эмоциональность, свойственную разговорной речи). Написал в Главлес, / приехали львы, / целая комиссия, / вызвали медведя и зайца (первые три синтагмы опять передают с помощью интонации черты официально-делового стиля; последняя синтагма содержит логическое ударение, выраженное нейтральным способом, и сильную окра-

шенность признаком экспрессивности третью интонационную конструкцию, употребленную не в собственном значении и передающую здесь значение утверждения). — Вы медведь? — / спросила комиссия у зайца (нейтральная интонация). — Да, я медведь, / — ответил заяц / и показал документы (интонация передает логическое ударение в первой синтагме, признак официально-делового стиля во второй и признак разговорно-обиходного или даже просторечного характера в последней; таким образом, все ИК этого предложения употреблены не в нейтральном значении).

— Да, / действительно, / вы медведь (здесь ИК-4 опять придает тексту окрашенность признаком официально-делового стиля). — Но ведь я / медведь! — / взревел медведь (здесь ненейтральной является одна только интонация логического ударения, придающая всему предложению необходимый по смыслу признак экспрессивности).

— А ваши документы? И посмотрев в бумаги, / комиссия сказала (интонация нейтральная):

— О чем вы спорите, / гражданин медведь, / когда тут ясно сказано, / что вы заяц (в качестве маркированных конструкций выступает опять-таки ИК-4, передающая соответствующую контексту официально-деловую интонацию, и ИК-2 и ИК-3 для передачи логического ударения).

Вот и все (нейтральная интонация). Вы спросите, / где мораль? (нейтральная интонация, так как в вопросе подразумевается союз «а»). Какая может быть мораль, / когда в комиссии / на должности львов / были оформлены ослы (здесь интонация нейтральна, за исключением логического ударения в конце предложения). О чем речь?! (вопрос интонационно не нейтрален: ИК-3 выражает экспрессивность).

Таким образом, из 48 синтагм, составляющих текст, в нейтральном значении употреблено 30. Остальные 18 интонационных конструкций придают тексту самую противоречивую окрашенность. Из девяти логических ударений, придающих тексту экспрессивность, пять не совпадает с интонационными центрами и создают таким образом добавочную экспрессивность. В целом интонация данного текста характеризуется сочетанием признаков официально-делового стиля (ИК-4 в неконечных синтагмах) с признаками разговорной речи (ИК-3 и ИК-4 в конечных синтагмах), а также выраженной средствами интонации экспрессивности текста (логические ударения в нейтральном и ненейтральном выражении). Такое соединение противоречивых стилистических

признаков в нехудожественных текстах воспринимается как смешение стилей, но в художественных сатирических и юмористических текстах это явление служит средством выразительности, создавая свойственный этому жанру комический эффект.

Для сравнения рассмотрим текст, относящийся к жанру информационной заметки. Его интонационное оформление более однородно. На фоне нейтральной интонации в нем в значительном количестве содержатся черты официально-делового стиля, выраженные четвертой интонационной конструкцией, выступающей в значении незавершенности. Публицистичность этого жанра выражает наличие логических ударений, представленных в своем нейтральном воплощении (ИК-2). Таким образом, данный текст характеризуется на уровне интонации сочетанием черт официально-деловой и публицистической речи как основных признаков этого жанра.

Завершилась / проходившая в столице, / шестая международная встреча / переводчиков советской литературы. Представители более чем из тридцати стран / приняли участие / в этой встрече. Дискуссии [/] за круглым столом, / доклады, / беседы в редакциях и издательствах. По традициям / на [/] заключительном заседании / группе зарубежных переводчиков / были вручены / премии имени Горького, / Советского фонда мира, / дипломы (ТВ, программа «Время», 2.XII.83, читает диктор).

Интонационное своеобразие каждого текста можно выразить в виде формулы интонационной модели текста. Она основана на выделении наиболее типичных повторяющихся интонационных конструкций в начальных, срединных и конечных синтагмах. В основе интонационного единства текста лежит его синтаксическое единообразие, поэтому можно было предположить, что формулы интонационных моделей позволят противопоставить тексты различных функциональных сфер по их интонационному оформлению.

Анализ большого количества текстов дал возможность сопоставить интонационные модели текстов различной функционально-стилистической принадлежности и сделать следующие стилевые обобщения.

Тексты официально-делового характера имеют наиболее выраженную общность интонационных моделей. Обращает на себя внимание преобладание ИК-4 в начале и середине предложения, сочетание ИК-3 и ИК-4 в середине предложения и общий ограниченный набор интонационных конструкций.

Наиболее типичные формулы для этого типа речи: 4-43-1, 34-4-1, 4-43-1, 4-4-12, 4-4-1, 6/2-4-1, 6-64-1, 4-34-12, 43-43-12, 4-46-1, 4-43-1, 4-42-12, 4-4-12, 4-43-1.

Научные тексты, несмотря на разножанровость этого функционального стиля, тоже имеют интонационную общность. Это почти обязательное использование ИК-2 в начальной и/или срединной части формулы. Таким образом, интонация логического ударения, служащая средством доказательности и убедительности, явилась отличительным признаком научных текстов. Кроме того, отмечается частое, хотя и не такое обязательное, как в официально-деловых текстах, использование ИК-4 в первой и второй частях формулы. Наиболее типичные формулы: 42-4-1, 4-426-1, 436-42-21, 34-324-1, 32-36-1.

В публицистической речи, также в силу многообразия форм и жанров, нелегко проследить общие черты интонации. Но сопоставление интонационных моделей информативных и аналитических жанров публицистики наглядно противопоставлено: присутствие ИК-4 в информативных жанрах и отсутствие этой ИК в аналитических жанрах.

В целом формулы интонационных моделей публицистических текстов отличаются своей простотой в наборе ИК и широким нейтральным полем, создаваемым ИК-6.

Тексты литературно-художественные отличаются интонационной сложностью, они характеризуются наличием ненейтральных конструкций в результате их несобственного употребления и почти полным отсутствием ИК-4 (63-261-1, 6-6321-1, 21/36-6-16, 621-6-16, 263-621-13, 264/3-432-1, 623-623-1, 6-632-1, 26-263/4-1 32-3-123, 62-63-1, 32-236-1, 256/4-23/5-12, 23/7-613-21, 37/54-353-1).

Разговорная речь не отличается интонационным разнообразием в пределах текста, но, взятые вместе, эти тексты показывают широкий набор ИК, частое употребление интонации в ее непрямом значении и отсутствие ИК-4 в середине предложения (32-362-12, 123-132-1, 26-321-1, 6-63-1, 3/6-3-1, 3/6-3/6-1, 3-23-12, 2-26/3-1). Следовательно, главное противопоставление на уровне интонации проходит между текстами официально-деловой, научной и публицистической речи, с одной стороны, и литературно-художественной и разговорной — с другой. Основное их различие — в наличии/отсутствии ИК-4, в разнообразии/однообразии интонации и в сложности/простоте интонационных построений. В свою очередь, художественная речь противопоставляется разговорной своим интонационным многообразием и сложностью.

Таким образом, использование формул интонационных моделей, позволяет судить о законах интонационного построения функциональных типов речи.

Кроме того, что интонационные модели различают жанры и стили, они помогают также различить индивидуальные особенности говорящих. У каждого человека есть свои интонационные конструкции, которые передают интонационное своеобразие его речи. Это может выражаться в переходных типах ИК, в типичных их сочетаниях, в предпочтительности той или иной конструкции, в сложности или простоте интонационных моделей. Человек, обладающий богатой речевой интонацией, почти каждое слово фразы

произносит с особым интонационным рисунком. Такая речь воспринимается как напевная, мелодически усложненная. Ее можно слышать у представителей русских говоров:

4 3 2³ 3 1
За-ай-ка бе-е-ленькой, /
4 3 2³ 3 1
Хво-о-стик се-е-ренькой, /
3 1
Зайка по полю пошел, /
4 1
Он коё-чего нашел, /
4 2 3
Где мали-и-на красна,
2 1
Бери девушку с куста

(считалка при игре в прятки, записанная в Архангельской обл.).

Такую народную напевную интонацию иногда доносят до нас актеры. Так например, В. Н. Рыжова, замечательная актриса Малого театра, в речь своих героинь из пьес А. Н. Островского вкладывала эту выразительную мелодическую напевность, создавая тем самым образы, уходящие своими корнями в глубину патриархального русского быта.

Богатство русской речевой интонации можно наблюдать и в речи актеров. Искусствоведы отмечают особую сложность голосовых модуляций у некоторых актеров. Например, о богатстве интонации выдающегося советского актера Михаила Астангова писали все его исследователи, поражаясь этому свойству его голоса. Этот актер, как оказалось при инструментальном анализе, произносит с особой интонацией не только каждое слово, но даже отдельный гласный звук в его речи как бы интонационно вибрирует. Эта особенность речи актера проявилась и в особом характерном интонационном рисунке образа или темы.

Анализируя интонацию художественного чтения, нельзя не учитывать всей сложности суперсегментных средств (изменчивости темпа, разного рода пауз, логических ударений), участвующих в звуковом воплощении художественных образов.

Актерская индивидуальность проявляется также в пзлюбленности одной-двух интонационных конструкций или в использовании почти полного их набора. Например, в исполнении замечательного художника слова Д. Н. Журавлева в небольшом отрывке можно услышать почти все ИК:

6 2 2
Прошло / два месяца / после получения известий / в Лысых
2 6 (2) 6
Горах / об Аустерлицком сражении / и о погибели князя Андрея, /
(5) 6 2
и, / несмотря / на все письма через посольство / и на все розыски,
3 (2) 3 (3) 1
/ тело его / не было найдено, / и его не было в числе пленных.
(3) 2 3
Хуже всего для его родных / было то, / что оставалась все-таки

надежда / на то, *I* что он был поднят жителями на поле сражения / и, может быть, лежал / выздоравливающий / или умирающий / где-нибудь ⁄ один / среди чужих, / и не в силах дать о себе вести. В газетах, / из которых впервые узнал ⁄ старый князь ⁄ об Аустерлицком поражении, / было написано, / как и всегда, / весьма кратко / и неопределенно, / о том, γ что ⁄ русские / после блестящих баталий / должны были отретироваться / и ⁄ ретираду произвели / в совершенном порядке. Старый князь понял из этого официального известия, / что наши были разбиты. Через неделю / после газеты, γ принесшей известие об Аустерлицкой битве, / пришло ⁄ письмо Кутузова, / который извещал князя / об участи, / постигшей ⁄ его ⁄ сына (Л. Толстой, Война и мир).

ПАУЗИРОВАНИЕ

Важное место в системе суперсегментных средств занимает паузирование. Обычно под термином «пауза» подразумевается два фонетических явления: остановка в звучании речевого потока и граница синтагматического членения. Оба эти явления нередко выступают в единстве (когда граница синтагматического членения выражается сменой тона и одновременно остановкой звучания). Но в других случаях перерыв в звучании и граница синтагматического членения проявляются независимо друг от друга (когда граница членения выражается только сменой тона или когда перерыв в звучании осуществляется независимо от границы синтагматического членения и не совпадает с ней). Таким образом, пауза как граница синтагматического членения представляет собой грамматическое явление, отражающее синтаксический строй предложения, а с другой стороны, пауза как перерыв в звучании, не разграничивающий ритмико-смысловые группы (синтагмы), представляет собой неграмматическое явление. В связи с этим можно говорить о двух типах пауз — о грамматических и неграмматических паузах; основанием такого разграничения служит грамматический (точнее синтаксический) критерий деления речевого потока.

Грамматические паузы имеют две разновидности в зависимости от способа их выражения, т. е. от того, создается ли такая пауза реальной остановкой или в ее образовании участвует только смена тона; условно назовем эти паузы реальными и нереальными грамматическими паузами.

В стилистическом отношении реальные грамматические паузы, реализуемые сменой тона и перерывом в звучании, наиболее отчетливо передают логические связи между словами; они точно соответствуют синтаксическому строю предложения и имеют стилистически нейтральный характер. Такие паузы составляют основу паузирования для всех типов речи.

В зависимости от относительного объема этого нейтрального способа паузирования тексты обладают той или иной степенью окрашенности: чем больше в тексте реальных грамматических пауз, т. е. чем шире его нейтральное поле, тем более он носит нейтральный в стилистическом отношении характер, и, наоборот, чем меньше в тексте стилистически нейтральных пауз, тем больше проявляются в нем различные стилевые или экспрессивно-модальные признаки. Строго нейтральный тип паузирования отмечается в озвучивании отдельных жанровых разновидностей научной и публицистической речи (например, некоторые учебные тексты, передовая статья, информационное сообщение), а также некоторых звучащих текстов художественной речи.

Такие тексты производят впечатление грамматически правильных, отчетливых, не затрудненных для восприятия, а их произношение по характеру пауз имеет вид образцового, хотя и лишенного индивидуальности исполнителя.

Пример из выступления М. И. Царева о международном дне театра:

(6) 3 3
Сегодня мы собрались, / чтобы один раз в году / люди на всем
3 3
земном шаре / прославили на всех языках театр, / во всех его
1 1
проявлениях / как всеобщее выражение человечности. Место те-
6 1
атра в жизни людей / не остается неизменным / оно зависит от
6 6
времени, / от идейных и эстетических взглядов / и потребностей
1 4 2
общества, / от признания / или отрицания / социальной роли ис-
1 2 6
кусства. В наш век, / век идейных столкновений, / искусство не
2 3 1
всегда объединяет людей, / случается, / что и разъединяет, / но
6 3
тем важнее / поставить художественное творчество / на службу
6 6 1
взаимопонимания, / мира / и прогресса.

Нереальные грамматические паузы, создаваемые одной только сменой тона, без реальной остановки звучания, тоже стилистически нейтральны: они встречаются во всех типах речи, однако, снимая временные интервалы с границ синтагматического членения, эти паузы деформируют темповую однородность текста. Поэтому различное количественное содержание нереальных пауз в тексте по-разному влияет на его ритмическую структуру и на временну́ю организацию, а это в свою очередь

не может не сказаться на стилистических особенностях ритмики и интонации текста. Наблюдения над текстами разной функционально-стилистической принадлежности показали, что такие паузы обычно появляются в тех местах высказывания, где есть устойчивые синтаксические конструкции (газетные клише и штампы, стандартизованные элементы официально-делового и научного стиля, устойчивые выражения, трафаретные разговорные оформления и т. п.). И хотя такая пауза не несет в себе никаких оттенков стилистического или экспрессивного свойства, но большое количество нереальных грамматических пауз в тексте свидетельствует о высокой степени клишированности данного текста, и, следовательно, в ряде случаев нереальная грамматическая пауза может обладать признаком стилистически окрашенной паузы. Возникающая при этом ускоренность темпа создает эффект его информативной насыщенности при дефиците отведенного времени. Не случайно поэтому самый большой процент нереальных грамматических пауз отмечается в жанрах информационной заметки, спортивного комментария и репортажа (публицистический стиль), а также в информационных жанрах официально-делового и научного стиля.

Примеры: Предложение Советского Союза *I* о ликвидации ракет средней дальности в Европе, отмечается в документе, / представляет реальный шанс для уменьшения опасности военной конфронтации в Европе / и во всем мире (ЦТВ, Последние известия); В статье приводятся *I* и многочисленные случаи нарушения техники безопасности. (Радио, Обзор газет).

Стилистическая функция пауз, как и любого другого средства суперсегментной фонетики, может быть выведена из сопоставления нейтральных и стилистически маркированных типов пауз. К стилистически нейтральным относятся такие паузы, которые выполняют свою главную функцию — членение речевого потока на синтагмы (грамматические реальные и нереальные паузы). На их фоне проявляют свою стилеобразующую функцию паузы, стилистически или экспрессивно окрашенные. К ним относятся паузы неграмматические, т. е. такие, которые не выполняют функции членения на смысловые группы; они возникают внутри самих синтагм — и в этом смысле даже сам термин «пауза» применяется по отношению к ним весьма условно. Неграмматические паузы могут возникнуть в речи непреднамеренно, неосознанно, случайно или, наоборот, они могут быть созданы сознательно. Непреднамеренные паузы, называемые в лингвистической литературе паузами колебания, или хезитации, являются результатом неподготовленности высказывания и свидетельствуют об устном характере текста; наиболее часто этот тип паузирования отмечается в текстах разговорной речи и в сугубо устных неподготовленных текстах других разновидностей речи.

В письменной речи для передачи живой разговорной речи писатели стремятся разными способами отразить такие паузы, например, вставляя в места замшок звуки «М-м,! э-э-э» или за-

полняя их лексическими вставками, лишенными смысловой нагрузки, типа: «Ну как бы вам сказать», «Как бы получше выразиться» и т. п.

Паузы колебания, как примета устного текста, встречаются также в жанрах устной публичной речи — в лекциях, сообщениях, докладах без опоры на письменный текст, а также в беседах, интервью, продуцируемых в момент речи.

Пример иллюстрирует научный стиль речи (фрагмент доклада без опоры на письменный текст. Паузы колебания отмечены пунктирной косой в круглых скобках).

Криминалистика, / как (/) термин, обозначающий определенное направление (/) научных исследований, / возник в конце XIX века. Первоначально / под криминалистикой понимали / использование научно-технических средств / в раскрытии и расследовании преступлений. В настоящее время / под криминалистикой (/) понимаются, / с одной стороны, / такие исследования, / которые направлены на (/) изучение закономерностей / возникновения доказательств, / необходимых (/) и используемых *I* для раскрытия преступлений, / установления истины / по уголовным делам. Наряду с тем /, или, с другой стороны, / криминалистика / разрабатывает научные методы, / используемые (/) следователями, / судьями, / экспертами, / криминалистами. Общая цель— / установить истину / при (/) судебном рассмотрении уголовного дела.

Количественное содержание пауз колебания в тексте зависит от степени его подготовленности и о степени опоры на письменный: чем лучше подготовлен текст или чем больше у говорящего возможности пользоваться его написанным вариантом, а также чем свободнее чувствует себя человек перед аудиторией, тем меньше в его речи будет таких пауз.

В звучащей художественной речи паузы колебания как неосознанные остановки в речи не употребляются. Вообще любые остановки в чтении художественного текста всегда имеют смысл и подчиняются художественным задачам. Использование пауз колебания в художественной речи может быть оправдано только стремлением актера передать живую разговорную речь. В приведенном ниже примере с помощью пауз колебания имитируется разговорная речь (отрывок из кинофильма Э. Рязанова «Ирония судьбы»):

— Что тебе положить: / салат / или ростбиф?

— Салат!

— Салат?

— Или (/) ростбиф. Надя, / послушай меня. Я (/) сегодня (/) в последний вечер (/) старого года / намерен поставить вопрос (/) ребром. Мне кажется, что (/) нам все-таки пора покончить с нашим холостым положением.

Во всех остальных случаях паузы колебания в художественной речи воспринимаются как ошибки. Поэтому в практике обучения технике речи считаются грубым нарушением такие паузы, которые идут после союзов и предлогов, разрушая их семантическую спаянность с полнозначными словами. Больше того, в обычной нормативной речи предлоги и союзы безударны, а в устной неподготовленной речи они не только оказываются подчас акцентированными, но и произносятся замедленно: пауза колебания как бы передает часть своего времени и на предшествующее ей динамически безударное слово.

Таким образом, неграмматические паузы колебания на фоне нейтральных грамматических пауз выступают как окрашенные признаком устности или разговорности. Степень окрашенности их так велика, что даже незначительный процент таких пауз в тексте выводит этот текст за пределы нейтрального и вносит элемент разговорности или придает тексту оттенок устности. Поэтому наибольшей распространенностью этот тип паузирования пользуется в разговорной речи, а его присутствие в некоторых жанрах других стилей неизбежно несет с собой примету разговорности или устности. Стилевая закрепленность пауз колебания проявляется еще и в неупотребительности их в официально-деловом стиле и в тех жанрах публицистического и научного стиля, в основе которых лежат письменные формы речи, а также в художественной речи.

Преднамеренные или сознательно создаваемые неграмматические паузы можно разделить на два вида: дикторские и психологические. Дикторские паузы первоначально были вызваны техническими требованиями акустики. Во избежание того, чтобы эхо одной синтагмы не накладывалось на звучание другой, дикторы, читающие текст в микрофон, время от времени делали между словами небольшие остановки. Можно предположить, что впоследствии эти короткие перерывы в речи начали восприниматься как характерная особенность дикторской речи, тем более что они стали появляться не только в речи, идущей через микрофон, но и во всяких публицистических и официально-деловых текстах сугубо письменного характера, независимо от способа их озвучивания. В дальнейшем, очевидно, стали фиксироваться и

места дикторских пауз: они появились перед новыми иностранными именами и названиями, а также в конце сложных синтаксических целых как сигнал разграничения двух микротем. Впервые обратила на них внимание Е. А. Брызгунова, она и дала этим паузам название «дикторских».

Функционально-стилистическая роль дикторских пауз состоит в их закрепленности за темп жанрами всех трех функциональных стилей, основу которых составляют письменные тексты, воспроизведенные дикторами. Поэтому употребление этого типа пауз обусловлено не только жанровым своеобразием и письменной формой текста, но и дикторским воспроизведением его. Особая, укрепившаяся на радио и телевидении дикторская манера чтения документов, информационных заметок и сообщений, корреспонденций и репортажей во многом создается за счет таких особых коротких пауз, как бы искусственно образующих в речевом потоке недостающие просветы, создавая тем самым удобство незатруднительного слушания передачи и облегчая ее усвоение.

Пример (дикторские паузы обозначены пунктирной косой в квадратных скобках):

В тысяча девятьсот шестьдесят третьем году / Владимир Кокинаки / поднял [/] машину в воздух. Потом она вышла / на самые дальние трассы страны. Полетела через океаны, / стала [/] флагманом [/] Аэрофлота. «Он стаблпен в полете, *I* как скала», / — восхищались на Западе. За создание ИЛ-62, / последнего самолета, *I* построенного под руководством Ильюшина, / авторский коллектпв / получил [/] Ленинскую [/] премию.

Психологические паузы семантически мотивированы. Они служат для выделения слов, несущих дополнительную смысловую нагрузку. Являясь средством выделения наиболее важных слов, такие паузы придают тексту повышенную экспрессивность и могут присутствовать в текстах, содержащих экспрессивность.

В отличие от дикторских пауз, которые в основном являются семантически немотивированными, они служат для выделения слов, несущих особую смысловую нагрузку. Поэтому если дикторские паузы служат для удобства восприятия текста и в любом тексте их назначение (создавать ясность, отчетливость звучащей речи) дает основание считать эти паузы стилистически окрашенными, то психологические паузы, усиливая значение выделенных слов и придавая им добавочные оттенки значения, всякий раз выражают разные смыслы и поэтому такого рода окрашенность можно считать экспрессивной. В приведенном ниже отрывке из рассказа А. П. Чехова «Каштанка» В. И. Качалов широко использует прием психологической паузы; она передает здесь самые разные чув-

ства: досаду, смятение, неожиданность, страх; при этом степень выраженности этих значений тоже бесконечно варьируется (психологическая пауза обозначается пунктирной косой).

Каштанка стала обнюхивать тротуар, надеясь найти хозяина по запаху его следов, но раньше какой-то негодяй прошел в новых резиновых калошах, и теперь все тонкие запахи / мешались с острою каучуковою вонью, так что ничего нельзя было разобрать.

Каштанка бегала взад и вперед и не находила хозяина, / а между тем становилось темно. По обе стороны улицы / зажглись фонари, / и в окнах домов / показались огни. Шел крупный, / пушистый снег (. . .)

Когда стало совсем темно, / Каштанкою овладели отчаяние и ужас. Она прижалась к какому-то подъезду и стала горько плакать.

Выделяя психологическую паузу в противовес логической, К. С. Станиславский подразумевал именно такую, семантически и экспрессивно нагруженную паузу, образуемую в местах, грамматически (или логически) незавершенных. Но этот термин применяется у актеров и более широко: как умение «держать паузу», когда речь идет о слишком продолжительной паузе. Об этом говорил М. Ульянов на встрече со зрителями: — Актеры, / актерство (продолжительная пауза) обладают одним качеством. Актер может помолчать. . . Когда мы можем (очень продолжительная пауза) любую паузу держать / а вы будете нас слушать.

Наблюдения над паузированием звучащих текстов разных функциональных типов речи показали, что среди неграмматических пауз одни обладают широким кругом значений, другие передают одно и то же значение. В первом случае перед нами экспрессивный характер окрашенности, во втором — стилистический. Это различие между постоянством и непостоянством значения может служить основным критерием различия экспрессивной и стилистической окрашенности. Если характер окрашенности суперсегментных единиц обладает стабильностью значения безотносительно к лексическим и другим особенностям текста, то это окрашенность стилистическая; если же она, напротив, отличается непостоянством, изменчивостью под влиянием различных особенностей текста, то такая окрашенность является экспрессивной.

Применяя фактор постоянства значения, можно предположить, что из всех маркированных типов пауз значением экспрессивной окрашенности обладают только психологические паузы. Они имеют

широкий спектр значений в зависимости от темы и характера текста, способа его озвучивания (актерское и не актерское исполнение), от индивидуальных особенностей исполнителя и целого ряда других лингвистических и нелингвистических причин. Психологические паузы встречаются лишь в тех текстах, в которых присутствует фактор экспрессивности. Ограничение в использовании психологических пауз накладываются на тексты официально-делового стиля и тех жанров книжных стилей, которые включают элементы этого стиля.

С точки зрения функционально-стилистической психологические паузы выступают как признак эмоциональности и индивидуализации текста и являются показателем его экспрессивности.

Стилистически окрашенной чертой паузирования являются также случаи отсутствия обязательных пауз. Такое явление паузирования типично для определенных типов речи и связано отчасти с тем, что пропуск обязательных пауз вызван наличием в тексте штампов и клише, которые нередко не выделяются в самостоятельные синтагмы. Пропуск пауз наблюдается также и в местах ввода придаточных предложений, особенно в тех случаях, если главное предложение представляет собой стандартизованную и малоинформативную синтаксическую конструкцию.

— Стало известно, γ что [/] . . .

В таких случаях отсутствие обязательной паузы перед подчинительным союзом компенсируется образованием неграмматической (часто дикторской) паузы после этого союза — и звучание предложения приобретает характер ненормативный, хотя и весьма распространенный в звучащей публицистической речи.

— Понятно, γ почему [/] некоторые представители деловых кругов. . .

Такого рода фонетическая ненормативность — нередкое явление и в разговорной речи.

— А вы что же, / считаете, γ что [/] образование делает человека интеллигентным? (из разговорной речи).

Функциональная обусловленность этой особенности паузирования объясняется еще и отсутствием пропущенных пауз в текстах книжных стилей, особенно в тех жанрах, которым свойственно торжественное, пафосное звучание. Требование строгой нормативности таких текстов устраняет в их звучании неграмматические и пропущенные паузы. В большинстве своем художественные тексты исключают эту особенность паузирования, однако с ее появлением текст приобретает черты непринужденности, неофициальности или свидетельствует о выражении элементов разговорности. Текст, свободный от такого явления паузирования, показателен строгостью произносительной формы.

С точки зрения длительности паузы делятся на краткие, средние и долгие, из них стилистически нейтральными выступают

средние и частично краткие. Длительные паузы стилистически окрашены: если это грамматические паузы, то они характеризуют приподнятую книжную речь, если неграмматические, паузы колебания — то служат показателем неподготовленности, устности или разговорности. Длительная пауза в художественной прозаической речи всегда эстетически оправдана: умение «держать паузу» считается признаком актерского мастерства. В эмоциональной речи длительные паузы наполнены содержанием, как и слова, и стилистическая окраска их весьма существенна: одна такая пауза уже выводит текст за пределы нейтрального. Если длительная пауза представляет собой психологическую паузу, то ее стилистическая окраска еще более усиливается.

— Эта дорога (дорога жизни) / подобно легендарному граду Китежу / с последней льдинкой / опустилась на дно озера, / ушла в легенду / и проходит теперь / через наше (пауза) сердце (Из документального кинофильма «Стратегия победы», текст читал К. Лавров).

Высокая степень стилистической окрашенности длительных пауз проявляется и в том, что неумеренность в употреблении их может привести к двусмысленности, не предусмотренной автором, как в следующем отрывке из кинофильма «Мертвые души», где Чичиков — А. Калягин говорит при расставании Елизавете Ивановне Маниловой:

«Для меня не было бы большей радости, / чем жить с Вами, (пауза), ну если не под одной крышей, / то хотя бы поблизости».

При анализе паузирования того или другого текста важно не только отметить тип и длительность пауз, но и выявить тенденцию к изохронности или контрастности пауз по длительности. Это стремление к стабильности или разнообразию длительности пауз придает текстам разный характер звучания.

Текст, характеризующийся стремлением к временно́му однообразию пауз, соответствует больше книжным стилям речи. Такой вид паузирования отмечается в официально-деловых, научных и публицистических текстах. Однообразие пауз в основных жанрах этих функциональных разновидностей создает впечатление монотонности, благодаря чему даже неразборчивую, плохо слышимую речь нельзя спутать с художественной или разговорной. Такая речь воспринимается как официальная, лишенная выразительности и индивидуальности стиля. Вся звучащая информация и корреспонденция прессы характеризуется такой однородностью пауз.

Другой вид временно́го паузирования характерен контрастностью пауз. Он отличает эмоциональную индивидуализированную речь и поэтому наблюдается в текстах литературно-художест-

венных и разговорных. Также этот вид паузирования характеризует всякую устную неподготовленную речь и поэтому может встречаться в некоторых жанрах книжных стилей как признак устного текста, без опоры на письменный текст.

В литературно-художественной речи прозаические и стихотворные тексты противопоставлены по характеру временно́го паузирования. Если в прозе используются оба вида паузирования, как единообразный, так и контрастный, в зависимости от рода и жанра произведения, то в стихе, где изохронность пауз является одним из ритмообразующих средств, используется преимущественно первый вид.

ЛОГИЧЕСКИЕ УДАРЕНИЯ

Одним из элементов анализа звучащего текста является характеристика логических ударений. Под таким термином понимается всякого рода выделенность слова, обусловленная особой семантической или эмоциональной значимостью.

Логические ударения в письменном и звучащем тексте — явления не вполне однозначные; они противопоставлены по средствам обозначения, способу передачи и по количеству.

В письменном тексте логические ударения имеют как неязыковой характер выделения (различные графические способы), так и языковой (порядок слов, выделительные слова и частицы и т. п.). В звучащем тексте логических ударений значительно больше, чем в письменном, так как говорящему или читающему предоставляется право не только самим выбрать необходимые для усиления слова, но и определить способ их выделения. В то же время в письменном тексте (чаще это имеет место в художественном тексте) автор не только указывает на выделительные слова, но подчас и оговаривает способ их устного воспроизведения.

Вообще применительно к звучащему тексту термин «логическое ударение» принимает характер весьма условный. Если в письменном тексте логические ударения — это слова, несущие идею особой значимости, новизны, противопоставления и т. п. (подробному изучению всех смыслов, которые передает логическое ударение, посвящена работа Т. М. Николаевой [Николаева 1982], то применительно к звучащему тексту логические ударения охватывают большую группу слов, несущих не только смысловую, но и экспрессивную значимость.

Кроме того, акцентная природа выделенности, характерная для письменных текстов, имеет в звучащих текстах лишь частное выражение, так как в звучащей речи выделенность создается различными просодическими средствами, а не только ударением.

Как и любое средство суперсегментной фонетики, логическое ударение имеет нейтральные и стилистические, или экспрессивно значимые способы выражения. Стилистическая характеристика способов выделенности позволит оценить это явление с точки зре-

ния его использования в жанрово-стилистических разновидностях русской речи.

Практически в каждой синтагме заключено потенциальное логическое ударение; однако реализация этих возможностей зависит от характера текста, от его лексико-синтаксического состава, от стилевой принадлежности, а также от ряда внелингвистических факторов.

О важности выбора выделенных слов при чтении вслух, а также об умении использовать необходимый фонетический прием при их обозначении неоднократно писали наши актеры, режиссеры, журналисты, ораторы.

«Самые слова, — пишет известный юрист П. Сергеич, — указывают и силу голоса, и тон, и меру времени. . . Прочтите следующие слова, подумайте минуту и повторите их вслух:

«Любовь не только верит, любовь верит слепо; любовь будет обманывать себя, когда уже верить нельзя. . .»

А теперь догадайтесь, как были произнесены эти слова защитником. — Угадать нельзя, и я скажу вам: громовым голосом.

Обвинитель напомнил присяжным последние слова раненого юноши: «Что я ему сделал? За что он меня убил?» Он сказал это скороговоркой: — Надо было сказать так, чтобы присяжные слышали умирающего» (П. Сергеич. О благозвучии // Об ораторском искусстве. М., 1973. С. 189—190).

При озвучивании письменных текстов, а также в устной речи у говорящего или читающего имеется целый ряд фонетических приемов, основанных на возможностях человеческого голоса передавать тончайшие оттенки чувств и настроений, усиливать и изменять семантику слов или открывать новые оттенки значений. Но при всем разнообразии этих возможностей набор фонетических приемов ограничивается следующими основными явлениями: 1) увеличением длительности слова (растяжка); 2) интонационным выделением; 3) усилением голоса; 4) ослаблением голоса; 5) психологической паузой (Осокин, О логическом ударении, 1963).

Сопоставление логических ударений в звучащем и письменном тексте показывает особый характер логических ударений в звучащей речи. Достаточно взять, например, любое предложение из повести И. Бунина «Господин из Сан-Франциско», прочитанной М. Астанговым, чтобы увидеть разницу в объеме логических ударений для письменного и устного варианта одного и того же текста.

— Он был твёрдо (3) 2 уверен, / что имеет / полное (2) 2 право на отдых, / на удовольствие (4) 2 / и мало ли еще 1 на что.

В озвученном варианте этого предложения шесть выделенных слов. Характер их выделения самый различный. Знак долготы над ударным гласным обозначает растягивание слова за счет удлинения ударного гласного; ИК-2 и тип ИК в скобках — интонационное выделение, подчеркивающая черта — увеличение громкости; косая пунктирная — психологическую паузу. Письменный текст

дает указание лишь на одно выделение: *полное право* — благодаря слову *полное*. Ударение может падать на одно из этих слов либо на все словосочетание.

Конечно, воспроизвести все потенциальные логические ударения разрешает далеко не каждый текст. И причина здесь лежит не в произносительном искусстве говорящего, а в функционально-стилистическом характере текста. Возьмем простое предложение, которое могло бы встретиться в любом функциональном стиле: *В Москве холодно*. Это предложение стилистически нейтрально, поэтому можно предположить, что оно входит в текст сводки погоды (официально-деловой стиль), научно-популярной передачи (научный стиль), информационной программы радио или телевидения (публицистический стиль), художественной прозы или разговорной речи. В односинтагменном произносительном варианте оба слова этого предложения содержат возможность логического ударения, но реализовать ее можно не во всех стилях. Главное препятствие исходит со стороны официально-делового стиля, который сопротивляется логическому ударению как явлению, несущему с собой экспрессивность.

Экспрессивность логического ударения, как и экспрессивность речи вообще, есть результат эмоционального состояния говорящего.

Официально-деловой стиль, лишенный экспрессивности, не должен, казалось бы, включать логические ударения. Однако такой взгляд сталкивается с реальными фактами присутствия этого явления в текстах официально-делового стиля. Так, в информационных жанрах публицистического стиля, отмеченных сильным влиянием официально-делового стиля, в жанрах научно-делового подстиля, а также в некоторых жанрах законодательного или административно-канцелярского подстиля, представляющих уже собственно официально-деловой стиль, случаи логических ударений отмечаются как типичное явление. Например, в жанре приказа логическим ударением могут быть выделены слова: категорически, запретить, отменить, назначить, пересмотреть, доложить и т. д. Значит, следует допустить, что либо официально-деловой стиль в своих отдельных жанрах допускает экспрессию, либо логическое ударение не всегда экспрессивно. Действительно, определенные тексты официально-делового стиля включают экспрессию, но ответ на этот вопрос кроется в самом характере экспрессивности, точнее в степени экспрессивности логического ударения, которая может быть различной в зависимости от его фонетического воспроизведения. Например, если это же предложение прочитать с ИК-2 и ИК-6 (В Москве^{2} холодно; В Москве^{6} холодно), то нетрудно заметить, что экспрессия второго предложения значительно сильнее, чем в первом, где она имеет как бы нейтральное выражение. Но услышать это различие можно только в устном прочтении, на письме же, даже при условии графического выделения слова *холодно*, фонетическое выделение будет носить ней-

тральный характер, т. е. читающий использует для подчеркивания этого слова «интонацию логического ударения» — ИК-2. Вот именно о такой нейтральной экспрессивности логического ударения может идти речь применительно к официально-деловому стилю. В других стилях логическое ударение приобретает совершенно иную экспрессию, сила которой будет пропорциональна величине вызвавшей ее эмоции. Так, в разговорной и художественно-литературной речи возможны такие варианты этого предложения, как:

^{6} ^{1}
В Москве холодно; В Москве хо-лод-но;

^{7} $^{(4)}$ ^{6}
В Москве холодно; В Москве холодно; и др.

Для еще более сильного выделения какого-либо из этих слов говорящий может усилить их громкость или, наоборот, прибегнуть к шепотному произношению.

Учитывая наличие устного и письменного характера выделений, можно говорить о логическом ударении в узком смысле слова, когда речь идет о логическом выделении или противопоставлении, на которое есть особое указание в письменном тексте, и в широком смысле, который подразумевает всякое выделение, встречающееся в звучащем тексте.

Таким образом, в звучащей речи термин «логическое ударение» не связан непосредственно с акцентом: он объединяет всякую, не только акцентную, выделенность слов, несущих особую экспрессивно-семантическую нагрузку. В устной речи слово или группа слов может выделяться при помощи увеличения длительности слова, изменения силы голоса или высоты тона, а также психологической паузой.

Как и любое другое средство суперсегментной фонетики, логическое ударение имеет нейтральные и стилистически окрашенные способы выделения слов. Нейтральный способ выделения слов в устной речи может быть использован в любом стиле, не внося в него повышенную экспрессивность и тем самым не нарушая чистоты определенного стиля. Таким нейтральным способом выделения слов является интонационный, т. е. произнесение выделенного слова с ИК-2.

^{2} ^{2}
(В Москве холодно; В Москве холодно).

Именно такая выделенность будет характерна для вышеупомянутых текстов научного, официально-делового и публицистического стиля, она же широко употребляется также и в разговорной и художественной речи.

Частая употребляемость и простота этого способа объясняются отчасти тем, что даже самые маленькие носители языка без труда используют именно этот способ:

— Тебе сколько?
— Мне пять.

— О, так ты большая!
2

— Что ты, / я не большая, / я большой. Я он (Из разговорной речи).
2 2 2 2

Здесь ИК-2 выполняет свою собственно логическую функцию. К классическим примерам такой семантической роли логического ударения можно отнести заключительную фразу из «Горя от ума», произнесенную В. И. Качаловым:

. . . пойду искать по свету,
где оскорбленному есть чувству уголок.
2

Эта интонация может быть в предложении или в синтагме ведущей и дополнительной, выражая в том и в другом случае логическое ударение, в первом случае совпадающее с интонационным центром, во втором внося в интонационную схему предложения добавочный интонационный импульс, выражающий логическое ударение.

Этим способом может быть выделено даже не слово, а какая-то часть его: *не у́нести, а при́нести; пойдете́, а не пойдем.*

Одно и то же односинтагменное повествовательное предложение может быть оформлено интонацией ИК-1 и ИК-2:

— Передаем информацию об установке дополнительных радиоточек.
1–2

Предложение, не содержащее логического ударения, оформляется интонацией законченности — ИК-1. Однако диктор радио произнес это предложение с ИК-2, создав эффект логического ударения. Здесь оно приходится на интонационный центр высказывания, т. е. совпадает с синтагматическим ударением. Между синтагматическим и логическим ударением нет противоречия: это явление разного назначения. Синтагматическое ударение фонетически оформляет синтагму, а логическое ударение не закреплено за какой-либо суперсегментной единицей (слогом, тактом, синтагмой, предложением или сверхфразовым единством), оно может вообще отсутствовать в тексте, но может проявиться в любой из этих единиц для внесения добавочного смысла.

Проводя границу между логическим и синтагматическим ударением, мы тем самым подчеркиваем особый структурный характер логического ударения, проявляющийся в том, что логическое ударение не формирует синтагму или предложение, а накладывается на уже интонационно и ритмически оформленную фонетическую структуру с целью выделения наиболее значимых слов текста.

Вторая интонационная конструкция в повествовательном предложении всегда несет с собой логическое ударение. Нейтральный (межстилевой) характер этого способа выделения объясняется использованием его во всех функциональных разновидностях речи, но количество таких употреблений различно для каждого типа

речи. Так, в публицистических текстах этот способ встречается в 75 % всех случаев логического подчеркивания, в научных — 70 %, в официально-деловых — в 87 %, в разговорных — в 48 % и в литературно-художественных — в 27 % случаев. Такое логическое ударение в письменном тексте должно быть непременно обозначено. И оно обозначается курсивом, разрядкой знаком ударения и некоторыми другими типографскими способами. Читаются такие слова, как правило, с ИК-2 на выделенном слове, т. е. при помощи нейтрального выделения, если отсутствует дополнительное описание произнесения этих слов.

— И с к у с с т в о Чехова — не в словах Гаева как таковых; это только м а т е р и а л творчества. Искусство, если угодно, в р а з ы г р ы в а н и и речи Гаева Чеховым (В. Пискунов. Учитесь любить Русь // Лит. обозрение. 1981, № 2). В этом примере логические ударения отмечены разрядкой. Обычно курсив и разрядка не противопоставляются по способам произнесения слов и выбор печатного набора не обусловлен фонетически. Слова, поразному выделенные в печати, не требуют различного устного выделения и читаются одинаково, опять-таки с нейтральной ИК-2. Ср. примеры из газет: — Мария Федоровна Смирнова преподавала литературу. Она не проходила ее с нами, ибо проходить можно лишь м и м о чего-нибудь (Лит. обозрение. 1979. № 3); — Нет у Ахматовой стихотворения «Сладок запах диких виноградин». Есть стихотворение «Сладок запах *синих* виноградин» (Лит. газ. 1983, 25 мая).

Слова *мимо* и *синих* в этих примерах требуют абсолютно одинакового произношения, выделения их при помощи второй интонационной конструкции, несмотря на то, что одно слово напечатано в разрядку, второе — курсивом. Другими способами, кроме нейтрального, произнести их нельзя.

Все другие способы выделения слов стилистически ограничены. К ним относятся выделение посредством удлинения слова, увеличение или ослабление громкости, повышение или понижение тона и психологической паузы.

Наиболее распространенным является способ удлинения слова. Сам способ имеет разные варианты: удлинение ударного гласного (в редких случаях — безударного), удлинение одного или нескольких согласных, произнесение всего слова в замедленном темпе, произнесение его по слогам. Самым простым и поэтому наиболее распространенным из них является способ удлинения ударного гласного. Простота его заключается в том, что логическое ударение создается за счет усиления словесного ударения. Этот способ удлинения является наиболее нейтральным среди других видов растягивания слова, поэтому он оказывается пригодным даже для текстов публицистического и научного стиля, хотя его употребление в этих стилях довольно ограниченно. Главная область использования растягивания слов — это литературно-художественная и разговорная речь.

Стилевой характер этого способа обнаруживается в резкой про-

тивопоставленности официально-деловых текстов, где он не проявляется вовсе, и литературно-художественных, где он используется чаще, чем все другие способы. Суммируя все способы удлинения, получаем цифры, показывающие, как часто используется этот способ по сравнению с другими в текстах разных типов: в публицистическом — 9 %, в научном — 6 %, в разговорной речи — 30 %, в художественной речи — 41 %, в официально-деловом стиле — 0 %. В публицистическом и научном стилях этот способ употребляется крайне редко, но он является единственно пригодным из всех стилистически окрашенных способов, а редкое использование делает этот способ заметным и выразительным. Примеры из телевизионных передач:

— Потребности наши уже пе-ре-растают (ТВ, I программа, 7.10. 1983 г.); — Все же недостатки сдер-жи-вают процесс развития производства (ТВ, I программа, 11.10.1983 г.).

В литературно-художественной речи способ удлинения выделяемых слов является самым распространенным, а с учетом многочисленных возможностей удлинения, и самым разнообразным. Один актер в одном и том же тексте употребляет сразу несколько способов растягивания. Например, М. Царев в роли короля Лира выделяет слова то за счет удлинения ударного гласного:

— И на меня / глядеть тебе / не стыдно?

то резко замедляя темп и таким образом увеличивая длительность целой фразы:

— Не плачьте, /*вы*, / *старческие глупые глаза*;

то произнося главное слово по слогам:

— Что неотменно нужно мне? — Тер-пе-нье.

Мастера сцены по-разному и в разной степени используют этот прием. При сопоставлении произношения двух актеров Малого театра М. Царева и И. Ильинского (первый читает повесть А. С. Пушкина «Дубровский», второй — повесть Н. В. Гоголя «Старосветские помещики») было замечено, что в равных по объему отрывках текста М. Царевым было выделено 31 слово, И. Ильинским — 7. Эти цифры говорят о том, что речь каждого художника слова глубоко индивидуальна как по качественному набору выразительных средств, так и по их количественному составу. В характере акцентных выделений более, чем в любом другом средстве суперсегментной фонетики, проявляется способность актера показать свое индивидуальное прочтение художественного произведения и подметить скрытые для обычного читателя возможности текста.

Письменный текст, однако, обладает достаточными возможностями для передачи этого способа. Это прежде всего написание по слогам.

—. . .сейчас не имею ни гроша. Буквально: ни-гро-ша! (Из писем Чехова Лейкину, 1882 // А. П. Чехов. Полн. собр. соч., т. XIII, М., 1948, с. 273);

— Как же быть?

— Как быть? А никак. Работать. Ра-бо-тать. Понял? (Лит. газ. 1983, 20 апр.). В некоторых случаях этот способ передается разрядкой;

— Но ведь не мог, не мог, окончательно и бесповоротно н е м о г (Ю. Трифонов. Старик. М., 1980, с. 10.)

В разговорной речи способом удлинения слова выделяются тоже довольно часто: 30 % всех выделений осуществляется с помощью этого способа.

— Ни-и-чего не понял.

— И он не-за-метно постарел.

Иногда выделение слова создается растягиванием согласного. Интересно замечание М. И. Матусевич [Матусевич, 1986] о том, что удлинением гласного выражается восторг, удовольствие, нежность и, наоборот, удлинением начального согласного выражается негодование и раздражение.

Наиболее экспрессивным способом выделения слов является увеличение или ослабление силы голоса. Иногда эти способы встречаются одновременно в одном диалоге, и тогда речь достигает максимальной выразительности.

Экспрессивность этих способов обусловливает их стилевую ограниченность: они употребляются главным образом в разговорной и художественной речи. Поэтому в художественных произведениях диалоги, имитирующие разговорную речь, чаще всего используют именно этот способ акцентных выделений.

— Не касайся до нее! Не касайся до моей дочери!

— А ты, бать, молчи! Для меня теперь твои приказы не действительны / — я теперь ему подчиняюсь (К/ф «Дело было в Пенькове»).

Прием оглушения как в разговорной речи, так и на сцене (актерский шепот) иногда сопровождается жестом, когда говорящий наклоняется к уху собеседника, либо приставляет ко рту ладонь; жест нередко условный, связанный не столько с опасением быть услышанным, сколько с созданием эффекта важности сказанного. В разговорной речи отмечен самый большой процент выделений способом громкости (14 %) и глухости (8 %), в текстах художественной литературы соответственно — 9 и 7 %. В остальных функциональных разновидностях этот способ почти не встречается. Правда, в жанре публичных выступлений, входящих в состав научного и публицистического стиля, есть область, в которой

черты собственного научного и публицистического стиля сочетаются с элементами художественной речи. Это древнейшая область речевой деятельности человека, называемая ораторским искусством. В ней издавна используются приемы выразительности, которые сейчас принято относить к арсеналу художественных речевых средств. Здесь рассматриваемые способы акцентных выделений тоже уместны именно как проявление художественности или экспрессивности. Они-то и придают ораторским текстам черты художественных произведений на суперсегментном фонетическом уровне.

— Ничтожные клеветники, / насмешливые невежды / испытывали жестокую радость / видя, какое действие произвел на Пушкина анонимный пасквиль, / нарочно разосланный / по адресам его друзей и знакомых (Из ранних рассказов И. Андроникова). К интонационным способам обозначения логического ударения, помимо нейтрального ИК-2, относятся также интонационные выделения, которые по своему тоновому составу напоминают интонационные конструкции. Они могут совпадать и не совпадать с интонационным центром (тогда их удобно обозначать в транскрипции типом ИК в скобках).

— А воздух был лёгкий! Интонационное выделение слова *легкий* усилено еще и удлинением ударного гласного, экспрессия логического ударения здесь, как и в следующем примере, передается несобственным употреблением интонационной конструкции.

— Он был порядочно осанист в свои пятьдесят лет. А я перед ним такой вертун (пример из телевизионного спектакля «Подросток» по роману Ф. М. Достоевского; в роли Версилова О. Борисов).

Этот способ стилистически ограничен: он встречается преимущественно в разговорной и художественной речи. Обычно для этой цели используются ИК-3, ИК-6; реже — ИК-1, ИК-5, ИК-7.

И наконец, следует остановиться еще на одном способе выделения слов логическим ударением — о психологической паузе. Этот способ, по сравнению с предыдущим, более распространен в текстах разных функциональных сфер. Отделение паузами наиболее важных слов не является приметой какого-либо одного или двух стилей. Но она в большей степени присутствует в текстах тех жанров, которые выполняют функцию воздействия.

Подсчеты показали, что в научном стиле психологической паузой выделяются наиболее важные слова в 24 % по отношению ко всем способам выделений, в публицистическом стиле — в 16 %, в художественной речи — в 16 %, в деловом стиле — в 13 % и в разговорной речи — в 10 %.

Примеры дают представление о типичном характере этого метода в основных жанрах публицистического и научного стиля.

— Искренняя радость горит лишь в глазах ребятишек, / которые не научились еще отличать ⁶⁄ сказку / ¹ от реальной жизни. (ТВ «По странам и континентам»);

— Объясним суть метода на простом ⁄ азбучном ⁄ примере. Вот буква «А» (ТВ, научно-популярный фильм);

— В силу очень широкого комплекса свойств они могут найти ⁄ очень ⁄ широкое применение (ТВ, дикторский комментарий);

— Короткий мощный разбег / . . . и ³⁄ аэробус уходит в рейс (ТВ, репортаж).

Здесь логическое ударение падает на служебное слово — союз И. Выделяя его интонационным подъемом (ИК-3) и психологической паузой, автор репортажа создает свойственный этому жанру эффект присутствия, задерживая внимание слушателей в момент самого острого напряжения.

В разговорной речи психологические паузы сравнительно редки и к тому же не всегда отличимы от пауз колебания.

— С детства, / как и многие люди моего поколения, / особенно из художнических вузов / — я учился в архитектурном — / . . . Конечно, / он был одним из наших ⁄ кумиров. И вот этот самый Пикассо/, который был для нас недосягаем, / не дьяволом, / не богом; / вот этот Пикассо / встретил меня (А. Вознесенский, Рассказ о посещении П. Пикассо).

В художественных и разговорных текстах психологические паузы довольно часты, но этот способ нередко является сопутствующим и выступает одновременно с другими приемами выделения. Сравним два отрывка в исполнении А. Фрейндлих: первый — из монолога Катарины (комедия В. Шекспира «Укрощение строптивой»), второй — из рассказа актрисы о своей работе над этой ролью. В первом отрывке психологические паузы соединяются с другими приемами выделения (растяжкой слова, ослаблением голоса), во втором примере, уже не относящемся к художественной речи, психологические паузы выступают как единственное средство выделения особо важных слов.

— Муж. Повелитель твой, / защитник жизни, / глава твоя. В заботах о тебе / он трудится на суше / и на море, / не спит ночами в шторм, / выносит стужу, / пока ты дома ⁄ нежишься ⁄ в тепле, / опасностей не зная / и лишений.

— Женщина, / поняв / природу мужчины, / природу его претензий и желаний, / нашла свой, / немножко лукавый, / но / чисто женский / ход, / оставив за ним видимость победы, / она / сохранила за собой право / мягкими лапками / вершить свое последнее слово.

На письме психологические паузы могут быть обозначены знаком многоточия, стоящим внутри строки, либо каким-то другим способом. Иногда слово, выделенное разрядкой, требует перед собой психологическую паузу. Например:

— Все детали в его произведениях, приводящие в восторг даже самого взыскательного читателя, гармоничны, написаны красочным т у р г е н е в с к и м языком.

Стиль Тургенева — чистый, беспримесный, цельный, с в о й, какой может быть только у истинного художника. . .

И шутливое, и горькое, и простое, и высокое слово Тургенева всегда приобретает м у з ы к а л ь н у ю ясность» (А. Чичерин, Тургеневское слово // Октябрь. 1983. № 10).

Вообще по характеру логических ударений литературно-художественная речь занимает особое место: она выделяется среди других как по количеству выделенных слов, так и по разнообразию способов их выделения. В отношении количества логических ударений можно привести цифры, полученные в результате анализа текстов различных функциональных сфер языка (по 15 текстов из каждой разновидности). На одной машинописной странице текста в официально-деловом стиле встретилось в среднем 2,3 слова с фонетической выделенностью, в публицистическом — 7, в научном — 8, 7, в разговорной речи — 11,2, в художественной — 12.

Но главной особенностью художественно-литературных текстов в плане логических ударений является использование всех названных способов, в то время как в других типах речи их набор ограничен. Разнообразие же способов в чтении художественных текстов достигается еще и тем, что нередко слова выделяются одновременно несколькими способами: громкостью и растяжкой, психологической паузой и шепотом и т. д.

Страстная, / безбожная, / пустая, /
Незабвенная, / прости / меня (А. Блок, исполнение М. Царева)

Главным словом этих заключительных строк стихотворения актер сделал слово *незабвенная*, выделенное удлинением, и слово *прости*, выделенное сразу тремя способами: интонационным подчеркиванием, ослаблением голоса и психологической паузой. Такие сложные приемы создания логических ударений встречаются только в художественных текстах, прочитанных мастерами

слова. В сложных приемах выразительности художественного слова выделение главных по смыслу слов всегда занимало одно из важных мест в актерской работе. А сценическая манера того или иного исполнителя в значительной степени определяется именно своеобразием логических выделений.

Стилистически существенным является также расположение логических ударений в тексте. Во всех стилях, кроме художественного, логические ударения распределяются в тексте равномерно. В художественных текстах логические ударения подчинены замыслу эстетического воздействия, поэтому в отдельных частях текста они отсутствуют, зато в местах наибольшей напряженности присутствуют в большом количестве. При этом речь идет лишь об экспрессивно окрашенных способах выражения; нейтральный его способ, присутствуя постоянно на всем протяжении текста, не вносит в повествование сильного экспрессивного настроя. Так, в сценах высшего эмоционального напряжения присутствие логических ударений достигает максимальной концентрации.

Вот, например, в последней сцене романа Л. Толстого «Анна Каренина» (читает А. К. Тарасова) весь текст идет почти без усиленных акцентов и лишь в конце с помощью самых разных выделений актриса придает своему чтению драматическое звучание.

— Середина миновала. И вот чувство, / которое она испыты-
вала, / когда, купаясь, / входит в воду, / охватило ее. Она перекре-
стилась. Привычный жест крестного знамения / воскресил в ее
душе / ряд детских и девичьих воспоминаний. И мрак, / который
до сих пор покрывал всю ее жизнь, / прорвался. И жизнь предстала
перед нею / *со всеми своими прошедшими рāдостями.* Но она не
спускала глаз с проходившего второго вагона. И ровно в ту ми-
нуту, / как середина между колесами поравнялась с нею, / она ки-
нула красный мешочек, / вжав в плечи голову упала на руки, /
потом легким движением, / как бы готовясь встать, опустилась на
колени. И в ту же самую минуту / она ужаснулась тому, что она
делает. Где я?! Что я делаю?! Зачем?!

Таким образом, различные способы выделения слов в звучащей речи имеют определенную стилевую закрепленность, которая проявляется как в преобладании их в определенном типе речи, так и в их стилевом ограничении. Так, в официально-деловом стиле используется главным образом нейтральный способ выделения (ИК-2).

В публицистическом и научном стилях, где преобладающим способом по-прежнему остается нейтральный, употребляется также способ удлинения слов (в публицистическом чаще, чем в научном).

ТЕМП

Темп речи определяется количеством слогов или слов в единицу времени. Являясь одной из суперсегментных характеристик, темп тоже принимает участие в формировании ритмико-мелодического построения текста. Однако темповая характеристика свойственна только звучащему тексту, хотя в известных пределах она может определяться и для письменного текста, жанр и стиль которого устанавливает соответствующие темповые ограничения.

Темп — явление сложное: он включает в себя длительность произношения слов и время пауз, т. е. время говорения и время молчания. Поэтому с точки зрения методики определения темпа существует ряд нерешенных проблем. Во-первых, одни исследователи понимают под темпом только скорость звучащего материала, исключая при своих подсчетах перерывы молчания; другие принимают в расчет и то, и другое время и выводят темп из суммарного времени говорения и пауз. Этот способ не требует использования специальных приборов, он доступен каждому.

Для удобства подсчета темпа мы используем именно простейший способ, хотя отдельное рассмотрение скорости говорения дает более точное и правильное представление о темпе определенных текстов. Во-вторых, неясным является вопрос о том, на каком отрезке текста следует определять темп. Если темп стабильный, то любой отрезок текста, произносимого с таким темпом, может быть взят для его измерения; если же он изменчив, то следует делать несколько замеров, чтобы определять его минимальную и максимальную величину, решая при этом опять-таки вопрос о величине отрывка текста, сохраняющей одинаковый характер темпа. Стабильный темп измеряется на том тексте, который принимается за единицу стилистического анализа, длительностью в среднем 1—2 мин. Для определения характера темпа вводится понятие стабильности и изменчивости. При стабильности темпа определенной группы текстов общие темповые показатели (количество слов в минуту) могут совпадать с показателями таких текстов, которым свойственна изменчивость темпа. Чтобы избежать таких совпадений, темп первой группы текстов будет характеризоваться, помимо числа слов в минуту, еще и признаком стабильности, а темп другой группы — признаком изменчивости. В целях выявления стилистической функции темпа эти характеристики оказываются весьма существенными. Изменчивость, или непостоянство, темпа свойственна текстам, которым присуща эмоциональность и индивидуализация стиля, и напротив, текстам, свободным от этих признаков, отличающимся строгой нормативностью и деловым характером, свойственно постоянство темпа. Поэтому по признаку постоянства только тексты разговорного и литературно-художест-

венной речи оказываются противопоставленными текстам официально-делового, научного и публицистического стилей. Однако внутри научного и публицистического стилей имеет место противопоставление по этому признаку среди отдельных жанров. Так, жанры информативные противопоставляются жанрам аналитическим. Например, стабильный темп характерен для жанра информации или корреспонденции. Кроме того, существенным признаком в противопоставлении по характеру темпа является также противопоставленность по формам речи: письменная речь, является ли она сугубо письменной или звучащей, требует стабильности темпа, в то время как устные формы речи допускают и тот и другой характер темпа; а отдельные виды устной публицистической речи (интервью, репортаж, беседа) отдают предпочтение переменчивому темпу. В-третьих, существует еще одна проблема подсчета темпа. В одних исследованиях темп определяется количеством слов в единицу времени, в других — количеством слогов. И та, и другая методика дают достаточно точные представления о темпе, но подсчет количества слогов хотя и более трудоемкий, дает более точное представление о темпе, поскольку снимают возражение о том, что разные стили используют слова различной длины. Однако подсчеты темпа по той и другой методике показали, что различие в показателях темпа при подсчете слогов и слов не оказывает существенного влияния на основные жанрово-стилевые противопоставления.

И, наконец, для практического использования результатов исследования темпа необходимо решить, какие величины измерения темпа целесообразно использовать в методических целях. Если для строго научных целей (особенно при инструментальных исследованиях просодических характеристик) применяются точные цифровые показатели, то для практических целей удобнее использовать деление темпа на ускоренный, средний и замедленный. Именно такое разграничение темпа целесообразно включать в ритмико-интонационную характеристику текста.

Основной вопрос, который предстоит решить в связи с изучением темпа функциональных типов речи, это вопрос о том, характеризуется ли стиль текста более или менее строгой регламентацией темпа или он зависит от других, нестилевых причин, таких, как индивидуальные особенности говорящих, тема и эмоциональная настроенность текста, вид текста и т. п. До сих пор этот вопрос оставался нерешенным, и здесь предстоит ответить на него хотя бы в плане самых общих выводов.

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выяснить, отчего зависит темп звучащего текста, т. е. какие смежные явления оказывают на него влияние. Темп, или скорость прочтения текста, зависит от целого ряда явлений как индивидуального, так и языкового свойства. К явлениям языкового порядка, оказывающим влияние на темп звучащего текста, относятся, во-первых, скорость произношения слов, во-вторых, синтагматическое членение, в-третьих, паузирование, в-четвертых, ритм.

Темп и скорость произношения слов

Среди смежных с темпом явлений, оказывающих на него непосредственное влияние, прежде всего следует выделить скорость произношения слов в единицу времени. Для выявления этого показателя темпа необходимы такие подсчеты темпа, которые учитывают только время звучания. Таким образом, исключая время, которое говорящий тратит на паузы, можно подсчитать скорость произношения слов. Сравнивая показатели темпа с паузами и без пауз, можно составить представление о большой скорости произношения слов, свойственной речи профессиональных дикторов и актеров.

Умение быстро проговаривать слова позволяет варьировать темпом. Так, профессионалы-дикторы, актеры обладают способностью менять темп в зависимости от жанра передачи. Например, жанр репортажа или комментирования требует иногда предельно высокой скорости говорения при сохранении непременного требования четкости произнесения слов и фраз.

В других случаях жанр текста требует значительно замедлить скорость произнесения слов (в пределах целого текста, отдельной его части или отдельного слова). Самым простым и распространенным способом для этого является способ удлинения ударной гласной слова. Таким способом произнесенные слова оказываются особо выделенными и приобретают добавочную смысловую или эмоциональную нагрузку.

Темп и характер паузирования

Величина темпа зависит и от характера паузирования. Как уже было сказано в главе, посвященной паузам, паузы могут быть краткими, средними и длительными, а также изохронными или контрастными в пределах текста. Выбор типа паузирования определяется функциональными особенностями текста.

Таким образом, величина темпа, складывающаяся из времени говорения и времени молчания, зависит не только от скорости произношения слов, но и от количества и длительности пауз и от типов пауз, а это в свою очередь зависит от функциональной направленности текстов. Например, в официально-деловом стиле при большом количестве пауз общее время пауз незначительное, так как там много пауз нереальных, а реальные паузы очень кратки.

Темп и синтагматическое членение

Синтагматическое членение, как известно, может быть обязательным и вариативным. Наличие вариативных границ членения дает возможность прочитать текст, разбивая его на короткие и на длинные синтагмы. Деление на короткие синтагмы создает большое количество пауз и замедляет общий темп звучащего текста, и наоборот, деление на длинные синтагмы создает условия для ускоренного темпа.

Если взять два отрывка из художественных произведений, одинаковых по ряду признаков и даже по авторской принадлежности, то их сходство должно отразиться на характере темпа их устного прочтения.

Однако можно наблюдать и такие явления, когда один и тот же текст при озвучивании разными дикторами членится либо на короткие, либо на длинные синтагмы.

Чтобы проследить, как влияет разный характер синтагматического членения на величину темпа, сопоставим два отрывка из художественных произведений, очень близких друг другу по писательской манере, но прочитанных двумя актерами в различном темпе: одно в замедленном, другое в ускоренном. Речь идет о повести А. С. Пушкина «Дубровский», о том месте повести, где говорится о кончине старого Дубровского, и о повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики», анализируемый отрывок которой рассказывает о смерти Пульхерии Ивановны. Такая тематическая общность отрывков не случайна: она предполагала темповую однородность. Произведения А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя были прочитаны артистами Московского Малого театра: первое — М. Царевым, второе — И. Ильинским. Отчего же так различен оказался темп исполнения? У М. Царева он составил 56 слов в минуту, а у И. Ильинского — 70.

Отрывок, который читает М. Царев, содержит 300 слов и в нем насчитывается 92 синтагмы, а в анализируемом отрывке в исполнении И. Ильинского — 500 слов, и в нем содержится 85 синтагм. Следовательно, средняя величина синтагмы у М. Царева содержит 3,2 слова, а у И. Ильинского — 5,9. Отсюда и разный характер темпа у разных исполнителей. Теперь посмотрим, какие возможности предоставляют сами тексты для такого темпового варьирования. М. Царев, читая пушкинский текст, членит предложения на минимальные синтагмы:

«Егоровна взвыла, / слуги окружили труп,/оставленный на их попечение, / вымыли его, / одели в мундир, / сшитый в 1797 году / и положили его на тот самый стол, / за которым столько лет / они служили своему господину. Сын бросился к нему / старик лежал без чувств / и без дыхания» (А. С. Пушкин, Дубровский).

Такое дробное синтагматическое членение создает условия для большого числа пауз и для замедленного общего темпа исполнения.

Другой характер синтагматического членения мы наблюдаем в чтении повести Н. В. Гоголя И. Ильинским. Здесь между границами синтагматического членения заключены большие отрезки предложения, которые при другом прочтении могли бы состоять из

нескольких синтагм. Такое чтение производит характер ускоренного.

«Пульхерия Ивановна была безответна, / или отвечала совсем не так, чтобы можно было удовлетворить Афанасия Ивановича. . . Уста Афанасия Ивановича как-то болезненно искривились, / но он хотел, однако ж, победить в душе своей грустные чувства / и, улыбнувшись, сказал. . .» (Н. В. Гоголь, Старосветские помещики).

Таким образом, такого рода тексты описательного характера предоставляют исполнителю свободу синтагматического членения, т. е. могут члениться как на минимальные, так и на максимальные речевые отрезки, при этом выбранная манера чтения сохраняется на протяжении всего произведения. Темп при таких разных способах членения бывает тоже различным. Чем же обусловлен выбор синтагматического членения? Характером текста или индивидуальной манерой исполнителя? Несомненно, что и тем и другим, но более всего — исполнительской манерой того или иного артиста. Манера М. Царева характеризуется замедленностью, обстоятельностью, и дробное членение более способствует именно такой манере. Сравним еще несколько отрывков из текстов, прочитанных или произнесенных М. Царевым.

«В большой комнате, / освещенной сальными свечами, / которые тускло горели в облаках табачного дыма, / вельможи с голубыми лентами через плечо, / корабельные мастера / и шкиперы в полосатых панталонах / толпою двигались взад и вперед / при беспрерывных звуках / духовой музыки» (А. С. Пушкин, Арап Петра Великого).

Та же размеренность темпа создается и здесь стремлением дробить предложение на минимальные речевые отрезки. Средняя длина синтагмы и здесь оказалась равной 3,6 словам.

В текстах других стилей М. Царев сохраняет присущую ему манеру. В интервью, по случаю празднования Международного дня театра, актер продемонстрировал такую же манеру синтагматического членения; текст, приведенный на стр. 45, дает пример предельно дробного синтагматического членения. Средняя длина синтагмы составила в нем 2,4 слова.

А в следующем примере, который можно отнести к разговорной речи, М. И. Царев рассказывает о своей работе. Стилистика этого текста говорит о его непринужденном и неподготовленном характере.

«Я говорю только / об очень тонком / и глубоком понимании этого слова. Не то, что эта речь должна быть, понимаете ли, музыкальной, / нет, / она внутренне / ритмично (/) должна быть выражена (/) актером, / потому что (/) Островский / слышал свою речь, / слышал речь своих персонажей. И это / и актеры / и режиссеры, / работая над тем или иным автором, / должны, / конечно, / обязательно соблюдать».

И в этом тексте средняя величина синтагмы равна трем словам, несмотря на другой уже, не свойственный художественной речи характер паузирования.

Замедленному темпу речи М. И. Царева способствует также и растягивание слов, стоящих в центре интонационных конструкций.

Таким образом, темп речи зависит от способа синтагматического членения, который отражает индивидуальную манеру произношения. Но доля индивидуализации ограничивается возможностями самого текста, а именно его ритмикой. В этом отношении интересно проследить зависимость темпа от ритма текста.

Темп и ритм

Ритм и темп — понятия смежные, но не тождественные. Ритм — принадлежность и письменного текста. Он зависит от чередования ударных и безударных слогов и может быть выражен в слоговой характеристике, а также от синтаксического строения текста, которое определяет синтагматическое членение и интонирование текста, лежащее в основе фразовой и интонационной характеристик. Все эти характеристики заложены уже в письменном тексте, и для их определения не нужен его озвученный вариант. Другое дело — темп. Письменный текст дает только примерное представление о темпе, согласно тому, к какому стилю и жанру относится этот текст, нейтральный или стилистически окрашенный характер имеют основные его элементы. Именно по характерным для каждого типа текста темповым данным, полученным в результате изучения звучащего текста, мы и получаем представление о темпе как о стилистически значимом явлении суперсегментной фонетики. Сам пишущий не может дать указание на то, в каком темпе должен быть прочитан текст, им сочиненный, он может задать только ритм. Таким образом, ритм является заданным сочинителем, а темп является стилистически обусловленным и воспроизводится по типичным образцам.

Из трех ритмических характеристик непосредственное отношение к темпу имеет только одна фразовая характеристика и, следовательно, связанный с нею характер синтагматического членения.

Сравнивая две актерские манеры (М. И. Царева и И. В. Ильинского), мы установили различную способность членения текста на синтагмы: один из актеров членит текст на длинные синтагмы, состоящие в среднем из пяти слов, другой — на короткие, состоящие из трех слов. Темп при этом у одного актера убыстряется, у другого замедляется. Но ритм и того и другого произведения сохраняется одинаковым. Вторая ритмическая характеристика объединяет оба текста по высокой степени ритмичности, т. е. по соразмерности величины синтагм. Поэтому при делении текста на минимальные или максимальные синтагмы отмечается один и тот же ритмический показатель. Таким образом, темп речи, являясь признаком звучащего текста, зависит от индивидуальных особенностей говорящих, в то время как ритм речи, являясь свойством самого текста, не зависит от индивидуальной исполнительской манеры, точнее сказать, в очень малой степени зависит от нее (эти индивидуальные отклонения от ритма, заданного автором, в основном зависят от способности понять и воспроизвести тот ритм, который заложен в текст).

Ритм является художественным приемом для пишущего, а темп — художественный прием для читающего. Чтобы придать тексту характер ускоренный или замедленный, писатель создает такой ритм, который требует ускоренного или замедленного произношения. Поэтому можно слышать такие обиходные выражения: «Написано в ускоренном ритме», «Читал, замедляя ритм», — в которых смешиваются понятия темп и ритм. На самом деле, эти понятия легко разграничиваются: ритм определен структурой текста и выражается в регулярном чередовании ударений, пауз и интонационных типов, а темп — характеристика звучащего текста, она определяется его стилевой принадлежностью и вычисляется звучанием в единицу времени.

Ритм — это регулярность чередования однотипных явлений, а темп — это скорость звучания текста.

Существует прямая зависимость темпа от ритма. Определенный характер ритма требует и определенного темпа. Известно, как Маяковский, меняя поэтические картины, менял ритм:

(I) Будешь за море отдана,
Скроешься у ночи в норе —
(II) Я в тебя вцелую,
Сквозь туманы Лондона
Огненные губы фонарей.

Вторая часть произносится в другом, более четком ритме и ускоренно: изменился ритм — изменился темп. Именно таким образом, через ритм, писатель может оказывать влияние на темп, требуя его ускорения, замедления или оставляя постоянным.

Темп, являясь средством суперсегментной фонетики, имеет нейтральные и стилистически окрашенные характеристики.

Нейтральным темпом является средний. Он используется во всех типах речи, не привнося с собой каких-либо стилистических

особенностей. Межстилевой характер среднего темпа проявляется в том, что рядом с ним во всех стилях выступают стилистически окрашенные характеристики темпа (ускоренный и замедленный). Например, официально-деловому и публицистическому стилям свойствен средний и ускоренный темп, научному — средний, ускоренный и замедленный, литературно-художественной речи — средний и замедленный, разговорной речи — средний, ускоренный и замедленный.

Стилистически значимым является также деление темпа на стабильный и изменчивый. Нейтральным характером темпа является стабильный. Так же, как и нейтральный средний темп, он показан текстам всех функциональных типов. На его фоне стилистически окрашенным оказываются нестабильный, или изменчивый, характер темпа. Так, официально-деловому стилю, научному и публицистическому свойствен стабильный характер (за исключением отдельных жанров публицистического стиля, в которых может употребляться и изменчивый темп), а разговорной и литературно-художественной речи наряду со стабильным, свойствен изменчивый характер темпа.

О характере темпа в текстах функциональных разновидностей речи можно сделать следующие выводы. Различие в величине темпа текстов в функциональных типах речи определяется не стилевыми, а жанровыми признаками. Наибольшей общностью темпа отличаются тексты официально-делового стиля. Здесь жанровое разнообразие не оказывает влияние на темп, который во всех жанрах не выходит за пределы среднего (слегка ускоренного) и стабильного. Дикторская манера произношения, свойственная большинству текстов официально-делового стиля, имеет и свой характерный темп, немного ускоренный за счет сокращения времени, отведенного на паузы. Большое число нереальных грамматических пауз, отсутствие психологических пауз и пауз колебания сокращают общую скорость дикторской речи, не увеличивая скорость произношения слов. Это делает дикторскую речь отчетливой и легко воспринимаемой.

Информационные жанры публицистического и научного стиля, главной составляющей частью которых являются черты официально-делового стиля, имеют такой же темп, какой свойствен вообще текстам официально-делового стиля.

Среди ведущих жанров научной речи следует провести в отношении темпа основное разграничение между письменными и устными формами. В письменных формах (жанр тезисов, статьи, диссертации, монографии) темп при озвучивании сохраняется средним и стабильным. Среди устных форм научного стиля различаются жанры, характеризующиеся разной степенью подготовленности. Подготовленность отличает такие жанры, как доклад, лекция, сообщение. Общий темп таких текстов средний или ускоренный, характер темпа стабильный или изменчивый. Смена темпа связана со смысловым фактором: места наибольшей смысловой важности произносятся слегка замедленно.

Так, например, темп информации высок и стабилен. При этом его отличает размеренность за счет того, что при средней скорости произношения слов время, отведенное на паузы, сокращено до предела: много нереальных грамматических пауз, очень мало неграмматических (дикторских) пауз, при этом они предельно кратки. В репортаже, напротив, при высокой скорости произношения слов много пауз, не связанных со значением (неграмматических пауз колебания), многие из которых превышают среднее время, отведенное для паузы. Однако хотя темп информации по средним показателям превышает темп репортажа, восприятие темпа этих двух жанров оказывается обманчивым: создается впечатление, что информация звучит размеренно, а репортаж ускоренно. Эта иллюзия высокой скорости речи в репортаже создается за счет быстроты проговаривания слов.

Но если темп заметки и репортажа различается скоростью произношения слов и характером пауз, то темп корреспонденции и очерка различается только по способу паузирования: в корреспонденции пауз много и они характеризуются небольшой длительностью, в очерке — пауз меньше, но они более длительны. Однако эти различия в темпе различных жанров вызваны собственно жанровыми причинами. Существенным фактором, влияющим на темп текста, оказывается степень его подготовленности и степень опоры звучащего текста на письменный. Тексты, зачитываемые дикторами, т. е. полностью подготовленные тексты, обладают наиболее ускоренным и стабильным темпом, а тексты, произнесенные спонтанно, соответственно обладают темпом меньшей величины и отсутствием стабильности.

Публицистические тексты, зачитываемые с листа, звучат обычно в дикторском исполнении. Высокий темп дикторской речи объясняется главным образом за счет опоры на письменный текст.

Но несмотря на высокий темп, речь диктора воспринимается как ровная и спокойная. В таком темпе звучит вся информация по радио и телевидению. Тексты, произнесенные спонтанно, без опоры на письменный текст, имеют более низкий темп, сокращающийся за счет большого числа неграмматических пауз.

Индивидуальные особенности говорящих или читающих оказывают на темп существенное влияние. Публицистические тексты, звучащие в исполнении дикторов, более поддаются сравнению за счет общей (дикторской) манеры чтения и говорения. Поэтому расхождения в показателях темпа информации оказываются самыми минимальными. Другие жанры, напротив, дают большие расхождения по темповым показателям именно из-за того, что тексты этих жанров озвучиваются журналистами с разной степенью профессиональной подготовки.

Таким образом, проанализировав на материале звучащих текстов стилистические возможности интонации, паузирования, темпа и логических ударений, мы пришли к выявлению фонетических признаков различных функциональных типов речи, к выводу об их фонетической противопоставленности.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

Для описания морфологических явлений в функционально-стилистическом аспекте были отобраны вид/время глагола, число существительных и употребление местоимений. Эти грамматические единицы более других связаны с двумя важнейшими сторонами высказывания — с характеристикой предиката с точки зрения временной локализованности—нелокализованности и референциальной отнесенностью именных групп. Две названные характеристики взаимодействуют в пределах высказывания и непосредственно связаны с функционально-стилистической дифференциацией языковых средств. Во-первых, сам набор денотативных статусов и типов временной локализованности различен в разных функционально-стилистических типах речи. Во-вторых, одни и те же или сходные значения выражаются в разных сферах речи разными грамматическими средствами. При этом выбор способа выражения некоторого смысла может быть ограничен в случае присутствия субъективно-модальных добавок в значении формы.

Монографическое единство раздела обеспечивается функционально-стилистическим аспектом. В пределах этого мы сочли возможным, в связи со спецификой конкретного материала, а также различными научными склонностями авторов, допустить варьирование подходов и методов при описании грамматических явлений.

СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА И СТИЛИСТИКА ВИДО-ВРЕМЕННЫХ ФОРМ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Данный раздел посвящен описанию частных видовых и видо-временных значений. В дальнейшем мы не будем терминологически различать собственно видовые и видо-временные значения, а будем говорить просто о частных значениях.

В разделе рассматривается два больших типа видовых и видо-временных форм.

К первому типу отнесены формы, имеющие обычную текстовую функцию, т. е. обозначающие события действительности, реальные

www.ruslang.ru

или воображаемые. Они сгруппированы в три разряда, в которые включены частные значения с общими компонентами: 1) 'предстоящее действие', 2) 'единичное действие в прошлом, достигшее результата' и 3) 'узуально-потенциальное действие'.

Мы поставили перед собой цель — предложить полные толкования для видо-временных форм, содержащих названные компоненты, обосновать эти толкования, исследовать контекстуальные (семантические, лексические, морфологические и синтаксические) условия реализации данных форм и вывести — там, где это возможно — их функционально-стилистические особенности из семантических, прагматических и сочетаемостных свойств.

Ко второму типу отнесены некоторые специальные способы передачи уже отраженной действительности, т. е. формы, которые используются не при рассказе о действительности, а при повторной дескрипции — пересказе текстов. Исследуется специфика употребления видо-временных форм в этой метатекстовой — пересказывательной — функции.

Особенности нашего подхода к исследованию частных значений продиктованы общей задачей монографии, спецификой самого материала и отчасти спецификой выбранного нами метода описания.

Одной из самых глубоких особенностей частных видовых значений является то, что многие входящие в них смысловые компоненты носят неявный, имплицитный характер. Многое в частных видовых значениях относится к области того, что Бодуэн де Куртене назвал «потаенными, скрытыми языковыми представлениями» [Бодуэн де Куртене 1963, 185] и что в современной лингвистике получило наименование «скрытых грамматических категорий» [см. Бондарко 1978, 16; Вежбицка 1980, 49—50; Булыгина 1980, 332—354]. Процитируем в этой связи и следующее глубокое замечание Ю. С. Маслова: «Лингвист, проходящий мимо частных значений и их оппозиций, лишает себя возможности проникнуть в область «подразумеваемого» («das Gemeinte» Э. Кошмидера) т. е. добраться до того, что собственно имеет в виду своим высказыванием говорящий» [Маслов 1984, 71].

Другая особенность частных видовых значений состоит в том, что они входят в разнообразные квазисинонимические отношения друг с другом. В аспектологии принято говорить о синонимии или конкуренции видов в случаях, когда взаимная замена форм совершенного вида (СВ) на формы несовершенного вида (НСВ) не приводит к заметному изменению смысла высказывания [Матезиус 1938; Бареш 1956; Кржижкова, 1961; Станков 1976; Рассудова 1982, 30, 38, 67—71; Маслов 1984, 70—84]. Так, сравнивая пары примеров *Он стоял / простоял там целый час*; *Он два раза обернулся / оборачивался*; *Он открывает самые сложные замки / откроет самый сложный замок*; Ю. С. Маслов комментирует их следующим образом: «Оба вида описывают, в сущности, тождественную ситуацию и различаются только тонкими оттенками, так что скорее следует говорить о видовой синонимии» [Маслов 1984, 72].

В предлагаемом ниже описании частных видовых и видо-временных значений мы исходили из представления о том, что «конкурирующие» значения, как бы близки они ни были друг другу, не являются полностью синонимичными. Синонимия возникает здесь за счет контекста, на уровне общего смысла предложения. Сами же глагольные формы не более чем квазисинонимичны, т. е. сохраняют, несмотря на большую смысловую близость, достаточно существенные различия в значении. В последнем примере Ю. С. Маслова, где формы НСВ и СВ имеют потенциальное значение, смысловое различие сохраняется, по нашему мнению и между предложениями, хотя оно действительно трудно уловимо и, как пишет Ю. С. Маслов, вряд ли может быть передано при переводе на «безвидовые» языки. Нашей целью было как раз эксплицировать подобные семантические различия.

Именно наличие в языке грамматических форм с близкими квазисинонимическими значениями является онтологической основой того подхода к описанию грамматических фактов, который был намечен еще в работах [Брюно 1922, Есперсен 1958, Щерба 1947]. С середины 60-х годов он представлен работами по модели «Смысл ↔ Текст», а в последние годы получил широкое распространение и признание под названием функциональной грамматики [см. Бондарко 1967; Шмелев 1977; Маслов 1978; Бондарко 1983; Бондарко 1984; Бондарко 1985; Гак 1985; Шведова 1985; Шелякин 1985; Слюсарева 1985; Храковский 1985; Долинина 1985; Мартынов 1985 и многие другие работы этого направления, см. также введение в настоящем исследовании].

Третья особенность изучаемого материала состоит в том, что каждый из двух видов обладает богатой полисемией, причем частные значения каждого из видов обнаруживают отчетливое сходство с главным значением того же или противоположного вида. Подобные грамматические единицы в лингвистике издавна изучались с двух точек зрения.

В основе первой лежит понятие семантического инварианта, т. е. такого общего значения грамматической формы, которое является ее основным значением и из которого все частные значения выводятся как контекстуально обусловленные (=контекстные) варианты. При этом само общее значение считается свободным от влияния контекста.

Вторая точка зрения признает многозначность (или мультифункциональность) грамматических форм.

Обе эти точки зрения имеют давнюю традицию в науке. История вопроса хорошо прослежена в [Бондарко 1978, 128—140].

А. В. Бондарко указывает на весьма давнее возникновение первой из этих двух концепций (сформулированной вначале, естественно, не в современной терминологии «вариантов» и «инвариантов»). Так, в отечественной лингвистике эта мысль была высказана еще К. С. Аксаковым и Н. И. Некрасовым [Аксаков 1860, 82; Некрасов 1865, 106]. Еще ранее эта мысль высказывалась Ф. Вюльнером [Вюльнер 1827], который писал о необходимости

найти в лингвистической форме единственное основное значение довольно высокой степени абстракции, чтобы из него могли быть выведены все конкретные употребления формы [Бондарко 1978, 129].

Современный вид эта концепция получила в ряде работ Р. О. Якобсона, опирающегося, с одной стороны, на взгляды своих предшественников, а с другой — на результаты, достигнутые в фонологии [Якобсон 1985*а*, 210—222; Якобсон 1985*б*, 176—197]. Теория инварианта зародилась в фонологических трудах Казанской лингвистической школы еще в 70-е годы прошлого столетия, а затем получила блестящее развитие в фонологических работах Пражской лингвистической школы [Трубецкой 1960; Якобсон и др. 1962; Якобсон и Халле 1962]. На переносе фонологических понятий в морфологию и основана данная теория Р. О. Якобсона [1].

Таким образом, представление о едином общем значении и выводимых из него частных значений существует в науке уже более 100 лет. Мы подчеркиваем это обстоятельство, поскольку удачных конкретных описаний многозначных форм, выполненных на основе этого принципа, практически не существует. Известная работа Р. О. Якобсона о категории падежа, где общие значения падежей описываются с помощью дифференциальных семантических признаков, не получила развития в лингвистике.

Вторая точка зрения также существует с давних пор. Крайний взгляд принадлежит А. А. Потебне, который вообще отрицал наличие любого общего значения у грамматической формы в языке, сводя все к конкретному речевому, контекстному употреблению [Потебня 1958, 42].

Хорошо сбалансированный взгляд по этому вопросу принадлежит Ф. Ф. Фортунатову. В одних случаях он усматривает у формы общее значение, которое лежит в основе всех ее отдельных значений, ср., например, значение возвратного залога на *-ся* [Фортунатов 1903, 1154]. В других случаях он констатирует многозначность грамматической формы. Ср., например, два значения у формы настоящего времени — «относительно к настоящему времени или же без отношения к определенному времени» [Фортунатов 1956, 160], или несколько значений у творительного падежа [Там же, 162].

Сходный подход к определению значений грамматических форм представлен в других концепциях, см. [Пешковский 1935, 261—272; Виноградов 1977, 169—170; Кошмидер 1965, 168; Кошмидер 1962, 409—416]. Близкую к этому точку зрения развивает и А. В. Бондарко [Бондарко 1978, 163—169].

Несмотря на всю соблазнительность первого подхода, представить частные видовые значения как контекстно обусловленные ва-

---

[1] Ср. скептическое отношение А. Мазона к объяснительным возможностям фонологических методов для решения аспектологических проблем [Мазон 1958, 36], а также критику М. И. Стеблина-Каменского по поводу «фонологической метафоры», предполагающей изоморфизм незнакового (фонологического) и знакового уровней [Стеблин-Каминский 1974, 80].

рианты главных видовых значений для русского языка практически не представляется возможным, по крайней мере на нынешнем этапе развития аспектологических исследований. Трудность состоит в невозможности однозначно сформулировать контекстные условия, в которых исходное значение всегда (!) заменялось бы соответствующим частным и только им. Именно в этом случае была бы достигнута искомая аналогия с фонологическими описаниями.

Можно трактовать выводимость более широко — как правила преобразования исходного, главного значения в данное частное. Такие правила должны включать все необходимые условия и факторы, в том числе коммуникативные и прагматические, которые позволяют нам понимать глагольную форму именно в данном частном значении. Такая выводимость может иметь преимущества перед описанием СВ и НСВ как многозначных граммем в том случае, если правила будут носить достаточно общий и простой характер и если при преобразовании главного значения в частное они оба будут сохранять достаточную смысловую общность. Но если окажется, что при выведении частных значений в полном объеме наращения слишком велики и индивидуальны, а правила слишком сложны и тоже индивидуальны, то выводимость будет иметь искусственный и в сущности фиктивный характер. Такая выводимость не будет отличаться в принципе от описания частных значений как отдельных сущностей с указанием условий их реализации.

Впрочем, функционально-стилистический аспект исследования ставит в центр внимания иные вопросы, нежели проблема выводимости. Поэтому здесь мы не углубляемся далее в этот вопрос, предполагая рассмотреть его в другой работе. В данной работе мы описывали частные значения как отдельные сущности.

Перечисленные особенности частных видовых значений — неявность многих смысловых компонентов, входящих в их состав, их разветвленная квазисинонимия и полисемия — в значительной мере предопределили метод их исследования. Наиболее подходящим инструментом семантического исследования таких языковых единиц является метод толкований, сопряженный с лингвистическим экспериментом. Последнее необходимо подчеркнуть особо. Поскольку многие смысловые компоненты частных значений нельзя ощутить непосредственно и они не подтверждаются нашими интуитивными представлениями, то вскрыты они могут быть только с помощью эксперимента.

Переходя к описанию частных видовых и видо-временных значений русского языка, отметим, что им посвящена обширная литература. Сама номенклатура частных значений основывается на следующих работах [Мазон 1914; Маслов 1959; Рассудова 1968; Бондарко 1971]. Из работ, связанных с описанием конкретных частных значений, назовем здесь еще [Шешковский 1935; Коммидер 1962*а* и *б*; Виноградов 1947; Поспелов 1948; Головин 1950; Бондарко 1959; Бондарко, Буланин 1967; Форсайт 1970; Гаспаров

1978; Калабухова 1980; Гловинская 1981; Бондарко 1983; Маслов 1984 и др.].

Свое изложение мы стремились организовать следующим образом: примеры употребления; толкование и его обоснование; соотношение данного значения с главными значениями НСВ и СВ, т. е. обозначение действия 'в протекании' или 'в результате' [2]; классы глаголов, для которых характерно данное значение; обязательные контекстуальные условия реализации значения; факторы, способствующие или препятствующие его реализации; стилистическая характеристика формы с данным значением.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ 'ПРЕДСТОЯЩЕЕ ДЕЙСТВИЕ'

В этом разделе мы рассмотрим следующие способы выражения значения 'предстоящее действие': 1) формы будущего времени СВ и НСВ (*Я прочту*; *Я буду читать*) 2) формы настоящего и прошедшего времени в профетическом значении (*Завтра мы идем в театр*); 3) прошедшее СВ в значении близкого будущего (*Ну, я пошел!*); 4) прошедшее СВ в значении неизбежного будущего (*Мы погибли!*); 5) прошедшее СВ в значении иронического отрицания будущего действия.

Каждая из этих форм неоднократно описывалась в литературе. Тем не менее, рассмотрение сразу целой группы языковых средств, выделенных на основе общего смысла, позволяет обнаружить новое в их значении и яснее представить их сходства и различия.

Статус перечисленных способов выражения предстоящего действия неодинаков. Только формы, для которых обозначение будущего действия является их основным значением, а также формы настоящего и прошедшего профетического можно считать бесспорными носителями значения 'предстоящее действие'. Что же касается трех остальных значений, то обилие лексических, морфологических и синтаксических ограничений, сопровождающих их реализацию, наводят на мысль, что эти значения выражаются не видо-временной формой самой по себе, а всей совокупностью условий, в число которых входит эта форма.

Предстоящее действие, выражаемое формами будущего времени обоих видов

Это наиболее нейтральное обозначение будущего действия; формы будущего времени обозначают то, что может или должно иметь

[2] Ср. замечания О. Даля: «Все, что происходит в мире, может быть описано либо в терминах процесса, либо в терминах события» [Даль, 1974]. См. также [Гловинская 1983].

место после момента речи т. е. предстоящий факт без специфических модальных или экспрессивных добавок. Мы не имеем в виду, естественно, модальности будущего как такового, связанной с тем, что факт еще не наступил и поэтому не стал абсолютной реальностью. Эта модальность одинаково присутствует во всех способах обозначения будущих фактов.

Мы не будем здесь касаться сложнейшей логико-философской и семантической сущности понятия будущего времени. Нас интересует сравнительная характеристика семантики разных способов выражения предстоящего действия, а для этого достаточно уяснить, что значение, выражаемое формами будущего времени, каково бы оно ни было, входит как составная часть в значение всех прочих способов выражения будущего.

Формы будущего времени НСВ (*Я буду читать*) обозначают действие 'в протекании', либо с самого начала отнесенное в будущее, либо такое, которое в момент речи уже начато и будет дальше продолжено в будущем (Вопрос к читающему человеку: — *Ты что будешь делать? — Буду читать*) [3]

Формы будущего времени СВ (*Я прочту эту книгу*) обозначают действие, которое достигнет полного результата, также либо целиком (от начала до конца) отнесенное в будущее, либо такое, которое уже начато в момент речи и будет закончено в будущем (Вопрос к читающему человеку: — *Что ты будешь делать? — Вот прочту статью и пойду домой*).

Формы будущего времени наиболее свободно выражают значение предстоящего действия по сравнению с другими способами выражения этого значения.

Так, обычное значение будущего времени имеют любые глаголы, в то время как другие способы обозначения предстоящих событий возможны далеко не у всех глаголов. Например, можно сказать *Министерство торговли будет препятствовать заключению этого договора*, но невозможно употребить глагол *препятствовать* в профетическом значении (или настоящего намерения): * *В будущем году министерство торговли препятствует заключению этого договора*.

Возможно обычное будущее глагола *съесть* (*Я съем это яблоко*), но невозможно употребить прошедшую форму этого глагола в значении близкого будущего (ср. *Я пошел*, но не **Я съел это яблоко*)

Формы будущего времени могут употребляться с любыми обстоятельствами будущего времени, во всех обычных, а не специфических синтаксических контекстах. В то же время другие способы обозначения предстоящего действия связаны со специальными ограничениями на семантическую и синтаксическую сочетаемость. Например, формы прошедшего СВ в значении близкого будущего

---

[3] О связи будущего действия с планом настоящего в формах будущего времени СВ и НСВ см. [Карцевский 1927, 153; Виноградов 1947, 569, 574; Исаченко 1960, 445; Кржижкова 1962 Бондарко 1962; Поспелов 1966; Фуксман 1973, 91—102; Шелякин 1980, 9—21].

не могут сочетаться с обстоятельствами будущего времени (**Ну, через минуту я побежал на работу*).

Обычное будущее имеет все спрягаемые формы, эти формы сочетаются соответственно со всеми личными местоимениями. Другие обозначения предстоящих действий и в этом отношении менее свободны. Так, формы прошедшего СВ в значении близкого будущего не сочетаются с местоимениями 2-го лица в утвердительных предложениях. Предложения типа *Ты пошел на рынок* в значении близкого будущего кажутся очень странными, их трудно осмыслить.

И, наконец, эти формы обычного будущего, являясь нейтральными стилистически, употребляются совершенно свободно во всех без исключения функциональных стилях и жанрах, в отличие от прочих форм, ограниченных и в этом отношении.

Настоящее НСВ предстоящего действия

Остановимся вначале на настоящем предстоящего действия, так называемом praesens propheticum (или «настоящем намерения» или «запланированного будущего»). Приведем примеры:

Решено было, что будущую зиму мы служим вместе в большом приволжском городе, куда он приглашен уже (М. Г. Савина); *Она писала, что укладывается и выезжает в Петроград* (А. Толстой); *Катя сдержанно, но тем же низким и хрипловатым голосом спросила у Рощина: — Вы уезжаете?* (А. Толстой); *Ты жива, жива, ты домой вернулась, а вот теперь уезжаешь* (Е. Шварц); *Он только в последний момент сказал своей супруге: Возникло чувство к другой. Расстаемся. Деньги буду посылать почтой* (М. Зощенко); *Конечно, сейчас штабы, эта дурацкая война, большевики, и Петлюра, и долг, но потом, когда все придет в норму, он бросает военную службу, несмотря на свои петербургские связи, вы знаете, какие у него связи — ого—го. . . и на сцену* (М. Булгаков); *Моя карта бита. Завтра перехожу наверх к девочкам* (Н. Ильина); *Дал я себе твердое слово — бросаю курить* (А. Маркуша); *Вы слышали / она переходит к нам в сектор //* (Из записей разговорной речи. — Далее РР); *Он идет на базу?*; *В среду обедаем вместе / да / Саша?*; *Вы сегодня вечером на концерт идете? Собираемся //* (Из записей РР); *Франция отмечает в августе 40-ю годовщину освобождения от немецко-фашистских захватчиков* (газета «Правда»).

О значении этой формы писали многие лингвисты. Так, у А. М. Пешковского находим следующее определение: «Настоящее вместо будущего для изображения наверное ожидаемых в будущем фактов как бы происходящих в момент речи» [Пешковский 1935, 191]. В. В. Виноградов считал, что «форма настоящего времени в этом случае выражает готовность действия совершиться или потенциальное наличие ближайшего будущего действия. Эти оттенки значения формы настоящего времени возникают на основе субъективного представления будущего действия как уже осуществляющегося, реализующегося в сознании субъекта» [Виноградов,

1947. 572]. «Действие осуществится в будущем, но намерение, готовность, решимость его осуществить или уверенность в том, что оно произойдет, проявляются уже в настоящем» [Бондарко, 1971, 154].

Предлагаемое толкование опирается на эти суждения, хотя и не вполне с ними совпадает:

'(1) Будет иметь место событие или действие P;

(2) В момент речи событие P запланировано или может быть предсказано с высокой вероятностью;

(3) Говорящий оценивает время события P как близкое будущее'.

От значения простого будущего данное толкование отличается компонентами (2) и (3). Остановимся на них подробнее.

'(2) В момент речи событие P запланировано или может быть предсказано с высокой вероятностью'.

Наличие этого компонента отразилось в названиях данного видо-временного значения — «настоящее намеченного действия» [Пешковский 1935, 190—191], praesens propheticum [Мазон 1914, 125—127], «запланированное будущее» и т. п.

Компонент этот даст о себе знать при сопоставлении данной формы с формой обычного будущего СВ. Приведем контекст, где эти формы противопоставлены: *Кутузов дает мне тысячу сабель! Я ухожу в тыл к французам! — Дает? — изумился Бедряга. — Не дает, так даст! — не моргнув глазом, воскликнул Денис* (С. Ермолинский).

В предложения с формой НСВ предстоящего можно ввести наречие *уже*: *Кутузов уже дает нам тысячу сабель* (т. е. его согласие в момент речи уже имеется); *Пригласим их завтра вечером к нам? — Нет, они уже идут в кино* (т. е. в момент речи такой план уже имеется). Семантически это наречие относится к компоненту 'действие запланировано'.

В предложениях с формой обычного будущего наречия *уже* употребить нельзя из-за отсутствия компонента, к которому оно могло бы присоединяться: **Кутузов уже даст нам тысячу сабель*; **Они уже поедут летом на байдарках*.

Это семантическое различие между сравниваемыми формами приводит к некоторым прагматическим различиям в их употреблении. Например, при отклонении приглашения с разной степенью вежливости звучат фразы: *Не могу, я пойду завтра в кино* и *Не могу, я иду завтра в кино*. Вторая фраза воспринимается как более вежливая именно из-за того, что действие представлено как запланированное к моменту речи, и тем самым для говорящего объективно не остается возможности принять приглашение. В первом же случае речь идет об обычном намерении совершить действие, и нежелание отказаться от него может восприниматься как неучтивость.

Реализация второго компонента толкования регулируется следующим правилом: если глагол обозначает целенаправленное действие или результат целенаправленного действия (*По завещанию*

бабушки она получает часть дома), то реализуется первый член дизъюнкции: 'действие или событие запланировано в момент речи'; если глагол обозначает процесс, не зависящий от воли человека (*Завтра начинается сезон дождей*), выбирается второй член дизъюнкции — 'событие может быть предсказано с высокой вероятностью'.

'(3) Говорящий оценивает время события как близкое для данной ситуации будущее'; ср. «ближайшее будущее действие» у В. В. Виноградова.

Оценка будущего момента как близкого или не близкого для данного события, разумеется, не производится индивидуально говорящим в акте речи. Она концептуализирована в языке. Роль говорящего состоит в отборе нужного языкового средства, т. е. такой языковой единицы, в толковании которой входит оценка, совпадающая с его собственной оценкой рассматриваемой ситуации.

Обосновывая наличие этого компонента, мы будем пользоваться текстами (фразами), в составе которых есть элементы, противоречащие ему. Эти фразы не являются в прямом смысле грамматически неправильными, они только семантически странны. Более того, каждая из них может быть осмыслена как правильная, хотя и описывающая ситуацию, отличную от привычной для нас. Относительно нашего мира, с принятыми в нем сроками протекания определенных процессов и осуществления различных действий, эти фразы воспринимаются как нелепые, странные. Именно эта семантическая странность и указывает на то, что в тексте есть элемент ('в близком будущем'), семантически несовместимый с явно выраженным противоположным смыслом.

Чтобы понять, что означает 'близкое будущее' рассмотрим следующие фразы:

(1) *Завтра* (*послезавтра*) *она работает ‹занимается› в библиотеке*, но не

(1а) ?*Через год она работает ‹занимается› в библиотеке.*

(2) *Решено: через год я поступаю в университет*, но не

(2а) ?*Решено: через 10 лет я поступаю в университет.*

(3) *Я еду в командировку через месяц*, но не

(3а) ?*Я иду в библиотеку через месяц.*

(4) *Через десять лет на Земле наступает похолодание*, но не

(4а) ?*Через десять лет в этом районе наступает похолодание.*

Сопоставляя фразы (1) и (1а), (2) и (2а), мы видим, что данные глагольные формы свободно сочетаются с обстоятельствами, обозначающими более близкое будущее, и менее свободно — с обстоятельствами, обозначающими отдаленное будущее. При этом следует иметь в виду, что понятие близкого будущего является относительным, между близким и отдаленным будущим нет абсолютной временной границы. Сопоставление примеров (1а) и (2), (3) и (3а), (4) и (4а) показывает как раз, что один и тот же момент оценивается языком как близкое будущее для одних ситуаций и как далекое для других, в зависимости от их характера. Так,

в примере (3а), когда речь идет о посещении библиотеки (простое действие, целиком зависящее от воли субъекта, не требующее специальных длительных приготовлений), *через месяц* воспринимается как отдаленное будущее, и поэтому фраза *Я иду в библиотеку через месяц* кажется нелепой. Когда же в примере (3) речь идет о командировке (более сложное действие, которое обычно согласуется с другими лицами или учреждениями и планируется задолго до исполнения), *через месяц* означает близкое будущее, и поэтому соответствующая фраза является совершенно нормальной.

Особенно показательны в этом отношении примеры (4) и (4а). Десять лет в истории Земли означают ничтожно малое время, и поэтому обстоятельство *через десять лет* обозначает близкое будущее для всех состояний и изменений, связанных с Землей. Поэтому правильна и соответствующая фраза. В то же время, если речь идет о прогнозе погоды для определенного района, то *через десять лет* обозначает, как легко понять, весьма отдаленное будущее — ведь прогнозы погоды для конкретных географических зон делаются на короткие сроки. Поэтому и соответствующая фраза воспринимается как странная или нелепая.

Компонент 'В будущем, которое говорящий оценивает как близкое будущее' дважды дейктичен. Во-первых, это обычный временной дейксис: время событий оценивается относительно момента речи. Во-вторых, это более дифференцированное соотнесение времени события с моментом речи: один и тот же реальный момент времени оценивается в зависимости от характера события либо как близкое, либо как не близкое будущее.

Мы не включили в толкование компонента 'Говорящий уверен в наступлении события', который предполагался А. М. Пешковским («наверное ожидаемые в будущем факты»); об этом писал также Б. Комри [Комри 1985, 47—48]. Ранее и мы усматривали этот компонент в значении данной формы [Гловинская 1986, 25]. Разберем аргументы, содержащиеся в названных нами работах.

Приведем следующее рассуждение Б. Комри: «Мы не утверждаем, что предложение *Поезд отправляется в 5 часов завтра утром* имеет то же самое значение, что и *Планируется, что поезд отправится в 5 часов завтра утром*[4]. В первом предложении утверждается, что поезд действительно отправится в названное время и что, более того, это является результатом планирования; между тем, во втором говорится только, что согласно расписанию 5 часов есть время отправления поезда, но не говорится, что поезд действительно отправится в соответствии с расписанием. Поэтому вполне разумно говорить *Планируется, что поезд отправится в 5 часов завтра утром, но на самом деле он не отправится раньше шести*, между тем как было бы противоречием сказать *Поезд*

[4] Английские примеры заменены нами на русские, так как сказанное справедливо и для русского языка.

отправляется в 5 часов завтра утром, но в действительности он не отправится раньше шести» [Комри 1985, 47—48].

Выражение Б. Комри «действительно отправится» мы рассматриваем как эквивалент более эксплицитного выражения «говорящий уверен в наступлении события» — иначе трудно понять, что может значить «действительно» по отношению к еще не состоявшемуся событию.

Неправильность последней проанализированной Б. Комри фразы еще не свидетельствует о необходимости данного компонента. Продолжение фразы (*. . .в действительности он не отправится раньше шести*) несовместимо с первым компонентом значения формы *отправляется* — 'будет иметь место событие Р', т. е. 'поезд отправится в 5 часов'. Возникает противоречивое утверждение 'Поезд отправится в 5 часов, но в действительности он не отправится раньше шести'. Тем самым для объяснения этого случая достаточно предложенного толкования.

В нашей работе необходимость в компоненте 'говорящий уверен' обосновывалась неправильностью фраз с явно выраженной неуверенностью типа **Пожалуй, на будущей неделе мы идем в театр*; **Вряд ли я сейчас отправляюсь за покупками*. Однако для объяснения этого обстоятельства также нет необходимости постулировать компонент 'говорящий уверен'.

Обратим внимание на следующие группы фактов.

1) При совпадении говорящего и субъекта действия данные формы плохо сочетаются и с показателями уверенности, и с показателями неуверенности: ?*Сомневаюсь, что я иду завтра в кино*; ?*Я уверен, что завтра читаю лекцию*; ?*Завтра вечером я наверняка иду в библиотеку*. При этом формы обычного будущего нормально подставляются в подобные фразы: *Сомневаюсь, что я пойду завтра в кино*: *Я уверен, что завтра буду читать лекцию*; *Завтра вечером я наверняка пойду в библиотеку*.

2) При несовпадении говорящего и субъекта действия данные формы сочетаются и с показателями уверенности, и с показателями неуверенности: *Вряд ли она идет завтра в библиотеку*; *Я уверен, что она завтра идет в библиотеку*.

В подобных случаях говорящий сомневается или уверен не только в наступлении действия, но и в том, что оно к моменту речи в принципе запланировано. Например, *Они наверняка идут на этот кинофестиваль* означает уверенность в том, что посещение кинофестиваля входит в их планы, что у них есть билеты и т. п. *Сомневаюсь, что он сегодня читает лекцию* значит, что у говорящего есть сомнения в том, что на сегодня назначена лекция. По этой причине нельзя сказать **На сегодня запланирована его лекция, но я сомневаюсь, что он ее читает*, так как вторая часть высказывания противоречит первой.

Любопытно, что неправильным оказывается и другое продолжение этой фразы: **На сегодня запланирована его лекция, и я уверен, что он ее читает* (эта фраза неправильна относительно интересующего нас смысла 'предстоящее действие' и нормальна

относительно осмысления в актуально-длительном: 'сейчас читает'). Возникает тавтология — компонент формы *читает* дублирует первую часть высказывания, и, по-видимому, характер этой тавтологии таков, что противоречит семантическим условиям сочинения. Возможны были бы следующие продолжения данной фразы: *. . .но я сомневаюсь* (или *. . .и я уверен*), *что он ее будет читать прочтет.*

Вернемся к фактам первого рода (говорящий и субъект действия совпадают). Затрудненное выражение уверенности или неуверенности от лица субъекта действия объясняется именно тем, что в сферу действия соответствующей лексемы попадает компонент 'действие запланировано в момент речи'. Поясним это на примере слова *вряд ли*, ср.* *Вряд ли я сейчас вызываю врача. Вряд ли* P = 'Говорящий сомневается, что P' ='Говорящий не знает, P или не P; говорящий считает, что вероятнее не P'. Относительно собственных действий говорящий не может не знать, запланировал ли он их или нет.

Если же действие планируется не самим субъектом действия, то выражение неуверенности возможно и от первого лица, например, при обращении школьника к учителю: *Мы, наверное, проводим сегодня собрание, Владимир Миронович?*

Подытожим сказанное. Рассмотренные факты не показали необходимости постулировать компонент 'говорящий уверен в наступлении действия' в толковании НСВ предстоящего.

Выше приводилось мнение А. М. Пешковского о том, что эта форма изображает будущие факты «как бы происходящими в момент речи», и мнение В. В. Виноградова о том, что будущее действие представлено как уже осуществляющееся, реализующееся в сознании субъекта. Вопреки этому мы не включаем в предлагаемое толкование ни компонента 'говорящий представляет событие как бы происходящим в момент речи' ни «живописного» (термин А. М. Пешковского) компонента 'говорящий представляет событие как бы происходящим на его глазах', представленного, в частности, в настоящем историческом, настоящем воображаемом и др. Второй компонент отличается от первого тем, что 'как бы на глазах' не обязательно означает 'как бы в момент речи', а может означать, что говорящий и слушающий мысленно транспонируются в план прошлого [ср. настоящее историческое; подробнее об этом см. Бондарко 1971, 142—148] или в план будущего (ср. настоящее воображаемое [Там же, 157—158]), где на их глазах и разворачиваются события одно за другим.

Поясним, почему мы не включаем эти компоненты в значение рассматриваемых форм.

Здесь мы сталкиваемся с очень трудной проблемой — найти объективное подтверждение того, входит или не входит в толкование граммемы изобразительный компонент. В некоторых случаях интуиция носителя языка легко может дать ответ на этот вопрос. Например, при использовании в повествовании формы настоящего исторического носители языка интуитивно отчетливо

ощущают яркую изобразительность этой формы, особенно при изображении физических действий. С помощью настоящего исторического обычно создается целая картина, где одно действие сменяется другим и все это разворачивается как бы перед глазами говорящего и слушающего: *Конь слушает внимательно, кожей передергивает, фыркает и несет Никишку дальше, все вперед и вперед. . . Вот и горы пошли. . . Вытягивает конь шею, прижимает уши, скачет за Никишкой, приседает, щелкают подковы, дрожат ноги* (Ю. Казаков).

Иначе обстоит дело с формой настоящего предстоящего. Изобразительный характер этого значения носителями языка интуитивно не ощущается. Тем не менее, А. М. Пешковский и В. В. Виноградов усматривают в этой форме переносное значение настоящего времени. Это могло быть фактом их языкового сознания, но и могло отражать их лингвистическое сознание, а именно, представление о сохранении главного значения формы во всех ее употреблениях.

В принципе собственное, основное значение формы совсем не обязательно должно сохраняться в ее несобственном употреблении. Ср., например, сослагательное наклонение, где формы прошедшего времени совершенно не выражают идеи прошлого, или обязательное употребление формы прошедшего времени после союза *чтобы*, также никак не связанной с семантикой прошедшего времени.

Постараемся найти объективные языковые свидетельства того, входит ли в значение этой формы изобразительный компонент. Можно привести аргументы в пользу того, что компонент 'действие как бы происходит в момент речи' не входит в значение этой формы. Формы настоящего предстоящего сочетаются с обстоятельствами будущего времени (*завтра, через 20 минут, вскоре, на будущей неделе* и т. п.). Это естественно, поскольку форма обозначает действие предстоящее. Однако если бы модальная рамка содержала компонент 'говорящий представляет событие как бы совершающимся в момент речи', обстоятельства со значением будущего времени входили бы в противоречие с этим компонентом. Если же языковой элемент противоречит модальной рамке, то это приводит к языковой неправильности [5] [Апресян 1978, 144—145]. Поскольку языковой неправильности в этом случае не возникает, можно заключить, что смысловой элемент 'в момент речи' в модальную рамку не входит.

Имеется объективное языковое подтверждение и того, что «живописный» компонент, представленный, например, в настоящем историческом и настоящем воображаемом ('действие как бы разворачивается на глазах говорящего'), также не входит в значение этой формы. В случае, когда глагол обозначает действие, разворачивающееся реально или как бы на глазах говорящего, этот

---

[5] Примеры такого противоречия можно найти ниже, при описании форм прошедшего времени для обозначения предстоящего действия.

глагол естественно сочетается с обстоятельствами, характеризующими, как именно протекает действие, например: *Я смотрел, как он медленно переходит улицу* (актуально-длительное значение); *Цезарь неожиданно приводит свое войско к лагерю противника, быстро окружает его и внезапно на рассвете нападает на спящих врагов* (настоящее историческое); *Ольга представляла, как на балу у губернатора она грациозно танцует мазурку с его сыном, а после неторопливо прохаживается с ним по зимнему саду* [настоящее воображаемое; см. Бондарко 1971, 157—158].

Попробуем, однако, таким же образом охарактеризовать предстоящее действие, выраженное формой настоящего НСВ. Это окажется невозможным, в отличие от обычных форм будущего. Ср. нормальность: *Пусть он сегодня не завтракает, зато пообедает* (*обедать будет*) *с аппетитом*, и недопустимость. **Пусть он сегодня не завтракает, зато обедает с аппетитом.* Следовательно, «живописного» компонента в толковании нет.

Правда, это не единственный компонент, который мог бы разрешить подобную сочетаемость. Обусловить ее могло бы и обозначение действия как реально разворачивающегося в будущем, действия 'в протекании'. И если бы сочетаемость форм настоящего предстоящего с данными обстоятельствами оказалась допустимой, то этот факт не свидетельствовал бы об обязательном присутствии «живописного» компонента в толковании. Но недопустимость подобной сочетаемости для рассматриваемых форм показывает, что в их толковании нет ни одного компонента, к которому могли бы быть присоединены подобные обстоятельства, нет в том числе и «живописного».

Укажем на соотношение данного видо-временного значения с главными значениями видов. Как представлено предстоящее действие этой формы — 'в протекании' или 'в результате?'

В зависимости от глагола, ситуации и т. д. возможны разные случаи. В таких фразах, как *Завтра я окончательно перехожу наверх*; *Скоро я совсем бросаю курить*; *Лекция завтра кончается* (*начинается*) *в 5 часов* имеется в виду действие 'в результате', а не 'в протекании'. В подобных случаях обстоятельства характеризуют именно результат действия: *окончательно*, *совсем* — как полностью достигнутый результат, *в 5 часов* — как момент возникновения результата.

В других случаях действие осмысливается как длительное, например: *Завтра я весь день сижу в библиотеке*; *Будущую зиму служим вместе*. Однако действие здесь представлено хотя и длительным, но не развивающимся во времени, не протекающим на глазах наблюдателя. Выше уже было показано, что формы настоящего предстоящего не сочетаются с обстоятельствами, характеризующими то, как протекает действие. Длительное действие, не разворачивающееся во времени — это процессно-фактическое значение НСВ [см. Гловинская 1982, 124—128]. Если актуально-длительное значение НСВ мы условно обозначили как действие 'в протекании', то процессное значение условно назовем

'действие в его длительности'. В отличие от действия 'в протекании' (=действие существует в ряд последовательных моментов наблюдения), 'действие в длительности' не распадается на отдельные моменты, оно существует как целое, выделенными в нем могут быть только начальная и конечная точка (ср. *Завтра с трех до пяти я читаю лекцию*).

Перейдем к рассмотрению круга глаголов, настоящее время которых может выражать данное значение. В литературе отмечалось, что в этом значении могут употребляться только глаголы, обозначающие целенаправленное действие [Бондарко 1971, 155; Булыгина 1980, 341]. См. примеры этих авторов на невозможность употребления в данном значении предикатов нецеленаправленного действия: **Завтра мы беспокоимся* (читаем, помним, ценим). . .; **Завтра мы слышим Рихтера*; **Завтра весь день льет дождь*. Аналогичные соображения находим у Б. Комри: «. . . предложение It rains tomorrow 'Завтра идет дождь' явным образом странное. . . Причина странности этого предложения состоит в том, что оно требует интерпретации, при которой дождь на завтра запланирован, а наше знание сегодняшнего мира исключает возможность такого планирования» [Комри 1985, 47—48]. Добавим, что при невозможности **Завтра идет дождь* вполне уместно сказать *Завтра по прогнозу идет дождь*, где *по прогнозу* подчеркивает собственно профетическое значение формы.

Из целенаправленных глаголов глаголы физического действия употребляются в этом значении легче, чем ментальные. Из глаголов физического действия в этом отношении выделяются глаголы движения [Бондарко 1971, 155], притом моторно-некратные. Можно отметить еще, что глаголы в прямом значении легче употребляются в настоящем предстоящем, чем те же глаголы в переносных значениях. Однако наш материал показывает, что профетическое значение могут иметь не только глаголы целенаправленного действия. Его допускают еще некоторые группы глаголов:

1) Глаголы, обозначающие (невольный) переход к новой ситуации, что является результатом чужого запланированного действия: *Я лишаюсь единственного места, где еще смутно проглядывалось прошлое* (Н. Ильина); *С его отъездом я теряю друга* (Из письма); *По бабушкиному завещанию она получает большую долю наследства.*

2) Глаголы, обозначающие процессы, не зависящие от воли человека, а запланированные, так сказать, природой, в принципе регулярно повторяющиеся и поэтому ожидаемые в данном случае с уверенностью: *Завтра начинается сезон дождей*; *Через три дня нарождается новая луна*; *20 числа рассвет начинается в 3 часа 50 минут*; *Завтра день сокращается* (*удлиняется*) *еще на две минуты.*

3) Фазовые глаголы, сами не обозначающие целенаправленного действия, но описывающие тем не менее заранее запланированную ситуацию: *Завтра кончается учебный год*; *Лекция начинается в 10 часов.*

4) Фазовые глаголы, обозначающие возникновение такого положения вещей, которое, хотя и связано с деятельностью человека, но специально им не запланировано, и тем не менее может быть прогнозировано с высокой вероятностью, например: *Через несколько дней у нас кончается запас муки; В III тысячелетии на Земле начинается сырьевой голод, а человечество пока к нему не готово.*

Правда, глаголы целенаправленного действия, в отличие от большинства таких глаголов, дополнительно выражают значение запланированного действия. Но вряд ли целесообразно этот тип предстоящего действия считать особым грамматическим значением, отдельным от значения незапланированного действия. Очевидно, должно быть специальное правило семантической модификации, по которому глаголы целенаправленного действия в значении настоящего предстоящего будут иметь семантическую надбавку 'данное действие запланировано к моменту речи'. Полное толкование для них будет выглядеть следующим образом: 'В будущем, которое говорящий оценивает как близкое для данной ситуации будущее, предстоит событие или действие, запланированное к моменту речи и в наступлении которого говорящий уверен'.

Остановимся на тех глаголах, которые не могут иметь этого значения. В литературе отмечалось, что это значение не свойственно глаголам, основы которых обозначают интенсивную повторяемость действия [Виноградов 1947, 572]; глаголам, обладающим семантическим признаком «стативности» [Апресян 1980а, 3].

Можно сказать, что твердо не имеют этого значения глаголы, содержащие в своем значении компоненты:

1) 'иметь свойство' — *возвышаться, загораживать, загромождать, покрывать*: **Завтра этот шкаф загораживает тахту*;

2) 'иметь мнение' — *считать, думать, полагать*: **Завтра я думаю, что он не прав*;

3) 'быть в состоянии' — *белеть, краснеть*: **Скоро краснеет земляника*;

4) 'изменять состояние' — *выздоравливать, замерзать, оттаивать, улучшаться, ухудшаться*: **Врач сказал, что я скоро выздоравливаю.*

Интересно, что далеко не все глаголы из тех, семантика которых в принципе допускает это значение, способны его выражать. В частности, многие глаголы целенаправленного действия в обычных условиях не имеют его. Например, этого значения нет у таких модальных воле- и целенаправленных предикатов, как *вынуждать, заставлять, препятствовать, принуждать*: **Скоро мы заставляем его взять свое заявление обратно*; **Завтра мы вынуждаем ее сделать по-нашему*; **В ближайшем будущем мы препятствуем заключению этого договора.*

В то же время такие глаголы, как *пробовать, пытаться, стараться*, имеют его: *Завтра с утра я пробую достать покрышки* (*пытаюсь купить билеты на поезд*).

Остановимся на факторах, способствующих и препятствующих

выражению этого значения, кроме тех, которые были уже рассмотрены выше.

Сравним между собой некоторые глаголы перемещения:

Завтра все идут на митинг, но не **Завтра все стекаются (валят) на митинг, а я буду смотреть на них из окошка.*

Завтра опять он идет в колонне впереди меня, но не **Завтра опять он бредет (хромает) в колонне впереди меня.*

Завтра с утра мы едем верхом в город, но не **Завтра с утра мы рысим в город.*

Завтра утром после зарядки мы с тобой бежим два километра, но не **Завтра утром после зарядки мы с тобой трусим два километра.*

Аналогичная картина наблюдается среди глаголов и других лексических групп, например среди глаголов говорения. Можно сказать *Завтра я говорю о вас с профессором*, но не **Завтра я кричу о вас профессору*; *Завтра он сообщает мне новости*, но не **Завтра он орет (шепчет, бормочет, шепелявит, хрипит) мне новости* и т. д.

Мы видим, что допускают это значение те глаголы, которые являются основным, простым наименованием действия типа *идти, бежать*. Спецификация действия, содержащаяся в значении глагола, препятствует выражению им значения настоящего предстоящего.

Можно сформулировать следующую тенденцию, связанную с наличием этого значения у различных глаголов: чем более маркированным, специфицированным является значение глагола, тем меньше вероятность того, что данный глагол будет способен к употреблению в настоящем предстоящем. Само это грамматическое значение маркировано по сравнению с обычным будущим; оказывается, что грамматическая и лексическая маркированности одновременно нежелательны. В то же время обычная форма будущего времени, не маркированная грамматически, у лексически маркированных глаголов не порождает никакой неправильности: *Завтра, когда народ будет стекаться (повалит) на митинг, я буду смотреть на них из окошка; Завтра он будет брести (хромать) в колонне впереди меня.* Наблюденная тенденция хорошо согласуется с некоей общей закономерностью, отмеченной на материале синонимических преобразований Ю. Д. Апресяном [Апресян 1974, 344—345]; она характерна и для других частных видовременных значений [Маслов 1984, 81—82].

Способствует употреблению глагола в этом значении сочинительный контекст. Многие запреты, о которых шла речь выше, снимаются в условиях сочинения:

**Через год я работаю в библиотеке.* — Но ср.: *Я еду в Париж, первый год занимаюсь языком, а через год работаю в библиотеке.*

**Скоро мы заставляем его взять свое заявление обратно.* Но возможно: *Значит так: он приходит к нам и мы заставляем его взять свое заявление обратно.*

**Завтра мы вынуждаем его сделать по-нашему.* Но ср.: *Завтра мы предъявляем ей улики и вынуждаем ее сделать по-нашему.*

Таковы факторы, способствующие употреблению «настоящего предстоящего».

Иногда данное значение сопровождается некоторыми дополнительными смысловыми оттенками. Например, глагол может обозначать готовность говорящего к немедленному сиюминутному предстоящему действию: *Ну диктуй, я пишу* (*РР*); *Иду, иду. . . ложись*; *Ну-с, тем не менее все-таки я продолжаю* (*берет книгу*) (А. Чехов); (два последних примера взяты из [Шелякин 1980, 6]). Иногда эти формы обозначают предложение говорящего совершить действие, а не действие, которое запланировано: *Очень просто! Я выхожу замуж за Николая. Артист женится на тебе, а эти двое сослуживцев тоже составят вполне счастливую пару, служащую в одном учреждении* (М. Зощенко). Это скорее всего не особые значения, а ситуационно обусловленные варианты употребления.

В заключение остановимся на стилистической сфере употребления данной граммемы. Она особенно распространена в разговорной речи, возможна в газетно-информационном жанре (*Более 180 тысяч юношей и девушек впервые переступают в сентябре порог почти 600 профессионально-технических училищ республики*), в деловом стиле (*В ближайшее время в ваше распоряжение направляется несколько кораблей для оказания помощи потерпевшим*). Почти не встречается форма с этим значением в научной литературе. Причиной может быть, в частности, и то, что наука описывает не будущие события, а свойства, явления, факты. Исключением можно считать научное прогнозирование. Но и здесь, когда речь идет о том, что будет, обычно употребляются формы будущего времени, а не настоящее предстоящее, например: *К 2000 году население Земного шара возрастает в два раза.*

Прошедшее НСВ предстоящего действия

Иногда формы прошедшего НСВ обозначают действие, предстоящее по отношению к какому-то выделенному моменту в прошлом и тоже относящееся к прошлому, хотя и к более позднему прошлому с точки зрения момента речи. Примеры: *В тот день, как приехать князю Василью, князь Николай Андреевич был особенно недоволен и не в духе. Оттого ли он был не в духе, что приезжал князь Василий, или оттого он был особенно недоволен приездом князя Василья, что был не в духе, но он был не в духе* (Л. Толстой); *Затем мы стали прощаться, и нас не удерживали. На перекрестке мы с приятельницей расставались: ей — налево, мне направо, к станции* (Н. Ильина); *Вот ведь выезжали в район, на дворе минус двадцать восемь, обещали дальнейшее понижение температуры, а Захарий Антонович в неизменной фуражке* (Е. Франюк); *Все мы расставались: Олег ехал в Крым учительствовать, Ваня отправлялся в экспедицию, я оставался в Москве*; *С новым султаном Англия подписала договор, по которому выводила из страны войска, но сохраняла за собой ключевые позиции в экономике* (газета «Правда»).

Во всех этих случаях, как и при настоящем предстоящем,

действие должно относиться к достаточно близкому для данной ситуации будущему, если считать от выделенного момента в прошлом. В противном случае такое употребление невозможно. Ср., например: *Спустя два дня мы расставались* но не **Через десять лет мы все расставались*; *Она не могла прийти на день рождения, потому что на следующий день сдавала экзамен по химии* и **Через десять лет она сдавала экзамен по химии.*

Обычно эта форма употребляется без всяких обстоятельств, отнесение действия к будущему вытекает из общего смысла контекста (см. вышеприведенные примеры). Значение прошлого предстоящего, как мы видим, весьма близко к настоящему предстоящему. Оно характерно для тех же самых классов глаголов. В сущности — это то же предстоящее, перенесенное в план прошлого. Формы с этим значением употребляются только в живом рассказе — будь то в разговорной речи, в художественной литературе или публицистике. В деловой и научной речи они невозможны.

Прошедшее СВ в значении близкого будущего (praeteritum propheticum) [7]

Мы имеем в виду значение форм прошедшего времени СВ в таких случаях, как *Ну, я пошел*; Все, я побежал; (показывая на книги) *Так я унес это?*; — *Съешь еще. — Спасибо, я уже ушел*; *Ну все, я начала стирать, пошла в ванную* (Из записей РР); Ср. отражение РР в художественной литературе и газетных жанрах: — *Екатерина Павловна здесь, а то я бы сказал, как ты быка у председателя крестил. — Начинается! Ушла-ушла. Даже уши закрываю* (В. Франюк); — *Пошел на работу, — говорит Юрий, целуя по утрам жену и трехмесячную дочурку* (Очерк Б. Земцова в газете «Правда»).

А. М. Пешковский писал об этом значении: «Прошедшее вместо будущего для изображения наверное ожидаемых в близком будущем фактов как бы уже прошедшими» [Пешковский 1935, 191—192].

Приведем предлагаемое нами толкование: '(1) Субъект действия, совпадающий с говорящим, сообщает о своем намерении или готовности совершить действие в какой-то последующий момент, близкий к моменту речи; (2) говорящий не сомневается в осуществлении своего намерения и (поэтому) представляет действие как бы уже совершившимся'.

Приведем обоснование предложенного толкования.

'(1) Говорящий сообщает о своем намерении совершить действие'. Анализируемая форма сочетается только с местоимениями 1 лица. Нельзя сказать **Ты пошел* с утвердительной интонацией

---

[7] Термин предложен в [Мазон 1958, 52] применительно к этому и двум следующим значениям.

или — *Куда он собирается?* *— *Он пошел на рынок* в значении предстоящего действия.

Следовательно, эта форма возможна только в устах самого субъекта действия, и этот факт должен быть отражен в толковании. Исключением является контекст вопроса. Можно спросить *Ну, ты пошел?*, *Вы поехали?* Однако это особый вопрос, совсем не такого типа, как, например, *Вы пойдете в кино?*; *Ты будешь обедать?*, где говорящий побуждает адресата сообщить ему некоторую информацию. В случаях типа *Так ты пошел?* говорящий уже располагает информацией о том, что адресат собирается уходить (либо с его слов, либо видя его сборы). Фактически это не вопрос, а как бы переспрос, как бы цитирование уже сделанного субъектом действия высказывания в целях поддержания контакта. Этот вопрос означает примерно следующее: 'Субъект действия сообщил о своем намерении или готовности совершить в ближайшем будущем данное действие; видя, что действие еще не осуществлено, говорящий просит субъекта действия подтвердить, что его намерение остается в силе'. Таким образом, вопросительные фразы с местоимением 2 лица не только не противоречат этому компоненту толкования, но и сами включают его.

'(2) Говорящий не сомневается в осуществлении этого действия и представляет его как бы уже совершившимся'.

Этот компонент интуитивно не ощущается. Имеются, однако, объективные языковые данные, подтверждающие его наличие в данном значении. Описываемая форма не сочетается ни с какими обстоятельствами будущего времени. Нельзя сказать: **Я скоро* (*через 20 минут*) *пошел*; **Я сию минуту побежал.*

Форма с этим значением не может быть использована для ответа на вопрос о будущем действии: *Что ты сейчас сделаешь* (будешь *делать*)? — **Я пошел.*

Невозможно употребление формы, имеющей это значение, и с отрицанием. Нельзя сказать о предстоящем действии **Я не пошел*, хотя вполне возможно *Я не пойду.*

Все эти факты убедительно показывают, что в сознании говорящего данное действие представлено как бы уже совершившимся. Поэтому его нельзя отрицать (ведь действие уже как бы произошло), нельзя помещать в контекст, относящийся к будущему. Тем самым данная форма представляет действие 'в результате', т. е. включает в себя главное значение СВ.

В этом значении реально употребляются только единичные глаголы: *пошел*, *ушел*, *доехал*, *побежал*, *исчез*, *начал*, *кончил*. Окказионально, вероятно, в нем могут встретиться и некоторые другие единичные лексемы. Все эти глаголы обозначают начало или конец физического движения, прохождение временной (*я начал*, *я кончил*) или пространственной точки и характеризуют действие как совершенно не имеющее длительности. Поэтому они не сочетаются с обстоятельствами, характеризующими способ протекания действия и место, где будет протекать действие, хотя могут сочетаться со словами, обозначающими конечный пункт предпо-

лагаемого перемещения. Например, можно сказать: *Я пошел на работу*; *Так я отнес это в двадцать восьмую комнату?* но нельзя **Ну, до свиданья, я поехал на трамвае*; **Ну, все, я побежал на работу по Сретенке*. Подчеркнем, что эта глагольная форма в ее основном значении 'действие, относящееся к прошлому' сочетается со всеми подобными обстоятельствами, равно как и форма СВ будущего.

Глаголы, отличные от указанных, невозможно употребить в прошедшем СВ в значении близкого будущего, например: **Ну, я выпил чаю*; **А теперь я прочел стихотворение Пушкина*. Все выражения с формами прошедшего СВ в значении близкого будущего являются сугубо разговорными. Это единственная сфера, где они допустимы.

По некоторым косвенным данным можно предположить, что раньше это значение было только просторечным. Так, имеется любопытное свидетельство К. И. Чуковского о времени появления в языке этого значения: «Во „Всемирной литературе" мы, естественно, интересовались теми неологизмами, которые хлынули тогда в русскую речь. В Чукоккале есть несколько страниц, где мы попробовали зафиксировать этот новый лексикон: *Я пошел* (говорится перед тем, как уйти)=я сейчас уйду» (Чукоккала, запись 1921 г.). Между тем А. М. Пешковский, описывая это значение, приводит примеры еще из пьес Островского, из речи купечества: *Ну, я спать пошла* (Не все коту масленица); *Бери кулек, догоняй, я на рынок пошел* (Горячее сердце). Очевидно, К. И. Чуковский имел в виду широкое распространение этого значения в разговорной речи носителей литературного языка, что и было новшеством послереволюционных лет.

Прошедшее СВ в значении неизбежного будущего

Приведем примеры [8]: *Ну, сохрани Бог, украдут что-нибудь у нас — пропал я! и поделом пропал: зачем не уберег барского добра* (Тургенев); *Он клялся честью, что русские погибли, ежели император даст еще дивизию* (Л. Толстой); *Ежели ты идешь на дуэль и пишешь завещание да нежные письма родителям. . . Ты — дурак и наверное пропал* (Л. Толстой); *Ох, батюшки, — вздыхала за дверью старуха. — Пропала твоя головушка! Быть беде, родимые мои, быть беде!* (Чехов); *Отнимите у меня перо — и я помер* (Чехов); *Бежать, бежать! Иначе я умер* (К. Федин); *Если я поеду один, то мы, значит, расстались!* (А. Толстой), *Нас окружили немцы. Шлите помощь. Иначе мы погибли* (В. Ставский).

См. также примеры из разговорной речи: *Если она не даст денег, мы погорели! — У меня козырная дама. — Ну, тогда ты выиграл* (вариант: *Ну, тогда я проиграл*).

---

[8] Приводимые ниже примеры из художественной литературы почерпнуты нами из работ А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, Д. Н. Шмелева, А. В. Бондарко.

То же значение представлено в страдательных причастиях СВ: Ср.: *Мы спасены! Моя жизнь кончена.*

Это значение похоже на предыдущее, и в литературе они часто описываются вместе как единое значение [Пешковский 1935, 192; Виноградов 1947, 544; Бондарко 1971, 133].

Однако между ними есть и различия. Д. Н. Шмелев определяет описываемое значение как «. . . обозначение еще не наступившего действия (которое чаще всего изображается как «неизбежное» следствие осуществления или, наоборот, неосуществления каких-то условий)» [Шмелев 1960, 9].

Остановимся подробнее на этой стороне рассматриваемого значения. Действительно, во всех приведенных выше примерах имеется в виду некоторое событие (иногда оно названо в контексте), которое уже произошло или может произойти в будущем (последнее — в условных предложениях, и именно это событие интерпретируется говорящим как причина, неизбежным следствием которой явится положение вещей (не действие), названное формой глагола прошедшего времени.

В целом значение можно сформулировать следующим образом: '(1) Предстоит событие *P*, которое воспринимается говорящим как неизбежное следствие уже происшедшего (или могущего произойти в будущем) события *P'*; (2) говорящий настолько уверен, что *P'* обязательно повлечет за собой *P*, что представляет себе это будущее событие *P* как бы уже совершившимся в момент речи'.

Этот последний компонент и сближает данное значение с предыдущим. О наличии этого компонента, как и в предшествующем случае, свидетельствует несочетаемость данных форм с обстоятельствами будущего времени: **Через несколько часов мы погибли; *Если вы правы, то завтра мы выиграли.* В остальном, как видим, эти значения не совпадают.

Рассматриваемое значение также соотносится с главным значением СВ. Его могут выражать единичные глаголы нецеленаправленного действия (*пропасть*, *погибнуть*, *проиграть*, *выиграть*, *погореть* и др.). Эти глаголы обозначают такое предстоящее событие, которое связано с уже наступившим событием независимо от воли говорящего.

Следует отметить, что расширяют возможность употребления глаголов в этом значении условная конструкция или другие средства выражения условия, например контекст слов *иначе*, *в противном случае.* В вышеприведенных примерах в такой ситуации употреблены глаголы *расстались* (*Если я поеду один, то мы, значит, расстались*), *умер* (*Бежать, бежать! Иначе я умер*). Вне эксплицитного условного контекста они не употребляются в значении неизбежного будущего Ср. *Я погиб!* и **Я умер; Все пропало! *Все пошло прахом.*

Сфера употребления этого значения — разговорная речь и ее отражение в художественной литературе.

Прошедшее СВ в значении иронического отрицания будущего действия

Имеется в виду случаи типа *Как же! Пошла я за него замуж!* ('Не пойду'); *Так я и отдал тебе эти деньги — держи карман шире!* ('Не отдам'). Фразы с этими формами обозначают презрительное или ироническое отрицание будущего факта. А. М. Пешковский рассматривал такие случаи как «изображение предполагаемых в будущем фактов как бы уже прошедшими» [Пешковский 1935, 191]. В. В. Виноградов видел в этом употреблении «ироническое изображение отрицаемого факта уже осуществившемся» [Виноградов 1947, 545]. Специальную работу способам выражения иронического отрицания посвятил Д. Н. Шмелев (1958).

Прежде всего установим различие между этой формой и другими способами выражения иронического отрицания. В принципе воспроизведение любого слова, в том числе любой глагольной формы, любой фразы может при наличии соответствующей интонации (а иногда контекста) выражать не утверждение, как это имеет место при обычной интонации, а ироническое отрицание. Ср., например, ироническое отрицание будущих действий, выраженных формами будущего времени: *Здравствуйте, пожалуйста! У ней, кажется, куча ребятишек, а я на ней буду жениться. Тоже, знаете, нашли простачка* (М. Зощенко); *Здравствуйте, еще не легче. Вот я сейчас с ней запишусь. Держите карман шире* (М. Зощенко).

Точно так же и форма прошедшего времени может выражать ироническое отрицание прошлого факта. Например: — *Ну, что, пошла она за него замуж? — Как же, пошла она!* т. е. 'не пошла' или — *Отдал он тебе эти деньги? Как же, отдал!* т. е. 'не отдал'. Такой способ иронического отрицания действия не является специфически грамматическим.

С грамматической точки зрения представляет интерес такое ироническое отрицание, которое выражается несобственными формами, например, отрицание будущего действия, выраженное формами прошедшего времени: *Так она тебя и послушалась.* Возможно и обратное — отрицание предполагаемого прошлого действия, выраженное формами будущего действия. — *Ну что, пошла она за него замуж? — Как же, пойдет она!*

Сравним попарно эти случаи:

'прошлое действие' — форма прошедшего и форма будущего СВ;

'будущее действие' — форма будущего и форма прошедшего СВ.

Мы не рассматриваем формы НСВ, так как они не допускают замены несобственными временными формами при ироническом отрицании будущего действия: *Ну как, она будет работать? — *Как же, работала она.*

Само название «ироническое отрицание, несогласие» показывает, что описываемые конструкции встречаются только в ответе

на вопрос или на утверждение и имеют общую пресуппозицию 'Говорящему известно предположение о возможном осуществлении (в прошлом или будущем) действия *Р*'. Будем рассматривать поэтому конструкции с этими формами в диалогической паре.

Отрицание прошлого действия: — *Ну что, послушалась она его? — Как же, послушалась она / Как же, послушается она.* Форма прошедшего времени в ответе относится только к единичному факту, названному в вопросе. Форма же будущего времени не только отрицает этот единичный факт, но и обозначает некоторое постоянное свойство субъекта (не слушаться). Это подтверждается возможностью замены личного местоимения на обобщающее слово *такой* при форме будущего времени и невозможностью — при форме прошедшего времени: *Как же, такая послушается*, но **Как же, такая послушалась.*

Отрицание предстоящего действия: — *Она останется вечером с ребенком. — Как же, останется она / Как же, осталась она.*

Между формами сохраняется то же самое различие: форма будущего времени отрицает и единичное будущее действие, названное в вопросе, и называет свойство ('она такова, что не останется'). Форма прошедшего отрицает возможность лишь единичного будущего факта. Тест со словом *такой* и здесь подтверждает это.

Это различие между формами будущего и прошедшего времени выводимо из набора их значений: лишь форма будущего СВ может иметь значение свойства и потенциальное значение (см. стр. 132). Есть ли еще какое-нибудь различие в значении форм будущего и прошедшего СВ при отрицании предстоящего действия? Пожалуй, отрицание с помощью формы прошедшего СВ воспринимается как более грубое, категоричное, экспрессивное, чем в случае с формой будущего времени.

Яркую экспрессию в значении этой формы В. В. Виноградов связывает с тем, что отрицаемые в будущем факты представлены как бы уже прошедшими. Обычная наша проверка на сочетаемость с обстоятельствами будущего времени, которая может подтвердить или опровергнуть присутствие этого компонента, в данном случае затруднительна. Дело в том, что проявление этого иронического значения фразеологизовано, подстановка дополнительных элементов приводит к не вполне естественным фразам, которые трудно интерпретировать как правильные или неправильные: *?Так и отдал он тебе завтра деньги! ?Так и построили они дом к осени!*

В свете сказанного вопрос о присутствии этого компонента остается открытым. Правда, есть некоторые дополнительные соображения, говорящие скорее о его отсутствии. Компонент 'Говорящий представляет себе действие уже совершившимся' должен был бы противоречить модальной рамке, явным образом содержащейся в значении всей этой конструкции — 'Говорящий уверен, что данное действие не будет осуществлено'. Непонятно, как можно одновременно и отрицать предстоящее действие, и представлять его себе как бы осуществившимся. Мы убедились в не-

возможности этого выше, на примере неправильных фраз **Ну, я не пошел* в значении намерения.

Проявление данного значения ограничено лишь контекстно, но не лексически. Обязательным является контекст частиц *так и. . .*, *как же* либо других показателей иронии: инверсии, особой интонации или специальных выражений типа *Держи карман шире*, *здравствуйте* и др. Сфера употребления — исключительно разговорная речь и ее имитации в литературных жанрах.

* * *

Рассмотрев несколько способов выражения значения 'предстоящее действие', подчеркнем еще раз неравноправность в них статусов глагольных форм. В трех последних случаях, когда данное значение выражается не свободно (оно ограничено, помимо видо-временной формы, либо кругом глаголов, либо синтаксическим контекстом), носителем его нельзя считать именно глагольную форму. В качестве носителя значения выступает либо вся конструкция в целом (как в последнем случае), либо определенные лексемы в определенных формах (*Я пошел; Мы погибли*).

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ 'ЕДИНИЧНОЕ ДЕЙСТВИЕ В ПРОШЛОМ, ДОСТИГШЕЕ РЕЗУЛЬТАТА'

В этом разделе будут рассмотрены следующие способы выражения названного в заглавии значения:

1) прошедшее СВ (*Солнце вышло из-за туч*);

2) прошедшее НСВ общефактическое (. . .*Это платье, которое я сама переделывала*. . . — А. Куприн);

3) прошедшее НСВ в значении «сказового» действия; (*Там за стол его сажала, всяким яством угощала*. . . — А. Пушкин);

4) настоящее историческое (*В конце XIX века появляются первые механические часы*);

5) настоящее НСВ непосредственно предшествующего действия (*Меня зовут обедать*);

6) настоящее НСВ интерпретационное (*Ты преувеличиваешь*);

7) настоящее НСВ экспозиционное (*Платон учит, что идеи вечны*);

8) Настоящее НСВ о прошлом единичном факте как неслучайном, типичном, или настоящее «эмоциональной актуализации» (*Я же им ножик давай, они же на меня и накидываются*. — М. Зощенко);

9) будущее СВ о прошлом единичном факте как удивительном, неожиданном (*Напишут ведь!*);

10) будущее СВ или повелительное СВ для обозначения внезапно наступившего действия в прошлом (*Она как остановится*; *А он возьми и плюнь в нее*).

При интерпретации некоторых из этих значений нам понадобится теоретическое понятие семантически слабого, или факультативного, элемента значения [Апресян 1974, 125, 148], называемого также импликатурой [Комри 1985, 23, 42—43]. У Б. Комри под этим подразумевается такой неявный элемент смысла, который может быть снят противоречащим ему более сильным (обычно выраженным лексически) элементом текста; ср. [Зализняк 1987].

В аспектуальной семантике типичным примером слабого элемента является «перфектный» компонент в значении формы СВ в прошедшем времени: 'результат действия сохраняется до момента речи'. Например, *Часы недавно починили, а они снова не идут.* Напомним в этой связи замечание В. В. Виноградова о том, что в данном случае результат действия сохраняется вплоть до момента речи» при отсутствии противопоказаний (разрядка наша. — *М. Г.*). Использование этого понятия позволяет объяснить некоторые факты сочетаемости видо-временных форм.

Прошедшее СВ

Основным способом выражения значения 'единичное действие в прошлом, достигшее результата' являются формы прошедшего времени СВ. Например, *Я высунулся из окна на прохладу ночного воздуха* (И. Бунин); *Вера уже собрала его в дальнюю дорогу: заштопала носки, пришила нужные пуговицы, сама выгладила белье и несколько раз перепробовала и проверила все вещи, лаская их и завидуя им, что они поедут вместе с ее мужем* (А. Платонов).

Вопросу о значении этой формы посвящена обширная литература. Полное толкование формы предложено нами ранее [Гловинская 1982, 77—101], и мы не будем здесь его повторять. Отметим лишь те компоненты, которые важны для сопоставления данной видо-временной формы с остальными способами выражения описываемого значения. Таких компонентов два: 'момент, когда начал существовать результат' и 'сохранение результата вплоть до момента речи'. Остановимся на них подробнее.

'Момент в прошлом, когда начал существовать результат'

Характерной чертой этого момента является его бóльшая определенность по сравнению с аналогичными моментами, выделяемыми при других способах выражения рассматриваемого общего значения. Эта определенность дает о себе знать в том, что формы прошедшего СВ сочетаются с временными обстоятельствами, имеющими значение определенности, и не сочетаются с обстоятельствами, имеющими значение неопределенности [9]. Например: *Поезд*

[9] Отметим следующую особенность сочетания формы СВ с подобными обстоятельствами: начало названного действия должно находиться достаточно близко к моменту возникновения результата во временных масштабах той единицы, которая избрана для фиксации момента. Так, если говорить *Я прочел записку в три часа*, то имеется в виду, что начало этого действия очень близко к трем часам. По этой причине нельзя сказать **Я прочел*

прошел здесь ровно в три часа; Нас пригласили войти в загс в половине второго; Вашу записку я прочел как раз в тот момент, когда он вошел. В то же время невозможно **Ты когда-нибудь прочел его статью о метафоре?*

Правда, имеются случаи, когда при формах прошедшего СВ допустимы выражения, как будто обозначающие временную неопределенность, например: *Неизвестно, когда он вчера пришел; Его семья когда-то переехала в этот город с севера.* При интерпретации таких примеров следует различать определенность-неопределенность и известность-неизвестность. Хотя между этими понятиями есть корреляция, но в общем случае они могут не совпадать. Различие между ними хорошо иллюстрируют местоимения на *-то* и *-нибудь*. Как отмечалось в литературе, *какой-то человек* значит определенный, но неизвестный, а *какой-нибудь человек* — неопределенный (т. е. любой из множества) и неизвестный [ср. Падучева 1985, 219—220, и с. 165, 174 данной книги]. Однако подчеркнем еще раз, что во многих случаях они совпадают. В приведенных выше фразах речь идет, следовательно, о моментах вполне определенных, хотя и неизвестных говорящему.

'Результат действия сохраняется в момент речи'

На перфектное значение формы СВ внимание обращалось с давних пор. Вслед за А. А. Потебней многие исследователи отмечали, что результат этого прошедшего действия в момент речи остается налицо. В частности, В. В. Виноградов писал: «В прошедшем времени совершенного вида элементы или оттенки «перфектного» значения, выражающего результат или состояние в настоящем . . . явно преобладают над аористическим значением, содержащим простое указание на факт в прошлом. . . Даже в таких предложениях, как «Пушкин родился в 1799 г.» не в ответе на вопрос «Когда родился Пушкин?», результат прошедшего действия с грамматической точки зрения мыслится пребывающим доныне» [Виноградов 1947, 562—563]. В функционально-стилистическом отношении эта форма совершенно нейтральна и может употребляться во всех функциональных разновидностях языка, поскольку она не выражает никакого специального отношения говорящего к описываемому событию.

Прошедшее НСВ общефактическое [10]

НСВ в общефактическом значении очень широко применяется для выражения смысла 'единичное действие в прошлом, достигшее результата'. Уместно вспомнить, что наличие именно этого

«*Войну и мир*» *в три часа* или **Рабочие воздвигли дворец вчера в три часа*, хотя можно *Волшебник воздвиг этот дворец вчера в три часа*, потому что волшебник мог сделать это сразу. Данный факт свидетельствует о том, что сферой действия точечных обстоятельств является все толкование СВ.

[10] В разделе об общефактическом НСВ используются в значительной мере уже опубликованные нами наблюдения [Гловинская 1982].

значения у НСВ дало повод для представления об НСВ как о немаркированном члене видового противопоставления, безразличном к идее предела, результата.

Статус этого значения иной, нежели у остальных способов выражения описываемого смысла. Его, по-видимому, можно интерпретировать как видовое, а не видо-временное значение. Выражается оно не только формами прошедшего времени, изучаемыми в этом разделе, но также инфинитивом (*На какой остановке мне выходить?*), формами будущего времени (*Где ты будешь покупать зимнее пальто?*) и императивом (*Уходите!*). Хотя смысловые различия между этими формами пока совершенно не изучены, можно надеяться, что все эти случаи удастся описать как модификации одного значения, получаемые по правилам. Отметим еще, что этому значению посвящена обширная литература [11].

Анализ материала показывает, что общефактическое может иметь три разновидности: результативное общефактическое, двунаправленное и нерезультативное [Гловинская 1982, 117—128]. Интересующее нас здесь значение выражается первыми двумя разновидностями. На них мы и остановимся. Общефактическое результативное представлено, например, в следующих фразах:

Может быть, он и исправлял потом «Маскарад» . . .но едва ли сделал в нем существенные перемены (М. Лонгинов); *Обложка у меня будет белая, а на ней пятном сядет собака. Будет просто, но хорошо. Рисовал художник Степанов, ярый охотник, изучивший собак до тонкостей* (А. Чехов); *Эти «филе и гипюрчики», — я их сама связала, это платье, которое я сама переделывала. . . все это гадость, гадость* (А. Куприн); *Вы как-то, Всеволод Вячеславович, рассказывали нам об индийских часах* (Вс. Иванов). *Смотрю, Колька идет и яблоки несет. . . Я его спросил: ты что, яблоки покупал или крал? Покупал* (Д. Хармс); *А этот пассажир просто едет, как и вы. Мы у них ножик одалживали — попросили. Это их ний ножик* (М. Зощенко); *А ты тоже кого-нибудь навещал, Алеша? В Мало-Провальной?* (М. Булгаков); *Померла она, еще когда деревню не переселяли* (С. Алексеев). *В трезвом состоянии мозги его работали великолепно, не зря же он кончал физмат* (С. Каледин). — *Скорость ветра замеряли? — не к месту спросил я у вахтенного штурмана* (очерк из «Комсомольской правды»). *Почему же ты мне не позвонил? Я звонил / но тебя дома не было //; На прошлой неделе я брала у вас деньги //; Мы здесь уже проезжали //; Я не называл тебе это место //* (Из записей РР).

В литературе общефактическим значением обычно называется именно этот первый, р е з у л ь т а т и в н ы й тип общефакти-

---

[11] [Мазон 1914, 220—222; Кошмидер 1962, 122—154; Виноградов 1947, 557—569; Поспелов 1948; Головин 1950; Рассудова 1968, 17—29, 60—63; Форсайт 1970, 6 и сл., 82 и сл., 123 и т. д.; Бондарко 1971, 84—86; Гуляницкий 1973; Шелякин 1976; Гуляницкий 1977; Богуславский 1981; Гловинская 1981; Гловинская 1982, 116—144; Бондарко 1983, 160—189; Маслов 1984, 72—84; Шведова 1984; Падучева 1986].

ческого. Этот тип общефактического обозначает закончившееся действие, которое имело результат в прошлом, причем момент (время) окончания действия и начала существования результата является неопределенным: 'результат существовал в некий момент, неважно, или неизвестно, какой именно, и неизвестно, сохранился ли результат или эффект действия до момента речи'. Остановимся подробнее на некоторых компонентах этого толкования.

'(1) Момент (время) окончания действия и существования результата является неопределенным — неважно или неизвестно, когда это было'. Напомним, что СВ характеризует этот момент как определенный.

Наличие этого компонента подтверждается некоторыми фактами сочетаемости. С одной стороны, глагол в общефактическом значении не допускает точных временных локализаторов в отличие от форм СВ, ср.: *В три часа я вернулся домой* и *В три часа я возвращался домой*. Последняя фраза может быть осмыслена в актуально-длительном или узуальном значении, но не общефактическом. Невозможны также при глаголах в общефактическом значении инклюзивные обстоятельства времени. Нельзя сказать **Я читал «Войну и мир» еще в детстве за (в) несколько дней* или **Я покупал хлеб за полчаса*. Указание на точку (момент окончания действия), которое входит в значение этих обстоятельств, вступает в противоречие с данным компонентом общефактического.

С другой стороны, глагол в общефактическом значении сочетается с обстоятельствами неопределенности, в отличие от форм СВ, ср.: *Ты когда-нибудь покупал хлеб в этой булочной?* и **Ты когда-нибудь купил хлеб в этой булочной?*

'(2) Неизвестно, сохранился ли результат или эффект действия до момента речи'.

Под эффектом действия мы подразумеваем такой результат, который имеет нематериальный, неочевидный характер см., например, глаголы *читать—прочесть*, *смотреть—посмотреть фильм*, *предупреждать—предупредить*, *просить—попросить* и т. д.

Необходимость включения этого компонента в толкование общефактического особенно ясно обнаруживается при сопоставлении общефактического с формами прошедшего времени СВ, которые выражают смысл 'Результат или эффект действия сохраняется до момента речи': *Часы починили* (Часы в порядке) — *Часы чинили* (неизвестно, в каком состоянии часы в момент речи); *Я взял с собой деньги* (деньги со мной) — *Я брал с собой деньги* (неизвестно, есть ли они еще у меня); *Он пригласил меня в гости* (приглашение актуально в момент речи) — *Он приглашал меня в гости* (неизвестно, по-прежнему ли актуально приглашение).

Данный компонент значения общефактического является слабым. Неизвестность может сниматься контекстом или ситуацией, если из них следует, что результат не сохранился или, наоборот, сохранился до момента речи. Например: *Здесь до войны березы были, я сажала* (в момент речи их нет, результат не сохраняется);

Эти березы я сажала (из контекста и ситуации ясно, что результат действия — растущие березы — сохраняется в момент речи).

Из различного представления результата действия в формах СВ и НСВ следуют некоторые прагматические различия в употреблении этих форм. Так, вопрос *Где вы покупали апельсины?* при обращении к незнакомому человеку на улице вполне уместен. Вопрос *Где вы купили апельсины?* в той же ситуации прозвучал бы слишком резко. Форма общефактического воспринимается как более вежливая, потому что в ней, в отличие от СВ, внимание не фиксируется на наличии результата (чужих апельсинах), что было бы проявлением неуместного любопытства.

Перейдем к общефактическому двунаправленному [12]. Пример: *Выходит, она действительно приезжала ко мне ради того, чтобы я узнал все это* (Д. Гранин).

В этом случае тоже обозначается действие, закончившееся и имевшее результат в неопределенный момент в прошлом. Но результат этот, по терминологии О. П. Рассудовой, аннулирован противоположно направленным действием. Последнее легко заметить при сопоставлении этого значения со значением СВ: *Я открыл окно* — в момент речи оно открыто, *Я открывал окно* — оно было открыто в какой-то неопределенный момент, а в момент речи закрыто; *Ко мне пришел товарищ* — в момент речи товарищ у меня, *Ко мне приходил товарищ* — пришел, а потом ушел и т.д.

На неопределенность момента возникновения результата также указывает сочетаемость формы в этом значении с неопределенными обстоятельствами времени, ср. *Он когда-нибудь приходил к тебе?* и затрудненная сочетаемость с точными временными локализаторами, ср. невозможность **Сегодня я ложился спать в два часа*, **Эта книга поступала в продажу вчера*.

Правда, те из двунаправленных глаголов, которые обозначают ситуации с небольшим интервалом между 'туда' и 'обратно', могут с ними сочетаться, например: *Ты проветривал комнату?; Да, я открывал форточку в пять часов; Он приходил к тебе в два часа*. В этих случаях точечное обстоятельство относится не ко всему толкованию в целом, а только к первой его части: *Я встречался с ним в 2 часа* ≅'Я встретился с ним в 2 часа, а в более поздний неопределенный момент, близкий к 2 часам, мы расстались'; *Я открывал форточку в 5 часов* ≅'Я открыл форточку в 5 часов, а в более поздний неопределенный момент, близкий к 5 часам, я ее закрыл'. Таким образом, и здесь сохраняется некоторая доля неопределенности: второй результат — 'расставание' или 'закрытие' — хотя и близок во времени к названному в предложении определенному моменту, сам по-прежнему связывается с неопределенным моментом.

---

[12] Это значение НСВ рассматривается в [Кошмидер 1962, 152; Мазон 1958, 51; Исаченко 1960, 324—325; Лайонз 1967, 393]; более подробное описание см. в [Рассудова 1968, 26—29; Форсайт 1970, 3—6, 78—82; Гуляницкий 1976]. В работе Д. Форсайта содержатся списки глаголов, способных иметь это значение (с. 78).

Двунаправленное общефактическое характерно для глаголов перемещения, изменения состояния или свойства, изменения положения в пространстве. При этом глагол должен обозначать такое действие или процесс, которые допускают представление о противоположно направленном действии или процессе: *брать — отдавать*, *открывать — закрывать*, *приносить — уносить*, *приходить — уходить* и т. п., тем самым оно в первую очередь присуще тем глаголам указанных семантических групп, у которых есть лексические антонимы [Рассудова 1968].

Некоторые глаголы могут иметь как результативное, так и двунаправленное значение. Таковы, например, глаголы, обозначающие изменения состояния, свойства, положения в пространстве: *Эта большая тыква в спектакле «Золушка» превращалась в карету* (двунаправленное, так как в момент речи это снова тыква); *Заколдованный карлик в спектакле превращался в прекрасного принца* (результативное). Однако большинство глаголов имеет только результативное значение, например глаголы «непрерывного эффекта» [Маслов 1948, 314]: *смотреть*, *слышать*, *трогать*, *говорить* и т. д.

Некоторые глаголы имеют только двунаправленное значение. Таковы моторно-кратные глаголы, притом лишь в значении перемещения, имеющего конечную точку или цель, и только в том случае, когда соответствующая валентность реализована, например: *Я ходил сегодня в магазин* (≅'сходил').

Существуют семантические ограничения, препятствующие возникновению у глагола общефактического значения. Его не имеют в первую очередь бесприставочные моторно-некратные глаголы. В типичном для общефактического контексте моторно-некратные глаголы выглядят неестественно: *А он когда-нибудь вообще шел по этому шоссе?* Нормально было бы спросить: *А он когда-нибудь вообще ходил по этому шоссе?*

Затруднено или невозможно также выражение общефактического у статальных глаголов [ср. Рассудова 1968, 26]. Показательно, что у этих глаголов затруднено и выражение главного значения СВ. К числу не имеющих общефактического О. П. Рассудова относит и глаголы, обозначающие нарастающий процесс, такие, как *расти*, *расширяться*, *отвыкать*, *увеличиваться* и т. п. Заметим, однако, что если в предложении дополнительными средствами выражено представление о конечной точке действия, о его кратности или неопределенности, то они легко приобретают результативное общефактическое значение: *У мальчика когда-нибудь увеличивались железки?* Эти примеры показывают, что семантической основой общефактического значения является представление о дискретности действия (под дискретностью понимается указание на начало или конец) или неопределенности действия.

Идея дискретности может быть выражена как в значении самого глагола, так и в его актантах, обстоятельствах и вообще в контексте. Реализация любой из этих возможностей является благоприятным фактором для выражения общефактического зна-

чения. Наоборот, идея длительности, непрерывности и определенности действия, выраженные либо в значении самого глагола, либо в значении его актантов, обстоятельств, в более широком контексте и, наконец, в самой ситуации, препятствуют употреблению глагола в общефактическом значении.

Подробнее условия реализации общефактического значения рассматриваются в [Гловинская 1981 и 1982]. НСВ общефактическое, как и основное значение СВ, универсально с функционально-стилистической точки зрения и используется во всех типах речи.

Настоящее историческое

Настоящему историческому посвящена обширная литература см. обзор ее в [Бондарко 1959; Бондарко 1971, 142—150; Авдеев 1975]. Значение настоящего исторического хорошо изучено, поэтому мы коснемся его бегло, лишь в плане сопоставления с остальными формами, выражающими значение единичного действия в прошлом, доведенного до результата. Приведем примеры:

И так проходит год и два. И наконец три. И проходит пять лет, и дело приближается к нашим дням. И вот наступает 1933 год. . . Вот они едут в Ленинград. Заходят в «Асторию». Ковры. Столики. Играет оркестр. Танцуют великолепные пары. Вот они садятся за столик, заказывают себе цыплят и так далее (М. Зощенко); *Позже это стихотворение фигурирует в переписке Кемпбелла со Скоттом* (Изв. АН СССР); *В конце XIX века появляются первые механические часы и начинается постоянное состязание в техническом совершенстве, сложности прибора* («Наука и жизнь»); *Несколько шагов в сторону берлоги, ударяю ледорубом о твердый наст, и пес прекращает поиски, спешит обратно. Метрах в пятнадцати от входа от начинает хитрить — идет боком. . . Зверь его не видит, но прекрасно слышит. . . Разгневанная медведица почти выскакивает из берлоги. . . Замечает людей и замирает, скованная извечным страхом* («Юный натуралист»); *Я сижу роюсь в книжном магазине / под прилавком / и вдруг слышу спрашивает / голос молодой / а есть ли у вас письма лейтенанта Шмидта? . . . А письма у меня были // Я так вылезаю и спрашиваю / а кому говорю нужны письма? Говорит / мне // Я говорю / а зачем? Ну как зачем говорит / я буду играть //* (Из записей РР).

Исходя из имеющихся описаний настоящего исторического, сформулируем его предварительное толкование: 'Единичное действие в прошлом, говорящий представляет действие как бы происходящим на его глазах'.

«Живописный» компонент (термин А. М. Пешковского) — ментальная синхронизация действия и наблюдения — нуждается в уточнении. Одни лингвисты считают, что эта форма служит для изображения прошедших фактов как бы совершающимися в м о м е н т р е ч и перед глазами говорящего или слушателя. В отечественной науке эту точку зрения представляют А. М. Пешковский, В. В. Виноградов. Другие, например П. С. Кузнецов,

полагают, что при помощи praesens historicum «говорящий или пишущий говорит или пишет так, как будто он сам находился в том времени, к которому относится его рассказ» [Кузнецов 1949, 24], т. е. в прошлом. Попытаемся найти объективные свидетельства в пользу одной из этих точек зрения. Будем опираться на уже упоминавшуюся семантическую закономерность: если элемент контекста противоречит модальной рамке, возникает языковая неправильность.

Если бы модальная рамка настоящего исторического содержала элемент 'в момент речи', оно не могло бы сочетаться с обстоятельствами времени, относящими событие к прошлому. Возникло бы противоречие между этими обстоятельствами и модальной рамкой, порождающее языковую неправильность. Поскольку, однако, формы настоящего исторического нормально употребляются именно в контексте таких обстоятельств, мы должны заключить, что его модальная рамка не содержит компонента 'действие происходит как бы в момент речи'. Предпочтение следует отдать второму варианту модальной рамки — 'говорящий мыслит себя в прошлом и действие происходит как бы на его глазах'.

Формы настоящего исторического могут обозначать и единичное действие (*Ударяю ледорубом*), и многократное действие (*И вот он заводит разные флирты и романы. . .* М. Зощенко). Единичное действие может быть представлено либо 'в протекании': *Дело приближается к нашим дням; Танцуют великолепные пары; Я сижу роюсь в книжном магазине*, либо 'в результате': *И вот наступает 1933 год. Заходят в «Асторию». Садятся. . .* В данном разделе нас будет интересовать только последний случай.

Результат, достигнутый действием, которое обозначается формой настоящего исторического, актуален только для какого-то момента в прошлом. В значении формы нет указаний на сохранение результата до момента речи.

Момент, в который возникает результат, настоящее историческое характеризует как определенный (*Как раз в этот момент приходит. . .*). Это естественно, поскольку действие происходит «как бы на глазах говорящего».

Очевидно, что «живописный» компонент толкования в таком виде может характеризовать только физические действия, которые могут происходить буквально на глазах наблюдателя. Что касается глаголов с более абстрактным значением (*появляется*, *начинается*, *случается* и т. д.), то для них можно предложить некоторую модификацию толкования: 'говорящий представляет себя как бы свидетелем осуществления данного действия'.

Стилистически-функциональное употребление настоящего исторического хорошо известно — историческое или художественное повествование, разговорная речь, «которая переходит на него всякий раз, как превращается из разговора в рассказ» [Пешковский 1935, 190].

Прошедшее НСВ в значении «сказового» действия

Мы имеем в виду довольно редко встречающееся в современном языке употребление этой формы в том значении, которое было характерно для русского народного эпоса. См. пример из былины:

Было так, на восходе красного солнышка,
Вставал Илья Муромец раньше всех,
Выходил он на Сафат-реку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонким полотном.
Помолился чудну образу
(«Илья в Киеве»).

Слетал ворон на сине море,
Приносил мертвой и живой воды.
Вспрыскивал Михайла Добрыню мертвой водой, —
Срасталось тело его белое,
Затягивались раны кровавые;
Вспрыскивал его живой водой, —
Пробуждался молодец от смертного сна
(Там же).

В лингвистической литературе мы не встречали описания этого значения и условно назвали его «сказовым», имея в виду его употребительность в фольклоре. В языке былин эта форма с точки зрения современного носителя русского языка обозначает единичное действие, достигшее полного результата и имевшее место в определенный момент или в определенной ситуации в прошлом (ср. *на восходе красного солнышка*).

В отличие от формы СВ данная форма обозначает не только действие, достигшее результата, но и представляет это действие более растянутым, как бы замедленно протекающим на глазах говорящего и слушающего от начала и до конца. Такое представление действия согласовывалось с общей замедленностью изображаемого течения событий, свойственной былинам.

«Живописный» компонент в значении этой формы хорошо ощущается интуитивно, как и в настоящем историческом. И в том и в другом случае формы НСВ перемежаются формами прошедшего времени СВ, сигнализирующими, в частности, единичность и определенность описываемой ситуации. Ср. пример из «Истории государства Российского» Н. Карамзина: *Царь приветствовал и воевод, и воинов, числом более двадцати тысяч; з в а л их к руке; говорил с ними; хвалил за устройство и мужество; угостил всех на лугу Бейском*».

Сказовое, как и настоящее историческое, характеризует момент возникновения результата как определенный, а сам результат — как сохраняющийся до какого-то момента в прошлом, в частном случае, до того момента в прошлом, когда он отменяется очеред-

ным действием в цепочке следующих друг за другом действий так же, как и в случае настоящего исторического.

В языке художественной литературы эта форма является традиционным приемом для создания фольклорного колорита: *Там за стол его с а ж а л а | Всяким яством у г о щ а л а, | Уложила отдыхать | На парчевую кровать. . .* (Пушкин); *Вмиг по речи те спознали, | Что царевну принимали. | Усадили в уголок | П о д н о с и л и пирожок, | Рюмку полну н а л и в а л и, | На подносе п о д а в а л и. | От зеленого вина о т р е к а л а с я она. | Пирожок лишь разломила | Да кусочек откусила. . .* (Пушкин).

П. И. Мельников-Печерский, описывая жизнь старообрядцев в стилизованно-народной манере, использует формы в «сказовом» значении. Например: — *На ласковом слове спасибо, сударыня, — снова кланяясь Марье Гавриловне, молвила тетка Егориха. Таня была девочка догадливая, о т х о д и л а в сторонку и п у с к а л а с ь вдоль Вражка цветочки рвать. Разговорилась Марья Гавриловна со знахаркой. . .*» Формы СВ прошедшего времени *молвила, разговорилась*, чередующиеся с формами НСВ, исключают возможность понимания последних в узуальном значении.

В песне М. Исаковского «Катюша», написанной в народной песенной манере, использованы также формы с этим значением: *Р а с ц в е т а л и яблони и груши, | Поплыли туманы над рекой, | В ы х о д и л а на берег Катюша, | На высокий берег на крутой. | В ы х о д и л а, песню з а в о д и л а. . .* В песне Е. Сергеева, также написанной в стилизованно-народной манере, описываются действия бойца, готовящегося выполнять задание: *Я к своей винтовочке острый штык п р и л а ж и в а л, | За сапог з а с о в ы в а л старенький наган. . .*

Особый интерес для нас представляет такое использование этой формы в художественной литературе, которое не связано с фольклорной стилизацией. Вот описание движения войска в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»: — *Вишь, их, как плотину прорвало, — безнадежно останавливаясь, говорил казак. — Много ль еще там? — Мелион без одного! — подмигивая г о в о р и л близко проходивший в прорванной шинели веселый солдат и с к р ы в а л с я; за ним п р о х о д и л другой, старый солдат. . . За ним другой солдат ехал на повозке. . . И этот п р о х о д и л. . .*

Формы *скрывался, проходил* (последняя использована здесь автором несколько раз) помогают читателю представить себе движение, совершающееся как бы перед его глазами вплоть до конца, до исчезновения из виду фигур солдат.

Менее прозрачно значение этой формы в следующих примерах: *Потом англичанин приказал вернуться в Форт, уже опустевший, закрывший свои конторы, агенства и банки, побрился в цирульне и неприятно помолодел, п о к у п а л сигары, з а х о д и л в аптеку* (Бунин); *А мне виделся Индийский океан. . . Тихо колышется парусник. Когда-то подует ветер. Когда-то придем ко двору*

Великого Могола. И капитан корабля в ы н и м а л часы из-за шелкового пояса, смотрел на небо (Вс. Иванов).

Последний пример представляет собой случай сказового воображаемого действия. Контекст допускает понимание названного действия и как единичного, и как многократного.

— *Воображаю, что было у Каифы!* — *Да, прокуратор, это вызвало очень большое волнение. Меня они п р и г л а ш а л и немедленно* (Булгаков); — *Позвольте,* — *кричала скандальная дама,* — *и тут же рядом пропускают трех малюток в длинных клешах. Я жаловаться буду!* — *Эти малютки, сударыня,* — *отвечал Филя,* — *были костромские лилипуты. Н а с т а в а л о полное молчание. Глаза дамы п о т у х а л и, Филя тогда, оскалив зубы, у л ы б а л с я так, что дама вздрагивала. Актер с побледневшим лицом, со страдальческими помутневшими глазами, вдруг н а в а л и в а л с я сбоку на барьер, шептал:* — *Дикая мигрень. . . Филя, не удивляясь, не оборачиваясь, п р о т я г и в а л руку назад, о т к р ы в а л настенный шкафик, наощупь б р а л коробочку, из нее в ы н и м а л пакетик, п р о т я г и в а л страдальцу, г о в о р и л:* — *Водой запей. . . Слушаю вас, гражданка. Слезы в ы с т у п а л и у гражданки, шляпка с ъ е з ж а л а на ухо. . .* (Булгаков); *Грузовик дал сигнал и выехал на улицу. Тут же из подъезда театра р а з д а в а л и с ь резкие звуки тромбонов. Публика с вялым изумлением останавливалась, о с т а н а в л и в а л с я и грузовик,*(Булгаков); *Я стояла у окна и смотрела на них, а Виржинчик в это время дочитывала «Пана» Гамсуна и лукаво спрашивала меня: «Что такое любовь?» — и сама отвечала: «Это ветерок, шелестящий в розах». Я о б о р а ч и в а л а с ь к ней и очень серьезно г о в о р и л а, что я давно обдумала этот вопрос. . .* (Н. Берберова); *Ночевал Крымов у Батюка. Батюк, шевеля губами, о т с ч и т ы в а л в рюмочку капли сердечного лекарства, н а л и в а л в стакан воду. Позевывая, он рассказал Крымову о делах в дивизии* (В. Гроссман); *И вообще, несмотря на все прощания, я недавно снова к ней приезжал. Выскочил из поезда холодным утром, бежал по бесконечным подземным кафелям, надеясь перехватить ее на пересадке, не успевал. В б е г а л в переговорный пункт, все удивлялись моей одежде — все давно уже в пальто и плащах. С т а в и л монетку вертикально, п о п а д а л в щель. . .* (В. Попов); *Там проиграл я свои пять рублей. . . Проигрыш у в о д и л нас в новую даль и п р и в о д и л почему-то на базу спортторга. . . Стареющий плейбой з а в о д и л нас в свой кабинетик, где Павел Петрович р а з в о р а ч и в а л газетку. . . Изысканно, даже с искрой накрыл нам щедрый плейбой на гимнастическом коне. . . И очень заботливо и тактично в х о д и л в мое положение добрый зав, и, утешенный, в ы х о д и л я с Павлом Петровичем далее. . .* (А. Битов); *Мне не спалось уже и грустно было, что Лапин собирается жениться на этой вот Гале,* — *мне не нравилась она. Я п о д н и м а л с я, в с т а в а л из своего тепла и молча с о б и р а л постель* (В. Маканин); *Нашел там, в сачке, ее* ‹*бабочки*› *твердую грудку, сжал. . .*

останавливая крохотный часовой механизм ее жизни. Нес ее вверх, на гору, к сыну, к жене, наблюдавшим его охоту. Вытряхивал бабочку на ладонь. Все трое наклонили к ней лица. (А. Проханов).

Мы приводили столь длинные контексты, чтобы читателю было ясно, что речь идет о единичном законченном действии во вполне определенной ситуации, а не о повторяющемся или длящемся действии.

В этих примерах форма прошедшего НСВ, хотя и не выражает замедленного действия, как бы протекающего на глазах читателя, но все же фиксирует внимание не только на результате действия, как форма СВ, но и на самом процессе его протекания. Действие воспринимается как более значительное, важное, иногда — торжественное [14].

Легко заметить, что чаще всего в этом значении употребляются глаголы перемещения. Возможны также фазовые глаголы и глаголы говорения. На глаголах говорения следует остановиться особо. Глаголы типа *отвечал, кричал, шептал, восклицал* и т. д., вводящие прямую речь, как давно отмечалось в литературе, в современном языке используются в тех же условиях и как будто в том же точно значении, что и соответствующие глаголы СВ. На наш взгляд, формы НСВ имеют здесь значение сказового действия, т. е. в отличие от форм СВ концентрируют внимание не только на результате, но и на процессе. Эти формы чаще встречаются в начале и в середине реплики разговора, когда действие еще не закончено, чем в конце (см. вышеприведенные примеры).

Единственная сфера употребления формы в этом значении — художественное повествование.

Правда, мы располагаем одним примером ее употребления и в разговорной речи: А. *Я помирилась с физиком* // Б. *А в чем это выразилось?* А. *Он меня не ругал / п р е д л а г а л листочек с контрольной / я листочек б р а л а.* // Обычно эти формы употребляются при обозначении последовательных действий; изолированные употребления, за исключением глаголов говорения, вводящих прямую речь, редки и воспринимаются как странность (см. вышеприведенный пример из М. Булгакова *Меня они приглашали немедленно*).

Обозначая последовательность событий, формы прошедшего сказового НСВ, как и формы СВ в главном значении, играют в повествовании роль «событийных двигателей». Этим их функция отличается от обычной функции претеритального НСВ в повествовании, состоящей в фиксации фона, на котором происходит действие [15].

---

[14] Похожее значение имеет стилистический imparfait в современном французском языке. Во-первых, он тоже выражает завершенность, законченность процесса. Во-вторых, «при употреблении imparfait в центре внимания, словно на замедленном, приостановившемся кадре киноленты, находится сам процесс развертывания действия» (Пицкова 1982, 38—39).

[15] О роли претерита СВ и НСВ в художественном повествовании см. [Форсайт 1970, 9—10; Бондарко 1973, 26—27; Филатова—Хелльберг 1975; Маслов 1984а].

Настоящее НСВ непосредственно предшествующего действия[16]

Слёнин п р е д л а г а е т мне за Онегина, сколько я хочу (Из письма А. С. Пушкина); . . .*Лапшенникова сообщила мне, что редакция обеспечена материалами на два года вперед и что поэтому вопрос о напечатании моего романа, как она выразилась, о т п а д а е т* (М. Булгаков); *Уважаемый Анатолий Эмильевич! . . Получил письмо от Вас, за которое большое спасибо. Писать с а ж у с ь вторично* (Из письма В. Севрина А. Э. Миндлину); *Эй, вы — крикнула вдруг Клара. — Плывите один, капитана я не отпущу. — Видал, — сказал Орлов, — она его уже не о т п у с к а е т.* (Ю. Коваль); *Мама з о в е т обедать; Скоро о б е щ а ю т дать отпуск; Врач п р е д п и с ы в а е т мне много гулять; Я п р и х о ж у к вам как к другу; Г о в о р ю это вам строго по секрету; Я б е р у у вас эту книгу ненадолго; Объясню, почему я п р о ш у совета именно у вас; Родители р а з р е ш а ю т мне пойти в кино* (Из записей РР и из писем).

В этих случаях глагол называет событие, которое осуществляется не в момент речи, хотя и употреблена форма настоящего времени, а осуществилось до момента речи (*уже пришел, сказал, взял, попросил* и т. д.), причем близко к нему или непосредственно перед ним, так что между данным событием и моментом речи не было другого, отменяющего его события, и поэтому в момент речи результат этого действия остается в силе. Сам момент осуществления действия остается неопределенным.

Выражение 'близко к моменту речи' и 'непосредственно предшествующее действие' обозначают именно отсутствие промежуточного события, а не обязательно физическую близость к моменту речи. В различных ситуациях реальный интервал между событием и моментом речи может быть различным, ср.: *Нас приглашают к столу* и *Нас приглашают погостить в деревне*. В первом случае время сохранения результата приглашения и тем самым время, в течение которого может быть употреблена форма настоящего НСВ меньше, чем во втором. Но языковое значение здесь одно и то же.

Фразы с этими формами допускают замену парными формами СВ (*предложил, позвала*).

В данном значении, по сравнению с главным значением СВ в прошедшем времени, особо подчеркивается актуальность результата действия в момент речи. Как мы уже говорили, компонент 'результат действия сохраняется до момента речи' в толковании СВ может быть снят последующим контекстом (*Часы починили, но они опять сломались*). Данная же форма не допускает подобной отмены.

---

[16] Ср. значение Passé immédiat во французском языке: Il vient de sortir 'Он только что вышел'.

Это значение наиболее характерно для глаголов речи. В этом случае мы имеем дело с метатекстовой ролью видо-временных форм, а именно — анафорической. Значение глагольных форм состоит в прояснении или просто назывании иллокутивной функции какого-то речевого акта, имевшего место до момента речи или до какого-то момента в прошлом (*предлагает*, *не отпускает*, *зовет*, *обещают*, *шучу* и т. д.). В примере из М. Булгакова . . .*вопрос о напечатании отпадает* в сущности тоже названа иллокутивная функция — о т к а з печатать книгу. При этом обозначение иллокутивной функции относится к лексическому значению глагола, а роль отсылки к предшествующему речевому акту выполняют граммемы вида и времени.

Стилистически-функциональное употребление данной формы в основном ограничено диалогами разного типа — научными диспутами, обыденными разговорами, письмами и различного рода информационными жанрами (*Англия предлагает своим партнерам провести совещание. . .*; *Техникум объявляет прием учащихся*). Форма НСВ настоящего в этом значении может быть употреблена в течение того времени, пока сохраняется в силе актуальность результата действия.

Настоящее НСВ интерпретационное

— *Теперь я буду обязан*, — *сказал я.* — *Это похоже на взятку.* — *Ха, разве взятки такие бывают?* — *сказала Жанна.* — *Вы нас о б и ж а е т е* (Д. Гранин); [Пионер отказался от участия в мероприятии]. Пионервожатый ему: *П о д в о д и ш ь коллектив. П р е н е б р е г а е ш ь доверием товарищей! У к л о н я е ш ь с я от участия в политическом мероприятии.* (А. Маркуша); *А я не понял. Ты отбросил меня, думаю: под шумок с ч е т ы с в о д и т. . .* (В. Франюк); — *Не баламуть народ, инспектор. Никто с тобой никуда не пойдет. . . Неужели не понимаешь, что и д е ш ь н а п р е с т у п л е н и е?* (В. Франюк); — *Традиции бывают разные. В некоторых африканских племенах по традиции вдевают в носы кольца.* — *Что ж вы р а в н я е т е!* (В. Франюк); *Они. . . сбежали от родителей на БАМ, чтобы пожениться. Вот д а ю т! Совсем как в книжках* (С. Колесова); А. *Меня никто там не любит* // Б. *Ты п р е у в е л и ч и в а е ш ь* //; А. *Он сказал* | *что жены нет у него* // Б. *Он тебя о б м а н ы в а е т* // (Из записей РР).

Это значение можно сформулировать примерно следующим образом: 'До момента речи имело место конкретное единичное действие; говорящий, имея в виду это прошлое действие или его результат, в момент речи интерпретирует это действие как некий тип поведения'. Или, в более общем виде: 'Говорящий, имея в виду прошлое действие P, в момент речи интерпретирует P как тип поведения R'. Момент, когда произошло интерпретируемое событие, является неопределенным.

В порядке разъяснения данных толкований обратим внимание на то, что в примерах называется или подразумевается какое-то конкретное, часто физическое, действие (скажем, чьи-то слова, поступки). Глагольная же форма настоящего НСВ не обозначает само это конкретное действие, а отсылает к нему, называя тот общий тип поведения, к которому оно относится в интерпретации говорящего. Если отсылка касается какого-то предшествующего высказывания, то мы вновь имеем дело с чисто анафорическим употреблением видо-временной формы. Близким к анафорическому является и такое употребление, когда интерпретации подвергаются не высказывания, а реальные прошлые поступки.

Элемент обобщения отличает данное значение отНСВ непосредственно предшествующего действия. Второе отличие состоит в том, что здесь подчеркивается не столько актуальность результата прошлого действия, сколько актуальность обобщения в момент речи.

По-видимому, этот же элемент обобщения запрещает замену интерпретационного НСВ формами СВ: *Идешь на преступление≠ Пошел на преступление*; *Вы нас обижаете ≠ Вы нас обидели* и т. д.

Замена данной формы формами прошедшего НСВ также невозможна: *Подводишь коллектив≠Подводил коллектив; Пренебрегаешь мнением товарищей≠Пренебрегал мнением товарищей* и т. д. В последнем случае исчезает указание на единичность действия, а также на то, что актуальность характеристики действия в момент речи сохраняется.

Некоторые глаголы говорения (*Глупости порешь; ты лжешь; ты преувеличиваешь; шучу, шучу* и т. д.) фактически соединяют в себе и значение непосредственно предшествующего действия, так как указывают на актуальность результата, и интерпретационное значение, так как дают интерпретацию данному акту речи.

Интерпретационные значения обычно выражаются глаголами интенсиональной семантики, ср.: *Они торопятся с выводами; Ты же ее убиваешь; Вы воскрешаете меня*; *Ты возвращаешь меня к жизни; Он играет ва-банк*; *Вы ставите все на карту*; *Вы берете меня за горло*; *Значит, вы закрываете глаза на это безобразие?*; *Ну, ты землю роешь* и т. д.

Обычно в этом значении употребляются формы 2- и 3-го лица, и — гораздо реже — первого. Это связано с тем, что говорящий чаще интерпретирует и подвергает оценке чужие поступки, чем свои собственные.

Настоящее НСВ экспозиционное

Название этого значения предложено Г. Галтоном. Примеры:

Эдгар По. . . берет самую исключительную действительность, ставит своего героя в самое исключительное внешнее или психологическое положение, и с какою силою проницательности, с какою

поражающей верностью рассказывает он о состоянии души этого человека! (Достоевский); *Ядовитость этой ужасной книги «Приключения Телемака» состоит в том, что она воспевает добродетели и мудрость таких благодетельных монархов, которые не ведут разорительных войн и не забавляются великолепными постройками, а развивают земледелие, поощряют торговлю и водворяют в народе патриархальную простоту нравов* (Писарев); *Уже в первом произведении Достоевский изображает как бы маленький бунт самого героя против заочного. . . подхода литературы к «маленькому человеку»* (М. Бахтин); *Дарвин учит, что эволюция видов определяется тремя факторами; Маркс говорит, что производственные отношения зависят от уровня развития производительных сил; Хальс делает из камзола уже необычайную живопись // А здесь он в основном темный //* (Из записей публичных выступлений).

Значение этой формы близко двум последним рассмотренным значениям. Его специфика обнаруживается при сопоставлении с формами прошедшего НСВ и СВ: *Пушкин изображает — изображал — изобразил мелкопоместное дворянство.* Несмотря на большую смысловую близость этих форм, настоящее НСВ, как показал Г. Галтон, отличается от них следующим. Результат названного прошлого действия, т. е. содержание того, о чем «пишет»; «говорит»; что «изображает» субъект действия, по мнению говорящего, является, во-первых, общезначимым, ценным для многих, во-вторых, сохраняет ценность, актуальность, важность до настоящего времени, даже если говорящий не согласен с утверждением [Галтон 1976, 17—18].

Действительно, употребить эти формы было бы странно во фразах, где речь идет о заведомо потерявших свою актуальность тезисах, например, во фразах ?*Птолемей учит, что Солнце вращается вокруг Земли* или ?*Алхимики доказывают, что любой металл можно превратить в золото.* В этом случае, конечно, уместна форма прошедшего НСВ, которая относит актуальность тезиса к тому моменту или периоду в прошлом, о котором идет речь.

Форма настоящего НСВ содержит, таким образом, интеллектуальную (не эмоциональную) оценку. Эта оценка в каждом случае является для говорящего индивидуальной, язык же дает ему возможность выразить ее. Поэтому об одном и том же событии разные говорящие могут говорить по-разному, в соответствии со своей системой ценностей или в зависимости от того, что находится в центре их внимания — какой-то период прошлого, историческая обстановка в этот период или исключительно содержание того, о чем идет речь. Таким образом, сам факт отнесения результата к прошлому не обязательно означает его недостаточную ценность. Это может свидетельствовать и о том, что в центре внимания говорящего — прошлое, когда данный результат начал существовать. При использовании формы настоящего в центре внимания говорящего находится настоящее, в котором этот результат сохраня-

ется материально [17] и сохраняет свою интеллектуальную или художественную актуальность.

Форма настоящего экспозиционного не соотносит данный результат ни с каким моментом в прошлом. Тем самым снимается вопрос об определенности или неопределенности такого момента.

Это значение могут иметь глаголы интенсиональной семантики, притом в первую очередь глаголы, обозначающие творческую деятельность.

Используется во всех типах речи.

Настоящее НСВ о прошлом единичном факте как неслучайном, типичном (настоящее эмоциональной актуализации)

Приведем примеры этого значения:

Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю. . . и царь не стыдится в том признаться (Из дневника А. С. Пушкина; пример из работы Бондарко 1971, 150); *Я же им ножик давай, они же на меня и накидываются. Душат за горло* (М. Зощенко); *Родного отца не замечает. . . Дожили!* (Е. Шварц); *С чистым сердцем догонял он друга, а друг отвернулся. Оскорбленному, ему еще бьют под ребра, методом подлой подножки бросают в малину* (Ю. Коваль); *И этот человек говорит мне о порядочности! Пишут же люди! Бывает же так! Кто это тут кошельки раскидывает?*; (рассматривая один рисунок) *Кто это тут так здорово рисует?* (Из записей РР).

Это значение было впервые описано в [Бондарко 1971, 150—153]. Процитируем его описание: «Факт прошлого подчеркивается, ему придается в данном высказывании принципиальное значение. Он уже не рассматривается как прошедший, а как бы извлекается из прошлого и переносится в плоскость настоящего. Действие предлагается на рассмотрение, демонстрируется. Прошедшее событие переживается и оценивается в настоящем» [Бондарко 1971, 151]. Там же отмечается «эмоционально-экспрессивный оттенок удивления или возмущения», содержащийся в данном значении, а также то, что актуализация основана на обобщении факта (с. 153).

Учитывая процитированное выше описание, предлагаем следующее толкование этого значения: '(I) до момента речи имело место единичное событие (действие); (2) говорящий или участник ситуации небезразличен к этому событию и оценивает его положительно или отрицательно; (3) говорящий считает, что оно неслучайно для субъекта действия (если таковой есть) и что между

[17] Если произведение, о котором идет речь, не сохранилось, то форма настоящего НСВ не может быть употреблена, как бы высоко оно ни оценивалось говорящим. Странно было бы сказать, например, **В погибшей фреске неизвестный художник изображает «Сошествие во ад»*.

свойствами субъекта действия и данным действием (событием) имеется связь; (4) говорящий заново в момент речи переживает названное событие'.

Часто при обозначении единичного факта здесь используется форма так называемого гиперболического множественного, что подчеркивает представление говорящего о данном событии как неслучайном, типичном (см. примеры из Зощенко, Коваля, из разговорной речи).

Как видно из приведенных примеров, в момент речи не обязательно сохраняется сам результат действия, обязательным является переживание этого результата. Что касается момента, когда произошло данное событие, то в одних случаях он может быть определенным, в других — неопределенным. Для говорящего это является несущественным.

Функционально-стилистическое употребление этой формы ограничено публицистикой, разговорной речью, письмами, дневниками. В художественной литературе эта форма используется для передачи диалогов и внутренних монологов героев. Ни в научной, ни в деловой речи настоящее эмоциональной актуализации невозможно из-за «эмоционального» компонента толкования.

Будущее СВ о прошлом единичном факте как удивительном, неожиданном

Они . . . смотрели в глаза друг другу, смотрели так любовно и пылко, что от зависти морщины пошли к сердцу. Привалит же людям такое счастье! (Вс. Иванов); *И я даже читала где-то, что разваливаются те семьи, где муж и жена ведут бесконечные дискуссии, а те семьи, где супруги не разговаривают и двадцать минут в день, благополучно существуют. Даже так. Напишут ведь* (Т. Горбулина); (Глядя на рисунок). *Нарисуют же такое!*

Рассматриваемое значение реализуется в конструкциях вида «глагол СВ будущее + *же*», «глагол СВ будущее + *ведь*», где частицы *же* и *ведь* имеют значение, отличное от их основных значений, ср: *Ведь он пойдет в кино!*; *Он же поедет за город.* Значение всей этой конструкции можно истолковать следующим образом: '(1) До момента речи имело место единичное событие (действие, доведенное до результата); (2) Говорящий или участник ситуации неравнодушно относится к этому событию; (3) считая его удивительным, неожиданным, он в то же время обобщает его как характерное'.

В пользу последнего компонента свидетельствует то обстоятельство, что о единичном событии часто говорится во множественном числе, как если бы оно было типичным.

Результат действия сохраняется в момент речи, ни с каким моментом в прошлом действие не соотносится.

Данное значение СВ характерно для языка художественной литературы, публицистики, особенно фельетонов, а также для разговорной речи.

Будущее СВ или повелительное СВ для обозначения внезапно наступившего действия в прошлом

Будущее СВ:

Как царица отпрыгнет, | Да как ручку замахнет, | Да по зеркальцу как хлопнет, | Каблучком-то как притопнет! (Пушкин); *А больная ко мне лицом лежит, и руки разметала, бедняжка. Я подошел. . . Как она вдруг раскроет глаза и уставится на меня* (Тургенев); *Как вскочит мой Василий Васильич! Словно обожженный!* (Тургенев); *Конь мчал, мчал да как остановится враз, точно вкопанный* (Н. Тихонов); *А он ему как даст! Тут она как чихнет! Тут дождь как польет! А он как развернется, как треснет его!*

Повелительное СВ:

А пиджак ловили всем обществом, еле выловили, а он возьми и окажись весь в керосине (И. Ильф, Е. Петров); *Аннушка, наша Аннушка! С Садовой! Это ее работа! Взяла она в бакалее подсолнечного масла, да литровку-то о вертушку и разбей!* (М. Булгаков); *И не успел он оглянуться, как этот прохвост Катькин возьми и плюнь ему прямо в рыло* (Булгаков); *Угля у меня не хватило, я и вернись из-под Крыма. . . Вдруг подплывает Шариков; ты зачем, говорит, безвременно прибыл?* (А. Платонов).

Обе формы обозначают внезапно наступившее в прошлом действие, результат возникает в определенный момент; он актуален для прошлого и неизвестно, сохраняется ли до момента речи. При этом внезапность действия по-разному представлена этими формами.

Формы будущего СВ представляют действие как быстрое, мгновенное. В конструкции с ним могут быть употреблены лишь глаголы, обозначающие действие, которое может быть моментальным, и недопустимы глаголы, обозначающие постепенное накопление результата: **А он как накопит денег, как купит дом! *А он как соберет всю картошку в кучу!*

Формы повелительного наклонения СВ представляют действие как неожиданное, но при этом его результат в действительности не обязательно должен возникать мгновенно. Он может накапливаться постепенно; последнее остается неизвестным говорящему, он воспринимает результат и в этом случае как неожиданный: *А он возьми и накопи деньжат.* Относительно этой формы многие лингвисты отмечали, что она, как правило, обозначает такое действие, которое произведено некстати, является нежелательным для участников ситуации.

У будущего СВ рассматриваемое значение проявляется только в контексте частицы *как*, обычно в составе сложного предложения [последнее отмечено в Виноградов 1947, 580] и требует специальной интонации.

Формой повелительного наклонения данное значение выражается только в контексте усилительных служебных слов *и, возьми и* и при наличии особой интонации [Пешковский 1935, 194].

Таким образом, можно констатировать, что в обоих случаях значение внезапно наступившего действия в прошлом выражается не одной видо-временной формой, а целой совокупностью условий.

Формы будущего СВ и повелительного СВ для обозначения внезапно наступившего действия в прошлом употребляются только в разговорной и художественной речи, в обоих случаях в повествовании [Вейренк 1980, 85—129].

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ОБОЗНАЧЕНИЯ УЗУАЛЬНЫХ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Узуальные действия

Изложение в этом разделе будет строиться по несколько иному плану, чем в предшествующем. Мы обсудим 1) понятие локализованности во времени; 2) типы употребления узуального НСВ; 3) типы употребления узуального СВ; 4) различия и сходства между прошедшим узуальным СВ и будущим узуальным СВ; 5) различия и сходства узуального НСВ и узуального СВ; 6) контекстные условия реализации узуального значения; 7) распределение по типам речи.

Понятие локализованности во времени

При характеристике узуальных действий важную роль играет понятие локализованности во времени.

О локализованности и нелокализованности во времени и об отражении этих понятий в языке много писал Э. Кошмидер. В частности он отмечал, что ввиду отсутствия в языке «специальной категории вневременности факты без временно́го местоположения обозначаются теми же формами, что и факты, локализованные во времени, причем используются как несовершенные, так и совершенные глаголы» [Кошмидер 1962, 155]. Это утверждение, касающееся польского языка, справедливо и по отношению к русскому языку.

Временная локализованность может описываться с двух точек зрения: временная локализованность относительно момента речи и временная локализованность относительно момента наблюдения (рейхенбаховской точки отсчета).

Относительно момента речи действия могут быть локализованными (формы НСВ узуального) и нелокализованными (формы СВ узуального, гномическое время), примеры см. ниже. Относительно момента наблюдения действия могут быть только локализованными во времени.

Момент, в котором локализуется действие, может быть определенным (ср. актуально-длительное значение НСВ) и неопределенным (ср. узуальные значения НСВ и СВ, гномическое значение

НСВ. для последнего, например, действие имеет место в любой момент наблюдения). Трактовка узуального значения НСВ как описывающего неопределенную временную локализацию совпадает с точкой зрения Т. В. Булыгиной [Булыгина 1982, 18—19]. Ср. иной взгляд в Бондарко 1971 (с. 6) где данному значению приписывается признак временной нелокализованности.

Узуальное значение НСВ

Узуальное значение НСВ имеет две разновидности (или два типа употребления): 'иногда / обычно делать' (собственно узуальное) и 'иметь свойство'.

Примеры типа 'обычно делать'.

. . .я аккуратно сообщаю в «Летопись» обо всех выдающихся городских событиях (Бунин); *Шляпы тогда носили реже, чем сейчас* (Вс. Иванов); *Бульвар — место общественного гулянья. . . . всякий день, выспавшись после обеда до семи, в семь отправляется Иван Семенович гулять на бульвар. Порасправившись на свежем воздухе, усаживается он где-нибудь на скамейку между рестораном и эстрадою, и сидит развалясь . . . и не шелохнется, млеет и насвистывает* (А. Ремизов); *Нельзя возражать, понимаете вы или нет? На Сивцев Вражке не возражают. — То есть как это?! Никто и никогда не возражает? — Никто и никогда, — отстукивая каждое слово, ответил Бомбардов, — не возражал, не возражает и возражать не будет* (М. Булгаков); *Московские вокзалы — ворота города. Ежедневно они впускают и выпускают тридцать тысяч пассажиров* (И. Ильф и Е. Петров); *Бегала весь день, ела на ходу, иногда не поспевала домой, и вообще весь день не ела, мерзла на трамвайных остановках, работала ночами и при своем слабом сердце все это выдерживала* (Н. Ильина); *Странные люди цыгане! Ранней весной они трогаются в путь, одни едут на поездах, другие — на пароходах или плотах, третьи плетутся по дорогам в телегах. . . Люди с южной кровью, они забираются в самые глухие северные углы. Внезапно становятся табором под городом, несколько дней слоняются по базару, щупают вещи, торгуются, ходят по домам, гадают, ругаются, смеются. . .* (Ю. Казаков); *Яковлев начинал рисунок . . . с глаза. Глаз отделывал до полной законченности, вырисовывал со зрачком, веками, с тенями и полутенями. За глазом появлялась бровь, второй глаз и переносица* (А. Минчковский); Примеры типа 'иметь свойство'. *Письмо было хорошее, умное, очень приветливое, с несколькими золотыми деталями, которые так любят писатели* (Вс. Иванов); *Горький тосковал по-другому, — как тоскует вулкан, лепя скалы из базальта: творя* (Вс. Иванов); *— Просторная, удобная машина? — Да. — Вероятно, закрытая? — Да, она не открывалась* (Д. Голсуорси); *Справа от меня сидел некоторый человек Леха Хоботов, тот самый, у которого — по рассказам деда Авери — летала рука* (Ю. Коваль); *Он всегда выполняет свое обещание; Вещество, которое превращает амигдалин в масло, содержится в горьком и*

сладком миндале (Н. Зимин. Пример заимствован из [Кожина 1972, 222]).

Обе эти разновидности можно описывать в рамках одного значения 'обычно делать так или иметь свойство так делать, действие представлено в протекании или в результате'. Действительно, узуальное НСВ соотносится с главными значениями обоих видов.

Во фразах *Он все делает медленно — медленно ест, медленно одевается*; *Больная причесывается с трудом* обстоятельства *медленно, с трудом* характеризуют то, как протекает действие; глагол обозначает обычное, повторяющееся действие в его протекании, т. е. соотносится с главным значением НСВ.

Во фразах *Он всегда одевается по моде, Она причесывается со вкусом* обстоятельства *по моде, со вкусом* характеризуют только результат действия. Следовательно, глагол представляет обычное, повторяющееся действие в его результате; он синонимичен причастным конструкциям *обычно одета* (*по моде*), *обычно причесана* (*со вкусом*), обозначающим именно результат действия. В этом случае узуальное значение соотносится с главным значением СВ.

Иногда мы сталкиваемся с ситуацией неопределенности: языковые средства недостаточны, чтобы понять, представлено ли узуальное действие в протекании или в результате, например: *Перед сном он всегда читает газету*. Неясно (и неважно), отводится ли какое-то время перед сном процессу чтения газеты (действие 'в протекании') или газета прочитывается целиком (действие 'в результате').

Узуальное значение СВ

Узуальное значение СВ тоже имеет две разновидности или два типа употреблений — 'иногда / обычно делать' (собственно узуальное) и 'иметь свойство делать'.

Собственно узуальное значение — 'обычно делать' — форма СВ имеет и в прошедшем, и в будущем времени.

Формы прошедшего времени:

Ведь иногда случалось: в бою оплошал человек, растерялся, порой даже не сам, а подчиненные подвели командира, отступили, не выдержали. Что же, сразу к стенке или к вырытой могиле ставить? (В. Карпов); *Он же как всегда? Послушал меня / сел и забыл //*; *Утром встал / кашку сварил / поел / так хорошо //* (Из записей РР).

Формы будущего времени:

Теперь я знаю каждое ее слово. Она сама вечером прибежит и все расскажет (Л. Толстой); *Если случается гость, он всегда рад гостю, предложит стакан, угостит, потолкует, покажет редкости и честь честью проводит до двери* (А. Ремизов); . . . *выпивала барыня, давно уж выпивать приучилась: выпьет, заест мятным пряником и заснет* (А. Ремизов); *Бывало, придешь к нему, а сынишка его говорит: «Батя на сеновал мыслить отправился»* (Вс. Иванов); *Ну, это часто бывает — кто-нибудь зевнет, а ему*

палец в рот (М. Зощенко); *Чего—чего только не придет в голову, пока его дождешься. Три раза похорошишь, а девять приревнуешь* (Е. Шварц); *С Катей они часто ходили с корзинами щипать клеверный цвет. Усядутся в клевернице и щиплют. Потом умнут корзину и опять щиплют* (В. Белов); *Перерывы между моими посещениями Переделкина бывали долгими. . . Один раз за лето я появлюсь в доме Корнея Ивановича, затем надолго исчезну* (Н. Ильина); *Увидит бездомную собаку на улице, подзовет и отдаст ей. Потреплет грязные уши робеющей бедолаги, скажет ей ласковое словечко и пойдет своей дорогой* (Г. Семенов); *Но в общем о ее внутреннем мире мы знаем мало. Иногда прорвет ее и она чем-нибудь поделится. Но это бывает нечасто* (Из письма); *Мы с невесткой по-прежнему друзья, и посмеемся, и по душам поговорим, и в кино сходим* (Из письма читательницы в «Правду»).

Значение 'иметь свойство' может выражаться только формами будущего времени: *Вечно он бестактность ляпнет; Он всегда сдержит свое слово; Они всегда все перепутают; Своими капризами она кого хочешь против себя восстановит.*

Сопоставление прошедшего и будущего СВ в узуальном значении

Обе формы характеризуют действие как не локализованное во времени относительно момента речи; в тексте они могут относиться к любому временному плану. Покажем это на примере некоторых фраз.

Действие, которое уже произошло: *Мне там прошлым летом было лучше всех/ пришел/ кнопку нажал и загорай до обеда//* Возможно и *придешь . . . нажмешь. . .* и т. д. *Бывало, действительно, выйдешь утром на работу, вечером явишься, чай попьешь — и спать* (М. Зощенко).

Действие, которое происходит в настоящее время (в широком смысле, т. е. не обязательно в данный момент): *Теперь все так делают/ отгулы скопил и неделя в кармане //.* Возможно и *скопишь. . .* и т. д. *А теперича я зайду к себе, освещу, и мне тоже, как ей, неинтересно становится* (М. Зощенко).

Действие, которое будет происходить: *Вот свекровь приедет поможет/ обед сготовила/ подала/ разве это мало//* Ср. *сготовит, подаст. . .*

Будущее СВ, кроме того, обозначает действие, которое не соотносится с каким-то определенным временем, но характеризует в принципе свойство субъекта или объекта: *Она всегда что-нибудь невпопад скажет.*

Необходимо подчеркнуть, что перечисленные выше случаи употребления форм прошедшего и будущего СВ отражают не разные временные значения этих форм, а разные типы внеязыковых ситуаций, для описания которых они могут быть использованы.

Временные же значения этих форм более или менее совпадают и, как уже говорилось, могут быть описаны как вневременные [18].

Обе формы характеризуют действие как имеющее неопределенную локализацию во времени относительно момента наблюдения.

Хотя обе формы одинаково характеризуют действие с точки зрения его временной локализованности, это не значит, что между ними нет никаких различий. Обратимся вначале к сочетаемостным различиям этих форм.

Форма прошедшего времени подчиняется более тонким сочетаемостным ограничениям, чем форма будущего, имеющая более широкую сферу употребления. Об этом говорит тот факт, что формы прошедшего узуального во всех случаях могут быть заменены формами будущего узуального, в то время как формы будущего далеко не всегда могут быть заменены формами прошедшего [19].

Во фразе *Утром встал/ кашку сварил/ поел/ так хорошо!* формы прошедшего времени легко заменяются формами будущего: *Утром встанешь, кашку сваришь. . .* и т. д.

В нижеследующих примерах замена форм будущего формами прошедшего невозможна:

Поставит (**поставил*) *ему Иван Семенович какой-нибудь вопрос по русской истории,. . . тот и начнет вилять* (А. Ремизов); *Подобно Новикову-Прибою, который живал у меня на Капри, Алексей Силыч подойдет к любому предмету* (* *подошел к любому предмету*) . . . — *и пальцем. Он хотел пощупать этот мир* (Вс. Иванов); *Иногда он придет домой* (**пришел домой*), *сядет на скамеечку под вешалкой и сам снять сапоги не может* (Т. Горбушина).

Примеры из записей разговорной речи: *Они всегда все перепутают* (**Они всегда все перепутали*); . . . *если она идет в центр Москвы, она обязательно к одним придет, там переночует* (*. . .*пришла*, . . .*переночевала*); *Каждый раз примчится, нашумит, наговорит, и опять исчезнет* (**Каждый раз примчался, нашумел, наговорил и опять исчез*).

Обобщая эти случаи, можно сказать, что замена невозможна при наличии в предложении кванторных слов (*всегда, каждый раз, любой, какой-нибудь*. . .), обстоятельств со значением кратности (*часто, иногда*. . .), а также придаточных времени и условия, союзных или бессоюзных. Союзы *когда, если* во фразах с узуальным значением означают ‘всякий раз, когда’, ‘всякий раз, если’, т. е. имеют то же самое кванторное значение. Не вполне понятно,

---

[18] См. обсуждение вопроса о значении формы настоящего—будущего времени СВ у В. В. Виноградова. Приводя суждения русских грамматистов, В. В. Виноградов цитирует И. В. Киреевского: «Птица полетит, я выстрелю — это может относиться ко всем временам» [Виноградов 1947, 578].

[19] Этот факт отмечен в [Бондарко 1971, 140—141]. См. также [Широкова 1971, 292—294].

впрочем, какие элементы смысла прошедшего узуального входят в этих случаях в противоречие с контекстом.

Помимо указанного сочетаемостного различия между формами прошедшего и будущего СВ имеется семантическое различие: формы прошедшего СВ обозначают только узуальное действие и не обозначают свойства, а формы будущего СВ обозначают и то, и другое. Значение свойства у будущего СВ может реализоваться только в контексте кванторных или кванторно-модальных слов типа *всегда*, *всякий раз*, *вечно*, *обязательно*, *непременно*, *никогда*, *ни в коем случае*, *самый*, *такой* и т. д., с которыми как раз и не сочетается прошедшее СВ. Например: *Вы всегда все испортите; Он непременно в чужое дело нос всунет; Обязательно он во все вмешается; Вечно он в грязи перепачкается.* Без слов *всегда*, *непременно*, *обязательно*, *вечно* эти фразы будут иметь потенциальное значение или обычное значение будущего времени. Несмотря на семантическое различие, формы прошедшего и будущего СВ не обязательно описывать как имеющие разные значения. Можно описывать их как имеющие общее узуальное значение, а различия фиксировать с помощью специального правила, учитывающего обязательное присутствие кванторных слов для выражения значения свойства и одновременно неспособность форм прошедшего времени сочетаться с этими словами. Такое правило имеет примерно следующий вид: узуальное значение реализуется полностью только в контексте кванторных слов; в противном случае оно не включает в себя компонента 'иметь свойство'.

Обе разновидности узуального СВ ('действие' и 'свойство') связаны с ограничением в функционировании.

О лексических ограничениях, накладываемых на реализацию значения свойства, уже говорилось выше. Из синтаксических факторов наиболее благоприятным для обозначения свойства является специальный порядок слов, при котором кванторное или модальное слово стоит на первом месте во фразе и логическое ударение падает именно на него.

При обозначении собственно узуального действия употребление глагольной формы СВ является синтаксически связанным: глагол не может быть употреблен вне определенного контекста [20]. Чаще всего — это сочинительная конструкция, в которой участвует сам глагол или другой член предложения, например: *Придет всегда измученный, усталый, я его накормлю, обогрею; Я мигом — сбегал, вернулся, и порядок.* Иногда это может быть условная, уступительная или временная конструкция, например: *Захотел — пришел на работу; Захочешь есть — придешь домой, поешь.* Благоприятным также является противительный контекст, например: *К ним придешь, а дома никогда никого нет.*

---

[20] О синтаксически ограниченном употреблении форм будущего СВ в этом значении писали А. А. Потебня, Л. П. Размусен, В. В. Виноградов. См. об этом [Виноградов 1947, 577—580]. См. также [Шмелев 1960, 6].

Различие между узуальным СВ и узуальным НСВ

При обозначении собственно узуальных действий НСВ и СВ по-разному выражают временную локализованность действия относительно момента речи. НСВ имеет три временных формы, причем каждая из этих форм обозначает действие, часто или обычно происходящее именно в названном времени: *По вечерам он читал* (*читает*, *будет читать*) *газеты*. СВ формально различает две временных формы, но не выражает временной локализованности (см. выше). Поскольку, однако, контекст может относить формы СВ к любому временному пласту, в тексте формы одного вида в узуальном значении иногда чередуются с формами другого вида, например: *Мяса почти не ест, то, что Катя принесет, тоже раздает* (Н. Амосов); *А на новой квартире Валя все моет, носит, — она ведь даже не приедет* (Из записей РР); *Ничем не занимается, и дома не уберет, не постирает вовремя. Обед не варит. Приходит, лежит и читает книги* (из письма); *Пингвины подойдут близко к домикам, стоят на широких перепончатых лапках и с ненасытным любопытством смотрят в их сторону* («Юный натуралист»).

Что касается обозначения свойства, то различие между НСВ и СВ здесь иное. В литературе отмечалось, что НСВ обозначает происходящее в действительности частое (постоянное) действие, а СВ — действие, которое, по мнению говорящего, может часто (постоянно) происходить и (или) действительно происходит [Бондарко 1971, 107].

Сравним значение фраз типа *Ты вечно отрываешь меня от дела* и *Вечно ты оторвешь меня от дела; Она всегда говорит что-нибудь некстати* и *Всегда она что-нибудь некстати скажет*. Фразы с глаголом НСВ означают, что данное свойство часто проявляется (в широком настоящем, включающем прошлое). Фразы с глаголом СВ выражают более сложный смысл.

Во-первых, они означают, что данное свойство совершать определенное действие уже проявлялось, возможно, неоднократно. Иными словами, узуальное значение СВ включает в себя и главное значение СВ ('действие, достигшее результата'), и указание на кратность, свойственное узуальному или многократному значению НСВ.

Во-вторых, эти формы выражают уверенность говорящего в том, что данное свойство может осуществляться указанным образом и впредь, постоянно. А. В. Бондарко отмечал, что форма будущего СВ может означать «постоянную потенциальную возможность осуществления действия, представленную как свойство субъекта» [указ. соч. с. 106—107], в то время как НСВ как нечто постоянное представляет не возможность осуществления действия, а само действие в его неопределенной кратности. Показательно, что глагол НСВ, не содержащий модального компонента, не требует обязательного присутствия кванторных или модальных слов при обозначении свойства. Ср., например: *Он твердо держит свое слово*; *Я не сую свой нос в чужие дела* и т. д.

Наконец, в-третьих, формы СВ узуального включают компонент 'говорящий небезразлично, эмоционально относится к данному свойству'. Эта экспрессивность будущего СВ отмечалась в литературе [21]. Имеется объективное подтверждение того, что формы СВ будущего со значением свойства выражают экспрессивное, эмоциональное значение. Мы имеем в виду особый порядок слов, при котором реализуется данное значение: вынос модальных и кванторных слов в начало фразы (о чем уже говорилось выше), размещение дополнения перед глаголом и т. д., например: *Обязательно он все игрушки раскидает.* Это значение может реализоваться и при обычном порядке слов, но важно, что особый порядок слов — это норма для его выражения.

Однако трудно было бы сформулировать точно, в чем состоит экспрессивное значение этих форм. Оно зависит и от лексического значения глагола, и от контекста и, возможно, еще от некоторых условий. Эти формы употребляются в разговорной речи, а для нее вообще характерно, что единицы, употребляющиеся в несобственных значениях, обрастают дополнительными семантическими обертонами — разными в разных контекстах и у разных глаголов и поэтому непостоянными, меняющимися от случая к случаю и вследствие этого трудно уловимыми.

Ср.: *Вечно он все испортит — Вечно он все портит; Всегда ты меня отвлечешь, когда не надо — Ты всегда отвлекаешь меня, когда не надо.* В таких случаях формы СВ выражают некое эмоциональное состояние говорящего, отличное от нейтрального, не обязательно прямо соответствующее «плохому» или «хорошему» свойству, обозначаемому глаголом. Установить его без более широкого контекста невозможно.

Мы не остановились еще на одной особенности значения узуального СВ, которую А. Мазон называл партикуляризацией. Партикуляризация — это представление часто повторяющегося или обычного действия как совершившегося однажды, в один определенный момент [Мазон 1962, 103]. Именно это свойство узуального СВ стало основой для названия «наглядно-примерное значение» [Бондарко, Буланин 1967, 53]. Ср.: «Выделяется один акт повторяющегося действия, который дает наглядное представление о других подобных актах».

В заключение приведем примеры, которые можно интерпретировать как ситуативно обусловленную разновидность данного значения: — *Обедайте, ребята,* — *кричали повара,* — *и сдавайте эту валюту! Чего вам зря здесь сидеть? Охота была эту баланду хлебать! Поехал домой, выпил как следует, закусил, хорошо!* (М. Булгаков). — *Зачем мне будильник с собой брать? — Утром вставать — поставил и спи спокойно; Что ты все в форме ходишь?*

---

[21] В. В. Виноградов выделял следующие экспрессивно-модальные оттенки в значении этой формы: «. . . выражение решительной, категорической готовности субъекта к действию, воля к действию. . . выражение привычности действия. . .» [Виноградов 1947, 575].

Пришла/ сняла/ повесила в шкаф//; Ну почему ты своей ложкой в вазочку лезешь? Взял положил себе на блюдце// (Из записей РР); *. . .времени у тебя сейчас больше свободного. Вы с Леной вдвоем. В любое время села передохнуть и черкнула мне хоть пару слов* (Из письма).

В этих фразах глагольные формы СВ прошедшего обозначают некую воображаемую последовательность действий, которую говорящий хотел бы видеть в действительности в качестве повторяющейся, типичной, узуальной. Действие представлено как наглядный пример, образец для подражания, повторения.

Контекстные условия реализации узуального значения [22]

Осмыслению глагольной формы в узуальном значении способствуют такие элементы контекста, которые указывают на типичность данного действия. К числу таких элементов относится, в частности, обобщенно-личное значение субъекта [23].

Например, если глагольная форма СВ имеет определенно-личное значение, то она может быть понята и в своем прямом временном значении, и в узуальном. Если же форма прошедшего или будущего СВ имеет обобщенно-личное значение, то вне особого контекста она вообще не может иметь своего прямого временного значения, а имеет лишь узуальное (примеры см. выше).

Отметим еще некоторые элементы контекста, способствующие осмыслению глагольной формы СВ в узуальном значении.

К их числу относятся местоимения *ты* и *вы* в обобщенно-личном, референциальном значении. Таковы же частицы-актуализаторы *как?*, *что?*, *ведь*, *же*, сигнализирующие актуальное членение. Если в высказывании есть такие частицы или если высказывание находится в противительном контексте, то узуальное значение глагола возможно и при личном значении *ты*, *вы*. Например: *Ты ведь как? Поел и пошел? Ты поел и пошел, а жена посуду мой? Вечером ты что? К одним забежишь, к другим заглянешь, а он зубрит сидит.*

Близким к подобным частицам-актуализаторам является особое употребление кванторных слов, возможное только в разговорной речи. Мы имеем в виду фразы типа *Он всегда/ выпьет кофе и пойдет на работу //*; *Он всегда/ намусорит и не уберет//* с ярко выраженной интонационной паузой после слова *всегда*, создающей впечатление «интонационного тире».

---

[22] Этому вопросу посвящены специальные статьи [Спагис 1961 и Дольская 1964]. См. об этом также [Бондарко, Буланин 1967, 70—75; Рассудова 1968, 45—51; Маслов 1984, 78—82]. О связи характера глагола, контекста и значения свойства см. [Булыгина 1982, 52—53; Селиверстова 1982, 94—98].

[23] Возможность обобщенно-личного значения у формы прошедшего СВ — «вне прямого сочетания с подлежащим» отмечено в [Шмелев 1960, 9]. Там же указывается, что «обобщенное личное значение формы будущего (простого) сочетается с ее обобщенным временным значением» (с. 10).

Как и частицы, слово *всегда* сигнализирует появление ремы в высказывании. Синтаксически в этом случае оно относится не к одному глаголу, а как бы ко всей рематической части в целом (характеризует всю ситуацию, описанную более чем одним глаголом). В этом высказывании ощущается имплицитное присутствие глагола НСВ: *Он всегда делает так — выпьет кофе и пойдет на работу.*

В таких условиях, когда непосредственная синтаксическая связь между кванторным словом и глагольной формой нарушена, в разговорной речи может быть употреблена и форма прошедшего СВ. Так, можно сказать: *Он всегда (так) — обидел девочку и за мать спрятался*; *Он всегда — выпил кофе и ушел на работу.*

Узуальный НСВ менее обусловлен контекстом, чем узуальный СВ.

Узуальный НСВ употребляется в любых типах речи. Функционирование СВ узуального в первую очередь характерно для разговорной речи, возможно также в языке художественной литературы, публицистике. Совершенно исключено его употребление в деловой и научной речи.

Потенциальные действия

Потенциальное значение НСВ

Потенциальное значение НСВ называет определенное свойство субъекта, а именно, его умение или способность совершать данное действие.

Она говорит по-французски ≅ 'Она умеет говорить по-французски; *Тренированный спортсмен поднимается на Эльбрус за два часа* ≅ 'Тренированный спортсмен может подняться на Эльбрус за два часа'; *А насчет Миколки угодно ли вам знать, что это за сюжет?. . Он и петь, он и плясать, он и сказки, говорят, так рассказывает, что из других мест сходятся слушать* (Достоевский); *А играет — убей меня гром, коли на свете еще кто-нибудь так играл, как Зобар* (М. Горький); *Ешак три рубля стоит — дешевка. А подымает пудов десять* (И. Ильф и Е. Петров).

Петя поднимает 100 кг ('может поднимать'). Последняя фраза означает, что (1) Петя уже (неоднократно) поднимал 100 кг. (2) На основании этого говорящий считает, что Петя может, умеет и теперь это делать [24].

Таким образом либо узуальное, либо многократное значение входит в толкование потенциального НСВ [25]. Именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что очень трудно обнаружить

---

[24] Это толкование мы предложили в [Гловинская 1983. 57]. Независимо от нас сходную интерпретацию предложила в том же сборнике Т. В. Булыгина [см. Булыгина 1983, 26—27].

[25] В [Маслов 1984, 74—75] потенциальное значение НСВ даже считается разновидностью неограниченно-кратного (узуального) значения НСВ.

примеры на «чисто» потенциальное значение. Обычно в текстах представлено потенциально-узуальное значение:

Подобная пора никогда не забывается даже и стариками (И. Забелла); *Похвалой и города берут* (А. Ремизов); *Я пишу очень сжато. Фраза у меня короткая. Доступная бедным* (М. Зощенко); *Небольшая простуда, которую здоровый человек перенесет с легкостью, для Горького могла оказаться гибельной* (Вс. Иванов); *Этот Серра-Каприола был любителем искусств и даже сам гравировал* (Вс. Иванов); *Хороший зритель создает хороших режиссеров. И наоборот* (Д. С. Лихачев); *Он мучился, обдумывая какой-нибудь житейский шаг, а Таня все решала мигом, без всяких колебаний* (В. Добровольский).

Посмотрим, как соотносится потенциальное значение НСВ с главными значениями видов.

Во фразах: *Она хорошо* (*красиво*) *танцует*; *Ребенок уже хорошо ходит*; *Этот актер хорошо уходит со сцены* (т. е. умеет уходить) обстоятельства *хорошо* и *красиво* характеризуют то, как протекает действие. Следовательно, глагол обозначает действие в его протекании. Во фразе *Она хорошо* (*красиво*) *рисует* (*вышивает*) обстоятельства *хорошо* и *красиво* характеризуют результат действия (имеется в виду, что ее рисунки и вышивка красивы), а не то, как протекает процесс рисования и вышивания.

Следовательно, в данном случае НСВ соотносится с главными значениями как НСВ, так и СВ: действие представлено в его протекании или в его результате.

Потенциальное значение НСВ — объект, весьма трудный для описания. Нельзя указать четкие границы его лексического распространения, условия его употребления. Это значение хорошо иллюстрирует тезис современной лингвистики о том, что в языке имеются участки, которые не поддаются описанию с помощью строгих правил. При описании такого материала приходится довольствоваться формулировкой некоторых общих принципов функционирования языковых единиц, установлением не закономерностей, а тенденций, предпочтений и т. д. Именно в этом смысле надо понимать то, что говорится ниже о факторах, влияющих на употребление глаголов в потенциальном значении.

Способность глагола выражать в НСВ потенциальное значение связана, очевидно, с его лексическим значением. Об этом свидетельствует тот факт, что у некоторых глаголов формы НСВ вообще не могут иметь потенциального значения.

Сама формулировка потенциального значения ('умение или способность совершать данное действие') показывает, что оно характерно для глаголов, обозначающих ситуации с целесообразно действующим субъектом. Лишь в немногих случаях субъект может быть «нецелесообразным». Это обычно механизмы, устройства, действующие достаточно автономно, а также некоторые стихийные силы. Ср.: *Автомобиль развивает* (≅'может развить') *скорость до 200 км/час*; *Новый японский робот поет и играет на гитаре*; *Такой ветер выворачивает деревья с корнем*. Впрочем, в случаях,

когда субъект является «нецелесообразным», собственно потенциальное значение размывается и сближается со значением свойства.

По указанной причине потенциальное значение совершенно противопоказано безличным глаголам, так как они обозначают природные процессы в виде ситуаций с устраненным представлением о субъекте: *Морозит*; *Смеркалось*; *В ушах звенело* и т. д.

Но даже у глаголов, обозначающих ситуации с таким субъектом, который в принципе способен к целесообразным действиям (человеком или животным), реализация потенциального значения в чистом виде ограничена рядом факторов.

Во-первых, его имеют только глаголы, обозначающие действия, а не процессы, не состояния, не отношения (*расти*, *болеть*, *уважать*).

Во-вторых, не все глаголы, обозначающие действия, могут выражать потенциальное значение. Его не имеют многие глаголы, относящиеся к классу достижений (в смысле З. Вендлера), моторно-некратные глаголы и глаголы, обозначающие обыденные физические и интеллектуальные действия (*брать*, *давать*, *смотреть*, *размышлять*, *обедать* и т. п.).

Наиболее естественно потенциальное значение приобретают глаголы, обозначающие 1) действие или навык, для овладения которыми необходимо учиться, ср. *Ребенок говорит*, *ходит*, *плавает*, *ездит верхом*, *читает* с нормальным потенциальным осмыслением, и *Ребенок дышит*, *кричит*, *сосет грудь* и т. д., где потенциальное значение затруднено; 2) действия, для выполнения которых нужны значительные физические или интеллектуальные усилия, ср. *поднимать 100 килограммов*, *программировать на «Паскале»*, *выбивать 99 очков из 100*.

Сформулировать более точно семантические свойства глаголов, способных иметь потенциальное значение, пока не представляется возможным. Многие факты выглядят немотивированно и принципиальному объяснению не поддаются. Трудно сказать, например, почему словосочетание *водить машину* легко употребляется в потенциальном значении, а *управлять машиной* — гораздо менее свободно. Почему *водить машину* рассматривается как обозначение умения, а *водить поезд* или *водить теплоход* не как умение, а как род занятий? По-видимому, потенциальное значение в ряде случаев подвергается лексикализации.

Некоторые глаголы, действительно, так часто используются в потенциальном значении и имеют в этом случае настолько характерную сочетаемость и управление, что словари выделяют у них это значение в качестве лексического. Например, в Ожегов 1968 у глагола — *говорить* выделяется значение ‘владеть устной речью, пользоваться к.-л. языком’, ср.: *Ребенок еще не говорит*; *Говорить по-русски*. Аналогично описывается это значение в МАС. В качестве особого лексического значения потенциальное значение отмечается в тех же словарях также для глаголов *ездить* (*на велосипеде*),

плавать и нек. др. В МАС потенциальное значение приписывается в качестве лексического глаголу *ходить*.

Разумеется, характер осмысления действия как потенциального зависит не только от того, к какому лексико-семантическому классу относится данный глагол, но и от многих других факторов. Упомянем некоторые из них.

а) Полнота реализации модели управления глагола.

Если в омонимичных фразах типа *Он говорит по-французски*, *Он ездит верхом*, *Он играет на скрипке*, где потенциальное значение глагола является основным, заполнить еще хотя бы одну глагольную валентность, то глагол во всех случаях будет пониматься прежде всего в узуальном либо актуально-длительном, но не потенциальном значении: *Он говорит с сыном по-французски*, *Он говорит по-французски о погоде*, *Он ездит верхом на белой лошади*, *Он играет на скрипке Концерт Брамса*.

В некоторых случаях расширение конструкции вообще препятствует выражению потенциальности. Фразы *Он вытачивает ложки на маленьком станочке*, *Ребенок ходит носками внутрь* не могут иметь потенциального значения. По-видимому, чем больше валентностей глагола реализовано сверх некоторого минимума, чем больше при нем обстоятельств, тем больше вероятность осмысления действия как длящегося или повторяющегося, а не как потенциального. Это и естественно. Ведь потенциальное значение характеризует принципиальную способность субъекта осуществлять данное действие, а при описании принципиальной способности противопоказано упоминание конкретных деталей. Конкретные детали актуализируют действие и неизбежно переводят его в план непосредственно наблюдаемого или обычно происходящего.

б) Депотативный статус именных групп при глаголе.

При конкретно-референтном статусе именных групп, за исключением субъектной, глагол труднее осмыслить в потенциальном значении, чем при их родовом статусе. Ср., например: *Он играет на скрипке* и *Он играет на скрипке Страдивари*, *Он чинит ботинки* и *Он чинит свой ботинок* и т. д.

в) Различные актуализаторы—деактуализаторы действия и оценочные обстоятельства.

Присутствие в предложении таких точечных актуализаторов действия, как *в три часа*, *в этот момент* и т. д., естественно, разрешает многозначность глагола в пользу актуально-длительного значения, а присутствие таких деактуализаторов, как *иногда*, *всегда*, *обычно*, *часто*, *как правило* и т. п. — в пользу узуального значения. Наличие же при глаголе оценочных слов типа *хорошо*, *легко*, *плохо* и т. п. повышает вероятность реализации потенциального значения.

г) Форма предложения.

Все сказанное относилось к утвердительным предложениям.

Поместим, однако, глаголы в вопросительные конструкции: *Вы говорите по-французски?*; *Вы играете на скрипке?*; *Вы ездите верхом?*; *Вы поете?* В этих вопросительных предложениях, если

фразовое ударение падает на глагол, наиболее вероятным будет осмысление глагола в потенциальном значении.

Если же говорящий хочет задать вопрос об актуальном или обычном занятии подобной деятельностью, то, чтобы быть верно понятым, он должен, во-первых, расширить формулировку вопроса: *Вы говорите сейчас по-французски?* или *Говорите ли Вы сейчас по-французски? Играете ли в последнее время на скрипке? Ездите ли Вы теперь верхом?* Во-вторых, он должен изменить фразовое ударение.

Таким образом, вопросительная форма предложения с фразовым ударением на глаголе способствует потенциальному осмыслению глагола.

По всей видимости, существуют и другие факторы, повышающие вероятность осмысления НСВ как потенциального. НСВ потенциальный употребляется во всех типах речи.

Потенциальное значение СВ [26]

Потенциальное значение СВ — это значение возможности для субъекта совершить действие, названное глаголов СВ. Обычно оно выражается формами глаголов СВ будущего времени (так называемое настоящее-будущее СВ[27]). Например:

Впрочем. . . за пять тысяч нынче и сарая путного не выстроишь (Чехов); *Вы знаете, Володя пороху не выдумает, но он честный, смелый, трудолюбивый человек* (А. Куприн); *Такие кони тебе пробегут хоть сто верст — и ничего им не станет* (А. Куприн); *Маленький, еле видимый городишко. . . вы обойдете его в десять-пятнадцать минут и того менее . . . Любой дом купите за пятиалтынный* (А. Ремизов); *Уведи меня в ночь, где течет Енисей,* | *И сосна до звезды достает,* | *Потому что не волк я по крови своей* | *И меня только равный убьет* (О. Мандельштам); *Кто тот человек, который разрешит загадку кинематографов, театров и цирков?* (И. Ильф, Е. Петров); *А ваше-то имечко как же, я что-то не пойму — сказала Настасья Ивановна, — то Леонтий, то Сергей!* (Булгаков); *Ты что думаешь — я у тебя жену отбиваю? Нет, к сожалению. Ее не отобьешь* (Е. Шварц); *. . . ни слов своих, ни поступков обратно не возьмешь* (Н. Ильина). *С ним не связывайся / ударит / костей не соберешь //* (Из записей РР).

Кроме того, оно выражается формами инфинитива. Инфинитив СВ может иметь потенциальное значение только в двух случаях — в отрицательных конструкциях (самая обычная ситуация), а также в вопросительных конструкциях, например:

---

[26] Потенциальному значению этих форм (А. А. Шахматов называл их «потенциальным наклонением») посвящена обширная литература. См. об этом [Шахматов 1952, 105, 107, а также Бондарко 1971, 104—107].

[27] Разнообразие модальных оттенков, выражаемых формой СВ будущего, очень велико и зависит от лексического значения глагола и контекста. См. большой материал, представленный в [Бондарко, 1971, 102—112].

Антр-репр. . .енер видит в артисте вещь . . . мясо для пушек. Он кулак. Ему не понять артиста (Чехов); *Помилуйте, — говорю, — на что же мне такой номер, в который не войти* (М. Зощенко); *Не отвязать неприкрепленной лодки, | Не услыхать в меха обутой тени, | Не превозмочь в дремучей жизни страха* (О. Мандельштам); *Есть в близости людей заветная черта, | Ее не перейти влюбленности и страсти* (А. Ахматова).

Истолкуем это значение. Фраза *Петя поднимет 20 кг* в потенциальном осмыслении не означает, что Петя уже поднимал 100 кг, как это было в случае НСВ. Она значит, что (1) говорящий располагает какой-то информацией (например, представлением о Петиных возможностях о его физической силе и т. д.); (2) на основании этой информации говорящий с уверенностью утверждает, что Петя сможет поднять 100 кг.

Как видим, несмотря на близость потенциальных значений СВ и НСВ, между ними имеется и определенное семантическое различие.

По-видимому, не у всех глаголов СВ указанные формы могут развивать потенциальное значение. Потенциальный СВ образует как бы шкалу, на одном конце которой находятся глаголы, имеющие потенциальное значение во всех перечисленных выше формах и конструкциях, на другом — глаголы, не имеющие этого значения ни в одной из них. Промежуточные случаи представляют постепенное убывание у глаголов круга форм и конструкций, выражающих потенциальность. Даже у тех форм, которые могут ее выражать, присутствие модального значения не является бесспорным: фразы с этими глаголами оцениваются носителями языка не одинаково.

По-видимому, легче всего потенциальное значение приобретает СВ глаголов со значением интеллектуального или физического усилия. Все указанные выше формы имеют, например, глаголы *решить, поднять*: *Он решит эту задачу*; *Мне не решить этой задачи*; *Решить ли тебе эту задачу?*; *Он поднимает этот ящик*; *Мне не поднять этот ящик*; *Поднять ли тебе такую тяжесть?*

Потенциальное значение глагола в данных конструкциях выражается намного ярче, если предложение является суждением обобщенного характера и содержит такие элементы обобщения, как, например, глагол в неопределенно-личной форме, местоимения *каждый, любой, всякий, такой, кто-либо* и т. д. Ср. для того же глагола: *Он решит любую задачу*; *Всякий решит эту задачу*; *Такую задачу сразу не решишь.*

Меньшим числом форм выражают потенциальное значение глаголы со значением восприятия (*услыхать, увидеть* и пр.), например: *Он услышит любой шорох*; *Не услыхать в меха обутой тени*, но не **Услыхать ли тебе этот звук?* Еще более затруднено выражение потенциального значения у многих глаголов говорения (*заявить, поблагодарить* и т. д.), которые, по-видимому, могут иметь его только в отрицательных конструкциях, причем наличие потенциальности в значении фразы здесь не столь бесспорно, как в предыдущих случаях.

Таким образом, потенциальное значение возникает при совокупности следующих условий: либо СВ, будущее время (часто в контексте, выражающем обобщение), либо СВ, инфинитив, отрицательная или вопросительная конструкция (часто в контексте, выражающем обобщение). В отличие от потенциального НСВ потенциальный СВ употребляется в разговорной речи, художественной литературе и публицистике. Совершенно противопоказано его появление в научной и деловой речи.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ОБОЗНАЧЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ ПРИ ПОВТОРНОЙ ДЕСКРИПЦИИ (ПЕРЕСКАЗЕ ТЕКСТОВ)

Типы пересказа и временной дейксис

В предшествующих разделах речь шла главным образом о глагольных формах, обозначающих непосредственно события действительности, реальные или воображаемые. Между тем для функционирования видо-временных форм существенно, в каком речевом акте они используются — в прямом (отражают события действительности) или косвенном (отражают уже отраженную действительность, т. е. используются в пересказе текста об этой действительности. См. о «реагировании слова на слово» в Волошинов 1929, 137).

Рассмотрим, например, следующую фразу: *Курьер привез мне. . . письмо от императрицы, писавшей мне, . . .что по приезде моем в Петербург она поставит моего сына на такую ногу, что я останусь довольна; а пока она н а з н а ч а л а его камер-юнкером с чином бригадира. Она благодарила меня за план и устав ливорнского госпиталя* (Е. Дашкова) [1].

Какое известное нам видо-временное значение имеет форма НСВ *назначала?* Это явным образом не актуально-длительное значение (этот глагол вообще не может его иметь, ср. **Смотри, министр сидит и назначает его директором*), не процессное (оно тоже невозможно: **Министр два часа назначал его директором*), не общефактическое (так как речь идет о конкретной ситуации, а не о событии, имевшем место в некий неопределенный момент). Его вообще нельзя отнести ни к одному из рассмотренных выше «результативных» значений формы прошедшего НСВ. *Назначала* между тем имеет результативное значение. Замена этой формы формой СВ возможна, но переводит повествование из плана пересказа в план рассказа: *Его назначили директором.* Следовательно, един-

[1] Читатель может упрекнуть нас в использовании несовременного примера, к тому же переведенного с французского. Мы сочли возможным привести его, поскольку он соответствует нормам современного литературного языка и дает богатый материал для размышлений.

ственная функция прошедшего НСВ в приведенном примере является число метатекстовой, пересказывательной ((Дашкова пересказывает слова императрицы).

Обращает на себя внимание нормальность НСВ и неестественность СВ в следующих примерах, где эксплицитно назван текст, который пересказывается: *В срочной депеше меня вызывали* (*вызвали) *в Москву*; *Я получил красивую праздничную открытку. В ней родители поздравляли* (?поздравили) *меня с Новым годом*; *В телеграмме спрашивали* (*спросили) *дату приезда.*

Формы прошедшего НСВ в таком пересказывательном, метатекстовом употреблении используются главным образом не в диалоге, а в повествовании. Важным при этом оказывается и тип пересказываемого текста.

Можно выделить по крайней мере два типа пересказов, различие между которыми коренится в характере пересказываемых текстов. Предметом пересказа могут быть чьи-то слова, сообщения, письма, документы, с одной стороны, или же художественные тексты — с другой. Этим различием определяется различие в наборе пересказывательных средств. Характер исходного текста влияет, во-первых, на круг глаголов, которые используются как сигналы пересказа, и во-вторых, на тип временного дейксиса внутри пересказа.

При пересказе нехудожественных текстов в метатекстовой функции могут выступать только глаголы, обозначающие речевые акты. Например: *Я получила телеграмму от сестры, что Иришка моя тяжело больна, при смерти. Меня в ы з ы в а л и приехать* (В. Смирнова); *Он с о о б щ а л Жанне, что ведет переписку с вологодским химиком* (Д. Гранин); *Мне было хуже, чем моему спутнику. Он-то ведь стеснялся ехать к Чуковскому. А я — нисколько. Х в а с т а л а с ь, что отношения прекрасные. Н а м е к а л а, что меня будут рады видеть* (Н. Ильина); *Я получил полное боли и недоумения письмо внучки Рютина. Она р а с с к а з ы в а л а о тюрьмах, лагерях, через которые прошла вся семья, п р о с и л а помочь восстановить доброе имя ее деда* (В. Амлинский).

В то же время при пересказе художественных текстов в специфической метатекстовой функции могут использоваться любые глаголы, имеющие «результативное» прошедшее НСВ.

Что касается временного дейксиса, то при пересказе нехудожественных текстов строится такое же временное пространство, как при нормальном нарративном режиме. Напомним, что нарративный режим противопоставлен диалогическому (ср. первичные и вторичные речевые жанры в [Бахтин 1979, 239]). Диалогический режим отражает первичную коммуникативную ситуацию — обмен репликами по поводу действительности (реальной или воображаемой). Временной точкой отсчета в этом случае является, как известно, момент речи. При нарративном режиме (рассказе, художественном повествовании) точкой отсчета может стать любое из описываемых событий. С этими понятиями соотносятся по-

нятия первичного и вторичного видо-временного дейксиса [Лайонз 1977, 579; Апресян 1986, 18].

Письменный литературный пересказ художественных текстов характеризуется дейксисом, который можно было бы назвать третичным. Это относится к пересказу и словесных произведений и произведений, созданных в других формах, — в словесно-изобразительной (фильм, спектакль), в музыкально-изобразительной (балет, опера). Третичный дейксис состоит в том, что одни и те же события могут быть представлены при пересказе и как факты прошлого, и как факты настоящего, и как факты будущего. Например: *За сутки, в которые заключено действие фильма, Виктору удалось преодолеть путь очищения и пробуждения души. Для Олеси эти сутки тоже не прошли даром. Она многое решила в своих запутанных отношениях с матерью.*

За сутки, в которые заключено действие фильма, Виктору удается преодолеть путь очищения и пробуждения души. Для Олеси эти сутки тоже не проходят даром. Она многое решает в своих запутанных отношениях с матерью.

За сутки, в которые заключено действие фильма, Виктор сумеет преодолеть путь очищения и пробуждения души. Для Олеси эти сутки тоже не пройдут даром. Она многое решит в своих запутанных отношениях с матерью.

В ситуации пересказа продуцируется не просто текст, а как бы метатекст (текст о тексте). Вместо обычной дихотомии «говорящий — слушающий» возникает триада «говорящий (автор) — говорящий (интерпретатор) — слушающий (потенциальный читатель, зритель пересказываемого произведения)». Интерпретатор при пересказе может отождествлять себя либо со слушающим, либо с автором, либо сохранять свою собственную точку зрения как наблюдателя. В зависимости от того, какую позицию он избирает, действие обозначается одним из описываемых ниже способов.

То, что пересказывается (книга, фильм и т. д.), может быть представлено с трех точек зрения:

1) Интерпретатор может выступать в роли уже знакомого с текстом наблюдателя, не совпадающего со слушающим. В этом случае события излагаются как факты п р о ш л о г о.

2) Он может отождествлять себя со слушающим. В этом случае события излагаются либо как факты н а с т о я щ е г о (здесь говорящий-интерпретатор и слушающий как бы одновременно знакомятся с данным произведением в момент речи), либо как факты б у д у щ е г о (здесь говорящий-интерпретатор как бы встает на точку зрения того слушающего — читателя или зрителя, который будет воспринимать данное произведение).

3) Говорящий-автор и говорящий-интерпретатор могут совпадать в одном лице. Это имеет место в частных случаях (сценические ремарки, заголовки).

На своеобразие видо-временных форм в некоторых из этих жанров обращалось внимание (например, настоящее и прошедшее сце-

нических ремарок), но они изучались разрозненно и вне контекста той пересказывательной функции, которая их объединяет и представляется нам решающей. Именно эта функция создает целостную систему видо-временных значений, которая как система еще совершенно не изучена. Ниже мы сделаем попытку описать некоторые особенности этой системы.

Изложение будет строиться в соответствии с жанрами пересказа. Вначале будет рассмотрен литературный пересказ-повествование, а затем более частные случаи — сценические ремарки и заголовки.

Литературный пересказ-повествование

Как упоминалось выше, одни и те же события при пересказе могут быть представлены в любом временном плане. В отличие от диалогов, соотнесенных всегда с реальным временем говорящих, или нарративного временного плана в художественных текстах, соотнесенных так или иначе с реальным временем рассказчика (автора), при пересказе выбор того или иного временного плана полностью ориентирован на с о з н а н и е — чужое (слушающего) или самого интерпретатора—пересказчика. Вторично отражаемая действительность пересказа ахронична; временные точки отсчета, избираемые для пересказа, полностью лежат вне этой действительности.

Остановимся подробнее на каждом из временных планов.

Изображение событий как фактов прошлого

При изображений событий как фактов прошлого обращает на себя внимание особое использование формы прошедшего НСВ, допустимое только при пересказе текста, но невозможное в «первичном» тексте. Такие формы можно обнаружить и правильно интерпретировать в текстах большого объема, а не в отдельных фразах. Поэтому в качестве примеров мы приводим довольно длинные тексты.

С лукавой предупредительностью автор фильма шел навстречу желаниям героя. Мечты Мимино сбывались. Головокружительные грезы режиссер Данелия, как золотая рыбка, мгновенно превращал в доподлинную явь, в реальность. . . Взамен вертолета-грузовика Мимино п о л у ч а л белоснежный лайнер, взамен старенькой куртки — белоснежный китель («Искусство кино»);

Сперва, узнав, что взломщики связаны с консультантом Белого дома, Хантом, они в недоумении пытались проверить, действительно ли Хант числится там на службе. Тут неожиданно обнаружилось, что он работает на некоего Колсона — а тот о к а з ы в а л с я специальным советником президента! Затем скромная сотрудница Белого дома р о н я л а в беседе, что функции Ханта состоят в сборе порочащих сведений против возможных кандидатов в президенты. . . Но тут внезапно в с п л ы в а л найден-

ный при взломщиках чек на крупную сумму, выписанный неким почтенным деятелем из комитета по избранию Никсона. Неужели преступников финансировала эта организация? С трудом раздобыв список членов комитета, репортеры п у с к а л и с ь их опрашивать — без результата: напуганные люди хлопали дверьми у них перед носом. Снова расследование в тупике. . . Но тут в е з л о Бернстайну: одна дверь пусть неохотно, но все же раскрылась перед ним. . . Он узнал от робкой, замкнутой собеседницы, бухгалтера комитета, о существовании тайного денежного фонда для незаконных операций типа уотергейтской. А дальше с л е д о в а л о ошеломляющее открытие: одним из распределителей фонда о к а з ы в а л с я сам председатель комитета, бывший министр юстиции Митчел! И наконец с помощью бывшего казначея . . репортеры у с т а н а в л и в а л и, что всю противозаконную шпионскую и провокаторскую деятельность «президентской рати» направлял ближайший помощник президента Холдеман («Искусство кино». Заметка о двух американских фильмах).

Каково значение выделенных форм НСВ в этих текстах? Как и выше, его нельзя сблизить ни с одним из известных частных значений этой формы. Речь идет в данном случае о единичном действии, доведенном в определенный момент до результата. Тем самым это не может быть, например, ни узуальное или многократное значение НСВ, ни общефактическое значение. Хотя эти значения также характеризуют действие как доведенное до результата, они не совпадают с обсуждаемым значением. Многократные и узуальные значения относятся к повторяющимся действиям, а в приведенных выше текстах интересующие нас формы НСВ перемежаются формами СВ, сигнализирующим единичность каждого из перечисленных действий. Общефактическое значение также исключено в этом случае в связи с определенностью момента наблюдения (*внезапно всплывал,. . . , тут везло. . .* и т. д.).

Во всех вышеприведенных случаях, как и выше, форма НСВ может быть заменена формой СВ. Смысл текста от этого совершенно не изменится. Более того, если этот текст понимать не как пересказ фильма, а как рассказ о реальных событиях действительности, в нем будут уместны только формы СВ, имеющие свое обычное (конкретно-фактическое) значение: *. . .Тот оказался специальным советником президента! . . .Но тут внезапно всплыл найденный при взломщиках чек. . . Репортеры пустились их опрашивать. . . Тут повезло Бернстайну. Дальше последовало ошеломляющее открытие. . . одним из распределителей фонда оказался сам председатель комитета. . . И наконец репортеры установили. . .* и т. д.

Возможность взаимозамены форм одного вида формами другого говорит, конечно, об их смысловой близости или даже тождественности в этом случае. Такая свободная взаимозамена допустима только в жанре пересказа, т. е. в метатекстовой функции. Тем самым оказывается, что в изучаемой нами «третичной» системе видо-временных значений складываются совершенно новые формы синонимии. Относительно этой системы в новом свете предстает

традиционная проблема конкуренции видов. До сих пор конкуренция видов изучалась на «нормальном» диалогическом и нарративном материале. В этих случаях конкурирующие формы, как мы пытались показать в предшествующих главах, никогда не являются полностью синонимичными. Синонимия при первичном и вторичном дейксисе возникает за счет контекста, на уровне целостного смысла высказывания. При третичном же дейксисе синонимия возникает на уровне отдельных глагольных форм разных видов. Единственное, что различает эти формы, — это метатекстовая функция НСВ.

Изображение событий как фактов настоящего

Эротические гротески феерической комедии «Клоп» под стать гоголевской «Женитьбе». Пожар на свадебном пиршестве «уничтожает всех действующих лиц». Не отведавший брака Присыпкин оказывается «заморожен в ливне воды пожарных», и его обнаруживают полвека спустя, в 1979 году. После дискуссии «федерация земли» решает воскресить его. «Институт человеческих воскрешений» осуществляет опыт. Вместе с человеком прошлого воскрешают исчезнувшие загадочные недуги. . . (Р. О. Якобсон);

Любопытный пример типа, когда сюжет развивается на ложной, фабульной линии, — новелла Амброза Бирса «Приключение на мосту через Совиный ручей»: человека вешают, он срывается в ручей — сюжет развивается далее на ложной фабульной линии — он плывет, убегает, бежит к дому — только там умирает (Ю. Тынянов);

Онегин как бы второй раз переживает свою жизнь: кабинетное затворничество повторяет затворничество в первой главе. . . чтение повторяет время, когда он «отрядом книг уставил полку, читал, читал, — а все без толку. . .» (Ю. Лотман);

Вот актер, играющий роль разведчика Журбы, долго исполняет песню перед тем, как отправиться в разведку. Не напевает, исполняет;

Римский император Юлий Цезарь прибывает в Египет, преследуя своего бывшего друга Гнея Помпея, ныне ставшего ему врагом. Птолемей, царь Египта, стремясь угодить Цезарю, вероломно убивает Помпея. . . Жена и сын Помпея. . . клянутся отомстить за его смерть (Из либретто оперы Г. Генделя «Юлий Цезарь»);

Молоденькая крестьянская девушка Жизель радуется солнцу, синему небу. . . Она любит и верит в то, что любима. Напрасно влюбленный в нее лесничий пытается уверить Жизель, что ее возлюбленный Альберт — не простой крестьянин, а переодетый дворянин и что он обманывает ее (Из либретто балета «Жизель»).

Значение форм настоящего времени в этих случаях относится к так называемому «живописному настоящему», как, например, настоящее историческое или «настоящее воображаемое». В отличие от этих двух форм оно не характеризует действие как реальный факт прошлого (настоящее историческое) или как воображаемое событие, относящееся к будущему (настоящее воображае-

мое). Как уже говорилось, в рассматриваемом случае действие является фактом особой — отраженной — действительности, фактом образа действительности. Слушающий представляет себе названное действие (обычно последовательность действий) как бы происходящими в момент восприятия («живописный» компонент значения).

Настоящее пересказа — наиболее нейтральная в стилистическом отношении «пересказывательная» форма, и она используется чаще других в любых видах пересказа как самая естественная.

Изображения событий как фактов будущего

Примеры, приводимые ниже, взяты нами из различных рецензий на фильмы и спектакли:

В спектакле «Летят журавли» по известной пьесе В. С. Розова режиссер собирает за длинным столом семью Бороздиных, возвратившуюся в Москву после эвакуации. Сначала стол застелют белой крахмальной скатертью, будут долго усаживаться, занимая довоенные места. Начнется оживленный, почти веселый разговор, возвращающий под вспышки победного салюта жизнь в мирное, привычное русло. Мы, зрители, не будем слышать, о чем говорят собравшиеся после долгой разлуки люди, но именно в этот момент вспомним оставшуюся за спиной войну;

Временные границы действия четко обозначены: тревожный голос Левитана в начале фильма объявит «оперативную сводку за третье июня тысяча девятьсот сорок четвертого года»: в финале восторжествует праздничное настроение свершившейся победы;

Новая работа режиссера — фильм о последних боях войны, о сражениях уже в преддверии близкой победы. . . В эти дни возникает тревожное чувство между капитаном Никольским и вологодской девушкой Верой. В фильме прозвучат стихи Гейне: «Они любили друг друга так долго и нежно. . .»;

Нина мужа не понимает, Нина мужа не ценит, к таланту Бузыкина равнодушна, заботится о нем плохо. Андрей — неухоженный. Вот, например, пуговица пришита коричневыми нитками, не в цвет. Алла отпорет и заново как следует пришьет эту пуговицу. Мало того, она, скромная машинисточка, подарит Андрею дорогую импортную куртку.

Мы приводили длинные контексты, чтобы было очевидно, что мы имеем дело не с таксисом, а со специфическим употреблением форм будущего времени при пересказе содержания. Формы будущего времени не обозначают здесь реального факта будущего, не обозначают действия, происшедшего в прошлом после какого-то действия (таксис), а обозначают события особой — отраженной — дествительности, которые представлены как факты будущего как бы с точки зрения зрителя, еще не знакомого с данным произведением.

Сценические ремарки

Сценические ремарки драматических произведений, как указывал Кошмидер, можно трактовать двояким способом. «С одной стороны, они представляют собой указания для актеров, т. е. относятся к вневременным фактам и стоят на одном уровне с другими общими предписаниями (в уставах, правилах употребления, поваренных книгах и т. д.). С другой стороны, для читателя они служат суррогатом действия пьесы, как бы происходящего у него перед глазами, и это сближает их до известной степени с Praesens historicum» [Кошмидер 1962, 162].

Нас интересует только та роль сценических ремарок, которую они выполняют для читателя драматического произведения, а не для актера. То, что Кошмидер назвал суррогатом действия пьесы, и является пересказывательным элементом в общем тексте пьесы. Пересказывается то, что происходит на сцене в данный момент театрального действия. Читатель представляет себе названное действие как бы происходящим в момент чтения. В сценических ремарках используются формы настоящего НСВ и прошедшего СВ.

Настоящее НСВ

[Чарнота:] *В Париж или в Берлин, куда податься? В Мадрид, может быть? Испанский город. . . Не бывал. Но могу пари держать, что дыра.* (Присаживается на корточки, шарит под кипарисом, находит окурок.) *До чего греки жадный народ, ведь до самого хвостика докуривает, сукин кот! Нет, я не согласен с ней, наши русские лучше, определенно лучше.* (Зажигает окурок и уходит в галерею) (Булгаков, Бег).

[Бургомистр:] *Легче? Ха-ха! Легче! Ха-ха! Легче!* (Впадает в истерическое состояние. Пьет воду. Успокаивается) (Е. Шварц, Дракон).

(Входит Николай, тщательно закрывает за собой дверь на бумажку). [Николай:] *Ну, с добреньким утром!* (Л. Петрушевская, Уроки музыки).

Прошедшее СВ

[Риваль:] *Вы меня будете слушать?* [Мольер (подумав):] *Буду. А их не буду* (как-то нелепо двинул ногой). *Они дураки.* (Вдруг вздрогнул и резко изменился) (Булгаков, Кабала святош).

[Суфлер (заглянул в дверь)]: *Что происходит?* (Там же).

[Мольер (испугался):] *Что такое?! Какая монашка?* (Там же).

Очевидно, что формы СВ и НСВ в сценических ремарках взаимозаменимы, причем смысл ремарок от этого не меняется. Форма прошедшего времени СВ и настоящего времени НСВ одинаково характеризует действие как происходящее от начала до конца в данный момент сценической действительности.

Заголовки (подзаголовки)

Заголовки представляют собой в тексте особый слой. Они не относятся непосредственно к тексту повествования, а являются кратчайшим изложением содержания какого-то куска текста, предваряющим этот кусок. При этом, как мы уже говорили, сам автор повествования и является интерпретатором, излагающим содержание.

В заголовках используются все три временные плана — форма настоящего НСВ, форма прошедшего СВ и форма будущего СВ.

Настоящее НСВ

Эта форма встречается в заголовках чаще других. Например:

Глава 13. Я познаю истину (М. Булгаков, Театральный роман);

Когда наступает вечер; *Мы покидаем село*; *Мы переезжаем*; *Котька чинит посуду* (В. Беляев, Старая крепость);

Глава девятая, в которой «Альбатрос» преодолевает расстояние в десять тысяч километров и заканчивает перелет великолепным прыжком (Жюль Верн, Робур-завоеватель); *Глава вторая, последние слова которой открывают читателю то, о чем он, вероятно, уже и сам догадался* (Жюль Верн, Гектор Севардак);

Нас предают анафеме; *Мы с Джорджем отправляемся на прогулку* (Дж. Джером, Трое в одной лодке).

Прошедшее СВ и причастие прошедшего СВ

Дождь прошел; *Все пропало*; *Все прояснилось*; *Страхи миновали* (В. Беляев, «Старая крепость»);

Я забыл, что я рулевой; *Что из этого вышло*; *Как Джордж раз в жизни встал слишком рано*; *Почему мы не утонули* (Дж. Джером, Трое в одной лодке);

О том, как Дон Кихот освободил многих несчастных, которых насильно вели туда, куда они не имели ни малейшего желания идти (Сервантес, Дон Кихот);

Глава первая, в которой мир ученых и мир невежд в равной мере приведены в замешательство (Жюль Верн, Гектор Севардак);

Спасены! (Дж. Джером).

Будущее СВ

Эта форма в заголовках используется сравнительно редко. Примеры:

Глава, в которой загадка разрешится; *Глава, в которой герой отправится на Север.*

Формы прошедшего времени в заголовках отражают собственную позицию автора, знающего содержание главы, предваряемой заголовком. Используя же формы настоящего и будущего, автор встает на точку зрения читателя, который знакомится с событиями в момент чтения (настоящее НСВ), или читателя, которому предстоит познакомиться с этими событиями (будущее СВ). Если настоящее НСВ называет результативное действие, допустима вза-

взаимена всех трех форм. При этом меняется лишь внешняя ориентация автора на читателя, настоящего читателя на будущего и наоборот.

Заголовок, однако, может представлять собой не пересказ текста, а его характеристику, например: *Глава, которая оставит читателя в прискорбной неизвестности.* В этом случае форма будущего времени заменяется лишь настоящим НСВ (*оставляет*), но не прошедшим СВ (**оставила*), поскольку читателю еще неизвестно содержание главы.

Истоком рассмотренных особенностей является, на наш взгляд, своеобразие художественного мира, который служит предметом пересказа. В отличие от реального мира, события которого уникальны и неповторимы, локализованы во времени и безвозвратно уходят в прошлое, мир художественного произведения существует постоянно, он создан для многократного воспроизведения. Для него недействительно положение, что в одну и ту же воду нельзя войти дважды. Поэтому пересказывающий и может отождествить себя с любым из читателей — прошлым, настоящим или будущим.

Рассмотренные особенности обозначения действия при повторной дескрипции являются яркими стилистически окрашенными знаками пересказа. Они совсем нетипичны для устного, «домашнего» пересказа, а являются приметами литературного пересказа.

Из рассмотренных форм наиболее нейтральной в стилистическом отношении является настоящее НСВ, возможное в любых видах пересказа любых текстов.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Рассмотрев такие квази-синонимические ряды видо-временных форм, мы можем сделать следующие выводы.

Анализ частных видо-временных значений показал, что даже в случае конкуренции видов полной синонимии у форм разного вида не возникает. Исключением является лишь повторная дескрипция, пересказ, где специфические формы НСВ полностью синонимичны формам прошедшего СВ и отличаются от последних лишь дополнительной метатекстовой функцией. В остальных случаях между видо-временными формами сохраняется смысловое различие, хотя и трудно уловимое. Лингвистический эксперимент позволяет их выявить, а толкование служит удобной формой их представления.

В каждом ряду имеется как минимум одна основная форма, выражающая значение ряда «в чистом виде», — его смысловая доминанта без специфических модальных или экспрессивных добавок. Обычно употребление такой формы связано с наименьшими, по сравнению с употреблением других форм этого ряда, ограничениями — семантическими, лексическими, морфологическими, синтаксическими, интонационными, прагматическими и стилистическими (ср., например, употребление формы прошедшего СВ

в ряду 'единичное действие в прошлом, достигшее результата' или форм будущего обоих видов в ряду 'предстоящее действие').

Наряду с основной или основными формами в каждом ряду имеются формы с более специализированным значением, характеризующиеся «скрытой семантикой», обычно включающие в свое толкование информацию о том или ином отношении говорящего к описываемому событию — т. е. разные виды так называемых модальных рамок, например, 'говорящий (не) уверен, что . . .', 'говорящий небезразлично относится к тому, что. . .', 'говорящий (не) сомневается в . . .', 'говорящий хочет, чтобы . . .', 'говорящий представляет себе действие как бы . . .' и др.

Как правило, грамматические значения, включающие в себя такие модальные рамки, выражаются менее свободно, чем доминанта синонимического ряда. Глагольные формы, имеющие в толковании модальные рамки, характеризуются различными ограничениями в своем употреблении.

Эти ограничения могут накладываться и на саму форму, и на контекст, в котором она встречается. Так, ограничения, налагаемые на форму в определенном значении, могут быть семантическими или лексическими (если она образуется от ограниченных классов глаголов или даже от единичных глаголов), морфологическими (если она имеет ограниченную парадигму, употребляясь не во всех временах, лицах и числах). Ограничения, налагаемые на контекст, могут быть синтаксическими (видо-временное значение выражается при жесткой совокупности синтаксических условий), лексическими (обязательное присутствие некоторых частиц или служебных слов), интонационными (значение выражается только при некоторых ИК), стилистическими (некоторые видо-временные значения не употребляются в отдельных типах речи). Особые ограничения на стилистическое функционирование налагает присутствие эмоциональной оценки в толковании ('говорящий небезразлично относится к . . .').

Постараемся охарактеризовать функциональные типы речи с точки зрения употребления в них видо-временных форм.

Начнем с научного типа речи. Оговоримся сразу, что мы имеем в виду «идеальный», «чистый» научный тип речи, а не любой реально возможный стиль научной литературы. Последний, в зависимости от личности автора, может включать в себя и элементы других типов речи (например, публицистического).

В научном типе речи как таковом невозможны грамматические формы, содержащие в толковании эмоциональную оценку, т. е. компонент 'говорящий небезразличен к . . .'. Значение эмоциональной оценки противоречит установке научного стиля на строго объективное, логическое изложение фактов и следствий из них. Таким образом, невозможными являются следующие формы: прошедшее СВ в значении неизбежного будущего, настоящее эмоциональной актуализации, будущее СВ о прошлом как неслучайном, типичном, будущее СВ узуальное. Между тем, интеллектуаль-

ная оценка, т. е. компонент 'говорящий считает, что . . .' никак не противоречит коммуникативным установкам научного стиля. Поэтому в нем встречаются формы НСВ интерпретационного и настоящего экспозитивного (*Карнап полагает, что* λ *изменяется непрерывно. . .*).

Не употребляются в научном типе речи и такие формы, толкование которых включает в себя компонент 'как бы' ('говорящий представляет действие как бы совершившимся', 'как бы протекающим на его глазах' и т. д.): прошедшее СВ в значении близкого будущего, настоящее историческое, настоящее сказовое и др. Переносный, изобразительный характер этих значений противоречит установке научного типа речи на строгое, однозначное, логическое изложение фактов.

Компонент 'говорящий уверен' тоже мешает употреблению формы, содержащей его, в научном стиле (ср., например, настоящее предстоящее). Наука имеет дело с фактами, свойствами, законами, а не с уверенностью автора. В том случае, если по каким-то причинам уверенность необходимо обозначить, для этого будут использованы прямые лексические средства (ср. *Мы можем быть уверены в чистоте данного опыта*), а не грамматическое значение, в скрытой форме включающее в себя такой компонент. Это противоречило бы установке научного типа речи на максимальную эксплицитность.

Официально-деловой тип речи, характеризующийся сухостью, четкостью, стандартизованностью формулировок, избегает всякого намека на экспрессию и изобразительность, и поэтому, естественно, в нем не используются те же самые грамматические значения, что и в научном типе речи, т. е. те, о которых шла речь выше.

Газетно-публицистический тип речи довольно разнороден, в своих разных жанрах он характеризуется разным использованием глагольных форм. Особняком стоят жанры передовых газетных статей, политических обозрений; их стиль приближается к официально-деловому типу речи, в них скупо применяются формы, имеющие переносное, изобразительное значение или содержащие эмоциональную оценку. Остальные газетно-публицистические жанры рассчитаны на живость, непринужденность, экспрессивность речи. Поэтому в них возможны формы, содержащие эмоциональную оценку, выражающие уверенность говорящего в наступлении события, «живописные» формы. Невозможны в публицистическом типе речи лишь такие формы, которые употребляются в диалоге — как ответ на реплику собеседника или как сообщение, рассчитанное на непосредственную реакцию собеседника (например, прошедшее СВ в значении близкого будущего; прошедшее СВ в значении иронического отрицания будущего). Разумеется, в тех случаях, когда в газетно-публицистических жанрах воспроизводятся диалоги, там возможны и эти формы, но эти вставки являются цитированием РР, а не приметой собственно публицистического типа речи.

Наиболее широкий спектр видо-временных значений представлен в разговорной речи и в имитации РР в художественной литературе. Здесь нет никаких ограничений, что связано с многообразными коммуникативными установками РР (Русская разговорная речь 1973). Некоторые из значений допустимы исключительно в РР (например, те, которые употребляются только в диалоге), некоторые преимущественно используются в РР.

Что касается художественного повествования, то, поскольку оно может воспроизводить по мере необходимости любые типы речи, мы не будем специально на нем останавливаться. Отметим лишь, что прошедшее НСВ сказовое является значением, специфическим для художественного повествования: больше оно нигде не употребляется.

Жанровые (а не просто стилистические) особенности употребления видо-временных форм имеют место при повторной дескрипции — письменном литературном пересказе художественных текстов. Третичный временной дейксис (т. е. выбор любого из трех временных планов при пересказе) и форма НСВ прошедшего в значении, полностью синонимичном СВ, являются сигналом этого жанра.

СЕМАНТИКА, ГРАММАТИКА И СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ МЕСТОИМЕНИЙ

О местоимениях, в частности о сложности и противоречивости их природы, написано немало, но вопрос о месте местоимений в грамматической системе языка пока не имеет однозначного решения.

Известно, что по традиции местоимения считают частью речи, включая в эту категорию все склоняемые слова или только слова с признаками существительных [Виноградов 1947, 326; Русская грамматика 1980, 457]. Известно также, что существует и более широкое понимание местоимений как целостного класса слов склоняемых и несклоняемых [Пешковский 1956, 154].

Очевидно, что независимо от грамматических свойств, местоименные слова объединяются в нашем сознании в некий список по общности семантики, набору определенных корней и специфических постфиксов (ср. *кто-то*, *какой-то*, *куда-то*; *кто-нибудь*, *чей-нибудь*, *сколько-нибудь*, *когда-нибудь* и т. д.). Этот список скорее всего одинаков у составителей грамматик и словарей (иначе непонятны характеристики «местоименное наречие» и т. п.), но одного места в системе частей речи для этих слов не находится, поскольку морфологические свойства их тянут в разные части речи.

Наиболее перспективным нам представляется рассмотрение местоимений как особой второй микросистемы частей речи, параллельной основной и с известными особенностями повторяющей первую. Эта точка зрения была наиболее определенно выражена в 70-х годах [Маслов 1975, 218; Гард 1985, 215].

Параллелизм двух систем выражается прежде всего в грамматической соотносительности местоимений со всеми знаменательными частями речи: помимо обычно выделяемых заместителей четырех групп знаменательных слов, некоторые лингвисты, как нам кажется, с достаточным основанием устанавливают существование в русском языке аналитического местоименного глагола *что делать* [Зарецкий 1940, 31; Панов 1966, 75].

Он, очевидно, существует не только как учебно-школьный вопрос к глаголу в ряду других вопросов к частям речи. Ср.: Ты *что делал* после обеда? *Гулял* (*спал*, *работал*). Использование разных по степени абстрактности глаголов в сочетании со словами *что*, *что-нибудь* и др. создает некие местоименно-глагольные выражения, которые восполняют отсутствие собственно глаголов в местоименной микросистеме. Ср.: *Что* здесь *происходит? Что-то случилось?* Нет, это я *пел* (*гвозди забивал*, *включал магнитофон* и. д.).

Отмечено, что на вопрос *что случилось?* — нельзя ответить — «Получение Петей двойки», поскольку *что* направлено на имя только при переходных глаголах [Булыгина, Шмелев 1982, 317].

Кроме того, существуют словоформы, которые обладают признаками слов так называемой категории состояния. Естественно, что выделение этой группы в грамматической классификации местоимений возможно там, где в системе частей речи находится место для категории состояния безотносительно к местоимениям. Все словоформы этого типа имеют модальное лексическое значение, синонимичное слову *надо*, с отрицанием выраженным или скрытым. Ср.: *Незачем тебе идти* (*петь*, *спорить*), аналогично — *нечего*, *ни к чему*, *к чему*, *на что*, *чего ради* и т. п.

Однако здесь по существу наблюдается процесс депрономинализации, лексикализации, поскольку у словоформ такого типа появляются определенные, не зависящие от контекста лексические значения, синонимичные значениям знаменательных слов.

Соотносительность с незнаменательными частями речи выражается в функционировании местоимений в качестве союзных слов в роли частиц и модальных слов. Поэтому выключение соотносительных местоимений из этой микросистемы разрушает, на наш взгляд, ее целостность.

Повторение местоимениями особенностей первой системы выражается и в существовании в системе местоимений грамматической омонимии и синкретизма: субстантивное и адъективное употребление в контексте словоформ *всякий*, *каждый*, *тот*, *все*, *мое* и др., употребление словоформ *сколько*, *столько*, *несколько* в качестве числительных и форм адвербиального значения, возможность реализации трех разных грамматических (частеречных) статусов у местоименной словоформы *каково* [Гард 1985 а, 204] и

и т. д. Синкретизм проявляется в регулярном совмещении некоторыми местоимениями признаков прилагательных и существительных в одной и той же синтаксической позиции. Относительные местоимения *который* и *какой*, как известно, подобно прилагательным обладают словоизменительными и согласовательными категориями рода и числа, но категория падежа у них не имеет согласовательного характера, формы косвенных падежей этих местоимений зависят от глагола в придаточном. Синтаксические функции их — типичные функции существительных. Ср.: *Вот дом, который построил Джек. А вот пшеница, которая в темном чулане хранится. . .*

Так же как и в основной системе частей речи, в местоименной наблюдается омонимия форм, снимаемая контекстом, и нейтрализация частеречных и других формальных различий: *За(чем) ты идешь туда? (за книгой, развлечься). От(чего) ты так растолстел? (от сдобных булок, от болезни?); Его приглашение было для всех неожиданным (его* — притяжательное, неизменяемое или род. п. от *он*). Хотя как субъектное, так и объектное значение может быть и у притяжательного местоимения. Ср.: *Мое воспитание (не позволило мне нагрубить — дорого обошлось родителям).*

Заметим, что относительные прилагательные основной системы, как правило, не выражают в настоящее время объектных отношений: **детское воспитание, собачья (львиная, медвежья) дрессировка* и т. п.

Эта система существует и в разговорной речи, но там нередко наблюдается размытость грамматических (частеречных) противопоставлений внутри местоимений. Ср., например, отсутствие четких грамматических показателей для отнесения слова *что* к определенной части речи в таких конструкциях: *Что ты молчишь? Что он тебе? Что нового? Расстроилась? Ну, чего ты? А что мне на него смотреть?! А что я?* (реакция школьника на замечание учителя). *Что такое?* (вопрос к ситуации) и т. д.

Местоименная микросистема отражает основную систему частей речи не вполне адекватно. Местоимения не обладают всеми признаками соответствующих знаменательных слов. Так, исследователями отмечено, что у местоимений-существительных отсутствует родительный принадлежности [Щерба 1915, 83]. Чрезвычайно ограничено у них и другое употребление родительного приименного. От местоимений *я, ты, вы* не употребляется родительный субъекта при отглагольных существительных. Ср. невозможность сказать *приезд меня, тебя, нас, вас*. Местоимения 3 лица невозможны в качестве заместителей существительных ни в одной падежной форме со значением сравнения (*мяукал котенком, свистел соловьем, взгляд Наполеона* ('как у Наполеона'), *фигура Венеры* ('как у Венеры'), в большей части адвербиальных падежных и др. Ср.: Она всю жизнь матери казалась *ребенком*. *Но *им* она казалась только ей; Все это было сделано *от глупости*. **От нее* много они натворили; *Вследствие обильных дождей* река разлилась. **Вследствие их* также затопило посевы; Он извинался

ужом. *Но я *им* извиваться не буду; Мальчик обладал *подвижностью обезьяны.* *С *ловкостью ее* он взобрался на дерево; Мы долго шли *берегом* реки. **Им* идти было приятно.

Во многих случаях невозможность замены существительного в той или иной падежной форме местоимением связана и с тем, что этому оказывает сопротивление тип метонимического или метафорического значения существительного: *Весь город* встречал космонавтов. **Он был в восторге*; Он помнил *золото* ее *волос.* **Оно* было прекрасно; Вынеси вещи *на солнце.* **На нем* они просохнут [Ермакова 1976, 109].

В связи с этим свойством местоимений сравнительно недавно в разговорной речи и в языке художественной литературы стали использоваться в качестве шутки, иронии местоименно-утвердительные ответные реплики диалога: — А чего ж не назвались? *Из скромности?* — *Из нее*, — зардевшись отвечал я [Юность. 1969.7]; — Простите, а вы не из медбригады? Кодзев обернулся. Шофер из лесопункта, мелькнула мысль. Приехал уже, стоит где-то, ищет их. — *Из нее*, — сказал он; — Для вас ведь чемодан. — С лекарствами, что-ли? — догадался и не поверил Кодзев. — *С ними* [Октябрь. 1984].

В синтаксическом поведении местоимений едва ли не главную роль играет их принадлежность к семантическому, а не к грамматическому разряду. Это проявляется, в частности, в одинаковой прикрепленности местоимений одного семантического ряда, но различных по частеречной принадлежности к определенным структурным, функциональным и модальным типам предложений. Так, известно, что все отрицательные местоимения с приставкой *не-* употребляются только в особом типе безличных предложений, и только в сочетании с инфинитивом, неопределенные с постфиксом *-нибудь* — в предложениях вопросительных или предложениях ирреальной модальности: *Позови кого-нибудь! Мы куда-нибудь поедем летом? Заняться бы каким-нибудь делом*; но — **Кто-нибудь пришел домой и видит. . . *Я купил какой-нибудь журнал.*

Из форм индикатива с этими местоимениями уживаются только формы будущего времени, хотя при этом высказывание обычно содержит имплицитное предположение: *Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать*; *Что-то долго он не идет; Придет когда-нибудь*; *Завтра я куда-нибудь пойду.*

Закреплены за определенными структурно-семантическими типами сложных предложений все относительные местоимения и т. д.

Интересно проявляется господство семантики у местоимений в возможности соединения их сочинительными союзами в качестве однородных, но разнофункциональных членов: Он *никогда* и *никого* не боялся; *Все* и *всегда* так делают; Он смотрел, *где* и *что* кладет мать; Это было *там* и *тогда*, где и когда. . . Мы все учились понемногу, *чему-нибудь* и *как-нибудь*; ср. невозможность объединений: *Он написал *вчера* и *другу* и т. п. Соединение словоформ из разных частей речи основной системы в качестве однород-

ных членов, как известно, возможно лишь при условии их однофункциональности: *Дай воды* и *поесть* и т. п.

Это уникальное свойство местоимений проявляется при строгом единстве семантики соединяемых словоформ. Например, подобное соединение неопределенных местоимений возможно при условии одного постфикса или одной приставки. Однако соединение разнофункциональных местоимений имеет и ограничения: **Он сделал это* и *поэтому*.

Местоимения, соотносительные с существительными и прилагательными, в зависимости от семантического разряда часто не представляют единообразия в сфере сочетаемости и синтаксических функций. Ср., например, различия в этом отношении словоформ *я*, *ты*, *он*, *некто*, *ничто* и др. Напротив, субстантивные и адъективные имена одного семантического разряда могут обнаружить синтаксическую общность.

Например, все неопределенные местоимения, существительные и прилагательные не употребляются в позиции сказуемого: **Он — кто-то* (*-нибудь*, *-либо*, *кое-*); **Он — какой-то* (*-нибудь* и т. д.).

При общности морфологических свойств синтаксическое поведение местоименных прилагательных чрезвычайно индивидуально. Среди них есть слова — способные и неспособные к самостоятельному (без определяемого существительного) предикативному употреблению. Ср.: *Чьим* (*чей*) *был дом*? *Дом был мой* (*его*), *свой*, *такой*, *тот* (с последующим придаточным), но **Дом был какой-то*, (*-нибудь*), *кое-какой*, *никакой*, *весь*. В высказываниях типа *Дом был кое-какой*, *Он был никакой*, *Сахар весь* — местоимения лексикализованы: *кое-какой* имеет оценочное значение 'плохонький', *никакой* — 'невыразительный', *весь* — 'кончился', 'израсходован'.

В отличие от прилагательных основной системы местоименные прилагательные не всегда дают симметричные преобразования определительных сочетаний в предикативные: Ср.: *мой дом — дом — мой*, но *мой* (*твой*, *его*, *ее*, *их*) *приезд* не преобразуется в *приезд мой* (*твой*, *свой*, *его*, *ее*, *их*), где *мой*, *твой* и т. д. были бы в позиции сказуемого.

Большая часть местоименных прилагательных образует с существительным вычленяемое именное сочетание: *этот дом*, *мой отец*, *кое-какие соображения* и т. д. Но вычисление такого сочетания со словами *ничей* и *никакой* из предложения с отрицательным сказуемым (типа — *Не презирай совета ничьего*) невозможно.

Особенностью местоименной системы частей речи является и то, что семантическая классификация накладывается на все грамматические разряды.

Семантических классификаций местоимений в лингвистической литературе очень много. В отечественном языкознании семантическая классификация местоимений носит довольно устойчиво традиционный характер, хотя некоторые варианты и здесь наблюдаются: выделение относительных местоимений в особый разряд или объединение их с вопросительными, отнесение местоимений

мой, *твой* к личным (как у А. М. Пешковского) или к притяжательным, что чаще встречается в учебной литературе.

Обращает на себя внимание то, что эта классификация совмещает разные принципы и дает противоречивые результаты. Еще Пешковский отмечал неправомерность выключения из притяжательных местоимений местоимения *чей* [Пешковский 1956, 156]. Действительно, общим притяжательным значением характеризуются и слова *мой*, *твой*, *его*, *ее*, *их*, *наш*, *ваш* и слова *чей*, *чей-то*, *чей-нибудь*, *чей-либо*, *ничей*. То, что одно из них при этом может быть вопросительным или относительным, а другое отрицательным, по нашему мнению, нисколько этому не противоречит, поскольку это деление учитывает уже другие признаки местоимений.

С другой стороны, так называемые притяжательные местоимения могут выражать, помимо притяжательного, широкое неконкретизированное отношение к лицу, в чем они подобны относительным прилагательным из основной системы частей речи: Ср.: *мой* (*твой*, *его* и т. д.) *дом*, *приезд*, *враг* — как *орлиное гнездо* и *орлиный* крик и т. п. [Вольф 1974, 97].

В этом разделе не предлагается новая семантическая классификация местоимений. Описание проводится в основном в рамках традиционных наименований разрядов. Но наряду с традиционно выделяемыми рассматриваются местоимения, как правило, не фиксируемые в грамматиках.

Бесперспективность поисков более логичной классификации обусловлена, как нам кажется, и тем, что почти все традиционно выделяемые местоимения характеризуются совмещенностью значений. Проиллюстрируем совмещение семантики разных разрядов у местоименных слов.

1. Лично-указательные: *он*, *она*, *оно*, *они*.
2. Лично-притяжательные: *мой*, *твой*, *свой*, *его*, *ее*, *их*.
3. Отрицательно-притяжательные *-ничей*.
4. Неопределенно-притяжательные — *чей-то*, *чей-нибудь*, *кое-чей*.
5. Вопросительно- и относительно-притяжательные — *чей*.
6. Относительно-неопределенные (посмотрим, *как-то* он справится).
7. Вопросительно-неопределенные: *Кто-то* мне судьбу предскажет? *Как-то* он справится? и т. п.

Последние два разряда не отмечаются в грамматиках. Словари в зависимости от употребления относят их к относительным или вопросительным, значение толкуется как неопределенное, например: *Как-то* — 3. *Вопросительное и относительное.* 'Неясно как, хорошо или плохо' [Словарь русского языка 1982. Т. II, 20].

До недавнего времени в грамматиках не фиксировался и разряд местоимений (хотя отмечался в словарях) типа *такой-то*. В Грамматике-80 эти местоимения отнесены к указательным, (словари относят их к неопределенным) и рассматриваются в основном в разделе «Словообразование» [Русская грамматика 1980. Т. I, 413, 542].

Эти местоимения можно было бы назвать неопределенно-указательными или — эвфемистически-указательными. Проиллюстрируем их употребление.

Душа моя, Павел,
Держись моих правил:
Люби *то-то*, *то-то*,
Не делай *того-то*.
Кажись это ясно.
Прощай, мой прекрасный.
(Пушкин, В альбом
Павлу Вяземскому);

. . .*Такой-то* царь в *такой-то* год
Вручал России свой народ.
(Лермонтов, Мцыри);

Я бы
и агитк і
вам доверить мог.
Раз бы показал:
— вот *так-то*, мол,
и *так-то*. . .
Вы б смогли —
у вас
хороший слог.
(Маяковский, Юбилейное);

Мы столкнулись у кассы, там восседала женщина и нажимала клавиши — *столько-то* рублей и *столько-то* копеек (В. Маканин, Валечка Чекина).

У местоимений этого ряда существуют омонимы с указательно-уточнительным (или утвердительным) значением: Вот *то-то* мне и духу придаст. . .; Вот *такой-то* человек мне и нужен; Он скандалист. *Потому-то* я и не хочу его приглашать! Среди них — семантически обособленное — *так-то*: *Так-то* ты меня любишь!

В грамматиках в особый разряд эти местоимения не выделяются, в словарях, как правило, тоже. Только в Словаре Ушакова отмечено слово *так-то*. Ср.: «*Так-то* (разг.). 1. нареч. Употр. преимущ. в восклицаниях в знач. именно так, таким образом. *Так-то* ты меня слушаешь!»

Таким образом, семантическая классификация местоимений не в полной мере отражает их реальный состав в русском языке.

Кроме приведенных, существует еще множество составных местоименных единиц, которые в русской грамматической традиции не квалифицируются как слова (рассматриваются как сочетание традиционно выделяемых местоимений с частицами или как грамматические фразеологизмы), но причисляются к списку местоимений, например, чешскими лингвистами.

Представляется целесообразным выделить разряд идентифицирующих местоимений *тот же*, *такой же*, *так же* — Это был *тот же* голос [Исаченко 1968, 509] с включением сюда и составных единиц *не что иное как*, *не кто иной как*.

Для выражения некоторых видов неопределенности используются составные единицы *что* (*кто*, *какой*, *как* и т. д.) *бы то ни было* [Пеньковский 1986, 106]; *что* (*кто*, *какой*, *как* и т. д.) *попало*; *что* (*кто*, *какой*, *как* и т. д.) *придется*.

Словоформам типа *никто*, как нам представляется, соответствуют два ряда разных по значению и грамматическим признакам местоимений, реализующихся в разных типах предложений. Ср.: *Дом был ничей* и *Ничей дом мне не нужен* (*ни твой*, *ни его* и т. д.), *хочу свой*. В последнем случае логичнее было бы раздельное написание. В таких употреблениях нет местоимения *ничей*, есть местоимение *чей* с частицей *ни*. Иначе говоря, именно в отрицательных предложениях, на наш взгляд, нет отрицательных местоимений в их традиционном понимании [Ермакова 1969, 25].

Местоимения не располагают системой аффиксального словообразования [1].

К ним не применимы такие лексико-словообразовательные понятия, как неологизм, окказионализм, продуктивность. Можно отметить лишь единичные случаи индивидуального образования местоименных единиц как заполнения отсутствующих клеток в определенном семантическом разряде: *Никоторого* числа (Гоголь, Записки сумасшедшего); . . . вот когда страдание возникает ниоткуда, *нипочему* (А. Битов, Уроки Армении).

Производность существующего состава местоимений носит несколько иной характер, чем в системе основных частей речи.

Существующая в определенных случаях формальная производность типа *некоторый* от *который* чаще всего не сопровождается семантической мотивированностью — значение слова *некоторый* нельзя вывести ни из вопросительного, ни из относительного местоимения *который* [2]. Не случайно в Грамматике-80 рассматривается не собственно словообразование, а словообразовательная структура местоименных слов [Русская грамматика 1980. Т. I, 412].

Своеобразие словообразовательной структуры местоименных слов выражается в наличии постфиксов, общих для местоимений

---

[1] В сущности, у местоимений нет и неаффиксальных способов словообразования: случаи так называемой прономинализации (*один*, *известный*, *данный* и некоторые другие слова в значении неопределенных или указательных местоимений) единичны, и развития этого явления не наблюдается.

[2] Этому утверждению, очевидно, противоречит наличие таких образований, как *по-моему*, *по-твоему* и других аналогичных наречных слов, употребляющихся и в качестве модальных. Их не всегда относят к местоимениям, однако такая точка зрения встречается. Эти образования, как обладающие конкретными, не зависящими от контекста типизированными лексическими значениями, в такой же мере, видимо, могут быть отнесены к местоимениям, в какой к ним относятся производные отместоименные глаголы *тыкать*, *якать*, прилагательное *здешний* и подобные слова.

разных грамматических разрядов: *кто-нибудь* (-либо, -то), чей-нибудь (-либо, -то), куда-нибудь (-либо, -то), сколько-нибудь (-либо, -то), такой-то, столько-то, там-то, туда-то, это-то, этот-то, поэтому-то и др.

В составных местоименных единицах в качестве постфиксоподобного элемента используются формы модальных глаголов — одни и те же у разных грамматических разрядов, хотя не обязательно у всех: *что угодно* (*попало*, *придется*), *какой угодно* (*попало*, *придется*) и т. д., но **почему угодно* (*попало*, *придется*).

Характерной особенностью словообразовательной структуры местоимений является также общность корней у разных грамматических разрядов местоимений при отсутствии между ними отношений производности, ср.: *кто*, *какой*, *куда*; *тот*, *там*, *туда*, *тогда*, *такой*; *весь*, *всегда*, *всюду* [3].

Местоимения лишены регулярных словообразовательных парадигм: их словообразовательный потенциал ограничен, хотя существуют и единичные отместоименные окказионализмы. Ср.: *здешний*, *тамошний*, *всегдашний*, *никудышный*; *по-моему*, *по-твоему* и др. под., *отсебятина*, *тыкать*, *якать*; *самость*, *всехность*, *междусобойчик*, *отнихнятина* (по образцу *отсебятины*).

При этом определяется еще одна общая черта местоименных слов: участвуя в словопроизводстве, они порождают только знаменательные (неместоименные) слова.

Местоимения многозначны в пределах своей системы: их многозначность проявляется как возможность взаимозамещения местоимений разных семантических и грамматических разрядов. Им не свойственны разного рода переносы.

Появление определенного значения (модального, оценочного, качественного), синонимичного собственно знаменательному слову, переводит местоимение в другую систему. Ср.: *Он — ничего*; *Настроение — никуда* и т. п.

Синонимы могут быть из одного семантического разряда, с одной корневой частью; нейтрализуются при этом различия в значении постфиксов (*какие-нибудь два часа — какие-то два часа*), в значении постфикса и приставки (например: *а тебя кое-кто хотел видеть* может быть равно *а тебя кто-то хотел видеть*).

Антонимия может быть в пределах одного разряда: *этот—тот*, *здесь—там*, и между представителями разных разрядов: *все—никто*, *всюду—нигде* [Пеньковский 1986, 106], *ничей—чей-то* ('не принадлежащий никому'—'кому-то принадлежащий').

Местоимения — класс слов, внутри которых обязательно проходит разграничение разных речевых сфер: литературного языка и просторечия, кодифицированного литературного языка и раз-

---

[3] Для собственно знаменательных слов это явление не характерно: связанные корни обычно либо именного, либо глагольного характера, в разных частях речи один и тот же связанный корень наблюдается в силу производности одной из них. Ср. *привычка* от *привыкнуть*, *избавление* от *избавить*; *телиться* и *телячий* имеют связанный корень тот же, что в слове *теленок*, в силу производности от него.

говорной речи, художественной и нехудожественной речи, а также дифференциация разных функциональных стилей литературного языка.

Выражение этих разграничений в местоимениях можно обобщенно представить себе так.

Разграничение — литературный язык/просторечие выражается в несовпадении: 1) состава местоименных слов в этих двух разновидностях национального языка (например, в отсутствии в просторечии всего ряда неопределенных местоимений с *не-*, а в литературном языке притяжательных *ейный*, *евонный*, неопределенного *ктой-то* и т. д.); 2) форм изменения отдельных местоимений (просторечные *у ей*, *у ее*, *с им* и т. д. [Земская, Китайгородская 1984]); 3) принципов использования местоимений при построении текста; 4) значения и функций некоторых местоимений.

Разграничение — кодифицированная/разговорная речь идет в основном по тем же параметрам (кроме несовпадения форм изменения местоимений), но с другой конкретной реализацией [Русская разговорная речь 1973, 266—288, 347—359].

Разграничение — художественная/нехудожественная речь в сфере местоимений не выражается в различии состава местоименных слов, а проявляется прежде всего в расширении функций многих местоимений, в преобразовании их семантики и синтаксических свойств и даже в нейтрализации противопоставления дейктической и анафорической функции некоторых разрядов местоимений [Ковтунова 1986, 33].

Разграничение внутрифункциональных стилей кодифицированного литературного языка в сфере местоимений касается 1) набора местоименных слов; 2) семантики и функций отдельных разрядов и отдельных словоформ; 3) активности использования отдельных семантических разрядов за счет других.

В основной системе частей речи стилистическая дифференциация охватывает определенный тип форм или форм вместе со значением внутри той или иной части речи. Ср. стилистические разграничения форм числа, форм степеней сравнения, форм времени и наклонения и др.

У местоимений, в силу их нестандартности, стилистическая дифференциация может наблюдаться внутри одного семантического разряда, внутри разных значений одного разряда или даже отдельных его представителей, внутри отдельных функций отдельных местоимений. Например, неопределенные местоимения, теоретически составляющие некое объединение, располагающиеся как бы на «шкале неопределенности» (неизвестный только собеседнику' — *кое-*. . ., 'неизвестный и говорящему' — *-то*. . ., 'лежащий вне сферы известности/неизвестности' *-нибудь*. . .), практически живут в разных сферах речи, хотя могут и «сходиться» в какой-то одной.

Как норма неопределенные местоимения с *кое-* отсутствуют в деловой и научной речи. В научной ограничены и местоимения с *-то*.

Употребление местоимения *какой-то* в составе предикативной именной группы в одних случаях имеет разговорную окраску, в других — нейтрально: *Он какой-то чудак* и *Это какое-то недоразумение.*

Такие замечания можно сделать относительно отдельных слов в каждой семантической группе.

Таким образом, стилевая дифференциация, как и стилистическая окрашенность в системе местоимений, наблюдается на уровне лексики, а не грамматических разрядов или грамматических форм. Это, очевидно, объясняется малочисленностью единиц, составляющих данную систему, и многофункциональностью каждой единицы.

Рассмотрим употребление местоимений типа *никто* в разных сферах литературного языка.

Как уже отмечалось, отрицательные местоимения с *ни-* могут употребляться не только в отрицательных, но и в утвердительных предложениях. Представляется, что именно там они выражают собственное отрицательное значение, в то время как в отрицательных предложениях на их долю приходится только усиление отрицания сказуемого, хотя в отдельных случаях и в отрицательных предложениях местоимения сохраняют свою «отрицательную самостоятельность». Ср.: *Ничей дом мне не нужен* (*ни отца, ни брата* и т. п.); *Этот дом — ничей* ('без хозяина'); *Этот дом не может быть ничьим* (т. е. 'он чей-то'), *ничей* при этом сохраняет значение 'без хозяина'. Ср. также: *Он говорил ни о чем* (о разных пустяках, не имея определенной темы'); *Он не говорил ни о чем* ('молчал').

Очевидно, что в утвердительных предложениях местоимения с *ни-* подвергаются некоторой лексикализации, их значения становятся более индивидуальными, изменяется и их лексическая сочетаемость. Так, местоимение *ничей* в утвердительных предложениях, приобретая отрицательно-притяжательное значение, сужает сочетаемость с существительными: *ничей дом, ничья собака,* но **ничей приезд*, **ничье заявление* и т. п.

Употребление собственно отрицательных местоимений с приставкой *ни-* ограничено определенными типами речи — в основном встречается в сфере художественной речи.

> И шаг вот этот
> *Никому* вслед. . .
> (М. Цветаева, В огромном
> городе моем ночь);

Я был влюблен *ни в кого* (Володин, Дульсинея Тобозская); Свистели флейты *ниоткуда* (А. Тарковский, До стихов); Каратыгин закуривает, а Светик думает *ни о чем.* Потом Светик думает о книгах (В. Маканин, Старые книги); Глава *никакая*, из которой тем не менее можно кое-что узнать; Больше всего на свете я ненавижу обман и люблю честность и потому сразу честно признаюсь, что я вас (совсем немножко!) обманул: на самом деле это *не никакая*

глава, а *никакая не* глава — это просто-напросто . . . (Б. Заходер, Приключения Алисы в стране чудес. Пересказ).

Отдельные словоформы местоимений с приставкой *ни-* в собственно отрицательном значении встречаются и в научной речи — преимущественно *ничто* и *ничей*. Ср.: . . . вместо мысли, представления, ощущения живого человека берется мертвая абстракция: *ничья мысль*, *ничье представление*, *ничье ощущение*, мысль вообще. . .

Отдельные словоформы отрицательных местоимений с *ни-* в вопросо-ответном единстве в разговорной речи могут соотноситься с утвердительным сказуемым, хотя и не составляют с ним словосочетания: — С кем он пришел? — *Ни с кем* (Один); — С чем будешь пить чай? — *Ни с чем*.

Во втором случае ответ может значить и 'не буду пить', в первом — констатация прихода исключает такое понимание: — Зачем ты это сделал? — *Низачем* (без осознанной цели); Она дает ему еще двадцать пять рублей. — За что, Светик? — А *ни за что*. . . Вали в Запорожье (В. Маканин, Старые книги) [4].

Однако и здесь проявляется нестандартность местоимений. Не все местоимения с *ни-* и не все формы отдельных местоимений этого ряда в вопросо-ответных единствах могут иметь такие значения. *Никто*, *ничто*, *никакой*, *никуда*, *ниоткуда*, *нигде*, употребляясь в качестве ответной реплики, как правило, выражают отрицание действия. Ср.: — Кто тебе звонил? — *Никто*; — Когда ты придешь? — *Никогда*.

В разговорной речи отрицательное местоимение *никакой* может выражать усиление отрицания. Оно выполняет фактически роль частицы, но при этом не может быть заменено определенной частицей: — Я пойду к отцу. . . Большая хозяйка удивилась и осерчала: — К какому отцу? Нет у тебя нынче *никакого отца* — он в тюрьму попал (А. Платонов, Алтерка), *Ни на какие* похороны *никакого* племянника Максимилиан Андреевич, конечно, уже не собирался (Булгаков, Мастер и Маргарита).

Таким образом, местоименная система частей речи имеет специфику не только в семантике и грамматике, но и в особенностях функционирования в разных сферах литературного языка.

---

[4] Отдельные случаи употребления такого типа встречаются и вне диалога: *Он получил деньги ни за что*. Однако обычно не говорят: *Он пришел ни с кем*, *пришел ни в чем* и т. д.

СЕМАНТИКА И СТИЛИСТИКА НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

«Иногда некоторые занятия по той или иной теме в отдельных секторах страдают формализмом» (Из выступления).

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Приведенная цитата — пример того, насколько большое (иногда незаслуженно большое) место могут занимать в речи неопределенные выражения.

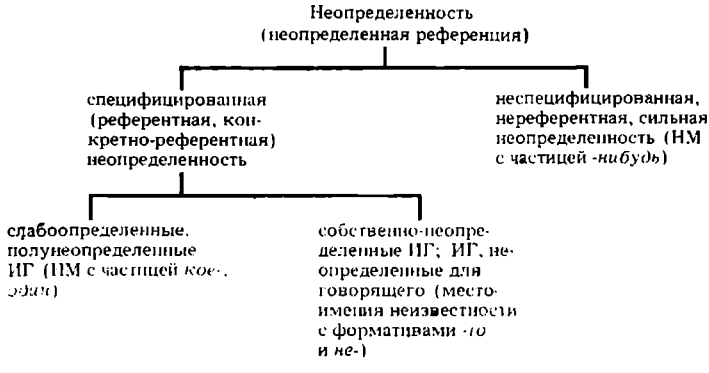
Категории определенности—неопределенности в русском языке посвящена большая лингвистическая литература, однако само понятие неопределенности остается в большой степени неопределенным. Под определенностью—неопределенностью понимаются такие разнородные явления, как 1) противопоставление известного и неизвестного (причем, как увидим ниже, само понятие известности—неизвестности многозначно); 2) противопоставление фиксированного (конкретного, индивидуализированного, референтного) и нефиксированного (неконкретного, неиндивидуализированного, нереферентного); 3) противопоставление класса или абстрактного представителя класса и члена класса; 4) противопоставление ранее упоминаемого в тексте и впервые вводимого в текст; 5) противопоставление уверенности и неуверенности говорящего (так называемая субъективная модальность неопределенности); 6) противопоставление точности и неточности информации. Об определенности—неопределенности говорят применительно к именам, именным группам (ИГ), выражениям, утверждениям, ситуациям.

До сих пор остается спорной правомерность выделения категории определенности—неопределенности в русском языке. Мы солидаризуемся с теми лингвистами, кто считает, что об этой категории можно говорить и по отношению к неартиклевым языкам, в том числе и к русскому: хотя русский язык и не имеет морфологических средств выражения так называемых артиклевых значений, эти значения находят свое выражение на других языковых ярусах и уровнях. Все многообразие значений, связанных с понятием определенность—неопределенность, С. А. Крылов объединяет понятием категория детерминации и рассматривает средства выражения этой категории на разных языковых уровнях [см. Крылов 1984]. В. З. Санников называет следующие средства выражения неопределенности в русском языке: 1) разделительные союзы (*или*; *либо. . . либо*; *а то и*; *то . . . то* и т. п.); 2) модальные слова со значением неуверенности (*видимо*; *возможно*; *кажется*; *как будто* и т. п.); 3) группы, указывающие на приблизительное количество (*около 5 рублей*; *пять-шесть рублей*; *рублей 10*; *от 10 до 20 рублей*; *10 рублей с копейками* и т. п.); 4) неопределенные

местоимения (*кто-то*; *какой-нибудь*; *кое-что* и т. п.); 5) условные союзы. Все соответствующие высказывания (*Коля принес 5 или 6 груш*; *Груши Коля, кажется, принес*; *Коля принес 5—6 груш*; *Коля принес какие-то фрукты*; *Если Коля пришел, он принес груши* и т. п.) содержат некоторую «неточность» [Санников 1987].

Мы будем рассматривать те аспекты неопределенности, в передаче которых принимают участие неопределенные местоимения (НМ), по праву называемые «приближенным эквивалентом неопределенного артикля» [Николаева 1983, 346], который, впрочем, всегда «отягощен» смысловыми надбавками. В несколько упрощенном виде утвердившееся к настоящему времени понимание неопределенности и ее видов может быть представлено следующей схемой.

Схема 1

Примечание. В схеме отражена синонимичная терминология, принятая в русской литературе по категории определенности—неопределенности и по типам референции [см. Арутюнова, 1976, Падучева 1985, Шмелев 1984, Дякуси 1985]. Референтными считаются именные группы, индивидуализирующие объект, нереферентными — не обозначающие никаких индивидуализированных объектов. Слабоопределенные, или полунеопределенные ИГ, объединяет значение: «объект известен говорящему, но предполагается неизвестным слушающему» [Падучева 1985, 90]; в ИГ, неопределенные для говорящего (по терминологии Е. В. Падучевой), или собственно-неопределенные, входит компонент 'объект неизвестен говорящему'.

Как видим, в основе определенности—неопределенности лежит понятие известности—неизвестности объекта говорящему и индивидуализированности—неиндивидуализированности объекта, т. е. понятия, являющиеся не собственно лексическими, но прагматическими и референциальными, связанными с соотнесением речи с действительностью.

Объясняя неопределенность или слабую определенность через известность—неизвестность объекта говорящему, Е. В. Падучева признает, что «смысл самого противопоставления известен/неизвестен остается достаточно неопределенным» [Падучева 1985, 90]. При прагматическом подходе «„известным“ считается любой объект, который когда-либо был введен в поле зрения участников коммуникации: не является необходимым «личное» знакомство с объектом, знание каких-либо его отличительных признаков,

способность узнать объект, если он будет предъявлен» [Шмелев 1984, 4].

Для изучения функционирования НМ следует иметь в качестве отправной точки тщательно разработанные толкования НМ. Только на их основе может быть установлена синонимичность языковых единиц, имеющая для нас столь важное значение. Несмотря на то, что семантике НМ посвящена богатая литература, к сожалению, нет общепринятых удовлетворительных, развернутых и единообразно построенных толкований, на которые можно было бы опереться. И это не случайно: толкование НМ связано со значительными трудностями.

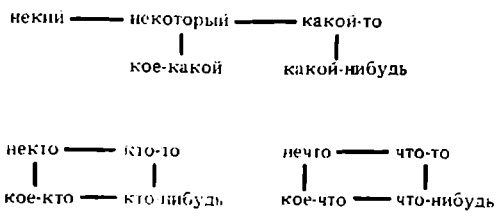
Один из парадоксов семантики русских неопределенных местоимений Т. М. Николаева видит в том, что они «имеют свои собственные инвариантные значения, поэтому их мена модифицирует смысл высказывания: *К нам кое-кто приедет*≠*К нам кто-нибудь приедет*≠*К нам кто-то приедет*. Однако существуют высказывания, где их замена допустима и смысл при этом принципиально не меняется: *Далеко-далеко, где-то на большой дороге, светился красный огонек — тоже, вероятно, кто-нибудь* (*кто-то*) *варил кашу*» [Николаева 1983, 343]. В подтверждение этого положения можно привести примеры, когда взаимозаменимы, не противопоставлены друг другу по значению, все или почти все НМ одной части речи. Например:

Однако тщательный анализ материала позволяет установить, что в этом якобы хаотическом беспорядке есть *некая* < определенная, некоторая, известная, какая-то > *упорядоченность*; Часто человек, действуя по *некоторому* < какому-то, некоему, какому-либо, определенному, тому или иному > *стандартному «сценарию»*, считает, что вычислил неречевое намерение собеседника, и реагирует в соответствии с этим вычислением. . .; Сообщения, которые передаются таким образом, могут быть очень элементарными и схематичными; это чаще всего *какие-нибудь* < какие-то, какие-либо, те или иные > *указания*, сигналы бедствий и т. п.

Все НМ, принадлежащие к одной части речи, сцеплены друг с другом по значению: у каждого из них имеется по крайней мере одно значение, общее с каким-то другим НМ. Это хорошо видно по толкованиям НМ в словарях. Все НМ толкуются (хотя бы в одном из значений) через другие НМ. Например, *некий* — то же, что *некоторый* в 1 значении; *некоторый* — 1) какой-то, точно не определенный и 2) кое-какой, не очень значительный; *какой-то* — неизвестно какой, некий. . . (БАС). Приводимая ниже схема показывает связи в толковании НМ в словарях.

Выявление компонентов значения НМ и поиски инвариантных значений неизменно наталкиваются на следующую трудность: какое бы общее значение у НМ с данным формативом ни выделялось, всегда находятся контексты, в которых это значение не будет обнаружено. Так, значения безразличности и невыбранности, нефиксированности объекта, приписываемые обычно местоимениям на *-нибудь*, проявляются в строго определенных контекстах, «когда

Схема 2

описываемые события относятся к плану будущего (*Я поговорю с кем-нибудь из них*, *Поговори с кем-нибудь из них*)» [Падучева 1985, 215], тогда как в других контекстах эти значения отсутствуют.

Сложность описания семантики НМ связана с зависимостью их значения от контекста. Исследователи считают, что семантика и функционирование НМ определяется практически всеми компонентами высказывания: его модальностью, коммуникативным типом, типом грамматико-категориальной реализации сказуемого, семантикой сказуемого, типом дескрипции имени и т. п. Анализу сложнейших компонентов контекста, влияющих на выбор НМ (в аспекте синтеза) и на реализацию значений (в аспекте анализа) посвящены работы: Селиверстова 1964, Маловицкий 1971, Шелякин 1978, Кобозева 1981, Джусти 1985. Книга Падучевой 1985 г. как бы подводит итоги изучению семантики НМ и выявлению условий, определяющих реализацию их значений.

Зависимость семантики НМ от контекста обусловлена в значительной степени особенностью самой структуры значения НМ, а именно отсутствием в них собственно лексического значения, или ядра значения, по терминологии Ю. Д. Апресяна [Апресян 1983, 319]. Пустое же лексическое значение может заполняться за счет контекста разным содержанием и обрастать различными коннотациями.

Предметом настоящего исследования является функционально-стилистическое использование неопределенных местоимений (в том числе и местоименных наречий), а также таких близких к ним по смыслу местоименных слов, как *один*, *тот или иной*, *иные* и т. п. Интересно, что на неопределенность могут указывать единицы, которые по основному своему употреблению указывают как раз на определенность, — *известный*, *определенный*.

Неопределенные местоимения в функционально-стилистическом аспекте недостаточно изучены. В лингвистической литературе встречаются лишь отдельные замечания об их стилистике, например: «слова *некто* и *нечто* отмечены оттенком книжности и в разговорной речи малоупотребительны» [Янко-Триницкая 1977, 71], «местоимения с *-либо* отличаются от местоимений с *-нибудь* стилистической окраской, они чаще встречаются в деловой речи» [Там же, 72], употребление вопросительно-относительных местоимений без частиц свойственно непринужденной речи [Там же,

73], «образцы с повтором местоименного слова: *какой-никакой*, *что-ничто*, *когда-никогда* используются в просторечии» [Там же]; *некогда* и *некий* не свойственны разговорной речи [Русская разговорная речь 1983, 118]. Отмечалось также, что «в современном просторечии широко распространено употребление местоименного наречия *где-то* в значении «в чем-то, в каком-то отношении» [Янко-Триницкая 1977, 72].

Поскольку, как показали исследователи, значение НМ может быть установлено только с учетом участников коммуникации, их речевых намерений и характера речевого общения, то можно предполагать, что различные функциональные разновидности русского языка, характеризующиеся разными коммуникативными целями, разным отношением между говорящим и слушающим, существенно различаются между собой и по набору значений и по употреблению НМ: некоторые местоимения или группы местоимений могут характеризовать одну какую-нибудь языковую сферу и не использоваться в остальных; другие НМ могут встречаться (в одном и том же значении) во многих или даже во всех функциональных разновидностях, однако их употребительность в разных языковых сферах может оказаться различной. Важен учет распределенности НМ и их значений по языковым сферам.

Разница в функционировании НМ связана уже с самыми общими установками, целями, условиями и другими особенностями различных разновидностей русского языка. Рассмотрим вкратце основные из этих особенностей и характер их воздействия на употребление НМ.

В научной речи несомненна установка на максимальную определенность, точность сообщаемого. Подготовленность этой речи также способствует точности формулировок. Целью научной работы является изложение результатов исследования, рассчитанное на восприятие коллег. Это обусловливает и преобладающий тип высказываний — конкретные, вполне определенные по содержанию утверждения. В научной речи невозможна ситуация: говорящий не желает дать точного обозначения, желает умолчать, скрыть, утаить какие-то сведения. Экспрессия речи не исключена; строгость изложения не нивелирует личности говорящего, хотя пишущий (а научный язык — это прежде всего — письменный) чаще всего не ведет изложения от 1-го лица, не беседует с читателем. Все эти факторы заставляют предположить, что НМ—существительные (*кто-то*, *кто-нибудь*, *что-то*, *что-нибудь*, *кое-кто*, *кое-что*) будут почти исключены в научной речи, что такие значения адъективных НМ, как ‘говорящий не знает какой’ (‘неизвестно какой’), а также все значения, несущие субъективную оценку говорящего, не будут в ней реализованы.

Официально-деловую речь отличает установка на предельную определенность, точность и сухость изложения, на отсутствие экспрессии, субъективных оценок. Цель ее — поставить о чем-то в известность, довести до сведения всех и каждого. В этом стиле преобладают утверждения, предписания, последовательно ис-

пользуется одна и та же коммуникативная рамка высказывания. Говорящий как личность, в отличие от всех других функциональных стилей, отсутствует: отправитель речи — административные органы разных уровней. Можно предполагать самую низкую употребительность всех НМ и полное отсутствие НМ, в значение которых входит компонент 'говорящему неизвестно' и 'говорящему безразлично', т. е. *то-* и *нибудь-* местоимений.

Газетно-публицистическую речь в большинстве жанров, за исключением информационных, приближающихся к официально-деловому стилю, характеризует установка на броскость, непринужденность речи, на неожиданность и экспрессию. Цель — не только сообщить, но и привлечь внимание читателя, заинтересовать и убедить его. Ср. заголовок в «Литературной газете»: «Круглый угол, или Кое-что о „серой прозе". Не исключена установка на неопределенность, на умолчание, намек: „Кое-где не спешат с выводами. . ." „Кое-кто рассчитывает нагреть руки. . ." В газетно-публицистических жанрах возможна стилизация под разговорную речь, использование ее примет в качестве речевой краски. Поэтому, видимо, можно ожидать употребления таких НМ, которые считаются принадлежностью разговорной речи (РР), или даже просторечия, например НМ без формативов (*кто*, *что*). Ср.: «То ли масштабы нашей высшей школы тому виной, то ли что другое. . .» (Известия) [1].

Разговорная речь существенно отличается от всех перечисленных языковых сфер, прежде всего — непосредственным контактом говорящих, спонтанностью, неподготовленностью речи и эмоциональностью ее [2]. Кроме того, в РР представлены самые разные типы коммуникативных намерений — и просьба, и вопрос, и совет, и утверждение и т. п., а значит, и разные типы высказываний. Поэтому можно предполагать и большую насыщенность РР неопределенными местоимениями, и реализацию разных, в том числе субъективно-модальных значений многозначных НМ, и употребительность НМ-существительных с частицей *-нибудь*, встречающихся главным образом в вопросах и повелениях, т. е. в диалогической форме речи, которая наиболее характерна именно для РР.

Мы поставили задачей: 1) определить для каждой из функциональных разновидностей набор НМ, в ней используемых; 2) определить круг значений каждого НМ в отдельных функциональных разновидностях; 3) выделить синонимические ряды НМ и проследить распределение вариантов, имеющих одно значение, в разных функциональных разновидностях; 4) выявить факторы, влияющие на разное распределение НМ и их значений в разных языковых сферах и 5) проследить некоторые закономерности функционирования НМ в зависимости от социального расслоения говорящих. В монографии «Русский язык по данным массового

---

[1] Пример взят из работы Л. Я. Маловицкого.

[2] Подробное описание условий, целей, задач функционирования РР, а также ее особенностей см.: Русская разговорная речь. М., 1973.

обследования» (М., 1974) были описаны многие существенные различия в использовании языковых средств, связанные с социальными характеристиками говорящих (возраст; образование; место, где прошло детство; место, откуда происходят родители и т. п.). Однако в отношении НМ эта работа не была проделана.

Для целей нашей работы было важно иметь толкования, пусть упрощенные и предварительные, всех значений НМ, так как именно толкование может дать представление о синонимах или квазисинонимах среди НМ и послужить основой для поиска их стилистической дифференциации.

Материалом для работы послужили тексты, представляющие различные функциональные разновидности, принятые для анализа в данной монографии: при рассмотрении официально-деловой речи мы опирались на выборки из Свода законов и из разных юридических справочников; газетно-публицистическая речь представлена жанром информационных сообщений, передовых и публицистических статей из разных газет; для анализа научной речи брались выборки из математической, химической, медицинской и лингвистической литературы; жанр художественного повествования представлен выборками из художественной литературы; при изучении разговорной речи использовались тексты из книги «Русская разговорная речь. Тексты» (М. 1978) и собственные наблюдения.

Строение раздела. В большинстве работ, применяющих признаковый подход к описанию семантики НМ, наметилась тенденция рассматривать их в зависимости от того, какие частицы входят в их состав, т. е. описывается семантика целых групп местоимений (*то*-местоимения, *нибудь*-местоимения, *кое*-местоимения) — независимо от их синтаксической роли в предложении. Однако более существенной для целей данного исследования (в частности, для изучения синонимических средств и их распределения по функциональным стилям) является синтаксическая функция НМ. Поэтому в нашей работе мы будем рассматривать группы НМ, объединяемых по их роли в предложении. В соответствии с этим работа состоит из трех разделов: I. НМ-прилагательные; II. НМ-существительные; III. НМ-наречия. В каждой из этих глав сначала определяется круг значений каждого из НМ и их функциональное использование, а затем рассматривается функционирование синонимов в отдельных языковых сферах. В заключении дается характеристика различных языковых сфер с точки зрения употребления в них НМ.

НМ-ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Описание употребления НМ в разных функциональных разновидностях русского языка мы начинаем с НМ-прилагательных. Это объясняется тем, что, по мнению исследователей, через прилагательные может быть истолковано значение других НМ: «*что-нибудь* ⇔ *какой-нибудь предмет* (*какие-нибудь предметы*), *кто-*

нибудь ⇔ *какой-нибудь человек* (*какие-нибудь люди*). . . *где-нибудь* ⇔ *в каком-нибудь месте*» [3] [Падучева, 1974, 83, см. также Левин 1973, 119].

К НМ-прилагательным относятся: *какой-то*, *какой-нибудь*, *какой-либо*, *кое-какой*, *некоторый*, *некоторые*, *некий*, *чей-то*, *чей-нибудь*, *чей-либо*, ср. также местоименные слова *известный*, *определенный*, *тот или иной*, *иные*, *отдельные*, *один*.

НМ-прилагательные образуют особую группу, так как выступают в высказывании в роли детерминативов, ограничивающих объем понятия, выражаемого именем, или, при другом подходе, в роли актуализаторов (или кванторов), т. е. таких элементов, которые устанавливают денотативный (референциальный) статус имени или именной группы. В артиклевых языках в функции кванторов выступают артикли, поэтому НМ-прилагательные (а также некоторые НМ-существительные) в лингвистической литературе называют «местоименными артиклевыми сопровождениями имени» [Николаева 1979, 162], отличающимися от неопределенного артикля, в частности, тем что они почти всегда несут дополнительный семантический «довесок» [Гуревич 1983, 55]. Как отмечают исследователи, не во всех значениях так называемые кванторные слова являются кванторами, мы будем рассматривать и кванторные, и некванторные значения НМ-прилагательных.

Предлагаемые ниже толкования НМ строятся с учетом толкований, даваемых в толковых словарях русского языка и в лингвистической литературе. Они имеют сугубо предварительный характер, однако для целей нашего исследования, видимо, достаточно таких, нескольких упрощенных толкований. Для некоторых НМ мы отмечаем большое число значений. Такая «дробность» намеренна: она позволяет, хотя бы на уровне примеров, отметить значения, которые в противном случае могли бы остаться незамеченными. На каждое из выделяемых значений приводятся примеры, а затем рассматривается функционирование НМ в этих значениях в разных языковых сферах.

Какой-то

Это местоимение имеет несколько значений, весьма — «чутких» к контексту в широком смысле этого слова: не только к значению существительного или прилагательного, или целой именной группы, к которым оно относится, но и к сложным коммуникативным факторам, например, к тому, совпадает ли субъект речи

---

[3] Правда, не все предметно-личные НМ могут быть истолкованы через местоимение-прилагательное с тем же формативом; так, *кое-кто* — не 'кое-какой человек', а 'некоторые люди', *кое-что* не 'кое-какой предмет'. Имеются, впрочем, случаи противоположного характера, когда некоторые НМ-прилагательные естественным образом толкуются через НМ-существительное, например *какой-нибудь*+имя собственное (ИС) имеет значение 'кто-нибудь вроде носителя ИС' [Шмелев 1984].

с субъектом описываемого действия, к характеру высказывания и т. п.

В разных словарях и исследованиях у *какой-то* выделяется разное количество значений, например, БАС дает три значения, МАС пять [4]. В соответствии с установкой на выявление максимального количества значений мы выделяем у этого местоимения пять значений: 1) 'в момент речи говорящему неизвестно какой' (*Говорят, какой-то беглый матрос с «Потемкина» поджег*); 2) 'точно не определяемый' (*Пусть какой-то дифференциальный признак у фонемы отсутствует*); 3) 'небольшой, незначительный' (*За какой-то час он выкопал большую яму*); 4) 'не заслуживающий внимания' (*Какой-то мальчишка будет меня учить!*); 5) 'похожий на . . .' (*С неба сыпалась какая-то крупа*).

Мы сознаем, что и предложенные толкования и само количество значений местоимения *какой-то* (и других НМ) носит условный характер. Имеются переходные, промежуточные случаи, и их тем больше, чем точнее и детальнее проводимый анализ.

Какой-то 1 'в момент речи говорящему неизвестно какой'

Это значение является главным, оно выделяется всеми исследователями и обычно формулируется так: 'неизвестно какой', 'Г. не знает какой'. Следует учесть, что в повествовательных жанрах в зависимости от точки зрения, с которой ведется повествование, субъект незнания может не совпадать с субъектом речи [5], и кроме того, неизвестность может относиться не к моменту речи, а к описываемому моменту. Например: *Видели, что приходит какая-то женщина, но имени ее не знали* (М. Булгаков). Ср. также в разговорной речи: *Там молодой человек какой-то отдыхал* (неизвестность описывается с точки зрения участника описываемой ситуации до момента знакомства).

Выше уже говорилось, что неизвестность в прагматическом плане означает только то, что объект еще не был введен в поле зрения участников коммуникации. Это может быть отнесено ко всем случаям употребления *какой-то* 1, однако в сочетании с различными именами на это прагматическое значение наслаиваются разные семантические надбавки. Значение 'неизвестно какой' в зависимости от семантики имени, к которому относится это местоимение, реализуется в разных комбинаторных вариантах, или вариациях, если на эту область перенести терминологию Московской фонологической школы.

Е. В. Падучева называет следующие «разновидности неизвестности»: недостаточность внешних признаков, невозможность вспом-

---

[4] Одно из значений в этих словарях выделено ошибочно, оно должно относиться не к НМ *какой-то*, а к конструкции, использующей вопросительное местоимение *какой* с частицей *-то*. Ср. *Какой-то завтра будет день!*

[5] «В контексте подчиняющих глаголов говорения субъектом незнания может быть также и сообщающее лицо (*Сказали мне, что заходил за мною кто-то*), а в контексте глаголов мнения — субъект мнения: *Иван считает, что там живет какая-то женщина*» [Падучева 1985, 211].

нить, отсутствие знакомства, неидентифицированность, неточность номинации, в которой говорящий отдает себе отчет [Падучева 1985, 211]. Причин неизвестности, незнания можно назвать больше: и недостаточность сведений о предмете, и невозможность объяснить происходящее, и т. п., причем иногда эти причины трудно разграничить. Проиллюстрируем «разновидности неизвестности»:

1) 'Отсутствие знакомства' (в сочетании с названием лица): *Дверь открылась и в комнату вошла какая-то девушка*; *Петя, тебя там какой-то мужчина спрашивает*; *Опять к вам какой-то Иванов приходил*. Следует подчеркнуть, что значение 'отсутствие знакомства' передается местоимением *какой-то* лишь в строго определенных случаях. Фраза *Вчера ко мне приходила какая-то девушка* возможна только как вводящая, т. е. если дальше идет разъяснение. И совсем невозможно: **Не мешай мне, я разговариваю с какой-то девушкой*. Эти примеры подчеркивают артиклевую природу НМ *какой-то*: поскольку объект разговора может быть «предъявлен», он не является неопределенным, поэтому и при отсутствии знакомства употребление местоимения *какой-то* невозможно. В предложении *Вдруг какой-то незнакомец взял меня на руки* назначение НМ *какой-то* — снятие определенности, без него незнакомец воспринимался бы как уже введенный в текст и в этом смысле известный.

2) 'Невозможность идентифицировать': *Какие-то люди побывали в моей комнате*; *Пьера водили в какой-то дом*; *Говорят, какой-то беглый матрос с «Потемкина» поджег* (В. Катаев).

3) 'Невозможность вспомнить': *Я тогда играл какие-то детские пьески*.

4) 'Недостаточность точных сведений (в том числе и внешних признаков) о лице, предмете': *Но веселый ток идет от книги, и от отца. Написал все это какой-то Диккенс* (Б. Зайцев); *Там было что-то про артиллерийский снаряд, который куда-то летит с какой-то скоростью и за какое-то время* (Ф. Искандер).

5) 'Невозможность объяснить' и, следовательно, 'неизвестно какой'='непонятный, неясный' (в сочетании с неконкретными именами, названиями чувств): *Позади нас, за шахматным столиком возникло какое-то оживление*; *Но какая-то пустота сосет под ложечкой. . .*; *. . .Он, томимый каким-то предчувствием беды, распростился с хозяином . . .* (М. Булгаков); *Я вижу, что совершилась какая-то беда из-за того, что я говорил с этим юношей* (М. Булгаков); *Какая-то мысль, важная для него, все ускользала. Не мог же он выстрелить в живого человека. Тут какое-то недоразумение* (И. Меттер).

Поскольку известность/неизвестность предполагает говорящего или субъекта действия, то естественно, что это значение реализуется в таких языковых сферах, в которых «присутствует» говорящий как лицо прежде всего в РР (1), а также в художественном повествовании (2) и в жанрах газетно-публицистической речи,

ориентированных на разговорную речь или на художественное повествование (3).

(1) Там *молодой человек какой-то* отдыхал; Она получила из Москвы/ вот из этих/ *какие-то центральные* там *курсы* есть/ трехгодичные; Я сидел рядом с *какими-то двумя дамами*. Справа и слева были дамы; Пока. . . играл *какой-то французик*/ Андре/ *Андре какой-то?* (пауза) Не помню *Андре какой-то*; Потом. . . из Новосибирска *какие-то* [дирижеры. — *С. К.*] приезжали; У них там знаешь вот был *какой-то* один *американец*; Великолепная роль/ ему даже *какую-то серебряную* или золотую *медаль?*; В первый раз по-моему *какой-то француз* увидел микробы в тысяча пятьсот каком-то году открыл их//; Оказывается это приехала *какая-то профсоюзная делегация*/ и *какие-то такие певцы* в основном безголосые/, которые пели с микрофоном.

(2) К ларьку подошел *какой-то человек*; Маргарите показалось, что доносится *какая-то зудящая музыка* (М. Булгаков); По воскресеньям она пела в хоре *какой-то заброшенной церквушки*; Но главное очарование моря заключалось в *какой-то тайне*, которую оно всегда хранило в своих пространствах (В. Катаев); Уж не сидит ли во мне самом *какая-то темнота*, карамазовщина, роднящая меня с ней? (А. Вознесенский); Стоял *какой-то моросящий свет* (В. Крупин).

(3) Некоторое время он (грузовик. — *С. К.*) скакал по разрытым буграм *какой-то стройки*; Выходит дело, до начала XIX века буква К отсутствовала в русской письменности. *Какая-то путаница.*

В так называемых строгих языковых сферах (официально-деловом языке, в информационных жанрах публицистики, в языке науки) *какой-то* в этом значении практически не встречается. В примере: *Здесь в рукописи не вполне четко вычленяются предложения и какие-то слова пропущены*, найденном в таком нетипичном для научного языка жанре, как примечание к публикуемой рукописи, не очевидно, что *какой-то* означает неизвестность. Возможно, местоимение употреблено в значении *некоторые*. В официально-деловом языке и в информационных жанрах газетно-публицистической речи значение 'неизвестно какой' выражается без помощи неопределенных местоимений, вполне «определенными» средствами. Ср.: *В Персидском заливе иранскими судами был атакован неизвестный катер.*

Какой-то 2 'точно не определяемый'

Лексическое значение у *какой-то 2* полностью отсутствует, это местоимение является чисто формальным определением, которое не определяет предмет ни с качественной, ни с количественной стороны. Особенно отчетливо формальная роль этого местоимения видна в тех случаях, когда существительное не может быть упо-

треблено без определения: *Значит, жизнь появилась на каком-то этапе эволюции материи* («Знание — сила»).

Какой-то в этом значении сочетается главным образом с абстрактными именами, т. е. с именами, не способными к референции. Роль этого местоимения в сочетании с абстрактными именами — снятие определенности, хотя сам характер определенности-неопределенности абстрактных имен, по-видимому, несколько иной по сравнению с именами предметными. Конкретно-референтный статус местоимений неизвестности проявляется именно в выделении объекта без его идентификации. Назначение *какой-то 2* — выделить явление, обозначенное существительным, среди других, но больше ничего о нем не сказать. Говорящий не дает более точного определения не потому, что не знает, как определить точнее, но потому, что считает это в данной ситуации, для данного сообщения несущественным, ненужным [6]. Например: Признак фонемы — это *какая-то часть* самой фонемы, не отделимая от нее. . .; Каждый участок терминологии имеет свою структуру, опирающуюся на *какие-то* логические *основания*; В действительности же всякое подобное сообщение к кому-то обращено, чем-то вызвано, имеет *какую-то цель*, то есть является реальным звеном в цепи речевого общения (М. Бахтин).

Именно в этом значении, как нам кажется, употребляется местоимение *какой-то* в примере, приводимом Е. В. Падучевой для иллюстрации сложной природы семантического компонента 'неизвестность': *Я узнал ее издали по каким-то одному мне известным приметам* [Падучева 1985, 211]. Противоречия между известностью, выражаемой прилагательным, и неизвестностью, выражаемой НМ *какой-то*, не возникает именно потому, что это местоимение не имеет здесь значения неизвестности, а является чисто формальным определением, актуализатором, назначение которого — снятие определенности. Говорящий упоминает о приметах, но не считает нужным уточнять их. Ср. также: *Все зависит от каких-то высших, нам с вами неизвестных обстоятельств* (А. Рыбаков). Здесь уточнение о неизвестности нужно именно потому, что *какой-то* не выражает ее, а указывает лишь на то, что говорящий не имеет в виду определенных, конкретных обстоятельств.

Какой-то 2 очень часто встречается в языке науки (1), реже — в публицистических жанрах (2), а в РР (3) и в языке художественного повествования (4) это значение «в чистом виде» встречается редко и чаще всего сцепляется с другими значениями этого местоимения (см. об этом ниже).

(1) Признание многозначности слов не означает, однако, того, что между многозначностью и омонимией объективно существует *какая-то четкая и ясно очерченная граница*. . .; Арендовать значит, в первом приближении, что *за какое-то вознаграждение* Д лицо А

[6] Ср. мнение В. Г. Гака, что *какой-то* может указывать не только на неизвестность предмета для говорящего, но и «на ненужность конкретной информации о предмете» [Гак 1975, 41].

приобретает у другого лица К право на . . .; Если *какой-то знак* употребляется по отношению к такой ситуации, которая удовлетворяет всем соответствующим условиям, то . . .; Скорее всего — это *какие-то неупорядоченные структуры*.

(2) В руках писателя-реалиста метафора мифа может стать увеличительным стеклом укрупняющим *какое-то звено* причинно-следственной цепи. . .; Должны же быть у молодежи *какие-то развлечения*; У кого повернется язык сказать, будто этим предприятиям созданы *какие-то особые условия?*; Вы сказали, что предчувствовали *какие-то перемены* в обществе перед тем, как засесть за «Плаху» (Из интервью с Ч. Айтматовым).

(3) Стоит стул/ ну *какие-то* у нее *принадлежности* там *туалета*/; . . . сейчас читаю *какой-то итальянский роман* Пратолини. За исключением может быть увертюры и *каких-то таких номеров* [7].

(4) . . . будто дело касалось не ее, а *какой-то другой женщины* (Ф. Искандер); «Старых», переживших блокаду, не выделить по *каким-то особенным признакам* (О. Адамович, Д. Гранин).

Какой-то 3 'небольшой, незначительный', 'неполной степени'

Какой-то в этом значении сочетается с именами, обладающими степенями, градациями и содержит оценку «уменьшительности»: Он посмотрел на нее еще *какое-то мгновение*, а потом ответил. . ., Через *какое-то время* он погрузился в глубокий сон; На *какой-то промежуток времени* жизнь становится сестрою; До *какой-то степени* я им даже сочувствовал.

Оценка усиливается, и *какой-то* приобретает значение 'очень небольшой', 'минимальный' в сочетании с точным обозначением количества, с усилительными частицами *хоть* и *хотя бы*, а также под ударением: Она тоже трудилась, тоже мечтала о *влиянии*, хоть *каком-то*, на своего мужа (Н. Кожевникова); В *какие-то полчаса* он написал письмо самое обстоятельное; Должен же *какой-то документ* остаться!

Это значение реализуется в таких языковых сферах, которые не исключают оценочного отношения говорящего к описываемому: в РР (1), в языке художественного повествования (2), в неинформационных жанрах публицистики (3) и реже — в научной речи, преимущественно в устной (4).

(1) Все-таки там всегда есть *какая-то дистанция*/ ты понимаешь?; . . . но все-таки *какое-то представление* дает; Конечно, имеет *значение*/ *какое-то*, но . . .; Ну, *какую-то привязанность* он к нам питал; Чтоб у нее *какой-то стимул* был лететь; А. — Ты остаешься? Б. — Да, на *какое-то время* останусь.

(2) Значит, думала, возможны *какие-то сдвиги*, *встречность какая-то* (Н. Кожевникова); А вдруг ничего не выйдет и Арноль-

[7] Речь идет о роли оркестра в опере. С помощью местоимения *какой-то* отмечаются, но не уточняются номера, которые обладают определенным качеством.

дов, главный редактор, не даст мне возможности . . . получить хоть *какой-то заработок* (Н. Ильина); Он хотел хоть *какого-то наказания* для себя (В. Токарева); Стоило словам старухи обрести *какой-то смысл* и хоть *какую-то непустоту*, как пепустота означилась, а смысл тут же обрел острие (Маканин).

(3) Так что одно дело обсуждать проблему, делая вид, что никакой безработицы у нас нет, и совсем другое — спокойно отдавая себе отчет в том, что *какая-то безработица* есть и что ее не может не быть[8]; *Какое-то время* после революции футуризм считается официальным советским искусством; Но мы радуемся первому успеху — хоть *какой-то выбор* уже есть; Есть ли там хотя бы *какое-то движение* вперед?

(4) . . . может быть правильно понято лишь адресатом речи, имеющим *какое-то представление* о свойствах персонажа Шекспира.

Какой-то 4 'не заслуживающий внимания'

Какой-то 4, в отличие от *какой-то 3*, содержит не количественную оценку по шкале 'большой—маленький', 'много—мало', но качественную и, кроме того, включает эмоциональную-пренебрежительную оценку говорящим класса, к которому относится описываемый участник ситуации: *Чемпион играл не слишком хорошо*: *проиграл какому-то перворазряднику*; *Все сидящие на террасе чистят для варенья какую-то пошлую ягоду* (А. Чехов).

В сочетании с оценочными, предикатными именами *какой-то* усиливает оценку: *Ну что я буду смотреть телевизор, где какой-то несмышленыш без конца повторяет: творческие планы, творческие планы; . ., Теперь это был не пушистый белый котенок, похожий на одуванчика, а грязный, с гладким как карандаш хвостом какой-то заморыш.* В предложениях, содержащих положительную оценку, явно ощущается примесь недоуменного (пренебрежительного? завистливого?) удивления: *Это какой-то кладезь премудрости! Ходячая энциклопедия какая-то!*

В сочетании с оценочными прилагательными у *какой-то* к пренебрежительной оценке прибавляется значение 'отклонения от нормы'. Может быть именно оно мотивирует пренебрежительную оценку: *У него в коллекции был всего один морской конек, и то какой-то сморщенный, трухлявый* (В. Катаев). Это же значение «несоответствия, отклонения от некоторой пормы, от позитивного сценария событий» [Николаева 1983, 344], мотивированное неизвестностью причины, и без пренебрежительного отношения характеризует оценочные высказывания типа *Какой-то хлеб сегодня несвежий*; *Какой-то Петя неразговорчивый стал.* Ср. также: *. . .ответил неузнаваемо-тонкий, поспешный, какой-то угодливый голос кучера* (В. Катаев).

[8] Ср., однако, выбор автором газетной статьи «не разговорного» эквивалента этого значения: *Для участия в дискуссии, короче говоря, требовалась хотя бы минимальная лингвистическая подготовка* (Н. Ильина).

В оценочных высказываниях типа *Фанатизм какой-то оголтелый*! *Ерунда какая-то*! *У него какая-то поиилая улыбка — какой-то* снимает категоричность оценки и переводит высказывание из констатирующих в выражающие недоумение. Ср. *Он трус*! и *Он какой-то трус*. В сочетании с именами собственными, известными участникам коммуникативного акта, пренебрежительное значение у *какой-то* мотивируется А. Д. Шмелевым так: «не заслуживает того, чтобы быть известным» [Шмелев 1984, 197]: *Не хочу я зависеть от какого-то Дроздова*.

Какой-то 4 чаще всего употребляется в РР (1) и в языковых сферах, ориентированных на РР: в художественном повествовании (2) и неинформационных жанрах публицистики (3) и абсолютно «противопоказано» таким неэмоциональным языковым сферам, как официально-деловая и научная речь.

(1) Они делали свежие насечки/ совершенно *дураки какие-то*; Есть люди которых/ что пой/ что не пой как будто им *какое-то пойло*; Но во всем/ такой налет понимаешь/ *какой-то нафталин сплошной* (об исполнении роли); А. Что дают? Б. *Антрекоты какие-то* [Отвечает стоящий в очереди человек. НМ вносит в ответ пренебрежительность: может быть, он хочет представить, что для него покупка антрекотов не такое уж важное дело.] (Способ отстранения?).

(2) Это не человек, а *какие-то погребальные дроги*. . . Я ненавижу его всей душой! (И. Бунин); Но Елена не была ей конкуренткой . . . — *какой-то институт иностранных языков*, да разве там делу учат?! (Н. Кожевникова).

(3) Но кто позволит *какому-то неоперившемуся молокососу* ставить трагедию всех времен и народов (ЛГ).

Какой-то 5 'похожий на. . .', 'вроде'

Это значение трудно описать, оно реализуется в таких ситуациях, когда говорящий затрудняется подобрать точное слово или не уверен, что нашел нужное имя или определение к нему или верную оценку. М. А. Шелякин так сформулировал это значение: «неполного сходства с обозначенным предметом или признаком» [Шелякин 1978]; Е. В. Падучева говорит о значении 'неточность номинации, в которой говорящий отдает себе отчет' как о разновидности значения неизвестности [Падучева 1985, 211]:

В Царицыне Пухов не слез — там дождь шел и вьюжило *какой-то гололедицей* (А. Платонов); Ночи были *какие-то ухабистые* (В. Набоков); Особый, очень острый запах осоки смешивался со сладкой, *какой-то ореховой вонью* боли-голова, от которой действительно начинала болеть голова (В. Катаев).

Иногда это значение подтверждается в том же предложении другими, синонимичными словами, например: . . . имею часто сладкие минуты в душе: в ней бывает *какая-то тишина неизъяснимая и несказанно приятная* (Н. Карамзин); . . . резкая улыбка *с каким-то коварством*, что ли, не располагающая к непринужден-

ности (Б. Окуджава); Виталий, как всегда, четко понял: «наш» момент *какого-то контакта*, не определяемого точным словом, прошел (Р. Лихач). Как видно из примеров, это значение реализуется в художественной речи. Но наиболее благоприятными для реализации этого значения оказываются условия разговорной речи: неподготовленность, отсутствие времени на обдумывание точного определения:

Да/ нет у нее по-моему у нее не голубые / у нее *какие-то серые* наверно (о цвете глаз); Притом они сами *какие-то странные*; Гладко причесанная// Но в этом / понимаешь во всем. . . *какое-то изящество*; Такая легендарная// У нее был *какой-то морской* или *какой-то невероятный компас*/ на заду болтался нож/ и шлем/ настоящий *шлем*/ *какой-то черный*/ и она была очень такая волевая; Я к ней явно относился — то есть я к ней явно питал *какие-то такие славные*, *нежные*, *милые чувства* (И. Смоктуновский); . . . и *самозабвенная какая-то погруженность* в материал. . . (И. Смоктуновский); / лунная ночь/ и идешь по этим горам/ кажется что это *какой-то марсианский или лунный пейзаж*; Пойми, что ты делаешься похож не на ученого, а на *какого-то жулика* (Булгаков); Провинциализм/ стра-а-шный// Скука/ потом ты понимаешь/ эти *какие-то непонятные эти колыхания* под занавеской.

Все эти употребления *какой-то* в РР свидетельствуют о поисковой функции этого местоимения [о такой же функции указательных местоимений в РР см. РРР 1973]. Ср. следующие примеры самообрывов, где *какой-то* сопровождается паузой для подыскания подходящего слова: Для выяснения *какой-то* . . . для подтверждения. . .; Могут иметь *какое-то* . . . соотносительность *какую-то*. . .; Ну вы *какие-то* прямо. . . *мудрецы*; Я люблю такие старинные фотографии/ (ну) теперь *какие-то* очень . . . делают *стандартные*;/ и даже сопромат в *каком-то* . . . мере преподавался//; *Какой-то он* знаешь такой/ *сложный вкус*//.

В письменной научной речи с ее подготовленностью и неэмоциональностью и в других «строгих» жанрах *какой-то* в этом значении не встречается, а соответствующее значение передается описательно: Возможна, однако, и более сложная, если можно так выразиться, прерывистость; Кроме того, имеется значительное разнообразие как бы промежуточных позиций или отдельных высказываний различных авторов; В большинстве случаев за, казалось бы, сложившимся типом таится другой, как бы теневой, конституция как бы спящая или дремлющая (В. Леви).

Мы рассмотрели пять значений местоимения *какой-то*. Следует отметить, что, как и другие многозначные слова, это слово нередко, особенно в разговорной речи и в художественном повествовании, употребляется в недифференцированном, д и ф ф у з н о м значении [9]: Ах, вот как! Ты побывал в *каком-то подвале* и испытываешь теперь муки совести (Е. Евтушенко) ('неизвестный' и 'не

[9] «Принцип диффузности значений многозначного слова является решающим фактором, определяющим его семантику [Шмелев 1973, 95].

заслуживающий внимания'); В общем, в этом свои *прелесть какая-то* была ('трудноопределимая? непонятная?'); Хотя *какая-то безнадежность* все-таки горчит в этой сладости (Б. Окуджава) ('непонятная?' 'доля безнадежности?' 'что-то вроде?'); Трудовые будни — даже в этих словах появился *какой-то романтический оттенок* (ЛГ) ('непонятный'? 'своеобразный?'); Плохое качество — это худший способ растраты человеческого труда, сырья, фондов под видом *какой-то деятельности* ('небольшой'? 'точно не определяемой'?).

И в научной речи иногда сквозь «артиклевое» значение у *какой-то* «просвечивает» значение неизвестности: *Это явление можно объяснить, если предположить, что источник излучения вращается вокруг какого-то другого небесного тела*; *Уже из примеров видно, что существует какая-то закономерность*. . .

Итак, если говорить о функционировании НМ *какой-то* в целом, во всей совокупности его значений, то можно отметить, что употребительность этого местоимения в разговорной речи заметно выше, чем в других языковых сферах и, как мы увидим дальше, выше, чем употребительность всех других НМ в разговорной речи. Можно даже говорить о насыщенности РР и вообще неподготовленной, спонтанной речи этим местоимением. Этот факт объясняется видимо тем, что в РР реализуются все значения НМ *какой-то*, а это связано с разнообразием коммуникативных заданий в РР.

Распределение разных значений *какой-то* по языковым сферам существенно колеблется. Так, в языке науки значение 'говорящему неизвестно какой' не реализуется, и напротив, значение 'точно не определяемый' наиболее характерно именно для научной речи.

Какой-нибудь

Это НМ является в высказывании актуализатором, вводящим нереферентную именную группу, т. е. показателем неспецифицированной неопределенности. Кроме того, оно выступает и как самостоятельная, полноценная лексема. [О двух типах значений, о двух основных функциях этого местоимения — кванторной и лексической — см. Николаева 1983, Джусти 1985, 505]. Из всех НМ местоимения с частицей *-нибудь* привлекали наибольшее внимание исследователей, и тем не менее выделение какого-то определенного количества значений у этого слова затруднительно. Мы выделяем пять значений, сознавая, что это число условно, как условно и толкование большинства значений. Однако мы надеемся, что для анализа синонимических связей среди НМ—прилагательных этих огрубленных толкований может оказаться достаточно. Вот эти значения: 1) 'безразлично какой' (*Принеси завтра какую-нибудь свою фотографию*); 2) 'тот или иной, точно не определяемый' (*Каждый день со мной случается какое-нибудь несчастье*); 3) 'небольшой, незначительный' (*Каких-нибудь два часа — и ты*

на юге); 4) 'не заслуживающий внимания' (*Не царский спец какой-нибудь*!); 5) 'похожий на', 'вроде' (*Налей мне чайку какого-нибудь холодненького*).

Какой-нибудь 1 'безразлично какой'

Это значение проявляется у местоимений на *-нибудь* в строго определенных контекстах, а именно, как показала Е. В. Падучева, в четырех типах контекстов, относящихся к плану будущего: 1) в побудительных контекстах (*Спойте нам какой-нибудь романс или песенку*; *Назовите какое-нибудь число*; *Не дашь ли ты мне какую-нибудь книжку?*); 2) в контексте модальных слов — *можно*, *нужно*, *необходимо*, *желательно*, *хочет* и пр. (*Нужно найти какого-нибудь врача*); 3) в контексте цели (*Она пошла купить каких-нибудь продуктов*); 4) в контексте глаголов пропозициональной установки и перформативов, при которых пропозиция по смыслу соотносится с еще не наступившим событием (*Вся квартира жаждала какой-нибудь перемены* [Падучева 1985, 216].

Поскольку контексты, благоприятные для появления у *какой-нибудь* компонента безразличности, реализуются преимущественно в разговорной и художественной речи, то естественно, *какой-нибудь* в этом значении употребляется именно в этих сферах. В научной речи — редко, например: *Выберем какую-нибудь ортонормальную систему* [пример из Левин 1973], в официально-деловой — никогда. В большинстве контекстов значение безразличности не возникает или не является очевидным.

Какой-нибудь 2 'тот или иной, точно не определяемый' (Г. не считает нужным уточнить, какой именно)

Толкование *какой-нибудь* через словосочетание *тот или иной*, принятое, например, в БАС и МАС, как нам кажется, приемлемо: оно показывает отсутствие у этого местоимения лексического значения, ядра значения. В самом деле, уточнение существительного местоимением *какой-нибудь* «сводится к тому, что выражается отсутствие конкретных определений к существительному» [Червенкова 1961, 17], несущественность конкретизации выделяемого объекта [Шелякин 1978]. В то же время это толкование отражает разделительные, дизъюнктивные отношения между некопкретизированными качественно разнообразными элементами множества [Селиверстова 1964, Шелякин 1978].

В соответствии с распределением Е. В. Падучевой ситуаций, в которых употребляются местоимения с *-нибудь*, значение безразличности не возникает в ситуации-альтернативе (выделяется четыре типа контекстов), в ситуации с неизвестным участником и в ситуации дистрибутивности (*Каждый день со мной случается какое-нибудь несчастье*; *Беспрерывно оказывался у него какой-нибудь новый талант*) [Падучева 1985, 216]. Эти ситуации реализуются в текстах, относящихся к разным языковым сферам, поэтому и *какой-нибудь 2* встречается в разных сферах: чаще в разговорной речи (1), реже в художественном повествовании (2) и публицистике

(3) и редко — в языке науки (4), а в официально-деловой речи не употребляется вовсе. В строгих языковых разновидностях этому местоимению соответствует *какой-либо* и *какой-то* (см. ниже).

(1) Понимаешь? А так вот/ в *каком-нибудь зале*/ где-нибудь в *каком-нибудь клубе*/ это было бы просто масса удовольствий//; А я думаю еще подумают, что я *чужую фотографию какую-нибудь* показываю//; Как будто где-то был мор// . . . Значит, наверно *какой-нибудь мор* был//; А я грю [говорю] не завела ли ты там *какого-нибудь* себе *кавалера*?; А может быть через *какой-нибудь срок* можно/ или нет?; И когда я где-нибудь ходила видела *какие-нибудь цветы*/ которых у меня нет/ я ночи не спала; Нина/ а *какие-нибудь общеобразовательные* вам читают *дисциплины*/ ну такие/ самые общие?; Приходят/ ну иногда *офицер* там *какой-нибудь* там/ из штаба там/ солдат/; Вы *какие-нибудь свои сорта* выводили? Или нет?; У него в доме бывали *какие-нибудь знаменитости*?; А так я не бывала когда у них были . . . там *какие-нибудь приемы* или что//; А. А как вы с ним познакомились? Б. Да прям как *в кино каком-нибудь*! В метро.

(2) Эту песню пела когда-то и моя покойная мать. Сидит на пороге, солнце уже сошло, делает *какую-нибудь женскую работу* и поет (Г. Пряхин).

(3) Надо сделать правилом, чтобы каждое новое решение по одному и тому же вопросу принималось только тогда, когда выполнены прошлые решения, либо возникли *какие-нибудь новые обстоятельства*; Сейчас иногда *на каком-нибудь зарубежном аукционе* всплывают вещи, разыскиваемые нашими картинными галереями; А когда «для плана» в конце месяца или квартала в магазине «выбрасывают» *какой-нибудь импорт* — то ведь не доберешься до прилавка.

(4) Сообщения, которые передаются таким образом, могут быть только очень элементарными и схематичными; это чаще всего *какие-нибудь указания, сигналы бедствий* и т. п.; Оно (слово «стиль». — *С. К.*) употребляется. . . для характеристики речи *какого-нибудь лица* или речевых особенностей текста; Редко бывает, чтобы *какой-нибудь научный текст* отвечал сразу двум условиям . . .; Возникает вопрос, нельзя ли в этих и других подобных толкованиях заменить искусственный глагол каузировать *каким-нибудь словом* естественного языка; С этой целью достаточно растворить определенную навеску *какой-нибудь соли* в определенном же количестве воды (Из учебника кристаллографии).

Т. М. Николаева отмечает, что «употребленные не на «своем месте» неопределенные местоимения модифицируют свое значение, создают значение II класса, коннотативно-оценочно-модальные» [Николаева 1983, 349]. Такими являются третье, четвертое и пятое значение *какой-нибудь*. Естественно, что они и реализуются в нестрогих языковых разновидностях, что видно из приводимых примеров.

Какой-нибудь 3 'небольшой, незначительный'

В БАС *какой-то* в этом значении толкуется так: 'приближающийся по количеству к чему-либо, не больше чем что-либо' и сопровождается пометой «разг.». Действительно, это значение у *какой-нибудь* реализуется в сочетании с точным обозначением количества и характеризует нестрогие речевые жанры.

Они [ископаемые животные] жили *какие-нибудь 10 тысяч лет* назад; Осталось подождать *каких-нибудь два-три года*; И все *за какие-нибудь двадцать рублей*!; *За какой-нибудь век* люди справились с этим пространством, в него вписавшись, и оно стало культурным (А. Битов).

Какой-нибудь 4 'не заслуживающий внимания'

Не ценят мастеров, платят не больше, чем *бездельнику какому-нибудь* (Г. Семенов); И не *какой-нибудь* там *чухонец* (М. Зощенко); Со временем многие сотрудники стали ее должниками, вспоминая *о заржавевшем каком-нибудь рубле* в самый неподходящий момент (Г. Семенов); Девица, будучи опозоренной, с трудом находила себе жениха. Уж тут не до любви, попался бы *какой-нибудь* (В. Белов); Ведь *какой-нибудь сопливый мальчишка*, предположим, я, может быть бездарным обормотом, но. . . (Е. Евтушенко); Я вам не *какая-нибудь букашка*.

Какой-нибудь 5 'похожий на', 'вроде'

Соединение показателя нереферентной неопределенности с определенным именем дает эффект подобия, сходства:

Купи *какого-нибудь зайца* — и домой (т. е. 'игрушку вроде зайца, например зайца'); . . . а глядишь, и я *каким-нибудь груздем* взойду (Е. Евтушенко); Налей мне *чайку какого-нибудь холодненького*, что-то все во рту. . . язык как деревянный (Г. Семенов) ('питья вроде чая'); Но иначе он жить не умел, не мог, словно страдал *каким-нибудь хроническим гастритом* и должен был сидеть всю жизнь на диете (Г. Семенов); Скажем если французский инженер э-э . . . занят допустим там *какими-нибудь выводными шинами* из динамомашины, то. . .; Да/ Да// Это было перед самой войной// Это был наверно *какой-нибудь тридцать шестой — тридцать седьмой* вот из этих самых годов; А-а-а/ аферист/ *аферист какой-нибудь* попался/ куда-нибудь не туда увез; . . . Не уловка ли это с его стороны, не *хитрость* ли *какая-нибудь*?; Я подумала, что это, должно быть, *какая-нибудь важная птица*.

Это значение изредка реализуется в научной речи, преимущественно в устной:

Какое-нибудь слово дом произносится одинаково в любых разновидностях современной русской речи; Как реализуется оканье в народном говоре? *Какое-нибудь ш[о]ссе* это будет ш[п]се, *какое-нибудь п[о]эт, р[о]манс* будет п[а]эт, р[а]манс [Из устного научного выступления]; *Какая-нибудь* там *теория доминант. . .*; *Какая-нибудь теория семантического контекста. . .* [Из устного научного выступления].

Группа *какой-нибудь* + имя собственное имеет значение 'кто-нибудь вроде носителя ИС' [Шмелев 1984, 198]. «При этом существенно для имен собственных, идет ли речь о реальных, но обычных людях, о реальных, но выдающихся людях или об нереальных персонажах (литературных или вымышленных). Ср. *Это какой-нибудь Петя Сидоров* (не исключено, что и он сам) и *Это какая-нибудь Настасья Филипповна* или *Это какой-нибудь Леонардо да Винчи*» [Николаева 1983, 345]. Соединение *какой-нибудь* с собственным именем используется как средство языковой игры: *Опять она в какую-нибудь Финляндию укатила*!

Какой-либо

Это местоимение имеет два значения: 1) 'какой бы то ни было' и 2) 'тот или иной, точно не определяемый'.

Какой-либо 1 'какой бы то ни было'

Это основное значение местоимения, оно реализуется в так называемых отрицательных контекстах, в том числе содержащих скрытое отрицание.

(1) Когда достаточно специфические реакции отсутствуют и нельзя повысить их специфичность *каким-либо способом*, обнаружение соответствующих нопов невозможно; Носителем значения становится не *какой-либо стилистический пласт*, а пересечение многих контрастных стилей; Не следует думать, что семантическому языку приписывается *какая-либо психологическая реальность*.

(2) . . . а также о том, чтобы команде тайной службы было под страхом тяжкой кары запрещено о чем бы то ни было разговаривать с Иешуа или отвечать на *какие-либо его вопросы* (М. Булгаков); Тихон Тихонович с виду совсем не был похож на человека, внутри которого могут скрываться *какие-либо тайные муки совести* (Е. Евтушенко); Впрочем, ни у кого, конечно, не могло быть *каких-либо оснований* сомневаться в супружеской верности Нины Николаевны Луняшиной (Г. Семенов); В комнате, где они с матерью жили, даже намека не было на домашний уют, *какую-либо упорядоченность* (Н. Кожевникова).

(3) При отсутствии в коллективах *каких-либо нарушений* применяются различные формы материального и морального поощрения, в частности увеличивается вознаграждение по итогам работы за год; Нельзя допустить *какого-либо расслабления* и благодушия, колебаний, потери динамизма и энергии в осуществлении перестройки; Наведение порядка действительно не требует *каких-либо капиталовложений*, а эффект дает огромный.

(4) Не является преступлением действие или бездействие, которые формально и содержат признаки *какого-либо деяния*, предусмотренного законом, но. . .

Как видно из примеров, *какой-либо* в этом значении употребляется преимущественно в тех языковых разновидностях, для которых первичной является письменная форма, т. е. в языке науки (1), в языке художественного повествования (2), в строгих жанрах публицистики (3), в официально-деловом языке (4).

Какой-либо 2 'тот или иной', 'точно не определяемый'

Используется главным образом в научной речи (1), в том числе в словарях при толковании значений слов, и в официально-деловом языке (2).

(1) Нарезáть — 1. Разделять *каким-либо режущим инструментом* (БАС); Отдушина . . . То, что дает выход *каким-либо сдерживаемым чувствам* (МАС); Лексическое значение слова часто соотносится с предметом по *какой-либо одной существенной особенности* предмета; Тембровое и ритмическое выделение *каких-либо слов* может соответствовать и дефисно-послоговому написанию, и подчеркиванию, и курсиву; Фразовая просодия отличает произнесение с особым выделением *какого-либо слова* внутри высказывания от нейтрального произнесения высказывания; Варианты *какой-либо единицы* языка находятся в дополнительном распределении, если. . .; Предположим, что человек, осуществляющий *какую-либо деятельность*, встал перед необходимостью обратиться к ее модели для приобретения *какого-либо знания*; В последнем случае происходит химическое превращение данного вещества в *какую-либо растворимую в воде соль*; В качественном анализе находят применение только те реакции, которые сопровождаются *каким-либо внешним эффектом*.

(2) Тяжким признается телесное повреждение в том случае, если оно . . . или повлекло за собой потерю *какого-либо органа*, либо утрату его функций.

Какой-либо не имеет значения 'безразлично какой', поэтому, в отличие от *какой-нибудь*, у него нет значений второго ранга [по терминологии Т. М. Николаевой 1983], т. е. оценочно-модальных значений, ср. невозможность замены на *какой-либо* в следующих случаях: *какая-нибудь там теория доминант*; *какая-нибудь теория семантического контекста*; *кто-нибудь там*; *не кто-нибудь, а . . .*; *какое-нибудь слово «дом»*; *хоть какой-нибудь карандаш найдется?*; *попался бы хоть какой-нибудь*!

Хотя в литературе и можно встретить такие употребления, как: *Среди авторов писем большинство составляли люди одинокие, мечтающие найти в жизни хоть какой-либо смысл* или *Вообще даже Пушкин, например, которого отделяет от нас едва какая-либо сотня лет, не писал, как мы*, — но их, видимо, нельзя признать нормативными.

Некоторый

У этого местоимения мы выделяем два значения: 1) 'небольшой, незначительный' и 2) 'точно не определяемый'.

Некоторый 1 'небольшой, незначительный'

Сочетается с именами, обладающими степенями и означает неполную степень. Ср. *дает некоторое представление, проливает некоторый свет, привели в некоторый порядок, смотрела с некоторой грустью, наступило некоторое улучшение, представляет некоторую ценность, заметна некоторая упрощенность, некоторая свобода; появилось некоторое «но».*

Некоторый 1 используется во всех языковых сферах, но в разговорной речи редко, поскольку для передачи этого значения в РР имеется другое НМ — *какой-то* (см. выше):

Все это Кузьменыши отметили как *некоторый прогресс* в сравнении с Томилином (А. Приставкин); *Некоторая неумелость* искупается удивительно теплым, ласковым отношением к человеку (В. Сергеев); Фонема, однако, имеет *некоторое*, хотя и *косвенное отношение* и к другой иерархически организованной системе единиц плана выражения; . . . и на смысл передаваемой коммуникации абсолютный регистр может иметь *некоторое* влияние; После дебюта *некоторое преимущество* было у белых; *Некоторое время* они шли молча; А. Да какое все это имеет значение? Б. *Некоторое* — имеет.

Некоторый 2 'точно не определяемый'

Пусть U — *некоторое* унитарное преобразование; Рассмотрим *некоторую* ограниченную последовательность X_1, X_2. . .[10]; Мы внедряем *некоторое* активное вещество. Это вещество обладает *некоторым* уровнем шумов; К качественному анализу приходится прибегать даже тогда, когда возникает задача определения в исследуемом веществе процентного содержания некоторой составной части, наличие которой заведомо известно; Они по своей сущности не могут быть индивидуализированными представителями некоторого класса; Для того, чтобы доказать, что за некоторой лексемой закреплена некоторая единица содержания, достаточно показать, что. . .

Уже из примеров видно, что *некоторый* в этом значении характеризует научный язык, и преимущественно язык точных наук, а также наук, стремящихся к точности. Из приводимого ниже небольшого перечня имен, с которыми употребляется *некоторый 2* в лингвистической литературе, видно, что это значение реализуется в сочетании местоимения с научными терминами: *денотат, понятие, инвентарь графем, смысл, слово, поле, речевое целое, гипотеза, частная разновидность, признак, лексема, содержание, ситуация, единство, релевантный элемент, набор категорий, коммуникативная ситуация, множество объектов* и т. п.

[10] Первые два примера взяты из статьи [Левин 1973].

Когда же это местоимение вводит конкретное имя, то это имя воспринимается как термин метаязыка и вся фраза звучит как бы закодированной на языке науки. Ср.:

Каждый студент сделал в работе *некоторую ошибку*; Любой гражданин является членом *некоторого коллектива*; Каждый получил *некоторое задание*; Если в описании упоминается *некоторый дом*, то. . .; *Некоторый человек* боится мышей; . . .выражает уверенность, что *некоторое лицо* ему звонило; Петя хочет, чтобы Катя спела ему *некоторый романс* (Примеры взяты из лингвистической литературы).

Некоторые (мн. ч.)

Некоторые относится к двум лексемам: 1) является формой множественного числа лексемы *некоторый* во 2-м значении 'точно не определяемый': *Есть некоторые основания считать. . .*; *В любом языке имеются слова, и эти слова имеют некоторые значения*; 2) является самостоятельной лексемой, имеющей только множественное число. Значение ее 'не все', 'часть из X' (Николаева 1983): *В некоторых районах* дожди.

Второе, так называемое ограничительное значение абсолютно нейтрально и реализуется во всех языковых разновидностях:

Прежде чем характеризовать этот стандартизованный язык, продемонстрируем *некоторые его особенности* в максимально наглядной форме; Вот подумайте, есть *некоторые воспоминания*/ которые остаются на всю жизнь (РР); *Некоторые функции* изменяются в соответствии с временем суток. *Некоторые специалисты* полагают, что. . .; Однако *некоторые штабы* отраслей недооценивают работу по изучению конъюнктуры рынка.

Кое-какой

У этого местоимения мы выделяем два значения: 1) 'точно не определяемый' и 2) 'небольшой, незначительный'.

> *Кое-какой 1* 'точно не определяемый', 'Г. не считает нужным уточнить, какой именно'.

При этом важно, что говорящий, выделяя этим местоимением объект, умышленно не уточняет его, хотя и мог бы; имеет намерение умолчать о его свойствах. Умолчание может объясняться желанием скрыть от собеседника, от непосвященных, намекнуть на важность или скромностью. Естественно, что намерение утаить, намекнуть не реализуется в строгих речевых жанрах (информативных, научных, деловых):

Пришел *кой-какой товарец*. И наш и зарубежный (И. Штемлер); Можешь мне верить, я располагаю *кое-какой информацией* (В. Лихоносов); *Кое-какой материальчик* у нас есть [Пример из статьи: Левин 1973]; В этом городе у меня *кое-какие незаконченные делишки*; Но я знаю одного парня, которому я в свое время оказал

кое-какие услуги [11]; *Кое-какие трудности* были; [во время неподготовленного выступления, в привычных условиях Г. о себе:] Хотел прочитать *кой-какую одну цитату* (ищет в книге); В нашем Киевском НИИ сердечно-сосудистой хирургии есть *кое-какой опыт* новых форм работы, что, на мой взгляд, дает моральное право порассуждать о возможной перестройке в здравоохранении (Н. Амосов).

Кое-какой 2 'небольшой, незначительный'

Исследователи считают, что *кое-какой* содержит не только количественную, но и качественную оценку: 'скудный, плохой' (Пете 1957): *Я ему оставила кое-какую еду, а сама пошла в институт* (А. Адамович, Д. Гранин). Поскольку *кое-какой 2* содержит субъективную оценку, оно встречается в непринужденной, раскованной речи и прежде всего в разговорной; не противопоказано это местоимение и некоторым жанрам публицистики: *Совесть кое-какая у Федора к финалу обнаруживается, но с опозданием, и уж «всей подлинности» героя никак не исчерпывает* (ЛГ).

Для научной речи употребление этого местоимения является редким исключением и характеризует лишь индивидуальный авторский стиль:

Некоторые лингвисты. . . сближают с этой группой местоимений субстантивированные формы местоименных прилагательных, обнаруживающие с нею *кое-какую общность* морфологических особенностей и синтаксических свойств (В. В. Виноградов); Я ограничусь здесь тем, что укажу, например, на устанавливаемое проф. И. М. Каринским бесспорное влияние различных форм крепостного права. . . на эволюцию крестьянских говоров, на *кой-какой материал* по зависимости языковой эволюции от. . . (Е. Д. Поливанов).

Употребление этого местоимения в художественном повествовании является яркой художественной краской и воспринимается как перенесение в иную языковую сферу черт разговорной речи или даже просторечия: *Вот забавная новелла, при чтении которой любители таинственного получат кой-какое удовольствие* (М. Зощенко, Голубая книга).

Кое-какие (мн. ч.)

Кое-какие относится к двум лексемам: 1) является формой множественного числа лексемы *кое-какой* в первом значении 'точно не определяемый' (примеры см. выше); 2) является самостоятельной лексемой, имеющей только множественное число. Значение ее 'не все', 'часть из X' [Николаева 1983]:

Это и заставляет меня взяться за перо и поделиться с читателями *кое-какими воспоминаниями* (М. Шагинян); Я имел воз-

[11] Обращает на себя внимание, что местоимение *кое-какие* в примерах выступает в сопровождении других морфологических, лексических и синтаксических примет РР: экспрессивно окрашенных слов (*мыслишки, делишки, подброшу*), нулевого глагола («иметься», «есть»).

можность поделиться с вами *кое-какими соображениями*; Но немало и получалось, *кое-какие несправедливости* пресечены (Н. Эйдельман).

Следует заметить, что не всегда легко определить, какое из значений этого местоимения реализовано во множественном числе, т. е. какую лексему представляет форма *кое-какие*. Показателем реализованности одного из значений может служить именно то, вносит ли *кое-какие* окраску разговорности или нет. Так, в приведенных выше примерах *какие-то*, несомненно, имеет значение 'не все, часть', поскольку тексты звучат абсолютно нейтрально. Предложение *Я тут набросал кое-какие свои соображения* уместно в спонтанной устной речи, даже и научной, но протекающей в неофициальных условиях; именно это ограничение в употреблении говорит о реализации скорее всего первого значения местоимения.

Некий

У этого местоимения мы выделяем два значения: 1) 'точно не определяемый' (Г. не считает нужным уточнить, какой именно') и 2) 'подобный', 'вроде', 'своеобразный'.

> *Некий 1* 'точно не определяемый', 'Г. не считает нужным уточнить, какой именно'

Как нам кажется, только у *некий* это значение является основным, поэтому это местоимение — самое «абстрактное» из группы НМ-прилагательных: на «пустое» лексическое значение не накладывается, как это мы видели у остальных НМ, другое, основное значение. Именно поэтому *некий* охотно используется в языке науки:

Рассматриваются ситуации, когда *некая семантическая информация* может быть истолкована либо как особенность семантики слова, либо как особенность его синтактики; Однако тщательный анализ материала позволяет установить, что в этом якобы хаотическом беспорядке есть *некая упорядоченность*; В обоих случаях имеется *некое различие* в значении при одинаковости звуковой оболочки.

У *некий* 1 можно отметить два основных типа употребления. Во-первых, как показывают приведенные примеры, это местоимение используется, когда нужно показать несущественность конкретизации выделяемого объекта. В этом случае *некий* является определением к именам, передающим абстрактные понятия, и обычно используется в контексте предикатов, неспособных к актуальному употреблению, или в составе этих предикатов. Ср.: . . .возник неожиданно *некий перелом*, неизбежно образуется *некий разрыв*; угадывается *некая тревога*; являет собою *некий объективный акт*; представляет собой *некое отражение*; представляют *некое содержательное единство*, есть *некое постоянное начало*; есть *некая упорядоченность*, существует *некий «понятийно-логический» язык*$_1$ существуют *некие семантические правила*, об-

наруживается как *некое единство*; смотрится как *некий чужеродный кусок*; рассматривать как *некое устойчивое единство*.

Конструкции подобного рода реализуются в «интеллектуальных» сферах языка, поэтому и употребление этого местоимения характеризует «строгие» речевые жанры: научную речь (примеры см. выше), публицистику (1), художественную речь (2).

(1) Или нам удастся создать *некий постоянный излишек* всех основных средств производства, сырья, ширпотреба. . . или мы никогда ничего путного выпускать не будем (Из очерка); Не можем мы пока принять даже в теории. . . и главную особенность, главное объективное условие бездефицитной экономики — *некий неизбежный уровень* народнохозяйственных потерь (Из очерка).

В художественной речи, а также в ориентированных на нее жанрах публицистики использование местоимения *некий* в этом значении, особенно с именами, имеющими конкретное, предметное значение, дает эффект умолчания и как следствие — значительности или загадочности и всегда связано с определенным эстетическим заданием:

Колючечки остренькие этого крепдешина, *некую его теплую шершавость* он всегда помнил, и теперь помнит (В. Шукшин); Если дружно навалиться на читателя и доказывать ему, что он как член *некоего общества* непременно должен выписывать *некое издание*, орган этого общества, да еще и пригрозить ему пальцем, просто так, на всякий случай, то, уверяю вас, в каждой семье можно будет обнаружить и по две-три эти газеты (Из газеты).

Ощутимым элементом авторского стиля является, например, употребление *некий* в следующих примерах, взятых из повести А. Битова:

(2) И тут по холму змеей побежит белокаменная стена *некоего кремля*, и вы упретесь наконец в неправдоподобно прочные и толстые его ворота; Весело стало мне среди этих неуклюжих спортивных чудищ, дисциплинированно сработанных в *неких выселенных за края нашего сознания артелях*; Я царапал за стены плечами, пересчитывая *некие невидимые балки* головой; Работяга, накинув забрало, варил *некую конструкцию* в чернеющем дверном проеме.

Ср. нарочитое нагнетание таинственности и значительности за счет неумеренного употребления неопределенных местоимений, в том числе и *некто* у О. Базунова («Мореплаватель»):

Правда, и здесь предусматривается некая хитрость: в настил бывают проверчены *некие дыры*, в которые вставляется конец деревянной ноги; Хотя иная темная тучка, когда она помрачает *какое-нибудь отмеченное некой печатью чело*, когда она опускается завертью, когда она застилает свет, идущий от звезд и светил; Или другое: вы вдруг оказываетесь *в некоем доме*, *в каких-то знакомых* и чужих для вас *помещениях*, и в доме нету стены.

Во-вторых, *некий* 1 выступает в роли неопределенного артикля, т. е. вводит в текст лицо или предмет [Шелякин 1978, 20], однако не в разговорной речи, где в этой роли используется *один*, а в ху-

дожественных и публицистических текстах, когда говорящий хочет избежать точной номинации, что создает вокруг вводимого лица или предмета ореол таинственности, загадочности, значительности:

В двадцать лет вышла замуж за *некоего тучного лесного лентяя* (Б. Окуджава); Представьте себе, — сказала она . . . — моя московская подруга, вы ее не знаете, дождалась человека, которого любила (*некий кавалергард. . .*) (Б. Окуджава); Вчера был убит *некий судья* (Из кинофильма); Несколько раз крутнулся около, вопросительно оглядел меня, должно быть, принимая за своего собрата командированного, *некий багроволицый субъект* в теряющей форму серой узкополой тирольке (Е. Носов); Чтобы под куполом сборочного различить *некий отдельный стук*, нужен стук выдающийся. Такой и раздается (Ю. Черниченко).

Сочетание *некий* + имя собственное (ИС) используется с целью ввести новое лицо, когда «говорящий допускает, что адресату речи неизвестен носитель ИС» [Шмелев 1984]: *В Шанхае я остановилась у некоей Анечки* (Н. Ильина); *На съезде присутствовал некий Дюбуа* (пример Е. В. Падучевой). Коннотация в подобных употреблениях 'небезызвестный, не мешало бы знать' [Николаева 1983, 345], как нам кажется, не является обязательной.

В публицистике сочетание *некий* + имя собственное используется с резко отрицательной оценкой (с политическим подтекстом) носителя имени:

Газета «Дейли Ньюс» в городе Сент-Джонс, Канада, опубликовала в прошлом году заметку *некоего мистера Макса Б. Симмонса*, посвященную силе и могуществу христианской любви к ближнему; Спикером законодательной ассамблеи, например, является *некий Вилли Браун*.

Вообще с местоимением *некий* нередко связывается «сомнительная» оценка, особенно в публицистике:

Нет, говорит статья Л. Аннинского, ни с одним из этих, а с типом тоже новым — «остервеневшим мечтателем, никчемным ученым, «опростоволосившимся идеалистом», — словом, с *некой* (Так! — *С. К.*) *обанкротившейся личностью*; . . .президент области скалкал гнусненького старичка по фамилии Стецько, который под гитлеровским крылышком провозглашал когда-то во Львове *некую «украинскую державу»*; Слово «комод», впрочем, произносила она с шутовским кривлянием, как бы подчеркивая свое презрительное отношение к мечте *некоего мещанина* (Г. Семенов).

Некий 2 'подобный', 'похожий', 'вроде', 'своеобразный'

Если *некий 1*, как было сказано, является показателем того, что в данной речевой ситуации несущественно дать точное определение, конкретизировать объект, то *некий 2* используется для снятия точности, когда говорящий не ручается за точность подобранного слова или определения, когда он использует слово метафорически, когда он хочет «устраниться» от авторства; поэтому довольно часто определяемое этим местоимением слово заключается в кавычки.

Это значение «приблизительности» реализуется в тех же языковых сферах, что и *некий 1*, однако, конечно, чаще в художественной речи (1) и в публицистике (2), чем в науке (3), причем *некий 2* служит образности, живости изложения.

(1) Одно открытие его (кстати, *некая панацея* для лечения от алкоголизма. . .) было удостоено премии. . . (А. Битов); Он все же пригнулся к врачу, что создало *некий*, хотя и на разных уровнях, *интим* (Е. Евтушенко); Она кормила и, как всегда в таких случаях, впадала в *некое сомнамбулическое состояние* (Г. Семенов); Эта пластинка с детства, точнее с раннего детства. как *некое чудо*, загадка волшебника. . . притягивала меня к себе (Б. Покровский); Словно он был сам по себе только *некий сосуд*, наполненный чем-то таким священным и редким, что. . . (В. Набоков); . . . несмотря на то, что он вроде бы согласился, будто эксперимент открывал *некую дверь* для личного обогащения (А. Апаньев).

(2) Играется жестко-натуралистическая бытовая драма, где герои ненавидят и унижают друг друга, действительно, создавая впечатление *некоего «остервенения»*; Место скромное, но очень ответственное — *некий эпицентр*, в котором сходились все проблемы бесхозяйственности и безответственности; Когда к нему обращались с каким-нибудь сложным, каверзным, как он считал, вопросом, на который надо было, однако, отвечать прямо и недвусмысленно, он мгновенно превращался в *некоего дипломата* старой школы, в этакого доморощенного Меттерниха.

(3) Статья, которая начинается как *некий критический обзор*, неожиданно перебивается собственной авторской позицией; Предложение может обозначать только событие, ситуацию — *некое «положение дел»*; . . . пересечение многих контрастных стилей (точек зрения), дающее *некое «объективное»* (надстилевое) *значение*; Идеалы, воплощенные в творчестве Рублева, столь высоки, что они были бы чудом, если бы не представляли собой *некого* (так! — *СК*) *отражения* того, что можно было бы наблюсти в действительности (Д. С. Лихачев).

Итак, мы видим, что репутация местоимения *некий* как книжного оказывается оправданной: оно действительно присуще языковым разновидностям, для которых первичной является письменная форма. Однако трудно согласиться с весьма распространенным мнением, что «в современном русском языке слово *некий* мало употребительно, хотя изредка и встречается» [Галкина-Федорук 1963, 28]. В публицистике, в научной и художественной речи это местоимение встречается часто. Довольно часто *некий* используется в устной спонтанной публичной речи, где выполняет в какой-то степени «поисковую» функцию, которая в разговорной речи возложена на *какой-то*. Ср. примеры из устной научной речи (текст не читался): *В этом проявляется некий новый подход. . . Существует некая традиция интерпретации, которая противоре-*

чит первоисточнику. . . а также из выступления по телевидению: *Здесь вы увидите некое переосмысление наших представлений о хищнике леса; . . . в некоем противоборстве со сценарием.*

Употребление синонимичных НМ-прилагательных

Приведенные выше толкования значений НМ позволяют обнаружить среди них синонимы (см. также табл. 1, которая дает перечень всех значений НМ — прилагательных и позволяет проследить, какие из них являются синонимами). Как видно из таблицы, практически все НМ-прилагательные имеют значение 'точно не определяемый', т. е. «пустое» лексическое значение, и в предложении выступают лишь формальным определением, выделяющим, но не конкретизирующим объект. Однако прежде чем рассмотреть это «синонимическое гнездо», остановимся вначале на парах и «тройках» местоимений, выступающих синонимами в определенных контекстах.

Какой-нибудь—какой-либо

Какой-нибудь и *какой-либо* считаются стилистическими синонимами — в том смысле, что их лексическое значение совпадает, а различаются они стилистикой: *-либо* характеризует книжную речь [12].

Ссылаясь на работу Вейрепка, Т. М. Николаева убедительно показала, что местоимения с *-либо* не являются синонимами местоимений с *-нибудь*, поскольку *либо*-местоимения имеют значение 'бы то ни было' и по сути являются не неопределенными, а отрицательными, усиливающими отрицание (см. *какой-либо* 1, с. 178). Ср. также любопытный пример из газеты, показывающий, как в пределах одной речевой сферы *какой-нибудь* меняется на *какой-либо* при появлении отрицательного контекста:

Установлены ли *какие-нибудь льготы* тем, кто награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»?; Как сообщили нам в Московском областном совете профессиональных союзов, действующим трудовым законодательством *каких-либо льгот* лицам, награжденным медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», не установлено.

В отрицательных контекстах употребляются также и местоимения на *-нибудь*, однако они не имеют значения 'бы то ни было', т. е. не являются синонимичными местоимениям с *-либо*, и в этих контекстах они не усиливают, а смягчают отрицание, сохраняя свое значение 'тот или иной'. Ср., с одной стороны, примеры (1), (2) и, с другой, (3) и (4), взятые из языка науки.

---

[12] Маловицкий пишет, что местоимения с *-либо* отличаются от местоимений с *-нибудь* дифференциальным признаком количественной и качественной расчлененности, однако это противопоставление остается неясным.

(1) Среди твердых согласных нет таких, которые являлись бы произносительными вариантами *каких-либо мягких согласных.*

(2) Но так же очевидно, что ничто здесь не указывает на *какой-либо конкретный глагол* из соответствующей группы.

(3) Когда говорят: эти танцы, эти пантроски, то имеют в виду весь класс, а не *какие-нибудь его члены.*

(4) Ленинградская школа сравнительно мало уделяла внимания этой проблематике и не создала *какой-нибудь цельной концепции* по данному вопросу.

В официально-деловом языке в отрицательных контекстах используется только «категоричное» *какой-либо*:

Выплата пенсий и пособий, предоставление других видов материального обеспечения осуществляются исключительно за счет общественных фондов потребления без *каких-либо вычетов* из доходов колхозников; Если же по истечении одного месяца со дня подачи заявления работник *по каким-либо причинам* не был освобожден от работы, то его заявление теряет юридическую силу и не может служить основанием для увольнения.

Разбирая пример из М. Горького «Хулиган — существо, лишенное социальных чувств, он не ощущает никакой связи с миром, не осознает вокруг себя присутствия каких-либо ценностей», И. Червенкова справедливо пишет, что замена *какой-либо* на *какой-нибудь* привело бы к ослаблению экспрессивности фразы. «Обобщение, которое связано с местоимением *какой-либо* (какие-либо ценности — всякие, какие угодно, какие бы то ни было, т. е. ценности вообще), пропадет» [Червенкова 1961, 18].

Утверждение Е. В. Падучевой о том, что *какой-нибудь* не употребляется «в контексте лексем, в значение которых входит отрицание», пожалуй, излишне категорично [Падучева 1974, 109]. Она считает, что преобразование *Ему чужды какие-либо* (≠**какие-нибудь*) *колебания* недопустимо. Как мы убедились, *какой-нибудь* встречается даже в строгой, научной речи, хотя и реже, чем *какой-либо* [см. примеры (3) и (4)]. В разговорной речи и в художественном повествовании *нибудь*-местоимения в отрицательных контекстах также встречаются: *Едва ли это для какого-нибудь обзора реально. И дело не в каком-нибудь особом риске. Нет!*

Более того, в разговорной речи *какой-либо* вместо *какой-нибудь* звучит в отрицательном контексте несколько искусственно. Так, реплика при воспроизведении РР в кинофильме: *Простите, у вас нет какой-либо булавки?* — звучит неестественно и неуместно именно из-за употребления *-либо*. Ср. также примеры, где неуместное использование *какой-либо* окрашивает фразы в «бюрократические тона»: *Некоторые вообще делают по два-три заказа сразу, а потом отказываются от какого-либо из них. Напишу отрывок какого-либо текста в духе реформ предлагаемых* (Из письма в газету).

Как мы видели, *какой-либо* может употребляться и не в кон-

тексте отрицания (см. *какой-либо* 2); в этом случае *какой-либо* является синонимом *какой-нибудь*, ср. толкования слов в одном и том же словаре (БАС): «Насевать — 1) Сеять, высевать *в каком-нибудь количестве*; Нарезать — 1) Разделять *каким-либо режущим инструментом*».

Однако НМ *какой-либо*, свободное от «субъективной» коннотации безразличности, всегда связанной с говорящим как лицом, в самом деле в большей степени характеризует строгую, «книжную» речь, прежде всего язык науки:

Иногда применяется также метод растирания исследуемого твердого вещества с *каким-либо твердым реагентом*; Физические методы анализа основаны на измерении *какого-либо параметра* системы, который является функцией состава; Сенсибилизация — (биол., мед.) повышение чувствительности организмов, их клеток и тканей к воздействию *какого-либо вещества*.

Употребление *какой-либо 2* вместо *какой-нибудь* не в научной речи воспринимается как канцеляризм: *Я бы на каком-либо красивом месте в городе поставила бы памятник. . .*

Какой-нибудь—какой (без форматива)

Л. Я. Маловицкий, писавший об употреблении *кто*, *что* без формативов, обнаружил, что они встречаются в следующих контекстах: 1) в условных предложениях, 2) в вопросительных предложениях, 3) в сопровождении местоимений *другой*, *иной* и 4) в контексте модальных слов. Эти же контексты характеризуют и употребление *какой* без форматива. Это местоимение, синонимичное *какой-нибудь*, Н. А. Янко—Триницкая считает принадлежностью непринужденной речи. В самом деле, оно встречается в разговорной речи как элемент игры, «опрощающей» речь и подделывающей ее под просторечие: *Что было? Подарки какие* дава́ли?; *Может, какой ре́дкий* человек даст. Встречается оно и в публицистике, разумеется, не в информативных жанрах, в сопровождении других компонентов, делающих речь живой, эмоциональной:

Лучше становится? Ну не-ет. Даже при бригадном подряде? А что подряд — *колдун какой?* (Ю. Черниченко); Да есть ли *хоть какая инструкция*, на которую можно опереться при выкачке фермских запасов? (Ю. Черниченко); В чем дело? Неужели нам не интересен героический поступок, красота человека, жертвующего собой во имя других? Да нет же! Жажда героики всегда останется в человеке, и фильм никак не пытается преуменьшить эту нашу душевную потребность. . . Сперва установим обстоятельства, факты, решим, почему, собственно, понадобился подвиг, тем более что время не военное, не землетрясение или *какое другое стихийное бедствие*.

Какой без частицы находит применение и в художественном повествовании, ориентированном на разговорную или «народную» речь (1), и в научно-популярной литературе (2).

(1) Скажете, мол, ерунда: пеленгаторный там или *какой другой мостик?* Нет, не ерунда (В. Конецкий); Павлова честь честью

разбила о форштевень «Авроры» бутылку шампанского и подарила Моусону на счастье русскую матрешку. Может, и не матрешку, а *другую какую куклу*, но мне хочется — матрешку (В. Конецкий); А может, осеняет, *иные какие* есть *ценности*, иные ориентиры? (Н. Кожевникова); И теперь, куря в печь, Антон подумал, что, может, у него в крови затаился *какой неизвестный дед*, на Антона он действия не оказал, а в Петьку с Володькой маленько выбрызнулся (И. Меттер).

(2) Поискать, нет ли *каких причин*, лишающих ребенка душевного комфорта (Н. Амосов); А если и попадет *какой мусор*, то выбрасывают его фонтанчиком вместе с водой из брызгальца (Н. Акимушкин).

Какой-нибудь — какой-то в значении 'точно не определяемый', 'Г. не считает нужным уточнить, какой именно'

Семантика местоимения *какой-нибудь* обычно описывается в сопоставлении с семантикой местоимения *какой-то*. Известно, что существует четыре типа контекстов по распределенности *то-* и *нибудь*-местоимений: 1) контексты, где возможны только *то*-местоимения и невозможны *-нибудь* (*Там к тебе какая-то девушка пришла*); 2) контексты, где возможны и те и другие местоимения с разным значением [13], например: *Ему нужно поговорить с каким-нибудь студентом*. Ср. также в пределах одной пьесы у М. Булгакова две реплики: *Чушь какая-нибудь мистическая*! и *Чудеса какие-то и мистика*, в которых различия в коммуникативных заданиях: оценка и предположение в первой реплике и констатирующая оценка во второй, — обязаны именно местоимениям; 3) контексты, где возможны и те и другие местоимения примерно с одним и тем же значением. Такие контексты являются весьма распространенными, причем в различных языковых сферах:

И всегда, рассказав *какой-то случай*, *кто-нибудь* скажет:. . . Ср.: И всегда, рассказав *какой-нибудь случай*, *кто-то* скажет:. . .; когда наш небольшой самолет болтало из стороны в сторону так, как будто его подкидывал *какой-то* (ср. *какой-нибудь*) неугомонный *великан-шалун*.

Е. В. Падучева считает, что «несмотря на возможность взаимозамены без изменения правильности, *-то* и *-нибудь* в этих контекстах не вполне синонимичны: частица -то «замещает» *-нибудь*. . ., привнося свойственное именно местоимениям на *-то* представление о единственном, хотя и неизвестном участнике ситуации, и вытесняя идею безразличия к выбору участника, свойственную *-нибудь* [Падучева 1985, 220]. В анализируемых ею контекстах, в самом деле, можно увидеть тончайшие различия в смысле, отмечаемые автором. Однако анализу подверглись лишь примеры на *кто-нибудь — кто-то*, и нет ни одного примера на *какой-нибудь — какой-то*. Взаимозамена без ощутимого изменения смысла этих

[13] И. М. Кобозева выделяет три типа «минимальных пар» предложений, в которых замена одного местоимения другим меняет смысл [Кобозева 1981].

местоимений возможна в тех контекстах, в которых затушеван как компонент безразличности выбора, так и компонент неизвестности объекта. Это так называемые косвенные модальности, особенно широко представленные в языке науки.

В исследованиях, выявляющих инвариантные значения НМ, *то-* местоимениям приписывается «инвариантное значение фиксированного, но неконкретизированного участника события» [Шелякин, 1978, 17], тогда как местоимения с *-нибудь* характеризуются инвариантным значением нефиксированного и неконкретизированного участника события, причем отмечается, что эти противопоставления могут нейтрализоваться [14]. Как нам кажется, в тех случаях, когда НМ — прилагательные относятся к непредметным, неконкретным именам, передающим абстрактные понятия, противопоставление выбранности (фиксированности) и неизвестности в большой степени теряет смысл, поэтому в сочетании с абстрактной лексикой, что опять-таки особенно актуально для языка науки, *какой-нибудь* и *какой-то* в различных модальных и дистрибутивных контекстах, не запрещающих местоимения с *-то*, действительно являются синонимами. Так, в случае: *Если мы обнаруживаем язык, совпадающий по какому-то признаку с другим языком. . .* вряд ли можно говорить о значении неизвестности, скорее о безразличии выбора; но несомненно, что речь идет о единственном признаке, который, однако, несущественно уточнять, как и в случае, если в этом предложении *какой-то* заменить на *какой-нибудь*. В контекстах подобного типа *какой-то* и *какой-нибудь* не противопоставлены. Примеров из языка научной литературы можно привести много (см. с. 193).

Какой-то 2 — некоторый 2 — некий 1 (в значении 'точно не определяемый', 'говорящий не считает нужным уточнить, какой именно'

Какой-то, *некоторый* и *некий* являются синонимами только в языке науки: как было сказано выше, *некоторый 2* является приметой языка точных наук, например математики [см. Левин 1970], а также наук, стремящихся к точности. В отличие от *некоторый 2*, *какой-то 2* обслуживает все языковые разновидности, хотя чаще всего реализуется в языке науки. О синонимичности этой тройки местоимений в языке лингвистики говорят следующие примеры, в которых они употребляются в пределах одного текста:

Понятно, что если *некоторое явление* данного языка может быть обнаружено вообще во всех языках. . . или может быть предсказано из наличия в данном языке *какого-то другого явления*; Адресат письменной коммуникации может обнаружить *в некоторой точке* фразы или текста, что при декодировании смысла он избрал не-

---

[14] «В модальных контекстах со значением предположительности эта оппозиция (нефиксированности референта в универсуме речи и неизвестности объекта для говорящего, т. е. в частности *какой-нибудь* и *какой-то*. — *С. К.*) в известной мере нейтрализуется» [А. Шмелев 1984, 64].

правильный путь . . . и возвратиться *к какой-то точке* назад для принятия альтернативного решения; Если имеется *некоторое* видо-временное *противопоставление*. . .; Если мы обнаруживаем язык, совпадающий *по какому-то признаку* с другим языком. . .; Всякое предложение отражает, давая ему название, *какой-то фрагмент* действительности, *некое «положение дел»*; *Некая семантическая особенность* слова может быть интерпретирована либо как особенность его значения, либо как особенность его семантической сочетаемости; Понятие фазовости очевидным образом семантически мотивировано, то есть отражает *какую-то семантическую особенность* перечисленных выше глаголов; Если машина, которую *некое лицо* А использует по ее прямому назначению, ему же и принадлежит, то мы можем говорить о ней как о собственной машине; . . . выражает уверенность. . . что *некоторое лицо* ему звонило; Их синоним remote значит, что *некий предмет* А удален на большое расстояние от пункта В. . .; В первом предложении делается сообщение о бытии (наличии) *некоторого предмета*, во втором — о том, что представляет собой этот предмет.

Замена НМ *какой-то*, абсолютно нейтрального для традиционной лингвистической литературы, на *некоторый* воспринимается как смена научного стиля в пределах языка науки. Ср., с одной стороны: *Слово выступает в речи не только как «знак» какого-то понятия или представления*. . ., и с другой: *Для того чтобы доказать, что за некоторой лексемой закреплена некоторая единица содержания, достаточно показать, что*. . . Хотя *некоторый* в данном значении и употребляется иногда во множественном числе, например: *В любом языке имеются слова, и эти слова имеют некоторые значения*; однако чаще этому местоимению во множественном числе соответствует НМ *какие-то*, поскольку *некоторые*, как было сказано, представляет особую лексему со значением 'не все', 'часть'. Ср. *некоторый* и *какие-то* в пределах одного текста:

Пусть имеется *некоторое «графическое слово»*, то есть цепочка идущих без пробелов основных графем, при которых могут быть также *какие-то вспомогательные графемы*; Естественно при этом, что если *некоторая закономерность* относится к языку в целом, то. . . Очевидно, с другой стороны, что очень многие универсалии сами представляют собой проявление *каких-то общих закономерностей*.

Ср. также такой любопытный факт: можно сказать *Если какое-то явление или явления данного языка*. . ., но нельзя *Если некоторое явление или явления*. . .

Чаще всего выбор одного из трех синонимов — *некий*, *некоторый* и *какой-то* в единственном числе определяется индивидуальным научным стилем автора. Однако иногда предпочтительнее оказывается *некий* или *некоторый*, поскольку употребление *какой-то* в данном контексте подчеркнуло бы идею неизвестности, что автору, видимо, представляется нежелательным: *Естественно предположить, что здесь имеет место некоторая универсалия*.

Какой-то—какой-нибудь—какой-либо—некоторый—некий—тот или иной—определенный

В этот синонимический ряд входят все НМ-прилагательные, кроме *кое-какой* (с которым, как говорилось, связывается субъективное намерение говорящего умолчать о признаке, избежать точного определения, а потому в языке науки оно встречается крайне редко), а также местоименные прилагательные *определенный* и *тот или иной*. Приведем несколько примеров, в каждом из которых, естественно, употреблено одно из местоимений указанной группы, однако могло бы быть употреблено любое другое:

Стиль — это функционально значимая манера речи, обусловленная *каким-нибудь заданием*; Поэтому, определяя стилистическую окраску *какой-либо языковой единицы*, следует дифференцированно характеризовать каждую из ее сторон; Заменим в предложении *некоторое слово* на другое слово с тем же денотатом; Предположим, что человек, осуществляющий *какую-либо деятельность*, встал перед необходимостью обратиться к ее модели для приобретения *какого-либо знания*; Примем *какой-нибудь узел* пространственной решетки, например, узел А, за исходный узел решетки; Характеризуемым, называемым, идентифицируемым предметом может быть *некая субстанция* внешнего для говорящего мира или сам говорящий; Если *какой-то знак* употребляется по отношению к такой ситуации, которая удовлетворяет всем соответствующим условиям, то . . .; В связи с вопросом о синтактике лексического знака рассматриваются ситуации, когда *некая семантическая информация* может быть истолкована либо как особенность семантики слова, либо как особенность его синтактики; Любой звук речи находится в составе *какой-то морфемы* и занимает в ней определенное по счету место; Определить принадлежность *того или иного звука* речи к *той или иной фонеме*, не принимая во внимание морфем, в составе которых фигурирует тот или иной звук речи, невозможно.

Итак, для передачи представления о единственном, но не уточняемом участнике описываемой ситуации в научном языке используются все НМ-прилагательные (кроме *кое-какой*). Наиболее часто используются *какой-то* и *какой-либо*, наиболее редко — *какой-нибудь*.

Один, *некоторый 2*, *некий 1* в значении ‘точно не определяемый’, ‘Г. не считает нужным уточнить, какой именно’

Употребляясь в интродуктивных предложениях, вводят лицо или предмет в рассмотрение. Абсолютно нейтральным является в этой функции *один*, как в разговорной речи, так в художественном повествовании и в публицистических жанрах:

А *один* у нас/ вот *талантливый очень мальчик*/ он ездил в Вену; А потом *одна певица*/ знаешь ли/ как вот раньше были в кабаре. . .; *Один солдат* на свете жил, красивый и отважный.

Некий в этой функции звучит несколько архаично, стилизуя речь под старый повествовательный лад:

Двести лет тому назад, в *некий* зимний день, святитель, имевший пребывание в *некоем* древнем монастыре, чувствовал себя особенно слабым и умиленным (И. Бунин); Случилось однажды вот что. *Некий* старый гренадер, участник многих походов, явился. . . (Б. Окуджава).

Некоторый в той же роли ограничено лишь сказочными зачинами: «В некотором царстве, в некотором государстве» [15], а также используется с художественными целями для стилизации речи или с целью намека:

Некоторая очень красивая девушка в королевском присутствии. . . хладнокровно спрашивала. . . (К. Прутков); *В некоторое время, в некотором царстве* ходила в дом некоего господина *некоторая девица*, подруга его жены по курсам (И. Бунин). Говорящий рассказывает об «одном своем приятеле», но слушающие знают, что о себе (и он не скрывает этого, а намекает на это).

Некий, как и *один*, может использоваться в функции неопределенного артикля: Теперь же, после *одной любопытной находки*, возможно, будет основание внести коррективы в дело о первооткрывателях; . . .это отрывок из *некоей беседы* на научную тему.

При этом, хотя *один* и может использоваться с целью намека (ср. *Один мой знакомый. . ., я знаю одного мальчика. . ., не пора ли тебе в одно место*?), однако именно *некий* в этой роли не просто вводит объект, но и дает эффект намеренного неназывания его, что создает ореол тайны, многозначительности:

Глава вторая, в которой повествуется *о неком* (так!) *свидании*, чреватом последствиями (А. Белый); И вот однажды Циолковского вызвал к себе *некий начальник*; Андрей Филиппович Недилько, старейший из кубанских районных вожаков, выпросил у *некоего замминистра* личный фонд аккумуляторов. . . (Из очерка).

Употребление в артиклевой функции *некоторый* вместо *один* также дает эффект нарочитого умолчания, намеренного отказа от характеристики: *После некоторого доверительного разговора нечего стало и думать о поездке в бригаду* (Ю. Черниченко).

Какой-то 3—некоторый 1—кое-какой 2—известный
в значении ‘небольшой, незначительный’

Синонимичность *какой-то*, *некоторый* и *известный* можно проиллюстрировать фразеологизированными сочетаниями *в каком-то* < *некотором, известном* > *смысле*, *до какой-то* < *некоторой, известной* > *степени*. Напомним, что в сочетании с именами, обозначающими чувство, *какой-то* и *некоторый* не являются синонимами, так как *какой-то* в этом контексте означает ‘непонятный, неясный’. Ср. *какое-то волнение* и *некоторое волнение*; *ка-*

---

[15] Ср. вопрос ребенка «А когда мы вернемся из некоторого царства?» в детской книжке «Чиж-Королевич».

кой-то трепет и *некоторый трепет*, *какое-то пренебрежение* и *некоторое пренебрежение*.

В сочетании с другими неконкретными именами *какой-то* и *некоторый*, несомненно, синонимичны при противопоставлении, в контексте усилительных частиц, при подчеркивании и, следовательно, в позиции логического ударения: *Разве это имеет значение? Некоторое ‹какое-то› имеет*; *Какое-то ‹некоторое› облегчение я почувствовала, но. . .*; *Каких-то ‹некоторых, кое-каких, известных› результатов мы добились*; *Какое-то ‹некоторое, кое-какое, известное› влияние оказала*; *Какие-то ‹некоторые, кое-какие, известные› трудности были, но. . .*, *Если даже и существует некоторая ‹какая-то› связь. . .*; *Хотя и дает некоторое ‹какое-то, известное› представление. . .*

Вне этих условий у *некоторый* и *известный* часто бывает трудно определить, имеет ли место значение 'небольшой' или 'точно не определяемый': *через некоторое время. . .* Ср. также: *Всегда найдется известное количество единиц, одинаковых по звучанию и по значению*; *в известной* (*и большой!*) *степени* (из научного текста). Абсолютно нейтральным и употребляющимся во всех языковых сферах является *некоторый*; *известный* чаще реализуется в «книжной» речи — научной (1), публицистической (2).

(1) Между этими разбиениями существует *известная*, хотя и необязательная *соотносительность*; *Известное ограничение* возможностей. . . вызывает некоторую неравномерность в планах и объемах таких исследований.

(2) Точно так же никакая разъяснительная работа не победит *известное недоверие* людей к словам, к тому, что лидеры всерьез взялись за дело и доведут намеченные перемены до конца. . . (Ник. Шмелев).

НМ *какой-то* в этом значении — примета большей раскованности, меньшей официальности речи, хотя встречается и в научной речи и в публицистических жанрах: *Характерно, в частности, такое переиначивание звуковой формы, при котором «мотивируется» только какая-то часть слова* (Из научного текста); *Могу согласиться только в какой-то части. Вот почему возможен какой-то процент «неартистов — артистов»* (Из интервью). Ср. также эквиваленты в спонтанной научной (1) и в письменной научной (2) речи: (1) *Поэтическая речь дает какой-то материал для наблюдений и* (2) *поэтическая речь дает некоторый материал для наблюдений* (см. также примеры выше).

Некоторые—кое-какие—иные в значении 'не все', 'часть'

Как видно из примеров, иллюстрирующих употребление *кое-какие* в этом значении, это местоимение может выступать полным синонимом местоимения *некоторые*. Ср. также пример, показывающий взаимозаменяемость этих НМ: *А стихи были*

хорошие? По-моему, кое-какие были хорошие. Саша говорил, что некоторые были хорошие.

Однако все же *кое-какие* в большей степени характеризует речь разговорную, а также языковые жанры, ориентированные на нее. Так, предложение *Я тут набросал кое-какие соображения* естественно для устной речи, но не в официальных условиях. Предложение *Мы разработали кое-какие предложения* возможно и в официальных условиях, но не в письменной научной речи. В языке науки замена *некоторые* на *кое-какие* в этом значении невозможна. Ср.: *Ниже мы рассмотрим некоторые аспекты этой проблемы*; *Уже выявлены разные номинализации, поставлены некоторые частные вопросы*; *Покажем это на примере некоторых фраз.*

Когда в художественном тексте, в повествовании на месте нейтрального *некоторые* в значении 'не все', 'часть' мы встречаем *кое-какие*, то это воспринимается как очень яркая художественная краска, рисующая определенный социальный образ повествователя. Ср. у М. Зощенко:

Дайте вашу мужественную руку, читатель. Идемте. Мы желаем вам показать *кое-какие достопримечательности*; Тем не менее, по ходу повести автор принужден будет затрагивать *кой-какие передовые медицинские вопросы* о том, о сем, ну там о неврастении, о нарушенном равновесии; Мы подметили, что особую роль в истории играли деньги, любовь, коварство, неудачи и *кое-какие удивительные события*, о которых речь будет дальше; Она подписала ему такую бумажку, но, конечно, сказала *кое-какие горькие слова*. . .

В значении 'не все', 'часть' используется также прилагательное *иные*, однако чаще всего это слово сопровождает коннотация неодобрения. Ср. примеры, взятые из публицистики:

Хочу лишь напомнить: Трифонов повторял, что *иные «деревенщики»* ему ближе *иных городских писателей*; Почему злонамеренная ложь столь притягательна и находит подчас защитников? Возможно, по незнанию — не ведают *иные*, что на самом деле защищают?; Но выход не в отказе от технического прогресса, как предполагают *иные горячие головы*, а в необходимости установить такое равновесие между человеком и машинами, когда автоматически будет достигаться «взаимовыручка»; А когда я спрашиваю у *иных педагогов* о цели работы школы, ответа они не знают; Случалось, произвольно сокращались *иные страницы*, а то и главы, не включались в издание «неудобные» письма.

НМ-СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

К ним относятся: *некто*, *кто-то*, *кое-кто*, *кто-нибудь*, *кто-либо*, *кто* (без частицы), *некоторые* (субстантив); *нечто*, *что-то*, *кое-что*, *что-нибудь*, *что-либо*, *что* (без частицы). Выше уже было сказано, что значения НМ-существительных обычно толкуются че-

рез значение НМ-прилагательных: *кто-то* — 'какой-то человек (какие-то люди)', *кто-нибудь* — 'какой-нибудь человек, безразлично кто' (МАС), *что-нибудь* — 'какой-нибудь предмет, вещь, явление' (БАС). В целом такой подход представляется оправданным и может быть принят, но с одной существенной оговоркой. Сами НМ-прилагательные, как мы убедились выше, имеют по нескольку значений, а следовательно, необходимо уточнять, через какое из значений НМ-прилагательного должно описываться значение НМ-существительного в каждом случае.

Все, что было сказано о контекстах, в которых употребляются *какой-то*, *какой-нибудь*, *кое-какой*, естественно, относится и к местоименным существительным с теми же формативами, соответственно и сфера их употребления та же, что у НМ-прилагательных; поэтому в данной главе мы очень кратко говорим об употребительности каждого НМ-существительного и основное внимание переносим на функционирование синонимичных пар.

НМ-существительные делятся нами на две группы: *кто*-местоимения и *что*-местоимения. Основание этого деления (одушевленность/неодушевленность предмета) вряд ли может вызвать возражения. Нужно, однако, иметь в виду, что антропоморфичность языка проявляется и в сфере неопределенных местоимений. В частности, местоимения, производные от *кто* (*кто-то*, *кто-нибудь* и т. п.), могут обозначать не только человека, но и учреждения и организации — см. (1), и животных — (2) и даже неодушевленные предметы — в том случае, если они одушевляются говорящим: так, в (3) ландышам приписывается способность наблюдать; в (4) речки уподобляются путнику:

(1) *Кто-то* (профком или дирекция) *дал* ему хорошую характеристику (не *что-то дало . . .).

(2) *Кого-то* на пути минуя, *К кому-то* подходя вплотную, Идем, встречая по стенам Дощечки с надписью: «К слонам» (Б. Пастернак).

(3) Но ты уже предупрежден. Вас *кто-то наблюдает* снизу: Сырой овраг сухим дождем Росистых ландышей унизан (Б. Пастернак).

(4) Отсюда речкам предстоит далекий путь. *Кому* до большой реки, а *кому* до самого синего моря (не *чему. . .).

С другой стороны, и человек и живое существо может обозначаться местоимением с основой на *что*, если оно выступает в высказывании в пассивной функции объекта действия или состояния:

Первый проснулся Дениска. Его *что-то укусило*, потому что он вскочил, быстро почесал плечи (А. Чехов); Варвара повела голубоглазыми очами (так! — *С. К.*) и узрела под батареей отопления средних размеров куль *с чем-то одушевленным* (из фельетона); Там в бассейне *что-то мокло*, это был гиппопотам (Э. Успенский); Ты *что-нибудь поймал*? Мало, только две рыбки!

Группа *кто*-местоимений

Кто-то

Мы выделяем у *кто-то* три значения: 1) 'какой-то 1 человек' ('неизвестно кто'), 2) 'какой-то 2 человек' ('точно не называемый'), 3) 'некоторые люди'.

Кто-то 1 'какой-то 1 человек', 'неизвестно кто'. Все, что было сказано о разновидностях неизвестности у *какой-то 1*, относится и к *кто-то*. *Кто-то* в этом значении, как и *какой-то 1*, обычно выступает в сочетании с глаголом, обозначающим актуальное действие или состояние, и соотносится с конкретным, но не известным говорящему (или описываемому лицу) референтом. Поэтому это значение реализуется преимущественно в РР (1), в художественном повествовании (2) и в жанрах публицистики, близких к РР и к художественной речи, и не реализуется в языке науки и в официально-деловом языке: в языке науки отсутствуют ситуации, в которых говорящий (а точнее, пишущий) должен «признаваться» в знании или незнании того или иного лица, а в официально-деловом языке вообще отсутствует говорящий как лицо.

(1) Иди, там тебя *кто-то* спрашивает; Вам вчера *кто-то* звонил; Нет/ есть у *кого-то*/ я знаю что есть/ маленькая нога// Но я не помню кто// У *кого-то* я видела//; Я помню я *кому-то* из знакомых показывал французов наших новых.

(2) Об этом мне уже раз говорил *кто-то*, кажется, Энгельгардт или Корф (Ю. Тынянов); . . .Он стал нарочно жуком и молчит, а сам не жук, а еще *кто-то* — неизвестно кто (А. Платонов); Музей, конечно, был закрыт, но вот *кто-то*, кто — она не помнит, стал обходить дом и приглашать людей прийти на праздник (А. Адамович и Д. Гранин); Уже пришлось однажды слышать, как интеллигентная дама, едва я вышла из комнаты, громко *кого-то* спросила. . . (Н. Ильина).

Кто-то 2 'какой-то 2 человек, точно не называемый'. *Кто-то* в этом значении, как и *какой-то* 2, встречается в дистрибутивных и модальных контекстах, или, как их еще называют, в контекстах снятой утвердительности [Падучева 1985], косвенной модальности. *Кто-то 2* не соотносится с конкретным референтом и по значению не противопоставлено местоимению *кто-нибудь* (см. ниже). Это значение реализуется в РР (1), в художественном повествовании (2), в газетно-публицистической речи (3) и в языке науки, чаще всего в толкованиях слов для обозначения валентности (4):

(1) Надо бы выделить *кого-то* для этой цели; Когда этот обзор *кому-то* даешь, то. . .; Если есть у *кого-то* пожелания. . .; Вы уверены, что это *кто-то* из ее знакомых?

(2) *Кто-то* из двоих все равно начальник. А чаще всего баба, — буркнул шофер (Е. Евтушенко); Но если бы *кто-то* из них повнимательнее вгляделся в его глаза, то уловил бы в них. . .

(Е. Евтушенко); Я вообще не помню, чтобы эта женщина на *кого-то* сердилась, повышала голос (Н. Ильина); Она панически боялась в *ком-то* повториться (Г. Семенов); Мне надо было торопиться, но свое надо всегда *кому-то* во вред (В. Крупин); . . . а она все потихонечку улыбается, как будто разговаривает с *кем-то*, только ей видимым и слышимым (Г. Пряхин); И еще тогда были друзья, близкие друзья, без которых и не мыслилась жизнь. *Кто-то* звонил, *кому-то* ты всегда был нужен, с *кем-то* надо было поговорить, *что-то* обсудить (Н. Шмелев).

(3) И конечно, все наши усилия пойдут насмарку, если развернувшаяся борьба за дисциплину скользнет по поверхности, разменяется на мелочи: *кто-то* опоздал на пять минут, другой зачастил на перекуры; Если *кто-то* и приведет пример, то не иначе, как единичный; Так, может, он хотя бы «левый» турок? Может действовал не один, а *с кем-то* в сговоре?

(4) Можно любить *кого-то*, а потом разлюбить; ненавидеть *кого-то*, а потом простить ему; Адресат может обвинить автора в необоснованном предположении, что *кто-то* убил Смита.

Кто-то 3 ‘некоторые люди’, ‘есть такие, которые. . .’. В этом значении, не отмеченном в словарях, *кто-то* синонимично *кое-кто* (см. ниже):

До самых последних недель она ходила на работу. . . куда-то звонила по телефону, на *кого-то* привычно сердилась (И. Грекова); ЦСУ дало справку, что мы теряем миллионы человеко-часов за счет отлучек с производства, перекуров, прогулов, да еще *кто-то* работает спустя рукава («Правда»); Возможно, *кому-то* она покажется не столь уж значительной (ЛГ); Быть может, *кто-то* и поверит в этот абсурд (ЛГ).

Кто-нибудь

У этого местоимения мы выделяем два значения: 1) ‘какой-нибудь 1 человек’, ‘безразлично кто’; 2) ‘какой-нибудь 2 человек’, ‘тот или иной, точно не называемый человек.’

Кто-нибудь 1 ‘какой-нибудь 1 человек’, ‘безразлично кто’. Как уже говорилось выше (см. *какой-нибудь 1*), это значение реализуется в немногочисленных контекстах, встречающихся в РР и в художественной речи: *Позови кого-нибудь. Скорее бы кто-нибудь кого-нибудь сожрал: Софья ли Петра, Петр ли Софью* (А. Толстой); *Космонавту страшно захотелось с кем-нибудь подраться* (Е. Евтушенко).

Кто-нибудь 2 ‘какой-нибудь 2 человек’, ‘тот или иной, точно не называемый человек’. Точное называние отсутствует ввиду несущественности конкретизации выделяемого объекта (Шелякин 1978): *Боится, как бы его кто-нибудь не принял за аристократа*! (ср. *как бы его не приняли*). Как и *какой-нибудь 2*, *кто-нибудь 2* реализуется во всех языковых сферах, кроме официально-деловой. Ср. примеры из РР (1), научной речи (2) и художественного повествования (3):

(1) А: А там играет Иванов? Б: Играет// Только он наверно в очередь с *кем-нибудь* играет; Обязательно *кто-нибудь* не придет/ остаются билеты. . .; А вдруг она *кого-нибудь* загрызет! [о собаке].

(2) И хотя псевдонимом этим Садовской воспользовался только один раз, и смысл его вряд ли *кому-нибудь* был понятен. . . авторство его не осталось в секрете.

(3) И если бы *кто-нибудь* из вас всерьез копнул одну лишь историю торговли и мореплавания, то. . . (В. Белов); И обязательно в зале был *кто-нибудь* немного знакомый и даже не один, и этот *кто-нибудь* подсаживался к ним. . . (Н. Шмелев).

Поскольку в этом значение *кто-нибудь* синонимично *кто-то*, о функционировании этой пары НМ см. с. 210.

Кто-либо

У этого местоимения, как и у *какой-либо*, два значения.

Кто-либо 1 'какой-либо 1 человек', 'какой бы то ни было человек': *Наши кровати стояли рядом, и я, пожалуй, чаще, чем кто-либо другой, сталкивался с перепадами души Толи Губенко* (Г. Прянхин).

Кто-либо 2 'какой-либо 2 человек', 'тот или иной, точно не называемый человек': *Ибо другие истинные женщины тоже всегда огорчались, видя на ком-либо свое пальто или платье* (Г. Семенов).

Кто-либо функционирует в тех же языковых разновидностях, что и *какой-либо* (см. выше, о паре *кто-либо* и *кто-нибудь*, с. 208).

Кое-кто

Это именно такое местоимение, которое нельзя толковать через значение соответствующего местоименного прилагательного. *Кое-кто* — не: 'кое-какой человек' прежде всего потому, что «множество, выделяемое местоимением, более чем одноэлементно» [Левин 1973, 116]. Ср. обозначения лиц, которым принадлежат реплики в одной и той же пьесе: *Кто-то из толпы* и *Кое-кто из толпы*. Любопытно, что и сказуемое с этим местоимением иногда согласуется во множественном числе, хотя чаще — в единственном:

Кое-кто из современников это *видел*, *замечал*, но никто (никто!) не придал этому серьезного значения (А. Михайлов); Мимо меня прошло немало молодых людей, которых могу с полным правом назвать учениками. *Кой-кто из них* тоже *стали* уже *докторами*, сами теперь имеют учеников (В. Тендряков); *Кое-кто из исследователей склонны* приписать их (иконы. — *С. К.*) Прохору (В. Сергеев).

Толкование *кто-то* — 'кое-какие люди' подходит в большей степени, если при этом учесть, что *кое-какие 2* значит 'не все, часть' или, точнее, 'есть такие, которые'. Однако обращает на себя внимание факт (как будто нигде не описанный), что НМ *кое-какой* и *кое-какие* употребляются практически только с именами неодушевленными, а не с названиями лиц.

Учитывая все вышесказанное, мы даем следующее толкование *кое-кто*: ‘некоторые люди’, ‘есть такие, которые. . .’

В случае прямой референции это местоимение стилистически не окрашено и употребляется во всех языковых разновидностях, в которых возникает необходимость передать это значение, т. е. в РР, в художественной речи и публицистике:

А между тем кое-кто из окружающих уже вопросительно посматривал на них (Ф. Искандер); Вероятно, кое-кто из историков упрекнет автора в так называемой идеализации прошлого (В. Белов); Время было летнее, многие разъехались, но кое-кто оставался (Из газеты).

Как нам кажется, употребление НМ *кое-кто* в косвенных падежах в большей степени характеризует речь раскованную. Ср. следующий пример, в котором стилистическая окрашенность создается также выбором более разговорного варианта *кой-кто*:

Кой с кем Измаил Александрович здоровался за руку, *кой с кем* целовался накрест, перед *кой-кем* шутливо отворачивался, закрывая лицо белой ладонью (М. Булгаков).

Кое-кто часто используется в целях так называемой косвенной референции [см. Арутюнова 1982, 15], т. е. когда говорящий прибегает к намекам и уловкам:

— И свита эта требует места, — продолжал Воланд, — так что *кое-кто* из нас здесь лишний в квартире. И мне кажется, что этот лишний — именно вы! (М. Булгаков); — Я думаю, — странно усмехнувшись, ответил прокуратор, — что есть еще *кое-кто* на свете, кого тебе следовало бы пожалеть более, чем Иуду из Кириафа (М. Булгаков); — Да во всем Чегеме не найдется таких денег! — воскликнула жена. — Думаю, *кое у кого* и больше найдется, — сказал он, усмехнувшись (Ф. Искандер); У меня есть *кое-кто* на примете (РР); Действительно, я все время что-то ворчала. . . и Андрей сказал / *кое-кому* я не завидую (РР); *Кое-кому* пора стричься (РР).

Кое-кто используется не только тогда, когда говорящий хочет намекнуть на собеседника или на каких-то лиц, известных ему и собеседнику (как в примерах, приведенных выше), но и тогда, когда говорящий хочет умолчать о самом себе, скрыть себя «под маской» 3-го лица: *Он с забора упал, а потом в ресторане ударил одного. . . и еще кое-кого. . .* (Булгаков).

Естественно, что *кое-кто* в эвфемистических целях используется в таких языковых разновидностях, в которых актуально намерение умолчать, скрыть, намекнуть, которые допускают языковую игру, т. е. в РР, в художественной речи и в некоторых жанрах газетно-публицистической речи.

Для функционирования *кое-кто* существенно противопоставление: газетно-публицистический стиль — все остальные разновидности русского языка. Исследователи отмечают, что для языка газеты характерно использование некоторых слов в особом ярко окрашенном значении, присущем именно и только этой языковой разновидности. Так, слово *режим* имеет в языке газеты особое

значение 'враждебный народу, осуждаемый'. Точно так же и НМ *кое-кто* в газетно-публицистическом стиле включает в себя значение резкого неодобрения, отрицательного отношения к тем лицам, которые называются этим местоимением. Ср. следующие примеры, взятые из газет:

Эти люди расстались с жизнью отнюдь не «по вине Советов», как кричит *кое-кто* на Западе; *Кое-кто* на Западе высказывается в том смысле, что Советский Союз мог бы, мол, . . ; И опять-таки *кое-кто* спрашивает: а не получится ли так, что . . .; *Кое-кто* в Америке не прочь разжечь новую войну; Олимпийские игры — это именно игры, а не поля сражений, — хотя *кое-кто* в США и придерживается иного взгляда.

Некто

Некто, как и большинство других местоименных существительных, можно толковать через соответствующее местоименное прилагательное: 'некий 1 человек', 'точно не называемый человек'. Это местоимение реализуется в языке науки (1), где оно лишено каких бы то ни было коннотаций и означает то же, что существительное *субъект*, и в художественном повествовании (2), где оно, как и НМ *некий* (см. выше), всегда связано с эстетическим заданием, художественно нагружено:

(1) Допустим, что говорящий хочет выразить мысль о том, что *некто* пал жертвой несчастного случая.

(2) Как я поступлю, ежели *некто* с холодным сердцем и пустым взором оскорбит мое достоинство? Я пристрелю его (Б. Окуджава); Вообще же так мутна была вокруг него жизнь и так мало усилий от него требовала, что ему казалось иногда, что *некто* — таинственный, невидимый антрепренер, — продолжает его возить с турнира на турнир (В. Набоков); Как и бывает, нашелся *некто* самый бойкий, балагур; сказитель анекдотов, которые встречались благодарным хохотом (Н. Кожевникова).

О функционировании *некто* в сопоставлении с *кто-то* см. ниже.

Группа *что*-местоимений

Прежде чем обратиться к рассмотрению значений этих местоимений, сделаем некоторые замечания. Понятие «предмета», которое стоит за *что*-местоимениями (и не только неопределенными), гораздо абстрактнее понятия «лица», стоящего за *кто*-местоимениями. *Что*-местоимения бывают настолько абстрактными, что иногда трудно приписать им вообще какое-либо значение. Так, в сочетании *что-то* и *нечто* с постпозитивным определением НМ часто играет чисто формальную роль — субстантивирует прилагательное или причастие и в некоторых контекстах может быть просто опущено без изменения смысла: *Есть нечто унижающее человека в этой его вечной спешке. . . . изображается как нечто незыблемое, имеющее*

свои права и законы. Для каждого года детской жизни предназначено что-то новое (В. Белов).

Что-местоимения выступают также в формальной функции семантически опустошенного соотносительного слова, вводящего придаточное предложение, т. е. выполняют роль указательного местоимения *то*: *В самой театральной системе Малого театра было что-то, что давало ему возможность стать школой орфоэпических норм. Что-то* используется также в формальной роли заполнителя валентности при глаголе или (реже) при существительном:

Два дня он не выходил из дома, сидел во дворе, помогал старику *что-то* делать (А. Рыбаков); В сущности все наши «Истории» (литературы. — *С. К.*) есть истории достижений и ошибок, а не истории исканий. Не поиска *чего-то*, а борьбы против *чего-то*; Прежде чем создавать веру во *что-то*, надо поверить друг другу (Е. Евтушенко); Раскол в такой милейшей семье на почве ложного поклонения *чему-то*. Из этого корня в процессе спектакля должно вырасти серьезное растение (А. Эфрос).

Что-то и *что-нибудь* в нестрогих языковых жанрах, особенно в РР, могут замещать не только существительное, но и глагол: Спорить или *что-то* еще бесполезно; Не появляется вдали, не выскакивает из-за угла или *что-нибудь* в этом роде, а именно подходит (А. Эфрос); Вас надо убить или *что-нибудь* другое (А. Н. Островский); Давай *что-то* одно: поезжай или оставайся; Мало ли/ в магазин пойдет/ или еще *что-нибудь*.

Что-то

У *что-то* можно выделить пять значений: 1) ‘какой-то 1 предмет’, ‘неизвестно что’; 2) ‘какой-то 2 предмет, точно не называемый’, 3) ‘некоторые вещи’, 4) ‘приблизительно’; 5) ‘почему-то’.

Что-то 1 ‘какой-то 1 предмет [16], неизвестно что’: *Он что-то держал в руках. Он что-то задумал.* Ср. ремарку в пьесе: *Берет что-то со стола.* Значение реализуется в тех же контекстах, что и *какой-то 1*, т. е. преимущественно в РР (1), в художественном повествовании (2), редко в научной речи (3):

(1) Так ты слышишь? Он работает вообще-то по-моему в институте . . . э . . . как это называется в Москве/ театра музыки/ *чего-то чего-то*// По-моему он там работает; Княгиня прислала в Смоленск золотой крест 14 века, усыпанный алмазами, еще *что-то*, еще *что-то*.

(2) Он все *о чем-то* недовольно думал, был как будто *чем-то* обижен, не понимал шуток (И. Бунин); Автор не имел права *чего-то* требовать от театра, а чего — я забыл (М. Булгаков); Сестре же, а иногда и матери невдомек, в чем тут дело, почему брат или сын начал бурчать *что-то* под нос и толкаться локтями (В. Белов); . . . а я не уходила, надеялась на *что-то* (Н. Ильина).

[16] Слово *предмет* в толковании употребляется в самом абстрактном смысле.

(3) Чаще больных беспокоит ощущение *чего-то* постороннего в горле (ср. из того же учебника по медицине: ощущение присутствия постороннего тела в горле).

Что-то 2 'какой-то 2 предмет, точно не называемый.' Ср. примеры из РР (1), художественного повествования (2), научной речи (3) и публицистики (4):

(1) И поэтому кажется, что они *что-то* понимают [о животных]; Нужно думать: вот я сейчас *что-то* сделать хочу; А она/ там значит/ бьет ногой/ и что-то вроде/ знаешь ли/ такой там значит мелодики/ когда это значит она *что-то* изображает вроде такого общения с публикой: Ну это просто *что-то* невероятное; Нет/ а *что-то* я читала в рецензии, что дескать оно *что-то* очень масштабное вышло//.

(2) . . . напоминая ей *что-то* давно уже известное (Г. Семенов); Ирина Ивановна помогла нам увидеть *что-то* в Юре Рябинкине. . . не изнутри, а как бы со стороны (А. Адамович и Д. Гранин); Но все-таки было в этом, для многих неожиданном разводе *что-то* преступно легкомысленное, *что-то* противоестественное и непопятное (Г. Семенов).

(3) Но это бессмысленно, так как во всяком сообщении должно находиться *что-то* новое. Нельзя начинать мыслить со следствия: следствие всегда должно *из чего-то* следовать; Можно знать *что-то* в течение какого-то времени, а потом забыть; иметь *что-то*, обладать *чем-то*, а потом лишиться; уметь делать *что-то*, а потом разучиться.

(4) . . . но не поддается *что-то* самоуверенному априорному перу. Это «что-то» — правда реальности; На протяжении многих тысячелетий. . . вера во *что-то* была для человека почти эквивалентна существованию этого *чего-то*; Было ясно, что сон дельфинов должен *чем-то* отличаться от сна других млекопитающих.

Эти два значения *что-то* не всегда четко противопоставлены: в тексте нередки случаи, когда вследствие абстрактности *что-то* затруднительно определить, какое из двух значений реализовано.

Что-то 3 'некоторые вещи', 'есть такие, которые' (синонимично с *кое-что*, см. ниже): *Он считал, что все в нем с головы до пят принадлежит только ему. Он ошибался: что-то все же принадлежало и нам* (Г. Пряхин) *Ну конечно, с чем-то в дальнейшем пришлось и мириться.*

Что-то 4 'приблизительно': Там и приходится/ *Что-то* по двадцать человек набирается на школу.

Что-то 5 'почему-то'; *Что-то голова как болит! Что-то не получается у меня ничего.*

Третье и четвертое значения, как это видно из примеров, реализуются в РР.

Что-нибудь

У *что-нибудь* выделяем три значения: 1) 'какой-нибудь 1 предмет', 'безразлично что'; 2) 'какой-нибудь 2 предмет', 'тот или иной, точно не называемый'; 3) 'приблизительно'.

Что-нибудь 1 'какой-нибудь 1 предмет', 'безразлично что': *принеси что-нибудь почитать* (=какую-нибудь книгу); *Люблю послушать что-нибудь интересное*; *Это если он недоволен чем-нибудь, работой какого-нибудь органа или сам собой недоволен* (Г. Семенов). Реализуется это значение в тех же языковых сферах, что и *какой-нибудь 1* и *кто-нибудь 1*.

Что-нибудь 2 'какой-нибудь 2 предмет', 'тот или иной, точно не называемый'. Реализуется главным образом в РР и художественном повествовании:

Теперь надо было выжидать, авось еще *что-нибудь* приключится или содеется (С. Наровчатов); Но более дневника нас интересовал сам Юра: что с ним произошло? Никто из друзей его не откликнулся, да и вряд ли они *что-нибудь* могли знать (А. Адамович, Д. Гранин); Но все случалось так, что ехать нельзя было, то зубы у Лужина болели, то вот паспортные хлопоты, то еще *что-нибудь* — мелкие, незаметные помехи (В. Набоков).

Что-нибудь 3 'приблизительно', 'примерно', 'вроде'. Реализуется в РР:

Вот мы как-то так усядемся/ рассядемся и. . . такие не очень громкие симфонии/ там ну такие как там Моцарт *что-нибудь*/ даже Брамс иногда играли; [речь идет о том, что в Москве все спешат и отвечают на вопросы так:] или «не знаю»/ или там «кругом налево» что-нибудь там; Причем/ это было значит перед самой войной / то есть ему уже было *что-нибудь около 50-и лет*//; Нет/ я предполагаю *что-нибудь до Пскова*/ скажем / и обратно [пробежаться. — *С. К.*].

Что-либо

У этого местоимения, как и у *какой-либо*, два значения.

Что-либо 1 'какой-либо 1 предмет', 'какой бы то ни было предмет'. Реализуется это значение в «неписьменных» жанрах: в некоторых видах художественного повествования (1), в публицистике (2). В официально-деловой речи, использующей прилагательные с *-либо*, *что-либо* отсутствует:

(1) Он отказывался *что-либо* понимать в женской психологии (Г. Семенов); В отличие от Леонардо — своего старшего земляка — Буонаротти редко оставлял *что-либо* незавершенным (В. Белов).

(2) И именно поэтому, прежде чем *что-либо* менять в здравоохранении, давайте все-таки четко установим — чего же мы от него ждем?

Что-либо 2 'какой-либо 2 предмет', 'тот или иной предмет, точно не называемый': *Это пример символической сигнализации, где*

каждая вещь что-либо прямо символизирует. Подробнее см. в разделе о функционировании *что-нибудь — что-либо*.

Кое-что

Кое-что имеет значение 'некоторые вещи'. Употребляется, во-первых, в случае, когда прямое называние несущественно для говорящего, и, во-вторых, когда у говорящего есть намерение умолчать о предмете речи. В первом случае местоимение стилистически не окрашено и употребляется во всех языковых сферах, кроме деловой речи: в РР (1), в художественном повествовании, где *кое-что* часто используется как обобщающее слово, вводящее уточнение, разъяснение, перечисление предметов, фактов (2), в научной речи (3) и публицистической:

(1) Кстати я *кое-что* заберу/ чтобы тебе завтра не тащить много; Не все, но *кое-что* знаю!; Я сейчас *кое-что* пишу (Не: *кое-какую работу*!); Я пришла на старую квартиру, увидела *кое-что*: Пушкина увидела, Юрину чернильницу. . . (А. Адамович и Д. Гранин); Пусть висит. Она *кое-что* иногда подсказывает (Г. Семенов).

(2) Карамзин благодарил, многое учитывал, *кое с чем* не соглашался (Н. Эйдельман); . . . и долго говорил с нами. *Кое-что*, наиболее важное, я застенографировал (К. Станиславский); Кот с парашютными лямками — явление, если честно говорить, составное: *кое-что* от себя, *кое-что* от других (Е. Евтушенко).

(3) Во всей этой богатой и интересной программе Н. В. Юшманова *кое-чего* не хватает, но она пленяет своей логичностью (А. А. Реформатский); Есть *кое-что* у Бодуэна (я имею в виду его подробные программы) (А. А. Реформатский); Самое гениальное воображение не может *кое в чем* — и весьма существенном — заменить собственный опыт (Ю. Карякин); *Кое-что* требует уточнения и более строгого определения и здесь (П. С. Кузнецов); Из-за болезни докладчиков тут *кое-что* изменено. . . дальше раскрывается, что именно (Устн. речь в официальной обстановке); Конечно, *кое-что* там будет повторено (Устная речь в официальной обстановке).

У НМ *кое-что* есть и другое назначение — умолчать, скрыть от посторонних предмет речи, намекнуть на его важность для собеседников. Ср. эвфемистическую роль *кое-что* в следующих примерах:

[Продавец, подавая товар в гастрономическом отделе магазина:] Пожалуйста. [Понижает голос:] Приходи завтра, *кое-что* будет. Правда, нам мороз был уже не так страшен: мы дожили до буфета, и до ресторана, и захватили *кое-что* с собой, и теперь ехали тепло (Г. Пряхин); Мы поминали Учителя. *Кое-что* привезли с собой, а тут еще тетя Шура сбегала через дорогу к продавщице домой (Г. Пряхин) Делай людям добро, и люди для тебя *кое-что* сделают (М. Жванецкий).

Газетно-публицистическая речь с ее установкой на привлечение внимания читателя «любит» интригующее *кое-что*, вводящее целые статьи. Ср. многочисленные заголовки в газетах, набранные большими буквами:

Кое-что о снах троглодита. Комментарий писателя к основам военной доктрины США. Агджа «вспоминает» про ключ и *кое-что* еще (за кулисами факта); *Кое-что* о коровьем восторге; *Кое-что* о стимулах. Круглый угол, или *кое-что* о «серой прозе»; Солисты и статисты. *Кое-что* о механизме предвыборных кампаний в Соединенных Штатах.

Нечто

Нечто 'некий 1 предмет', 'точно не называемый предмет'. Употребляется в тех случаях, когда говорящий затрудняется подыскать название для предмета речи (явления, свойства, чувства) или тогда, когда точное название не имеет значения. *Нечто* всегда обозначает абстрактный «предмет», поэтому обычно употребляется с определением. Как и *некий 1*, употребляется в научной речи (в частности, при толковании слов, в художественной речи (2) и в публицистике (3).

(1) Джон был близок к тому, чтобы сделать с ним *нечто такое*, что могло бы убить его; . . . значит делать *нечто*, *не совместимое* с общественным положением или нравственными принципами.

(2) Есть *нечто унижающее* человека в этой его вечной спешке (В. Белов); А случайные мысли . . . выветрились из сознания как сон, как *нечто таинственное*, о чем нет смысла всерьез задумываться (Г. Семенов); С непригожим голубеньким ликом, еле выпростав тело из мук, это я в предвкушенье великом слышу *нечто*, *что меньше*, *чем звук* (Б. Ахмадулина).

(3) Но это уже будет настоящий, всеохватывающий рынок, *нечто* по самой сути своей *противоположное* абсолютной монополии и диктату производителя; Вопрос, конечно, риторический. Ибо, по мнению В. Выжутовича, те, кто в колокола не бьет, способны сочинять лишь *нечто «галантерейное»*.

О синонимах *некто* и *кто-то* см. ниже.

Употребление синонимичных НМ-существительных

Как видно из вышесказанного (см. также табл. 2, в которой приводятся значения НМ-существительных), внутри групп *кто*-местоимений и *что*-местоимений все НМ «сцеплены» друг с другом по значению. И существуют контексты, в которых возможна подстановка вместо одного местоимения любого другого из той же группы. Например: *Скорее всего тут замешан кто-то* (*некто*; *кто-нибудь*; *кое-кто*), *кого она хорошо знала. Наверное, он сказал ей нечто*

(*что-то, что-нибудь, кое-что*) *ужасное, потому что она страшно побледнела.*

Кто-нибудь—кто-либо; что-нибудь—что-либо

Как было сказано, «отрицательное» значение 'кто/ что бы то ни было' присуще лишь *либо*-местоимениям: *Ему больше чем кому-либо, обязана современная логика многими своими понятиями*; *Вдова еще больше зарыдала и отказалась что-либо платить* (М. Зощенко). Это значение выражается НМ-существительными в языке науки, в художественном повествовании, в строгих жанрах публицистики; в РР соответствующее значение находит выражение в отрицательных конструкциях. Ср. правдоподобную «реконструкцию» слов вдовы из примера М. Зощенко: *Не буду я ничего платить.* Ср. также *Меня никто не спрашивал?*

В отрицательном контексте встречаются и *нибудь*-местоимения, но они сохраняют свое значение 'какой-нибудь 2 человек', 'тот или иной человек', смягчая отрицание и снимая категоричность высказывания. Ср. *Спорить или что-либо доказывать ей было бесполезно* (Г. Семенов); *Родители боялись на что-либо решиться* (Ф. Углов); *Но если сход не видел прямой пользы в чем-либо, то молча упирался* (В. Крупин) и те же предложения с заменой *-либо* на *-нибудь*. Приведем примеры, подтверждающие, что, вопреки существующему мнению [см. Падучева 1974, 109], *нибудь*-местоимения возможны в отрицательных контекстах:

Но *не ищите* о нем *что-нибудь* серьезное в печати (Б. Покровский); Все посерело, успокоилось и *перестало что-нибудь* выражать (Б. Покровский); Но родители, а потом учителя в школе. . . *отучивали* ее *что-нибудь* делать левой рукой — держать ложку, карандаш, авторучку. . . (Г. Семенов); Но люди, жившие в этом доме, *вряд ли смогли бы что-нибудь* путное и вразумительное сказать о своем жилище (Г. Семенов).

Пары *кто-нибудь* и *кто-либо*, *что-нибудь* и *что-либо* являются синонимами лишь в значении 'тот или иной человек/предмет, точно не называемые'. Ср. два предложения, взятые из одного и того же научного текста: *Вряд ли кто-нибудь содрогнется от ужаса, глядя на нанесенный на карту план сражения. В самом деле, вряд ли кто-либо станет спорить с тем, что восприятие произведения искусства представляет собой акт познания* (Ю. М. Лотман). Ср. также *Когда кто-нибудь из нас что-либо хвалил. . .*

В научном языке предпочитается *кто-либо, что-либо*, хотя в целом все эти местоимения в языке науки малоупотребительны и используются преимущественно в толкованиях значений языковых единиц: *Просить за друга*='*просить кого-либо сделать что-либо для своего друга*'. *Сопровождать* — «*идти, ехать вместе с кем-либо в качестве спутника*» (МАС). *Наращивать* — 1) *выращивать что-либо на чем-нибудь* (БАС). Примеры из научной речи: *Это бывает, когда мы хотим что-либо подчеркнуть, на что-либо обратить внимание, когда нас кто-либо плохо слышит или не понимает. Од-*

нако иногда нам требуется сказать что-либо о самих словах или об их смысле.

В разговорной речи *кто-либо, что-либо* не употребляются; в письменных жанрах, даже и ориентированных на РР, *-либо* возможно: *Вот такие забавные театральные истории я очень люблю. . . Я смешлив ужасно. Если на сцене происходит что-либо веселое — даже пустячное по содержанию, но остроумное, — я не могу удержаться от хохота* (В. Розов в ЛГ).

В художественном повествовании предпочитается *кто-нибудь, что-нибудь*, хотя встречается и *кто-, что-либо*: *И если бы кто-нибудь из вас всерьез копнул одну лишь историю торговли и мореплавания, то. . .* (В. Белов); *Что, если кто-нибудь заметит его посреди реки?* (В. Бианки); *. . .смеялся, если его обругивали шоферы, просил подвезти, если кто-либо останавливался* (Г. Семенов).

Кто-нибудь—кто, что-нибудь—что (без форматива)

О контекстах, в которых употребляются предметно-личные НМ без форматива см. с. 189. Как уже говорилось, НМ без форматива считаются принадлежностью непринужденной речи, т. е. речи неподготовленной, протекающей, как правило, в условиях непосредственного общения[17]. Другими словами, они встречаются преимущественно в РР (1), широко используются в художественной литературе, в том числе и переводной, как яркая краска при передаче РР (2), употребляются они и в художественном повествовании (3) и в публицистике (4), когда у писателя или журналиста в художественное задание входит установка на живую, эмоциональную речь.

(1) Нет ли *чего* поесть?

(2) Был ли *кто* у вас в семье верующим? (А. Адамович, Д. Гранин); Я, может быть, *что* не так скажу (В. Конецкий); Я же или *кто другой* вместо меня будет одновременно исправлять вам произношение (К. С. Станиславский); Может, обидели *чем*? (В. Лихоносов); А так-то бы он вряд ли *что* для меня сделал (Ф. Углов); *Для кого* рано, а *для кого* не рано! — зло ответил он (Ю. Казаков); Разве я сказала *кому* хоть слово (Перевод); Пусть только *кто* пристанет (Перевод).

(3) Уж если и щемило сразу ответить *кому*, все-таки ленился: потом, вечером (В. Лихоносов); *Кто* был за него, *кто* против, — спорили азартно (В. Крупин); Напишу в это повествование. Может, *чем* поможет (А. Вознесенский); Если *кто что* найдет, то он должен принести на этот же вес железку (В. Крупин).

(4) Если и скажет *что* какой-то дотошный иностранец, то только одно: А почему с внутренней продукцией не так? (Ю. Черниченко); Если же в сварке брак или. . . по регулировке *что*

---

[17] В составе фразеологизованных выражений они, естественно, не имеют вариантов, ср.: *Не кто иной как, как бы чего не вышло.*

серьезное — мы возвращаем цеху на доделку (Ю. Черниченко); Имя того принца вряд ли *кто из студентов* помнит, но. . . (из «Известий»).

Следует отметить некоторые тонкие отличия условий, в которых уместны или не уместны эти местоимения. Дело в том, что сама непринужденность не всегда уместна. Так, в письме, направленном в официальное учреждение, неуместно выглядит: *Буду признателен, если кто из сотрудников разовьет мои предложения.* Реплики типа *Отдать кому — тоже нельзя* и *А если кто напишет, то это отступление*, взятые из разговора людей, находящихся не в официальных отношениях, выглядят вполне естественно, но нельзя представить себе, что официальное лицо, ведущее собрание, или заседание, скажет: *Хочет кто выступить? Читал кто эту рукопись?*

Кто, что как НМ характеризуют и просторечие: *Дайте кто руку! Тут есть кто?* и используются как одно из средств стилизации речи под просторечие: *Как увидел я штиблеты, будто что оторвалось у меня внутри* (М. Зощенко); *Скажем, поперли меня, сокращенье там или что иное* (М. Зощенко).

Кто-нибудь—кто-то, что-нибудь—что-то

Как было сказано выше (см. с. 190), *то-* и *нибудь*-местоимения взаимозаменимы в строго определенных контекстах (в некоторых типах модальных и дистрибутивных), т. е. в контекстах, в которых снято противопоставление фиксированности—нефиксированности, затушевано как значение безразличности, так и неизвестности.

Контексты, в которых *то-* и *нибудь*-местоимения не противопоставлены по значению, очень распространены. Приведем несколько примеров (из разных языковых сфер), любопытных в том отношении, что в них на протяжении одного высказывания (или реже — двух однотипных соседних) встречаются *то-* и *нибудь*-местоимения в одном и том же значении, и в каждом случае *то*-местоимение может быть заменено на *нибудь*-местоимение и наоборот:

Нередко бывает необходимо, чтобы *кто-нибудь что-то* сделал для нас, с этим связаны ритуалы просьбы и благодарности; Да так и будет продолжаться, пока *кто-то чего-нибудь* не сделает; А вдруг *кто-нибудь* на рынке станет торговать *чем-то* недозволенным? (Из газеты); все время хотел сказать ему *что-то* очень приятное, *что-нибудь* рассказать веселенькое; Люди боятся это признать. Поэтому за *что-то* цепляются. . . Лишь бы за *что-нибудь* ухватиться; Как это так, чтобы *кто-то* оказался сильнее его? Чтобы он *кому-нибудь* уступил?; . . .жуткая, значит, у меня судьба: когда *кому-нибудь что-то* надо, я понятен и хорош (В. Лихоносов); Что, по-вашему, лучше. . . сидеть на сцене и показывать ножку. . . или сидеть и *что-то* делать, хотя бы *что-нибудь* незначительное (К. С. Станиславский); В последний момент *что-то* вдруг вспомнишь из собственных поездок. . . *какой-нибудь* случай, встречу, *что-то* из того, что открывалось не сразу, а посте-

нение. . . (ЛГ); Потом вскрылось и такое, что связано со стилем: если *что-нибудь* такое серьезное, торжественное — еканье; если *что-то* бытовое, небрежное — иканье (С. С. Высотский, Лекция-беседа).

Если какой-то контекст допускает употребление любой из двух единиц (в одном и том же или почти в том же значении), строго разграниченных в других контекстах, то появляются условия для их стилистической дифференциации: функционально-стилистической или социально-стилистической. Отмечаемое исследователями расширение сферы деятельности *то*-местоимений, «экспансия» частицы *-то* [см. Фурсенко 1963], видимо, началось с разговорной речи, а затем проникло в художественную и научную.

В настоящее время, как нам кажется, в некоторых контекстах употребление *то*-местоимений воспринимается как «новая» черта, как черта младшей нормы. Это относится, например, к вопросам типа *У вас кто-то был вчера*? (допустим, в ситуации вчерашнего дня рождения, причем у говорящего нет намерения удостовериться в предположении, и произносится вопрос с той же интонацией, с какой бы прозвучал вопрос *У вас кто-нибудь был вчера*?). Любопытно, что Е. М. Галкина-Федорук не могла себе представить вопрос из «Дубровского» в виде: *Знает ли вас кто-то в доме Троекурова*? [Галкина-Федорук 1963, 20]. Ср. также такие примеры:

И вообще я пишу это письмо не для того, чтобы разжалобить *кого-то* и вызвать слезу у сентиментальных дам (Из письма в газету): Если *кто-то* и приведет пример, то не иначе, как единичный. Когда проводишь с *кем-то* хотя бы такой небольшой срок, как две недели, неминуемо узнаешь попутчика и невольно сближаешься с ним (Из очерка).

С другой стороны, есть контексты, в которых употребление *-нибудь* вместо уже ставшего нейтральным *-то* воспринимается как примета старшей нормы (ощущается оттенок некоторой старомодности):

Ты *что-нибудь* не то говоришь; Нет, тут *что-нибудь* не так (М. Зощенко); Вероятно, в Анне было *что-нибудь особенное*, потому что Бетси тотчас заметила это (Л. Толстой); Нетрудно убедиться на опыте, что само произношение (артикуляция) звука [ф] не представляет *чего-нибудь недоступного* для узбека (Е. Д. Поливанов); Судя по всему, здесь не может быть двузначной системы. . ., а должно быть обязательно наличие *чего-нибудь третьего*, что служит необходимым посредником между этими уже не текстами, а именно системами (А. А. Реформатский).

И, наконец, иногда употребление *кто-то*, *что-то* в виртуальных контекстах, предназначенных для *нибудь*-местоимений, дает «художественный эффект: позволяет представить изображаемое как актуальное, конкретное, развертывающееся в действительности:

Как приятно, намерзшись на речке. . . забраться на печь, к дедушке и, не дослушав его сказку, уснуть. И зареветь, если прослушал *что-то интересное* (В. Белов); . . .никто никогда не плакал

из-за нее, разве только Сашечка в тех случаях, когда она *что-то* ему запрещала. (В. Токарева); Кладовщица так образовалась, как будто появившийся врач мог *что-то* изменить в отчужденном отношении к ней шофера (Е. Евтушенко).

Кто-то 3—кое-кто, что-то 3—кое-что

Эти местоимения являются синонимами в значении 'некоторые люди (вещи)', 'есть такие, которые . . .':

Кое-кто впал в отчаяние, а *кто-то*, наоборот, почувствовал себя счастливым; Было *кое-что*, что представлялось еще более необъяснимым, чем неизвестно зачем выдуманный клеветнический рассказ о похождениях в Пушкине, и это *что-то* было изменением во внешности и в манерах администратора (Булгаков); И всегда *кое-что* переставлял, *кое-что* отменял. Каждый спектакль приобретал *что-то* новое (Б. Покровский); Вот только что вернулся из Франции, встречался там с врачами, учеными. *Кое-что* рассказывал, *что-то* показывал (В. Дикуль, Из интервью).

Как нам кажется, о каком-то функционально-стилистическом распределении этих НМ можно говорить лишь применительно к косвенным падежам, тогда как в именительном они стилистически нейтральны (см. с. 201). *Кое-кто* в косвенных падежах характеризует эмоциональную, раскованную речь, *кто-то* — более нейтральную:

Талант делает для других невозможным писать о том же, о чем пишет он. . . А если кому-то больше не о чем писать? (В. Крупин); После войны немало было случаев, когда блокадники обнаруживали *на ком-то* свои вещи, *у кого-то* семейную реликвию (А. Адамович и Д. Гранин).

В приведенных предложениях замена *кто-то* на *кое-кто* изменила бы тональность текста: в нем зазвучал бы намек. Вследствие яркой окрашенности *кое-кто* в газетно-публицистическом языке, устойчивой коннотации неодобрения и отрицательного отношения (см. с. 202), для выражения значения 'некоторые люди' без неодобрения в газетно-публицистических жанрах широко принято НМ *кто-то*:

Поступают и крупные суммы, и просто *кто-то* в конверте присылает несколько рублей. . .; *Кому-то* может показаться: ага, газеты успокаивают, значит, дело здесь нечисто; А если *кто-то* решил проверить себя — надо обратиться в поликлинику и сдать анализ крови; Сознаю, что *кто-то* покривится от излишнего натурализма этих заметок; Если у *кого-то* язык повернется сказать, что пусть все остается как есть, тогда и незачем растравлять души ребят, толкая их на тяжелейшую эту работу.

Вряд ли можно согласиться с существующим мнением [см. Ицкович 1963, Гвоздев 1950, Падучева 1985], что использование местоимений на *-то* вместо местоимений на *кое-* находится вне нормы, так же как и вообще не следует говорить об употреблении, допустим, *кто-то* в м е с т о *кое-кто*. Такое утверждение справедливо, как нам кажется, лишь по отношению к использованию

кто-то, *что-то* в высказываниях типа *У кого-то сонные глазки*, *А кому-то пора стричься*. *А у меня для тебя что-то есть*, характерные для РР, т. е. в случаях разных коммуникативных уловок: говорящий делает вид, что говорит не о собеседнике или с целью заинтриговать его выбирает местоимение с «точки зрения» адресата речи [Шмелев 1984, 69].

Кто-то 2—некто; что-то 2—нечто

Принято считать, что *некто* и *кто-то*, *нечто* и *что-то*, совпадая полностью по значению [18], распределены в стилистическом отношении [Маловицкий 1971, Шелякин 1978]. Есть множество контекстов, подтверждающих полное совпадение значений НМ *некто* и *кто-то*, *нечто* и *что-то* и их свободную взаимозаменяемость. Ср. употребление *некто* и *кто-то* в языке науки для обозначения субъекта, никакие признаки которого не важны и потому не должны называться: *Допустим, что некто смотрит на Луну в телескоп*; *Предположим, что кто-то, встретив своего знакомого там, где меньше всего ожидал, выражает свое удивление этой встречей*.

Точно так же абсолютно синонимичны *нечто* и *что-то* в метаязыке науки, на котором кодируются смыслы слов и предложений: *возможно нечто, не являющееся ни Х-ом, ни У-ом*; *Аргументы не являются цитациями: они нечто значат, и известно, что именно*.

Показательны примеры, когда в пределах одного высказывания или двух однотипных соседних встречаются оба местоимения:

Очевидно, до нее дошло, что в глазах больного появилось *нечто новое*. *Что-то такое*, чего раньше не было; Язык вообще явление удивительное, неисчерпаемое и непонятное. Вот скажешь *что-то*, подумаешь и вдруг обнаружится *нечто* такое, чего и в мыслях у тебя не было (В. Белов); Интересно отметить, что некоторые знаменитые люди рассматривали свою хандру. . . как *нечто высокое*, . . . полагая при этом, что это не признаки физического нездоровья. . ., а *что-то возвышенное* и исключительное (М. Зощенко); В смысле бездарности — это было *нечто* совершенно *особенное*, потрясающее! *Что-то тупое* и наглое глядело из каждой строчки этого коллективного творчества (М. Булгаков).

То, что несклоняемые *некто* и *нечто* как бы автоматически заменяются в косвенных падежах на местоимения *кто-то* и *что-то*, также является свидетельством полного совпадения их значений ср. примеры (1) и (1′), (2) и (2′), (3) и (3′).

(1) Когда я увидел одну из своих книг с его предисловием, почувствовал себя так, словно *некто*, перед кем я преклоняюсь, вручил мне орден (1′). В молодости радовался, конечно, неожиданному хвалебному отзыву на свою книгу за подписью *кого-то*, кем восторгался.

---

[18] Ср. толкование *некто* и *кто-то* в БАС: «*кто-то* — некто, некий человек, существо, *некто* — некий человек, кто-то».

(2) . . . содержится утверждение о том, что письмо есть *нечто вторичное*. (2′) а все остальное они считают *чем-то вторичным*, стоящим вне живописи.

(3) Каждое высказывание произносится в определенной ситуации и составляет *нечто неотчуждаемое* от этой ситуации. (3′) Всякая человеческая речь, язык, как и письменность, является *чем-то живым* и беспрестанно изменяющимся.

И все-таки в функционировании этих НМ есть различия, возможно, обусловленные различиями в их значении.

1. *Некто* в отличие от других НМ, не употребляется в конструкциях с *из*: *некоторые из них*, *кто-то из них*, *кто-нибудь из них*, *кое-кто из них*, но не: **некто из них*. Видимо, это объясняется тем, что *некто* не обозначает 'элемент, выделяемый из множества', а значит именно: 'прямо не называемый субъект'.

2. *Кто-то* не сочетается с собственными именами, *некто* сочетается, употребляясь в художественном повествовании в интродуктивной функции, т. е. вводит в текст ранее не упоминаемое и неизвестное лицо, обозначенное собственным именем, которое, хотя и является определенной дескрипцией, но по сути ничего не уточняет, не объясняет читателю:

Некто Ивлев ехал однажды в начале июня в дальний край своего уезда (И. Бунин); Ранней весной этого года *некто Петр Петрович Гасилин* случайно попал на общее собрание жильцов своего дома (М. Зощенко).

Соединение *некто* с общеизвестным собственным именем дает комический эффект: *А некто Демокрит. . . греческий философ и родоначальник материализма, отхватил сто два года и помер с улыбкой* (*М. Зощенко*).

В РР используется указательное местоимение *такой* в интродуктивной функции. *У нас есть такой Андрей Москвин* (см. об этом [Русская разговорная речь 1979]). *Некто такой* в той же функции характеризует просторечие: *Жил в Ленинграде некто такой Сисяев. Такой довольно арапистый человек* (М. Зощенко); *Любовник у нее был некто такой Кашкин, без стеснения носивший свою весьма неважнецкую фамилию* (М. Зощенко).

3. В то время как *кто-то*, *что-то* не могут быть ремой (хотя могут входить в состав ремы: *Это сделал кто-то из ребят*), *некто* и *нечто* могут, хотя при этом у них происходит наращение смысла. На вопрос: *Что ты принес*? нельзя ответить *что-то*, но можно заинтриговывающее *нечто*. Ср.: *Вчера звонок. Открываю дверь — на пороге некто* (не: *кто-то*). Ср. также описательное *не знаю уж кем* вместо *кем-то* в следующем примере: *Работает где-то на заводе или на фабрике. Не знаю уж, кем.* (А. Адамов). Именно запретное употребление НМ *кто-то* в реме служит источником юмора во фразе: *Он служил на коннозаводе не то кем-то, не то чем-то, не то черт его разберет кем, — каким-то, кажется, объездчиком* (М. Зощенко).

4. С этим связано и то, что в отличие от *кто-то* и *что-то*, ко-

торые могут быть либо безударными, либо находиться только под фразовым (т. е. формальным) ударением, *некто* и *нечто* могут нести на себе логическое ударение, выделяться, подчеркиваться и тем самым получать особую значимость, весомость, таинственность. Неудивительно поэтому, что *некто* и *нечто* несут в художественной речи особую эстетическую нагрузку. Так, в (4) *кто-то* вместо *некто* означало бы только, что речь идет о неизвестном окружающим субъекте; *некто*, вводя новое «лицо», в то же время заинтриговывает читателя; в (5) *некто* придает таинственность описываемому; в (6) *некто* (вместо «нейтрального» *кто-то*) перетягивает на себя ударение, требует после себя паузы, делается центром интонационной конструкции — и вместе со всем этим прибавляет к смыслу 'неизвестный субъект' неодобрительную оценку (*некто* здесь синоним «какой-то тип»), а описываемой ситуации — значительность.

(4) На ювелиршином пуфе в развязной позе развалился *некто третий*, именно — жутких размеров черный кот со стопкой водки (Булгаков).

(5) Фонарики пляшут по хоботам сонных сосулищ, по дремлющим друзам, и кажется — в штольне невидимо прячется *некто*, и с полурассыпанным, грустно сверкающим грузом лежит на боку перевернутая вагонетка (Е. Евтушенко).

(6) Однажды *некто* несколько раз звонил в Переделкино, требуя к телефону неизвестную Надю. . . *Некто* клал, не извинившись, трубку и звонил снова (Н. Ильина).

В разговорной речи, которая близка к художественной склонностью к языковой игре, употребление *некто* вместо *кто-то* означает шутливое желание подчеркнуть важность описываемого: *О вас справлялся некто*. Говорящий может знать того, кого он шутливо, с намеком на значительность этого лица для собеседника «зашифровал» местоимением *некто*.

Предмет (чувство, явление и т. п.), передаваемые местоимением *нечто*, также отличается от предмета (чувства, явления), передаваемого местоимением *что-то*, важностью и значительностью, а точнее, тем, что говорящий оценивает их как важные, значительные: *Им, несомненно, было понятно, что сейчас нечто произойдет* (Ю. Герман); *Историк знает — вот-вот нечто вспыхнет, а у царя уже доносы Шервуда и Бошняка о планах скорого восстания и цареубийства* (Н. Эйдельман); *Я приготовляю нечто в надежде разом облагородить искаженный лик истории* (Б. Окуджава); *Это еще не нечто, но уже что-то* (РР). Ср. также: *Значит ли это, что я — ничто, а вы — большое нечто?* (Ю. Олеша).

5. С этим связаны и еще некоторые особенности употребления *некто* и *нечто*: в отличие от других НМ, *некто* и *нечто* не употребляются с усилительно-выделительными частицами и не могут выступать членом противопоставления. Ср. *не у кого-нибудь, а у Вас*;

не что-нибудь, а именно ананас; *не где-нибудь, а в семье*, *что-нибудь да сообразим*; *пусть не все, но хоть что-то* и т. п.

6. И *что-то* и *нечто* чаще всего имеют постпозитивное определение, но только *нечто* может иметь препозитивное определение, т. е. становиться почти полноценным существительным — в художественной (в широком смысле слова) речи, т. е. в речи, имеющей эстетическую установку:

Это *холодное, неподвижное, ненужное нечто* — это я, тот прежний я? (Тургенев); Пора приниматься за *очередное нечто* (А. Эфрос); *Неясное нечто*, тебя карауля, Приблизится произнести приговор (М. Петровых); Чувство это было глубже, трепетнее, несло в себе *суеверное нечто* (Н. Кожевникова).

В заключение отметим, что *нечто* может выступать и синонимом *кое-что*. В тех случаях, когда смысл требует местоимения *кое-что*, а официальность обстановки как бы запрещает употребление этого «непрезентабельного» местоимения [19], говорящий избегает им пользоваться и заменяет его другими НМ. Ср. *В этом направлении тоже нечто делается* (Из официального отчета).

НМ-НАРЕЧИЯ

Среди местоименных наречий можно выделить наречия со значением места, времени, причины (*почему-то*, *почему-нибудь*), цели (*зачем-то*, *зачем-нибудь*), образа действия (*как-то*, *как-нибудь*). Ниже рассматриваются местоименные наречия места и времени.

НМ-наречия места

К ним относятся: *где-то*, *где-нибудь*, *где-либо*, *кое-где* (устар. *негде*), *куда-то*, *куда-нибудь*, *куда-либо*, *кое-куда*; *откуда-то*, *откуда-нибудь*, *откуда-либо*, *кое-откуда* [20]; *там и сям*, *местами*, *откуда ни возьмись*. Наречия места с частицами *-то* и *-нибудь* обычно толкуются в словарях соответственно через НМ *какой-то* и *какой-нибудь*; наречия с *-нибудь* и *-либо* признаются словарями синонимичными. Приведем толкования этих наречий в МАС: *где-то* — «в каком-то, точно не известном месте»; *где-нибудь* (=*где-либо*) «в каком-нибудь месте»; *куда-то* — «в какое-то место, неизвестно куда»; *куда-нибудь* (=*куда-либо*) — «в какое-либо место, в какомлибо направлении, безразлично куда»; *откуда-то* — «из какого-то, точно не известного места // из какого-то, точно не известного источника»; *откуда-нибудь* (=*откуда-либо*) — «из какого-нибудь места// Из какого-нибудь источника.»

Эти толкования мы считаем в принципе правильными; однако, как было показано выше, у *какой-то* имеется несколько значений

[19] Ср.: [у Андрея Белого:] «Непрезентабельное кое-что внутрь себя громадное приняло ничто» (А. Белый, «Петербург», гл. VII).

[20] В словарях этого наречия нет. См. ниже пример на *кое-откуда* у А. Платонова.

и соответственно наречия с частицей *-то* имеют, помимо основного значения неизвестности места или направления, и некоторые другие значения. Следует уточнить эти значения. Это сделать тем более важно, что в лингвистических работах, посвященных семантике НМ, значения НМ-наречий специально не описываются.

Чтобы избежать повторения однотипных определений, мы не будем приводить толкования всех наречий, ограничившись толкованием наречий с основой *где-*; *куда-* и *откуда-* могут быть получены из приводимых толкований путем соответствующей замены предлогов и падежных окончаний: если *где-то* — 'в каком-то месте', то *куда-то* — 'в какое-то место', *откуда-то* 'из какого-то места' и т. д. Примеры же будут приводиться на все наречия. Напомним, что так же, как и при описании значений НМ-существительных и НМ-прилагательных, мы в ряде случаев умышленно даем несколько толкований одного и того же местоимения.

Где-то, куда-то, откуда-то

У *где-то* мы выделяем пять значений: 1) 'в каком-то 1 месте (неизвестно где)', 2) 'в каком-то 2 месте (в точно не называемом месте)', 3) 'в некоторых местах', 4) 'приблизительно', 5) 'в каком-то 2 отношении'.

Где-то 1 'в каком-то 1 месте' '(неизвестно где)':

Читал я *где-то* Что царь однажды воинам своим Велел снести земли по горсти в кучу (Пушкин) [21]; Потолка не было видно, хотя *где-то над головой* мышонка зияло большое отверстие (В. Бианки); Виктор Арсентьевич полнейший дилетант. Работает *где-то на заводе* или на фабрике (А. Адамов); И два дня она *где-то* пропадала (РР); Был фильм/ который *где-то за границей*. . . в общем он имел успех (РР); А солнце было *где-то наверху* (РР); Небо покрывали разорванные, *куда-то* плывущие облака (Ф. Искандер); Нет// Они *куда-то* его. . . уволокли/ Боря с Таней (РР); Его увезли куда-то там/ и я его больше не видела (РР) [22]; Она (темнота. — *С. К.*) проступала на снегу *откуда-то изнутри*, как болезнь (Г. Пряхин); Тут вдруг действительно *откуда-то сверху* пронеслась птица и села на крышу (В. Крупин); Щас масса *откуда-то* выброшено старая обувь/ старого платья/ старых. . . пальто/ не знаю откуда// мпого (РР).

Как видно из примеров, *где-то*, *куда-то*, *откуда-то* в этом значении стилистически нейтральны и могут использоваться во всех

---

[21] В МАС для *откуда-нибудь* и *откуда-то* указывается «оттенок» 'из какого-нибудь источника', 'из какого-то источника', тогда как для *где-то*, *где-нибудь*, *куда-то* и *куда-нибудь* не указывается, хотя уже данный пример подтверждает именно это значение: 'говорящий не помнит, в каком именно источнике информации он почерпнул данные сведения'. В настоящей работе мы будем понимать слово *место* в расширительном значении и не будем всякий раз добавлять, что место может означать и источник информации.

[22] Ср. использование «разговорного» *где-то там* в художественной литературе в целях стилизации: *Он заведовал где-то там провиантом. . . Оттого лишь Сергей Сергеич, где-то там, стал заведовать провиантом, что свободы жены не хотел он стеснять* (А. Белый).

языковых сферах, однако не все языковые сферы нуждаются в передаче этого значения: в официально-деловом языке и в языке науки использование этих наречий маловероятно. В просторечии, а также в художественной литературе в целях стилизации используются варианты *где-то там такое*, *куда-то там такое*, ср. у М. Зощенко: *А его сын вскочил на ноги и бросился куда-то там такое.*

Где-то, *куда-то*, *откуда-то* не могут быть предметом сообщения и употребляться в реме, а потому на них не может падать логическое ударение, но только фразовое. В случае, если предметом сообщения является именно неизвестность места, эта неизвестность не передается НМ: *Тетя Оля сказала*: «*Я великолепно помню, что пришла в двух калошах. А тут сейчас только одна, а где вторая, неизвестно*» (М. Зощенко).

Однако в поэтическом языке «все возможно». Ср. у М. Цветаевой: *Все признаки с меня, все меты*; *Все даты — как рукой сняло*; *Душа, родившаяся — где-то*. Здесь *где-то*, использованное в реме, несущее на себе не только фразовое, но и логическое ударение, «перерастает себя» и обретает уникальный смысл, в котором есть общее и со старинным наречием места *не́где* и с современным *нечто* (коннотация «важности»).

Как нам кажется, *где-то* для обозначения местоположения существа или предмета в пространстве, особенно в сочетании с уточняющими обстоятельствами, склонно лексикализоваться, приобретать сопутствующее значение ‘далеко’. Нередко *где-то* выступает в сопровождении наречий *далеко*, *вдали*: В нем топи, кочки и осины, И мхи, и заросли ольхи, И *где-то за лесной трясиной* Поют в селенье петухи (Б. Пастернак); И столько широты во взоре, И так покорно все извне, Что *где-то за стволами* море Мерещится все время мне (Б. Пастернак); Он (смех. — *С. К.*) катил впереди нас и вместе с пылью затухал, оседал *где-то далеко-далеко* (Г. Пряхин); И вдали/ вдали/ *там где-то* деревья так вот понатыканы/ сосны (РР).

Где-то 2 ‘в каком-то 2 месте’, ‘в точно не называемом месте’: Лишь только *где-то на поверхности тела* начинает образовываться вихрь, как тут же на этом месте изменяется упругость кожи (Из газеты); Как будто *где-то* был мор. . . Значит наверно какой-нибудь мор был (РР); Может вам тоже *где-то* сесть? (РР); А у вас там вещи *где-то* были | да? (РР); Вечно *куда-то* бежишь, о чем-то хлопочешь!; Вот ты *откуда-то* вернулся, что ты будешь делать прежде всего? (РР).

Это значение реализуется в так называемых дистрибутивных и модальных контекстах, т. е. в контекстах, «предназначенных» для *нибудь*-местоимений, и это приводит к некоторой конкуренции в функционировании *-то* и *-нибудь* наречий (см. об этом ниже).

Где-то 3 ‘в некоторых местах’: . . . прошелся вдоль хора, что-то *где-то* подладил (Г. Пряхин); Конструктор сделал машину, не хуже, чем делают и продают *где-то* — так и «гром победы»?

(Ю. Черниченко); Прошел слух, что его *куда-то* вызывали и что ему разрешено (Ю. Трифонов).

Где-то 4[23] — ‘приблизительно’ (во временно́м значении): Он приехал *где-то в пять* ‹где-то в середине дня›, ‹где-то в начале мая›, ‹где-то около 10 часов›; Семен Иванович Шаховской написал *где-то между 1623 и 1625 годом* письмо к царю Михаилу Федоровичу; Сам понятийный аппарат установлен *где-то в 18 веке*.

Такое употребление характеризует речь раскованную, не строгую.

Где-то 5 ‘в некотором отношении’: *Он где-то неправ*; *Другой — бурят, не старик, но где-то около* (Е. Евтушенко); *Автор «Детского сада». . . не скрывает, что в одиннадцатилетнем главном герое фильма. . . где-то предстает его собственная биография* (из рецензии).

Такое употребление *где-то* является чертой речи претенциозной, стремящейся к щеголянию «модными» словечками. Словарь С. И. Ожегова не рекомендует употребление *где-то* в значениях, которые мы обозначили как *где-то 4* и *где-то 5*.

Где-нибудь, куда-нибудь, откуда-нибудь

Как и у других *нибудь*-местоимений, у наречных местоимений можно выделить 1) значение безразличности (*Поезжай куда-нибудь. Надо куда-нибудь поехать*) и 2) ‘в каком-нибудь 2 месте’, ‘в том или ином месте’:

И когда я *где-нибудь* ходила, видела какие-нибудь цветы/ которых у меня нет/ я ночи не спала (РР); Я . . . может быть *в магазине где-нибудь* буду болтаться (РР); *Впереди где-нибудь* есть, может быть, пища и тепло (В. Бианки); Шали, и боты, и башлыки, Вечно *куда-нибудь* их занапастишь (Б. Пастернак); По всему заметно было, что он ехал *куда-нибудь* с визитом (Н. В. Гоголь); А-а-а/ аферист какой-нибудь попался, *куда-нибудь не туда* увез (РР); А вас вывозили там/ летом *куда-нибудь*? (РР).

В РР *куда-нибудь* может означать не только ‘в какое-нибудь место’, но и ‘в какой-нибудь орган власти’[24], ср.: отражение РР в художественной литературе: *Вчера были выбора в совет дружины. А тебя выбрали куда-нибудь? — спросил Корольков* (В. Токарева).

У *где-нибудь*, как и у *где-то*, есть значение ‘приблизительно’ (во временно́м значении): *Приеду где-нибудь к пяти. Это было где-нибудь в пятидесятых годах*.

Где-либо, куда-либо, откуда-либо

Где-либо 1 ‘в каком бы то ни было месте’: *Девушки в Малороссии имеют гораздо более свободы, нежели где-либо* (Н. Гоголь, пример из БАС).

---

[23] Значения *где-то 4* и *где-то 5* характеризуют именно это наречие, но не *куда-то, откуда-то*.

[24] Подобное употребление свойственно и вопросительному местоимению *куда*: — *Ну и куда же тебя выбрали*?

Где-либо 2 ‘в том или ином месте’: Всем им, вскользь промелькнувшим *где-либо*, И пропавшим на том берегу, Всем им, мимо прошедшим, — спасибо. Перед ними я всеми в долгу (Б. Пастернак).

Кое-где, кое-куда, кое-откуда

Кое-где ‘в некоторых местах’, ‘есть места, в которых. . .’: Прямо перед нами, на другом берегу, желтело овсяное поле, *кое-где* проросшее полынью (И. С. Тургенев); *Кое-где* на этом первоначальном рисунке видны следы поправок (В. Сергеев); *Кое-где* мне откровенно чинили препятствия в моем расследовании, в других местах были неискренни и, скрывая свою вину, все валили на коллег (Из письма в ЛГ); В Белоруссии *кое-где* дожди (Прогноз погоды по радио); Таким качеством обладает малоизвестная диалектная черта — произношение взрывного среднеязычного. . ., что *кое-где* и изредка встречается в говорах самых различных типов (Научн.).

Кое-где, как видно из примеров, стилистически нейтрально и употребляется в тех языковых разновидностях, в которых возникает необходимость в этом местоименном наречии. В газетно-публицистической разновидности русского языка, и даже в таком строгом ее жанре, как передовая статья, *кое-где* используется очень активно. Ср. примеры из газет: *Кое-где* шефство над молодежью сводится лишь к обучению трудовым приемам. . . Более того, *кое-где* даже злостным прогульщикам выдают как ни в чем не бывало премии. Как видно из почты «Правды», *кое-где* все еще руководят соревнованием «в общем и целом». *Кое-где* медлят с севом.

Обращает на себя внимание, что во всех примерах *кое-где* употребляется в неопределенно-личных предложениях, в которых намеренно устраняется точное называние не только места действия, но и субъекта действия. Во всех этих примерах под *кое-где* имеется в виду не просто «некоторые места», о которых не хотят говорить, а некоторые учреждения, предприятия, районы, колхозы. Умышленное неназывание родового понятия вносит неодобрительный оттенок в данные высказывания.

Эвфемистическое употребление *кое-где*, *кое-куда*, *кое-откуда* характеризует речь раскованную, и потому, естественно, встречается в РР и в литературно-художественной речи: Ему давно уже надо *кое-куда* сбегать, но он не выходит из-за стола ни на минуту (Чехов); Собрали фонд по самообложению, а теперь берем из фонда и еще *кой-откуда* (А. Платонов) [25].

---

[25] В БАС, МАС, СО местоимение *кое-откуда* (*кой-откуда*) не зафиксировано.

Употребление синонимичных НМ-наречий места

Где-то 2—где-нибудь 2, куда-то 2—куда-нибудь 2, откуда-то 2—откуда-нибудь 2

Хотя в контекстах, в которых употребляются и *то-* и *нибудь*-местоимения, противопоставление фиксированности—нефиксированности места оказывается нейтрализованным, однако выбор *где-то* вместо *где-нибудь* вносит в высказывание элемент фиксированности, конкретности, реальности, актуальности и помогает представить описываемую ситуацию как развертывающуюся в действительности. Поэтому употребление *где-то*, *куда-то*, *откуда-то* в модальных контекстах характерно прежде всего для языковых разновидностей, нацеленных на эстетическое воздействие на собеседника, т. е. для РР, газетно-публицистической и художественной речи: *А с Катькой куда-то поехать невозможно* (РР). Ср. также примеры на *где-то 2* (с. 218). Не исключено, что использование *то*-местоимений в косвенных модальностях имеет тот же эффект, что и использование настоящего времени при описании событий, имевших место до момента речи.

Где-нибудь 2—где-либо 2

Эти наречия синонимичны лишь в значении 'в том или ином месте'. Функционирование их сходно с функционированием других *нибудь-* и *либо*-местоимений (см. выше). Отметим, что поскольку у местоимений с *-либо* нет значения безразличности, то употребление *либо*-местоимения в контексте, в котором реализуется значение 'безразлично в каком месте', оказывается неуместным, создает дополнительный эффект и в художественной литературе может использоваться для создания языковой характеристики носителя просторечия: *А если, допустим, они меня не возьмут, то я на завод куда-либо устроюсь* (М. Зощенко).

Где-то—кое-где, куда-то—кое-куда, откуда-то—кое-откуда ('в некоторых местах')

Синонимичность (в том числе и стилистическую) этих наречий можно продемонстрировать на следующем примере: *Кое-где на этом первоначальном рисунке видны следы поправок. Где-то чуть выпрямлена или, напротив, округлена линия* (В. Сергеев).

Оба наречия используются не только тогда, когда точное указание места несущественно, но и для умышленного умолчания, для намеренного устранения известности места, а также и для намека на известное как говорящему, так и адресату место. И умолчание, и намек принадлежат к речевым намерениям говорящего, реализуемым не во всех языковых разновидностях, а преимущественно в РР, в некоторых газетно-публицистических жанрах и в художественной литературе (примеры см. выше).

НМ-наречия времени

Для передачи временных отношений используются местоименные наречия: *когда-то*, *как-то*, *когда-нибудь*, *как-нибудь*, *когда-либо*, *когда* (без частицы), *кое-когда*, *некогда*. Местоименные наречия времени обладают особенностями, которые присущи только им и отсутствуют у всех остальных НМ. Например, в отличие от других *то*-местоимений (в том числе и местоименных наречий), *когда-то* не имеет значения, в которое входит компонент ‘неизвестно’, т. е. ‘неизвестно когда’, ‘неизвестно в какое время’.

Принято считать, что одни НМ-наречия времени относятся к будущему, а другие к прошлому (Левин 1973, Янко-Триницкая 1977). Действительно, если предложить кому-нибудь продолжить фразу, начинающуюся с «Когда-нибудь. . .», то скорее всего речь пойдет о будущем, напрашивается продолжение: . . .*мы увидимся* ‹*встретимся*, *пойдем*› и т. п. После начального «Когда-то. . .» скорее всего речь пойдет о прошлом: . . .*жили мы*, *были знакомы*, *ездили* и т. п. Основное назначение местоимений *когда-нибудь* и *когда-то* — относить действие соответственно к будущему или к прошлому. Ср. также: *Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок*, | *Исписанный когда-то мною*, | *На время улети в лицейский уголок* | *Всесильной*, *сладостной мечтою* (Пушкин).

Однако и *когда-нибудь* может относиться к прошлому, и *когда-то* может относиться к будущему: *Ты когда-нибудь был в Париже*? *Зачем говорить о том, что будет когда-то*? Остановимся подробнее на значении НМ-наречий времени.

Как-то

По данным словарей это наречие синонимично наречию *когда-то*. Так, в БАС оно описывается через синонимы: «когда-то, некогда, однажды», в МАС-1982 к этому добавлено: «употребляется при затруднении точно определить время действия». Действительно, и *как-то*, и *когда-то* указывают на действие в прошлом — точно так, как формы прошедшего времени глаголов. Ср.:

(1) а. Я жил в Париже.
б. *Как-то* я жил в Париже.
в. *Когда-то* я жил в Париже.

Легко, однако, видеть, что примеры с НМ (1 б—в) существенно отличаются по значению от примера (1а), не включающего НМ: местоимения *как-то* и *когда-то* привносят важные дополнительные компоненты смысла, причем эти компоненты различны для двух рассматриваемых местоимений. Попытаемся вскрыть эти различия в семантике местоимений *как-то* и *когда-то*.

Приведем некоторые примеры.

(2) У скучной тетки Таню встретя, К ней *как-то* Вяземский *подсел* И душу ей занять успел (Пушкин); Я *как-то* на днях *увидел*, что из коридора вечером ко мне в комнату проползала ящерица

ИРЯ
институт русского языка им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

(И. Гончаров); *Как-то* поздним вечером я *вышел* в сад к колодцу (К. Паустовский); Где я обрывки этих речей *Слышал уж как-то* порой прошлогодней (Б. Пастернак); *Как-то прихожу* я в парикмахерскую. . . (РР).

(3) Дом Обломовых *был когда-то* богат и знаменит в своей стороне (Гончаров); *Когда-то* по берегам Дона *росли* вековые дубравы (Паустовский); Важные со звездами генералы, *бывшие* милыми повесами *когда-то* (М. Кузмин); *Когда-то* я *любил*. *Когда-то* я *был жив* (Е. Евтушенко); Даже *гремевший когда-то* на всю республику тартуский совхоз. . . перешел в разряд середняков (Из газеты): Следует еще отметить, что Г. А. Климов удачно продолжил *сказанное когда-то* С. И. Бернштейном слово «плюрализм» в отношении фонологических концепций (Научн.).

Может показаться, что различие между *когда-то* и *как-то* заключается в «отодвинутости» прошлого от говорящего: *когда-то* относит описываемое к более далекому прошлому, *как-то* — к более близкому, недавнему, ср.: *Когда-то лет 20 назад*. . . и *Как-то на днях*. . ., ср. также невозможность *когда-то на днях*. . . . Однако существуют высказывания, которые противоречат такой интерпретации различий между *когда-то* и *как-то*. Ср.: *Много лет назад я как-то увидела картины одного американского художника*. . .; *Ф. М. Достоевский, говоря о Гоголе, как-то заметил, что* . . . (Ю. Манн); *Делакруа как-то записал в дневнике*. . . (Из статьи в журнале). Предложение *Как-то я к нему пришел и он говорит*. . . (РР) может принадлежать пожилому человеку, который вспоминает то, что произошло 50 лет назад, в его юности.

Рассмотрим некоторые различия в значении этих наречий.

1) С помощью *как-то* говорящий выделяет один момент в прошлом из других моментов, которые мыслятся им как обычные, рядовые. Поэтому так неестественно выглядит фраза *Как-то заболел я раком*. По этой же причине сказать *Как-то я жил в Париже* можно только в том случае, если для говорящего поездки в Париж или вообще за границу являются обычными (или если говорящий лукавит и хочет представить дело именно так). При замене союза *как-то* союзом *когда-то* смысл существенно меняется, сказать *Когда-то я жил в Париже* может и человек, который никогда больше не был за границей.

Поскольку *как-то* описывает действия обычные, рядовые, то, естественно, они характеризуются сравнительной непродолжительностью. Это различие между союзами *как-то* и *когда-то 1* можно проиллюстрировать следующими примерами:

(4) а. Эту песню пела как-то моя покойная мать.
б. Эту песню пела когда-то моя покойная мать (Г. Пряхин).

В (4 а) речь идет, вернее всего, о кратком периоде, может быть, даже об одиночном действии, в (4 б) — об узуальном действии, занимающем длительный период.

Естественно, что *как-то* сочетается только с глаголами, обозначающими актуальное действие. Ср. в приведенных выше примерах *подсел*, *увидел*, *проползла*, *вышел*, *прихожу*. *Когда-то* сочетается как с глаголами, обозначающими актуальное действие, так и с такими, которые обозначают не действие, а свойство, качество или состояние, проявляющиеся в течение длительного периода (примеры см. выше).

2) Для противопоставления *когда-то* и *как-то* оказывается существенной оценка времени говорящим. Ю. Д. Апресян высказал мысль, что в модальную рамку некоторых языковых единиц входит оценка говорящим времени описываемого события: говорящий может мыслить время как «свое» или, наоборот, как находящееся вне его времени. Так, различие между *уже* и *еще* в конструкциях типа *Уже Щерба писал* и *Еще Щерба писал* заключается в том, что при *уже* говорящий считает, что реальное (фактическое) время события входит во время говорящего ($T_ф$ входит в $T_г$), тогда как при *еще* говорящий считает, что $T_ф$ не входит в $T_г$ [Апресян 1983, 325].

Как нам кажется, применение этого наблюдения Ю. Д. Апресяна оказывается необходимым при описании семантики местоименных наречий *когда-то* и *как-то*. В основе противопоставления *когда-то* и *как-то* лежит разная оценка говорящим прошлого времени: когда-то относит событие к прошлому, которое, по оценке говорящего, не входит в «его» время ($T_ф$ не входит в $T_г$), а *как-то* относит действие к прошлому времени, которое по оценке говорящего, входит в его время ($T_ф$ входит в $T_г$). Ср. два примера:

(5) а. Щерба *когда-то* сказал, что. . .
б. Щерба *как-то* сказал, что. . .

В примере с *как-то* Щерба включается говорящим в современный период развития науки; не знающий этого языковеда вполне может допустить, что речь идет о живом ученом. В примере с *когда-то* это допущение менее вероятно, Щерба как бы относится к предшествующему периоду. Именно в связи с этими различиями у наречия *когда-то* имеется сопутствующий признак ‘давно’, а у *как-то* — ‘в недавнем прошлом’.

Благодаря своей семантике, *как-то* в повествовании позволяет перенестись в то время, в котором развертываются описываемые события, как бы приближает событие к адресату. Не случайно *как-то* хорошо сочетается с глаголами в настоящем времени, используемыми для описания действия в прошлом: *Иду я как-то по Невскому* . . . (РР); *Идет медведь продолговатый Как-то поздно вечерком* (Н. Заболоцкий).

Исходя из сказанного, наречию *как-то* можно дать следующее толкование: *как-то* — ‘в один из точно не называемых непродолжительных, рядовых моментов в прошлом, который входит во время говорящего’.

Когда-то 1

Местоимение *когда-то* имеет два значения, одно из которых относится к прошлому (*когда-то 1*), а другое к будущему (*когда-то 2*). Первое значение анализировалось выше, параллельно с анализом наречия *как-то*, и нам остается лишь сформулировать само толкование: *когда-то 1* — 'в один из точно не называемых периодов в прошлом, который не входит во время говорящего'.

Назначение *когда-то* и *как-то* — фиксировать, выделить один момент в прошлом: по признаку фиксированности они, таким образом, сходны с другими *то*-местоимениями. Оба эти наречия употребляются обычно в интродуктивных предложениях.

Область их применения — рассказ о прошлых событиях, следовательно, они встречаются, как правило, в РР и в художественном повествовании.

Когда-то 2

Когда-то 2 — 'в один из точно не называемых периодов в будущем'.

Она *когда-то кончит* болтать по телефону? (РР); Я надеюсь, что, может быть, *когда-то* мне *удастся* это сделать. (Из выступления); . . .Но все же именно благодаря ему (лекарству. — *С. К.*) я почувствовала, что это *будет когда-то* (Из частного письма); Я тебе издалека говорила . . .: ты не кручинься, если *когда-то* тебе *придется* меня обидеть (В. Лихоносов); Три года, они пройдут, они ведь *когда-то кончатся* (А. Рыбаков).

Это значение реализуется только в так называемых модальных контекстах. В этих контекстах, предназначенных для *нибудь*-местоимений, как было показано выше на примере других НМ, происходит нейтрализация противопоставления значений *нибудь*- и *то*-местоимений. Употребление *когда-то* в этом значении, которое является основным для *когда-нибудь* (ср. во всех приведенных примерах возможность замены *когда-то* на *когда-нибудь*), свойственно непринужденной речи, т. е. разговорной, и как отражение ее может проникать в художественную литературу.

Некогда

НМ *некогда* используется для отнесения события к прошлому и является синонимом местоимения *когда-то 1*. *Некогда* употребляется преимущественно в художественном повествовании: Параллельные линии на болотах *некогда* провел Петр (А. Белый); . . . привозили, разгружали, лепили, красили, отделывали, переделывали ее кухню, превращая убогое *некогда* помещение в блистающий уголок квартиры (Г. Семенов).

Как-нибудь

В толковых словарях *как-нибудь* считается синонимом *когда-нибудь* (ср., например, БАС). Это мнение, видимо, ошибочно: ср. следующие примеры, явно различающиеся по значению:

(6) а. *Когда-нибудь* я съезжу в Ленинград.
б. *Как-нибудь* я съезжу в Ленинград.

И в своем значении, и в соотношении с другими НМ-наречиями времени местоимение *как-нибудь* имеет много общего с рассмотренным выше местоимением *как-то* — с той разницей, что *как-то* описывает один из моментов в прошлом, *как-нибудь* — в будущем, ср.:

Мне должно после долгой речи И погулять и отдохнуть: *Доконччу* после *как-нибудь* (А. Пушкин); И мгла моя, мой друг, божусь, Он *станет как-нибудь* Белей, чем бред, чем абажур, Чем белый бинт на лбу! (Б. Пастернак); Хорошо бы, допустим, *как-нибудь* махнуть в Ахтари на таранку (Ю. Черниченко); К тебе я постараюсь заглянуть *Как-нибудь*, *как-нибудь*, *как-нибудь* (Из песни).

Мы видим, что *как-нибудь* так же, как местоимение *как-то*, описывает один из непродолжительных, рядовых моментов, который входит во время говорящего, — только этот момент относится к будущему. Семантика и прагматика этого местоимения предопределяют его функционирование — главной областью его применения является разговорная речь и ориентированные на ее воспроизведение языковые сферы.

Когда-нибудь

Как уже было сказано, основное значение этого местоимения связано с описанием будущего: *когда-нибудь 1* — 'в один из точно не называемых периодов в будущем, который не входит во время говорящего': *Когда-нибудь* я с бала да в могилу (Грибоедов); Ты требуешь от меня подробностей об «Онегине» — скучно, душа моя. В другой раз *когда-нибудь* (Пушкин); Заведу я себе *когда-нибудь* деревеньку (Гоголь); Он расцветет *когда-нибудь* коммуной В скрещенье многих майских годовщин (Б. Пастернак); Годами *когда-нибудь* в зале концертной Мне Брамса сыграют — тоской изойду (Б. Пастернак); Ох, и закусают тебя *когда-нибудь* пчелы, — сказала ему вслед жена (Ф. Искандер).

Это значение реализуется, как видно из примеров, в контексте глаголов будущего времени. В других модальных контекстах реализуется другое значение этого наречия — *когда-нибудь 2*.

Когда-нибудь 2 — 'когда бы то ни было в прошлом'. Это значение не фиксируется словарями: Если когда-нибудь. . . сердце ваше знало чувство любви. . . (Пушкин); Не может быть, Чтобы когда-нибудь ты притворялся (А. К. Толстой); Меня еще ласкают, но московская жизнь кажется мне прелестнее, нежели *когда-нибудь* (Н. Карамзин); Может, я *когда-нибудь* его и встречал, но что-то не помню (РР); Если я *когда-нибудь* тебя обидел, прости (РР).

Когда-либо

Нельзя согласиться с толкованием этого наречия в словарях. Ср. *когда-либо* — «в какое-нибудь время, относящееся к прошлому

или будущему; неизвестно, когда именно» (БАС). Пример, приведенный в этом словаре, выглядит неестественно: «Приеду когда-либо», иллюстрации же из литературы подтверждают, что *когда-либо* имеет смысл 'когда бы то ни было': *Елена вдруг стала дичиться всех, даже Увара Ивановича, который более чем когда-либо недоумевал и играл перстами* (Тургенев); *Нина смеялась, сверкая мелкими белыми зубами, более кокетливая и веселая, чем когда-либо* (Куприн). Ср. также: Вот, ваше превосходительство, — обратился он к Крылину, — рекомендую: единственная в свете женщина, которую я *когда-либо* серьезно любил (Чехов); Поверьте, уважаемая Софья Павловна, я поражен больше, чем *когда-либо* в жизни (М. Зощенко); По меньшей мере наивно предполагать, будто какое-нибудь растение или животное *когда-либо* лелеяли мечту угодить в наш желудок (В. Леви).

Местоимения-наречия *когда-нибудь 2* и *когда-либо* являются синонимами в значении 'когда бы то ни было'. Приводимые ниже примеры доказывают отсутствие стилистического распределения между ними:

Пьер подсел к огню и стал есть кавардачок, то кушанье, которое было в котелке и которое ему казалось самым вкусным из всех кушаний, которые он *когда-либо* ел (Л. Толстой); Это будет самое вкусное блюдо, какое *когда-нибудь* знал мой грешный язык (Г. Семенов); Это же гениальное произведение, *когда-либо* появлявшееся на свет (Г. Семенов); Никто не знал, волнуется ли *когда-нибудь* Коломейцев (Е. Евтушенко); В эти дни, может быть, более, чем *когда-либо*, сказывалось благородство его характера, сила выдержки (Ф. Углов).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы убедились, что НМ участвуют в передаче разных видов неопределенности. В общем виде неопределенность — это отсутствие точного указания на лицо, предмет, признак, место, время, причину, количество. Это отсутствие может быть вызвано различными причинами, в том числе различными коммуникативными намерениями говорящего: говорящему неизвестно лицо, предмет, признак и т. д.; говорящий не уверен, что они ему известны; говорящий считает ненужным уточнить, дать точную информацию, хочет утаить ее и т. п. При этом следует учитывать, что между известностью и неизвестностью имеются промежуточные ступени, как и между уверенностью и неуверенностью.

Почти все НМ имеют по два или больше значения, распределенных в зависимости как от семантики сочетающихся с ними слов, так и от различных других компонентов высказывания.

С точки зрения функционирования НМ существенно разбиение языковых разновидностей на строгие и нестрогие. Строгие языковые разновидности («книжная речь») — это те, для которых первичной является письменная речь, они ориентированы на официаль-

ность отношений и обстановки, исключают эмоциональность речи. К ним относятся: официально-деловая речь, письменная научная, информационные жанры публицистики, художественное повествование (так называемое объективированное).

В противоположность им нестрогие языковые разновидности («непринужденная речь») ориентированы на устную форму речи, на неофициальность отношений и обстановки. К ним относятся: разговорная речь, неинформационные жанры публицистики, художественное повествование (субъективированное), устная научная речь, речь научно-популярной литературы.

Поскольку крайние полюса выделенных языковых разновидностей представлены разговорной речью и официально-деловым языком, коротко охарактеризуем их с точки зрения употребления НМ. В разговорной речи абсолютно не употребляются местоимения на *-либо*, носящие на себе отпечаток деловой или научной речи, местоимения *некий*, *некто*, *нечто*, справедливо имеющие репутацию «книжных». Как и в других языковых сферах, местоимения с частицей *-то* употребительнее *нибудь*-местоимений. С нашим материалом хорошо согласуются цифры частотного словаря разговорной речи[26].

Особенно часто, по сравнению с другими НМ, в РР встречаются *как-то* и *какой-то*. Употребительность *какой-то*, как было показано, объясняется удобством его использования в так называемой поисковой функции. В РР охотнее, чем в других разновидностях, используются предметно-личные местоимения. Субъективно-модальные значения НМ реализуются именно в РР, и как отражение ее попадают в художественное повествование и в некоторые жанры публицистики.

Официально-деловая речь. В таких сугубо «строгих» жанрах официально-деловой речи, как параграфы законов, НМ практически не встречаются. В комментариях к законам и в постановлениях встречается, притом очень редко, ограниченный круг НМ: *несколько*, *некоторые*, *какой-либо*. При этом следует заметить, что в контекстах, в которых в других языковых разновидностях выбираются НМ *какой-то* и *какой-нибудь*, в официально-деловой речи предпочитается *какой-либо*: *Тяжким признается телесное повреждение в том случае, если оно. . . повлекло за собой потерю какого-либо органа либо утрату его функций.* В контекстах, в которых другие — строгие языковые разновидности «выбрали» бы квантор ное слово *какой-нибудь*, *какой-либо*, в официально-деловой речи предпочитается нулевой квантор: *При этом для погашения судимости требуется, чтобы в течение этих сроков не было совершено ∅ новое преступление. Уголовное наказание к ∅ лицу, совершившему преступление, применяется только по приговору суда.*

Кратко охарактеризуем строгие и нестрогие языковые разновидности по употребительности в них НМ.

---

[26] 2380 наиболее употребительных слов русской разговорной речи. М., 1968.

В строгих языковых жанрах употребительность НМ в целом ниже, чем в нестрогих. К сожалению, мы не можем подкрепить это утверждение количественными данными: возможности количественного анализа употребительности НМ крайне ограничены вследствие невысокой частотности этой группы слов и отсутствия единого распределения по жанрам в разных частотных словарях[27]. В языке науки практически не встречаются предметно-личные НМ и местоименные наречия места и времени. Этот вывод подтверждают и данные словаря русской научной лексики[28]. В тех редких случаях, когда предметно-личные НМ в научном языке встречаются, их назначение — заполнение валентности глагола. По употребительности местоименных прилагательных различаются точные и гуманитарные науки. Так, НМ *какой-то*, довольно частотное в лингвистических текстах, практически не встречается в текстах по химии и медицине; в устной же научной речи (например, в лекциях по химии) оно употребляется, хотя и не часто. Резко выделяется, по сравнению с другими языковыми разновидностями, употребительность в языке гуманитарных наук местоименного прилагательного *какой-либо*. С нашими данными хорошо согласуются и материалы упомянутого словаря научной лексики. Так, частота *какой-либо* в этом словаре равна 203 (из них 140 приходится на общенаучную лексику), тогда как в словаре Л. Н. Засориной, отразившем разные языковые сферы, частота этого местоимения равна 41. Важно также отметить, что в словаре научной лексики частота *какой-либо* превышает частоту *какой-нибудь* (=76) и *какой-то* (=48), тогда как, судя по всем другим словарям, употребительность *какой-либо* в других языковых разновидностях значительно ниже, чем употребительность местоименных прилагательных с *-нибудь* и *-то*: так, в словаре Штейнфельдт частота *какой-то* 203, *какой-нибудь* 47, *какой-либо* 11.

Нестрогие языковые жанры, как было сказано, ориентированы на разговорную речь, поэтому многие черты в употреблении НМ, отмеченные нами для РР, характеризуют и другие нестрогие жанры. Одна из особенностей, отличающих нестрогие жанры, — это установка на языковую игру, которая для строгих сфер языка совершенно не характерна. НМ дают благодатный материал для языковой игры, они позволяют при желании уклониться от точности формулировок и оценок, прибегнуть к уловкам и другим проявлениям «косвенной референции» [см. Арутюнова 1982, 15]. Многие примеры использования НМ не в прямых целях — в языковой

---

[27] К тому же, данные некоторых частотных словарей представляются не вполне надежными. Так, неожиданно низкая частота местоимения *какой-то* (равная трем) в «Частотном словаре русского языка» под ред. Л. Н. Засориной (М., 1977) вступает в противоречие как с нашими наблюдениями, так и с наблюдениями других исследователей, которые обращают внимание на возрастающую употребительность этого местоимения и даже говорят об экспансии частицы *-то* в местоимениях.

[28] *Денисов П. Н. и др.* Комплексный частотный словарь русской научной и технической лексики. М., 1978.

Таблица 1. Неопределенные местоимения-прилагательные

	Неизвестно какой	Точно не определяемый	Небольшой, незначительный	Не заслуживающий внимания	Похожий на. . ., вроде	Безразлично какой	Какой бы то ни было	Не все, часть из
1. Какой-то	+	+	+	+	+			
2. Какой-нибудь		+	+	+	+	+		
3. Какой-либо		+					+	
4. Некоторый		+	+					
5. Некоторые		+						+
6. Кое-какой		+	+					
7. Кое-какие		+						+
8. Некий		+			+			

Таблица 2. Неопределенные местоимения-существительные

	Неизвестно кто/что	Точно не называемый человек/предмет	Не все, часть из	Безразлично кто/что	Какой бы то ни было человек/предмет	Примерно, приблизительно, вроде	Почему-то
1. Кто-то	+	+	+				
2. Кто-нибудь		+		+			
3. Кто-либо		+			+		
4. Кое-кто			+				
5. Некто		+					
6. Что-то	+	+	+			+	+
7. Что-нибудь		+		+		+	
8. Что-либо		+			+		
9. Кое-что			+				
10. Нечто		+					

игре и в качестве эвфемизмов — были рассмотрены в данной работе. Здесь нам хотелось бы привести еще один пример, когда на эвфемистическом использовании НМ строится целый рассказ (фельетон Вл. Волина под названием «И шестикрылый кое-кто» (ЛГ, 1983 г.). Автор пишет о том, как в книжке стихов А. Блока о русской природе, выпущенной в свет издательством «Детская литература», в стихотворении «Летний вечер» «крамольное» слово *ангел* было заменено на *кто-то*: *Свирель запела на мосту, И яблони в цвету, И кто-то поднял в высоту Звезду зеленую одну. . .* Обыгрывая эвфемистическое использование НМ, автор шутливо предлагает произвести сходные замены и в других случаях: «Вот, к примеру, «Демон», адаптированный для малышей: «Печальный кто-то, дух изгнанья, Летал над грешною землей. . .» Пушкинский «Пророк» для дошколят: «И шестикрылый кое-кто На перепутье мне явился. . .».

На нескольких примерах, взятых из книг М. Зощенко, покажем, что комический эффект создается за счет умышленно-неуместного употребления НМ. В примерах (1) и (2) комический эффект объясняется употреблением местоимений с частицами *-нибудь* и *-либо* по отношению к качественно однородным объектам (*галоши*, *пальцы*), тогда как назначением этих местоимений является выделение объекта из качественно-разнородной совокупности (Селиверстова 1964):

(1) Леля хотела побежать домой, чтоб принести еще *что-нибудь из калош*, но в этот момент раздался мамин голос.

(2) «Кто отрубит другому *какой-либо палец* — три гривны продажи, а потерпевшему — десять гривен» (автор якобы цитирует «Русскую правду»).

В примере (3) комический эффект возникает в результате употребления местоимения *что-нибудь* по отношению к лицу (речь идет о поиске жениха):

(3) А ей кто-то сказал, что вообще как будто писатели живут довольно недурно. Что некоторые из них имеют пишущие машины, отдельные квартиры, дачи и иной раз даже и автомобиль. И пусть она среди этой прослойки *что-нибудь* себе поищет.

И, наконец, в (4) «неуместно» сочетание неопределенного местоимения с «определенным» (указательным) местоимением:

(4) И посудите сами, что таким *каким-либо пустым и незначительным цветом* было бы по меньшей мере странно и оскорбительно назвать книгу.

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ ФОРМ ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РАЗНЫХ ТИПАХ РЕЧИ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

О функционально-стилистическом анализе употребления форм числа

В области категории числа внимание стилистов привлекали три объекта: 1) регулярность образования двух форм числа у лексических единиц разных классов (обычно изучались возможности образования форм множественного числа, их семантика и характер соотносительности с формами единственного числа); 2) прикрепленность к определенным языковым сферам тех или иных частных значений форм числа; 3) вариативность выбора форм единственного или множественного числа в определенных контекстах.

Эти аспекты анализа категории числа присутствуют в общих работах по стилистике [ср., например: Гвоздев 1952, Розенталь 1977, Кожина 1983, см. также статью о стилистике числа — Новиков 1959] и в работах, посвященных описанию отдельных функциональных стилей и подсистем литературного языка: научного стиля [Кожина 1972, Васильева 1976, Захарова 1984, 1986], газетного стиля, подсистемы русской разговорной речи [Русская разговорная речь 1983, Захарова 1984], индивидуальных стилей писателей и поэтов [см., например: Ломовцева 1976].

Наличие/отсутствие соотносительности форм числа, связанное с развитием у слов конкретных значений, действительно по-разному характеризует разные стили и подсистемы. Обычно отмечается бóльшая регулярность форм множественного числа (*масло — маслá*, *высадка — высадки*, *скорость — скорости*) в научно-технической речи [см.: Русский язык и советское общество 1968; Граудина, Ицкович, Катлинская 1976; Граудина 1980 и др.].

Существует устойчивый список стилистически отмеченных значений, упоминаемых в литературе. Единственное родовое (*Кит* — млекопитающее животное) характерно для научной речи; единственное «собирательное» — для газетно-публицистической (*наш многомиллионный зритель*); единственное «обобщенно-собирательное» при обозначении лиц — для деловой газетной речи (*покупатель*, *квартиросъемщик*, *ответчик*), при обозначении рыб, зверей, плодов, чаще как объектов интересов человека — для разговорной речи (*вишня* уродилась, *карась* не водится).

Вопрос о вариативности выбора форм числа в определенных контекстах часто ставится в плане практической стилистики, т. е. связывается с грамматическими, семантическими основаниями такого выбора, а не с распределением вариантов по сферам речи. Ср. сопоставление предложений у А. Н. Гвоздева: *Береза* распускается раньше дуба. *Березы* распускаются раньше дубов. В грам-

матическом плане описываются два основных логико-синтаксических контекста, имеющих вариантные формы выражения: таксономические предложения: *Волк — хищное животное*; *Волки — хищные животные* (этими парами, в частности, занимался М. А. Шелякин, из последних работ см. [Шелякин 1985]) и дистрибутивные контексты: Все покачали *головой/головами* [Зализняк и Падучева 1974; Русская грамматика (Praha) 1979; Бурас 1985; Шелякин 1985]. С функционально-стилистической точки зрения изучались дистрибутивные контексты научной речи. Существуют наблюдения М. Н. Кожиной и Е. П. Захаровой о большем распространении в них форм множественного числа. По мнению А. Н. Гвоздева, тип согласования во множественном числе вообще носит более книжный характер (к нему был пристрастен и М. Горький [Ломовцева 1976]). Статистические подсчеты показали, что в научном стиле количество форм множественного числа превышает количество их в разговорной и художественной речи.

Вводилась и более общая характеристика типов текстов: в какой мере формы числа в них ориентированы на выражение собственно количественных значений. Денотативный фактор в дифференциации стилей и подсистем естественно оказался важным, в частности, научная речь и разговорная речь оказались явно противопоставленными. Этот аспект анализа потребовал обращения к тексту. Было начато изучение некоторых «связок» форм числа в текстовых последовательностях. Можно думать, что в основу будущего функционально-стилистического описания языка будут положены полные описания разных типов текстов, систематизирующие все правила употребления форм числа в тексте.

Такому типу описания должно предшествовать создание последовательной типологии текстов, опирающейся на типологию форм коммуникации. Существующее функционально-стилистическое членение языка, разумеется, в большой мере учитывает коммуникативные характеристики, связанные с отношениями отправитель—адресат—сообщение (средства общения, тип контакта и др.), но оно нуждается в уточнении и усовершенствовании. (Затем могут быть выделены типы текстов по другим, более частным основаниям). От коммуникативных характеристик текстов зависит реализация в них актуализационных значений форм имени и глагола (прежде всего числа существительных и видо-временных форм глагола), которые внутри предложений взаимодействуют в рамках категории «пространственно-временной локализации» [см. Булыгина 1980].

Движение анализа от текста позволит представить систему употреблений форм числа как характеристику текста. Более тщательно будут изучены факторы выбора форм числа и возможности вариативного выбора, что на системных основаниях позволит выявить зоны стилистической релевантности в функционировании форм числа. Сравнивая книжно-письменные и устно-разговорные тексты, мы должны продвинуться и в понимании характера противопоставления подсистем книжной и разговорной речи.

О факторах, обусловливающих выбор форм числа

Наши представления о типах обусловленности выбора числовых форм существительных в тексте в последние годы значительно расширились, но, узнав об их многообразии и сложном взаимодействии, мы не могли не понять, что формулированию адекватных правил должны предшествовать специальные подробные исследования.

Как кажется, основные факторы можно свести в пять групп [см. Красильникова 1983]:

1) когнитивные, связанные с возможностью языкового представления предмета в виде индивида—класса—рода; с интенсиональным-экстенсиональным, референтным—нереферентным употреблением имен существительных;

2) коммуникативные (называемые во многих работах прагматическими), связанные со знаниями (известно—неизвестно) говорящего и слушающего и намерениями говорящего (в свою очередь и знания и намерения находятся в глубокой зависимости от возможностей ситуативной и иной идентификации предметов, «стратегии» общения и т. д.);

3) денотативные (ситуативные), связанные с реальным количеством обозначаемых предметов;

4) субъективно-модальные (прагматические в узком смысле слова), связанные с различными целями дополнительного воздействия на слушающего; они выражаются транспозицией форм;

5) синтаксические, связанные, в частности, с формальным подчинением формы числа существительных, находящихся в зависимых позициях в предложении и в тексте (приложение, предикат, зависимые дистрибутивные употребления, анафора и т. п.).

Установлено, что словарно закреплены ограничения на набор денотативных статусов у разных типов лексем [см.: Арутюнова 1980, Поливанова 1983, Крылов 1984, Шмелев 1984а, Падучева 1984, 1985]. Следовательно, в разных лексических классах могут различаться и системы условий для выбора форм числа.

В последующих замечаниях сосредоточимся только на вопросах, важных для анализа избранных типов текстов и основной группы имен, представленной в них. В этом разделе анализируются тексты, содержащие описание бытовых приборов и способов обращения с ними. Мы не будем касаться характеристик употребления в этих текстах отглагольных существительных (система описания денотативных статусов этих имен только разрабатывается, см. [Крейдлин, Рахилина 1981, в предложенных для них правилах выбора форм числа используется другая система понятий и терминов, см. [Браккер 1980, 1982]) и немногих имен лица. Поэтому и в этом введении связь выбора форм числа с денотативным статусом имени рассматривается применительно к именам вещей.

«В каждом из референтных статусов могут быть как единичные, так и множественные ИГ» (именные группы) [Падучева 1985,

89, см. также: Падучева 1984]. В случае неопределенности ИГ возникает возможность нейтрализации противопоставления по количеству. «Если речь идет только о существовании, т. е. только о введении в рассмотрение некоторого рода предметов, то часто нет необходимости указывать их число. Именно это обстоятельство приводит к употреблениям, представленным примером (3) [Не дави живых людей — я еще не умерла.]» [Зализняк, Падучева 1974, 31; см. там же о связи с числом универсального статуса]. При экзистенциальном статусе наблюдается и вариативность в выборе форм числа и нейтрализация количественного противопоставления в форме множественного числа.

Не до конца ясным остается определение родового статуса. Под те определения его, которые даются сегодня, подводятся имена и в единственном, и во множественном числа (*Дети* любят сказки, *У кошки/кошек* зеленые глаза, *Кит/киты* — млекопитающее/ие). Установлено, что существуют словарные ограничения на выбор множественного или единственного числа для обозначения вида предметов («неарифметического множества» по А. К. Поливановой, см. ее анализ употребления названий плодов и цветов в разных типах контекстов, в частности в контексте: Любите ли вы *огурцы — репу*, см. также [Шелякин 1985]). Отмечалось, что не все имена могут выступать в родовом статусе, он отсутствует у сингулярных имен типа *картофелина* [Поливанова 1983], у именных обозначений однократных действий (*бросок*).

Наблюдения над материалом привели нас к следующему рабочему пониманию существа родового употребления имен.

Первым условием употребления именной группы в родовом статусе является присутствие в ее семантике ограничительного признака, возможность представить значение в виде сочетания, с ограничительным придаточным [ср. Вендлер 1982]. Поэтому в родовом статусе не употребляются имена, «которые сами являются слишком общими, чтобы подпадать под более крупный род» [Вендлер 1982, 225]. Речь идет об именах типа *предмет*, *изделие*, *устройство*, *аппарат* (они обычно выступают как часть таксономического предиката или в анафоре). Это отличие сказывается на употреблении форм числа. Если допустимо варьировать «Инки не пользовались *колесом — колесами*», то в случае «Обезьяны не пользуются *орудиями труда*» единственное число невозможно. Ср.: Электрический бытовой камин типа КОБ-1,0/1-1 предназначен для дополнительного обогрева *жилых помещений* [. . .] (только мн. число) — *квартиры/квартир* (ед. и мн. число).

Вторая важная черта родового статуса заключена в характере ограничения. Имена с определениями, которые относятся к так называемым фазам существования субъекта, т. е. к его временным признакам (ср. примеры Е. В. Падучевой: *мужчина в черных брюках*, *мальчик*, *стоящий у окна* [Падучева 1984, 1985]), не могут быть возведены к родовому статусу. Родовые классификации строятся на устойчивых существенных признаках, поэтому частные, несущественные свойства также дают лишь частные,

а не родовые группировки. Ср.: *легкие предметы, острые предметы, желтые предметы.* (Конкретные наблюдения показывают, что не получают родового употребления названия большинства элементов, определяемых как части целого.) Есть родовое понятие — *магнитофон* и группа — *легкие переносные магнитофоны*: Их осуществление стало возможным только после появления *магнитофона/легких переносных магнитофонов.* Мы не касаемся здесь возможной вариативности в оценке разных классов со стороны разных говорящих, коммуникативных факторов, вызывающих потребность в родовом представлении.

Третья характеристика, важная для выделения родового статуса — качественная однородность предметов. Это логическое следствие того, что класс выделяется по существенным признакам, по такой весомой группе признаков, которая позволяет считать остающиеся различия несущественными. Родовой класс отличается от класса разнородных предметов. Правило, действительное для всех сфер русского языка, состоит в том, что неоднородное множество может быть выражено только формой множественного числа. Поэтому и соответствующие классовые (видовые) обозначения всегда стоят в форме множественного числа (ср. *парнокопытные, головные уборы, канцтовары*).

Общеродовые употребления имен отличают от общеэкзистенциальных по следующему признаку: «Общеродовые имена (*Дети* любят сказки; *Всякий кулик* свое болото хвалит) имеют референцию ко всему классу объектов, удовлетворяющих номинации; общеэкзистенциальные (*Иная дама* толкует Сея и Бентама; *Некоторые люди* не заботятся ни о славе, ни о бедствиях отечества — Пушкин) — лишь к некоторой его части, однако не задаваемой никаким конечным списком» [Шмелев 1984, 10]. Е. В. Падучева также указывает на связь определения общеэкзистенциального статуса с логическим типом частных суждений, т. е. суждений о части абстрактного (универсального) множества [Падучева 1985, 94]. Родовой статус усматривается при «эталонном»: Он поступил как *мужчина* и «родовом-видовом» представлении: *Ягуары* в Южной Америке вымирают. Нельзя усомниться в том, что родовое (интенсиональное) употребление должно относиться ко всему классу (определенного типа). Экзистенциональное употребление мы понимаем как представление на уровне классов-множеств, классов любого типа — не инстанций-отдельных состояний, индивидуализированных предметов. Реальные денотативные ситуации могут быть различными, что проясняется в контексте. В таксономическом контексте: *Киты* — вид млекопитающих (о семантике этого вида таксономических выражений см. [Гинзбург, Крейдлин 1981]), в сочетании с универсальными определителями: *У всех китов* есть. . . проявляется отнесенность ко всем предметам класса. Количество: 'один/более одного' может быть уточнено или такое уточнение остается несущественным (о семантике мн. числа см. в статье [Красильникова 1983]) в других контекстах.

Нередко в качестве исходного признака для выделения генери-

ческих групп используется тип предиката — не локализованного во времени. Нужно, однако, учесть различие предиката с гномическим временем (*магнитофон предназначен*, *состоит*, *имеет* и т. п.) и других типов неактуальных предикатов (см. [Булыгина 1982], ср. понятие предиката класса О. Н. Селиверстовой). Сравним: *Магнитофон применяется для. . .* и *Магнитофоны применяют для. . .* По-видимому, основных значений категории пространственно-временной локализованности — три, они должны быть соотнесены с противопоставлениями и в классах именных групп: *индивид* (инстанция) — класс—род (этот ряд противопоставлений лежит в основе системного построения Т. В. Булыгиной — см. [Булыгина 1983а]), в указанной статье тип имен определяется только через тип предиката), и в классах предикатов: актуальный предикат—неактуальный предикат (предикат класса)—гномический предикат. (Мы не касаемся здесь всей сложности отношений в рамках этой категории: парадигматических и синтагматических.) В нашем представлении во фразах: *Дети* любят сказки, *У кошек* зеленые глаза, *Ягуары* в Южной Америке вымирают — множественное класса, а не родовое. Как кажется, нет оснований различать следующие употребления формы множественного числа: *Магнитофоны — это устройства. .* ; *Магнитофоны бывают нескольких типов*; *Магнитофоны могут иметь. .* ; *Магнитофоны применяют. .*; *Магнитофоны изготовляют. . .* Сюда же мы бы отнесли употребления типа: Он носит *рубашки с мягким воротом* (родовой класс отсутствует, ср. Он носит *смокинг*, разумеется, значимо и узуальное значение предиката). Синтаксический анализ типов высказываний, лексический анализ регулярности существования родовых лексем в разных семантических рядах (см. работы Р. И. Розиной) должны быть согласованы в их результатах с морфологическим. Но у каждого типа анализа своя специфическая направленность (ср.: разное поведение «родовых лексем»: Забота *о человеке*/*о людях* и Забота *о животных*).

По-видимому, от родового статуса нужно отличать употребление форм имен ед. числа в сочетаниях типа: запись *на микрофон* — как тип записи, а также эталонное и в сочетании с местоимением *всякий*.

На выбор форм числа актантов влияют многие характеристики предиката, выраженные видом глагола, количественные характеристики действия (повторяемость действия часто выражается множественным числом имен).

На выбор форм числа влияют многие синтаксические факторы. В составе высказывания особенно значимы дистрибутивные отношения. В составе текста — формы коммуникативного (тема-рематического) и логико-семантического развития.

Задачи исследования

Итак, при постановке исследовательской задачи этой работы мы исходили из предположения, что употребление форм числа в тексте в конечном итоге связано с типом (структурой) коммуникации. Чтобы установить характер этой связи, мы избрали для сопоставления тексты, содержание которых было более или менее идентично. Менялись коммуникативные параметры. В качестве исходного было принято противопоставление текстов книжно-письменной и устно-разговорной речи. Книжно-письменные тексты были представлены двумя функционально-стилистическими разновидностями.

Все избранные для анализа тексты включают описание прибора бытового назначения (не внутреннего механизма, а его эксплуатационной части) и правил его эксплуатации, т. е. сравниваются научно-техническое описание прибора — инструкция к продаваемому прибору — устное обучение обращению с прибором.

Текст научно-технического описания представляет собой чистый жанр «описания» (без элементов рассуждения и повествования). Коммуникативная рамка отправитель—адресат в тексте отсутствует, изложение объективно и безлично (отсутствует какое-либо авторское начало, поэтому в отличие от научных текстов других жанров нет и авторского *мы*). Описание ориентировано на класс приборов и виды их.

В инструкции как жанре письменной общественной (деловой) коммуникации отправитель также обычно не эксплицирован, а адресат является «переменной» (один из класса покупателей, владельцев прибора). Письменная инструкция обладает некоторыми чертами, переходными от безличного письменного описания к устному диалогу. Заметна неоднородность структуры разных инструкций: одни инструкции больше ориентированы на научно-техническое описание, другие — меньше, одни части инструкций ближе к научно-техническому описанию, другие — к живому инструктажу. В инструкции так же, как в живом общении, может быть актуализована обращенность к адресату (определенному классу адресатов) при скрытом отправителе. «Настоящая инструкция» может быть обращена к одному конкретному владельцу данного (относительно инструкции и паспорта) прибора (прибор обычно находится перед глазами владельца во время чтения инструкции).

Устное обучение предполагает конкретность и определенность рассказчика и адресата. Ситуация варьируется в зависимости от присутствия или отсутствия прибора, о котором идет речь; тип диалога — от стратегии общения: например, активен тот, кто владеет информацией, или активен тот, кто хочет получить информацию, и других характеристик.

В Приложении к разделу даны образцы текстов: научно-технические тексты и инструкции — в отрывках (полные тексты этих типов общедоступны и достаточно велики по объему), устно-раз-

говорные тексты — большей частью целиком, но иногда тоже в сокращении. Устные тексты представляют собой расшифровки записей речи, сделанных автором ручным способом или с помощью магнитофона.

Задачи этой работы определялись исходя из следующей перспективы: различию коммуникативных параметров разных типов текстов сопоставить разные системы правил выбора форм числа. Но прежде всего с коммуникативными параметрами следовало соотнести синтаксические и семантические характеристики текстов и их составляющих, описав их таким образом и в той мере, в какой они являются значимыми для употребления форм числа. В выводах предполагалось охарактеризовать прежде всего разные типы текстов и во вторую очередь область стилистического варьирования внутри текстов, подчиненную воле говорящего (пишущего). На этом этапе мы могли сосредоточиться лишь на самых общих закономерностях (при этом исследовались только формы конкретных существительных). Что касается описания функционально-стилистического потенциала категории числа в русском языке, установления различий в семантике и функционировании форм, связанных с противопоставлением разговорной и книжной подсистем литературного языка, то эта работа (в частности, и из-за жанровой ограниченности разбираемых текстов) может служить лишь частичным вкладом в такое описание.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ ЧИСЛА В НЕКОТОРЫХ ТИПАХ ТЕКСТОВ КНИЖНО-ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

Научно-технические тексты

Общие характеристики текстов

Неактуализированность отправителя и адресата сообщения в научно-технических текстах естественным образом ведет к выдвижению на первый план объекта. В нашем случае в жанре функционального описания прибора большие фрагменты текста иногда превращаются в развернутое характеризующее сообщение. В синтаксисе это отражается в определенной форме тема-рематической организации текста. К одной монотонно повторяющейся теме присоединяются разные характеризующие ремы. Возникает тенденция и предложение строить таким образом, чтобы ведущее имя прибора доминировало и синтаксически, чтобы характеризующая информация выражалась в синтаксически зависимых от него формах, что увеличивает глубину синтаксических связей, длину цепочек подчинения в именных группах и как следствие число зависимых дистрибутивных множественных. Ср.: Это очень важно *для громкоговорителей, применяемых в телевизорах и радиоприемниках с внутренними магнитными антеннами.*

Не актуализован и субъект действия, что приводит к пассивизации глагола или к особому — сдвинутому в сторону функции характеризации предмета употреблению неопределенно-личных форм [ср. Золотова 1973, 164—165]. Ср.: Эта горелка проста по конструкции, кроме того, *зажигают* ее в одном месте, что также является ее достоинством; Автотрансформаторы — приборы неавтоматического действия. Необходимую величину напряжения *устанавливают* вручную. При описании операций усиливается акцент на самом действии, чему способствует и субстантивация глагола. Реальный диапазон возможных форм для обозначения действия таков: *регулируют*; *регулировку производят*; *регулировка производится*, *осуществляется*; (*должен*) *быть отрегулирован*; с модальными характеристиками: *можно*, *нельзя*, *необходимо*, *следует отрегулировать*.

В основе логико-семантического развития текстов лежит общая схема: экзистенциальные, таксономические, характеризующие высказывания (или их блоки). Часто отсутствует первое звено, тогда о существовании класса приборов может сообщать заголовок. Эта схема может повторяться при выделении вида приборов, однако при этом она часто свертывается до последовательности экзистенциальное — характеризующие высказывания.

Таксономические и характеризующие высказывания не локализованы во времени (глагольная форма предиката имеет значение гномического настоящего). Прошедшее время в предикате говорит о том, что предмет перестал существовать [Лебедева 1984]. Ср.: Точечные транзисторы *состояли* из пластинки монокристаллического германия с прижатыми к ней двумя металлическими иглами. Ввиду низкой стабильности и плохой воспроизводимости электрических характеристик выпуск точечных транзисторов *прекращен*. В этих текстах встречаются высказывания с гипотетической (*если*, *в случае*, *при*) и долженствовательной модальностью.

Денотативный статус имени прибора (механизма, его части) может варьироваться в текстах этого типа в определенных границах. Предмет не конкретизирован, он задан на уровне класса, со следующей иерархией: класс предметов—вид этого класса—выделенные подвиды вида, получившие собственное имя. Вследствие этого представлены два основных статуса: экзистенциальный и родовой. В гипотетических высказываниях иногда (редко) появляются неопределенные неспецифицированные употребления (*если какой-либо прибор. . .*).

Каждый прибор или его часть имеют в научно-технических текстах точное наименование (часто в виде сложных словосочетаний), идентификация частей совершается с помощью схем и рисунков. В номинации фиксируются и все «родо-видовые» отношения. В номенклатуре видов используются буквенные и цифровые обозначения и иногда (реже) имена собственные. Широко распространены анафорические замены названий приборов более

общими именами (*аппарат*, *устройство*, *изделие*), выступающими и в составе таксономических предикатов.

Несколько замечаний о возможности появления в данных текстах указания на отдельные предметы (отдельные группы предметов) и употреблении местоименных актуализаторов. Местоимения *все*, *любой*, *каждый*, *некоторые*, *этот* обычно относятся в них к «родо-видовым» обозначениям предметов:

По конструкции *все* магнитные головки обычно похожи друг на друга. Основной частью *любой* магнитной головки является сердечник; На бытовые холодильники существует каталог, который состоит из отдельных выпусков для *каждого* холодильника; Эта возможность реализуется в *некоторых* кассетных магнитофонах, отличающихся тем, что в их кассетах лента не перематывается с одного рулона на другой, а представляет собой один бесконечный рулон (ср. «в *некоторых* моделях применяется. . .»); В основу исследования и разработки *этой* горелки [. . .] была положена конструкция старой горелки. В горелках нового типа наблюдается хорошая устойчивость горения при колебании давления [. . .] Вместе с тем *эти* горелки дают более низкий к. п. д., чем горелки со сплошным колпачком.

Однако встречаются и употребления, обращенные к уровню конкретных предметов: *Все выпускаемые магнитофоны* по отделке, внешнему виду, качеству звучания и другим параметрам должны быть не хуже образцов-эталонов магнитофона данного типа. *Каждый магнитофон* снабжен паспортом и инструкцией по правилам эксплуатации аппарата. *Каждая камера* имеет дверь (=каждая из камер холодильника).

В этих случаях для выражения неопределенности используется обстоятельство *иногда* [см. Булыгина 1982, 37] и определение *отдельные*: *Иногда в приборах*, приходящих с завода-заготовителя, пробки кранов бывают заполнены тавотом [. . .] Выявленные недоделки, которые могут быть причиной неподключения *отдельных приборов и квартир*, должны быть устранены. Именные группы с местоимением *какой-либо* редки, они появляются при «потенциальной конкретизации» (*если*, *при*, *в случае*). Например: В случае загазования *какого-либо помещения* никого в это помещение не пускать.

Обратим внимание на случаи сочетания местоименных актуализаторов с «собирательными» лексемами: Встроенные или комбинированные холодильники совмещаются *с каким-либо кухонным оборудованием* (столом, сервантом, посудомойкой, электрической или газовой плитой и др.) (Из книги); Соединение с радиоаппаратурой, не имеющей стандартного выходного разъема, производится с помощью кабеля-переходника, имеющего три однополюсные вилки. Вилку с индексом ⊥ подключают к гнезду, соединенному с корпусом *этой радиоаппаратуры* [. . .] (Из инструкции).

Вариативность выбора форм числа в некоторых случаях исключена. Форма множественного числа обязательна у существительных, сочетающихся с именами, указывающими на множественность предметов: *много*, *несколько*, *разные*, *различные*, *некоторые*, *одинаковые*, *сходные*, *противоположные*, *сопрягаемые*, *параллельные*, *взаимозависимые*; *количество*, *классификация*, *диапазон*, а также у подлежащих при некоторых типах предикатов: *делятся*, *подразделяются*, *бывают таких типов* (см. также выше определители, восходящие к многоместным предикатам). Единственное число обязательно в формуле *вариант*(*ы*) *магнитофона*; следующие сочетания допускают две формы: *марки*, *типы*, *разновидности магнитофона*/*-ов* (мн. число встречается чаще); *в виде полки*/*полок*, *в качестве нагревателя*/*нагревателей* (ед. число встречается чаще).

Научно-технические тексты чаще всего начинаются таксономическими предложениями, включающими исходное имя во мн. числе: *Электропроигрыватели — это устройства*, предназначенные для воспроизведения механической записи звука на грампластинках и последующего его усиления с помощью усилителя низкой частоты радиоприемника, телевизора и других радиоустройств.

Текст может начинаться также с родового имени в форме ед. числа, в этом случае интродуктивную роль берет на себя заглавие книги или раздела — имя существительное во мн. числе: *Электроплитки. Электроплитка* — переносной электрический бытовой прибор с одной или несколькими конфорками.

Далее текст строится как характеризация прибора по составу и способам обращения с ним. В тематической части высказываний повторяется одна лексема: *телевизор*, *в телевизоре*, *телевизоры*, *в телевизорах*, *у*, *для телевизоров*, (*часть*) *телевизоров*. Названия частей приборов попадают обычно в рему (или в тему — новое). При этом информативно важным оказывается количество частей прибора. Возникает три возможности выражения коррелятивных отношений:

1) прибор (ед. число) — части прибора (ед. или мн. число в зависимости от реального количества);

2) прибор (мн. число) — части прибора (ед. число и/или мн. число в зависимости от реального количества однородных частей);

3) прибор (мн. число) — части прибора (мн. число), действует правило дистрибутивного согласования (реальное количество частей остается неизвестным). При форме мн. числа в названии прибора и мн. числа названий частей возникает неопределенность, которая снимается только в случае (4), если связаны сочинительной связью названия разных частей в ед. и мн. числе (по-видимому, возможны и другие контекстные разрешения неопределенности).

1. *Радиоприемник* имеет *встроенную магнитную антенну*, [. . .], *гнезда* для подключения внешней антенны, электропроигрывающего устройства (ЭПУ), магнитофона, телефона и внешнего проигрывателя.

2. *Электрокастрюли* должны иметь *встроенный термовыключатель*; *Электрогрили и электрошашлычницы* снабжены *соединительным шнуром* длиной 1,5 м; *Стереофонические электрофоны* (Юбилейный, РГ-5С) отличаются от обычных наличием двух каналов УНУ и *звукоснимателем* особой конструкции; *У последних к вершине конуса*, где *к нему* прикрепляется *каркас звуковой катушки*, овал переходит в круг; *Большинство утюгов* выпускается *с алюминиевой подошвой*; *В магнитолах* предусмотрена *магнитофонная панель*; *Для телевизоров* марок «Рекорд» и «Старт» применяется *соединитель* старой конструкции; *В универсальных проигрывателях рычаг* переключения скоростей на время хранения следует устанавливать в положение 0; *Холодильники* следует включать и выключать только *ручкой терморегулятора*.

Последние два примера сообщают не только о составе прибора, но и о способе оперирования с ним. Обратим внимание на то, что форма мн. числа не указывает на конкретные приборы, но на класс, тип прибора (не родовое, экстенсиональное употребление имени), что форма ед. ч. наименования части прибора относится к общей характеризации прибора и стоит в реме. И семантическое, и коммуникативное условие принадлежат к тем, которые вызывают употребление именно единственного дистрибутивного [1]. Обратим внимание на сближение единственного характеризующей части с единственным характеризующего свойства (абстрактного имени существительного): *В магнитофонах*, имеющих *скорость* записи и воспроизведения 4,76 и 9,53 см/сек [. . .]

Форма ед. числа характеризующей части (особенно, если ее присутствие выделяет тип прибора) может стоять и в определении к прибору: Заводом были разработаны *горелки со стальным диском* тарельчатой формы; Освоен выпуск *утюгов с разбрызгивателем и пароувлажнителем*.

При иной синтаксической структуре и коммуникативной перспективе имя части прибора может стоять в теме (часто в подлежащем, и в теме — новом) в форме ед. числа, что также создает внешнее числовое рассогласование с формой мн. числа имени прибора: *Корпус магнитол* выполнен из ударопрочного полистирола; Высота *сердечника универсальной головки в бытовых магнитофонах* [. . .] равна примерно 2,5 мм; Это особенно важно *для антенн дальнего приема*, где *кабель* имеет большую длину; *На лицевой панели магнитол* находятся следующие органы управления.

3. *Краны* имеют *предохранители* от случайного поворота; *В электрокофеварках* применяются *термоограничители* и *термовыключатели*; *В современных электропроигрывающих устройствах и электрофонах* применяют *пьезоэлектрические звукосниматели с корундовыми иглами*; *Комнатные антенны* работают *с кабелями*, длина которых, как правило, не превышает 2—2,5 м; *В большин-*

---

[1] Эти условия выбора единственного дистрибутивного отмечены в дипломной работе М. Б. Антоновой (1982), выполненной под руководством О. Г. Ревзиной. См. также [Захарова 1984].

стве выпускаемых утюгов применяются *быстродействующие терморегуляторы*, *трубчатые термонагреватели* (*ТЭНы*) и установлены *сигнальные лампочки*; *В некоторых моделях* применяются [. . .] *нагревательные элементы в виде нихромовых спиралей*; В последние годы *плиты* выпускаются *без ртутных термометров*; Для осуществления контроля за уровнем записи *магнитофоны* имеют *индикаторы записи*, которые предварительно настраиваются с помощью измерительной ленты; Для регулировки температуры *в приборах* устанавливают *термоограничители и терморегуляторы*.

4. *В электрогрилях и шашлычницах с электроприводом* частота вращения *вертела* или *шампуров* должна быть в пределах 3—4 мин.

В отличие от случая 4, где количество частей (1 — более одной) однозначно выражено формами числа (вертела или шампуров) примеры случая 3 вне контекста могут прочитываться неоднозначно. В первом предложении, например, по форме нельзя угадать, каково количество предохранителей в кране (1 или несколько). Из-за отсутствия технических знаний автору работы нередко приходилось перечитывать большие фрагменты текста, чтобы сделать вывод о реальном количестве (см. ниже), но оставались и непроясненные примеры. Но при корреляции двух множественных иногда вообще отсутствует идея количества, указывается лишь на взаимосвязь двух видов «механизмов». Можно обнаружить определенные мотивации как для употребления формы множественного числа в обозначении исходного прибора, так и в зависимом «множестве». Кроме текстовых факторов (о которых ниже), выбор формы мн. числа обусловлен наличием ограничивающих слов (*в большинстве*, *в некоторых моделях*), составным характером классов, некоторые составные имена, возможно, не возводимы к родовым классам (*Комнатные антенны* — подкласс антенн? При родовом — *антенна*?; *пьезоэлектрические звукосниматели с корундовыми иглами* — частный подкласс?). Во всяком случае, число определителей при именах возрастает. Значимой может быть и степень актуализации предиката. Ср. в группе 2: *должны иметь*, *снабжены*, *отличаются*, *предусмотрена*, *применяется*; в группе 3: *выпускаются*, *применяют*, *устанавливают*, *имеют для регулировки*.

Когда в одном предложении встречается и согласование, и несогласование по множественному числу, можно обнаружить коммуникативные и синтаксические причины того или иного распределения форм:

а) *Проигрыватели*, устанавливаемые *в радиолах*, имеют *пружинную подвеску*; *В плитах нового образца*, *имеющих горелки с регулировочным шибером*, регулирование *горелки* производится перемещением кольцевого шибера. В этих примерах подчеркнут тема-рематический контраст.

б) *Утюги с увлажнителем* имеют *резервуары* для воды вместимостью 160—2000 мм. Определение в ед. числе — характеризатор класса; *резервуары* — более частная деталь, разница во вместимости говорит о разных резервуарах.

в) *Корпуса и крышки электрокофеварок* изготовляют из алюминиевого сплава, нержавеющей стали, латуни, [. . .], фарфора; *Токонесущие элементы антенн* можно изготовлять из металлических трубок.

г) *Корпус электроплиток* покрыт силикатными эмалями или другими видами покрытий, обеспечивающих эксплуатационную стойкость; *Корпус магнитофонов* сборный, выполнен из пластмассы.

Примеры из группы г) можно перефразировать: *корпус у электроплиток*, *у магнитофонов* обладает следующим устойчивым свойством. В примерах из группы в) доминирует процессуальное значение глаголов: *изготовляют*, *можно изготовлять*, зависимые объекты конкретизированы, что подчеркнуто формой мн. числа.

Корпус магнитофона, *корпус магнитофонов*, *корпуса магнитофонов* — при нереферентном употреблении эти словосочетания могут входить в вариативный ряд, но существуют синтаксические и номинативные ограничения свободы варьирования. («*Корпуса магнитофона*» могло бы означать лишь, что у одного прибора «несколько корпусов»).

Самым действенным представляется ограничение, связанное с возможностью иметь родовое обозначение.

1) *В телевизоре* предусмотрена возможность записи передач на микрофон. Возможен вариант: *в телевизорах*.

2) *Современные магнитофоны* имеют коэффициент детонации в пределах $\pm$0,5 %; *В плитах более раннего выпуска*, не имеющих кольцевого шибера, регулировку горения производят регулировочными иглами, уменьшая или увеличивая подачу газа.

Замена формой ед. числа невозможна. Речь идет именно о классах предметов, выделенных по внешнему признаку.

Обратим внимание на то, что при характеризации действия по способу, образу действия: запись передач *на микрофон*, усиление звука *с помощью радиоприемника* нелокализованности, неактуализованности действия соответствует также неактуализованное употребление характеризующего имени в ед. числе (подобные факты отмечены М. Б. Антоновой).

В экзистенциальных употреблениях имен преобладают формы множественного числа, исходное множественное (тематическое) часто влечет за собой цепочку зависимых множественных: *В домах старой застройки* часто имеются *тупиковые кухни*, *входы в которые* имеются только *из жилых помещений*. В приведенном примере множество неопределенностей: форма *тупиковые кухни* может скрывать разные ситуации и смыслы: по одной, по несколько кухонь; есть тип кухонь, который встречается в домах старой застройки (последнее словосочетание обозначает тип, класс кухонь).

Интересны случаи, когда возникают напряжения и сбои при синтаксическом соединении разных форм в полипропозитивных предложениях, где множественное экзистенциальное в некоторых именах обязательно: При установке *указанных приборов* у деревян-

ной неоштукатуренной *стены последняя* обивается кровельной сталью; При переноске *приборов* и открывании *крышки* возможность ожогов исключена; Овальная форма *диффузора* не улучшает электроакустические параметры *громкоговорителя*, а лишь более удобна при размещении *громкоговорителя в ящиках телевизоров, магнитофонов и некоторых типов приемников.*

Несущественность указания на количество предметов, если они представлены как переменные проявляется не только в употреблении немаркированной формы множественного числа, но и в параллельном употреблении форм единственного и множественного числа в одном предложении:

Обнаружение и устранение неисправностей в *антеннах*, особенно *в антеннах дальнего приема*, установленных на высоких мачтах, является очень трудоемким и сложным делом, так как связано с необходимостью опускания *антенны.* Поэтому в процессе изготовления и установления *антенн* необходимо следовать некоторым советам, соблюдая которые можно избежать преждевременного выхода *антенны* из строя; При замене предохранителей *в сетевых аппаратах* и деталей необходимо отсоединить *аппарат* от сети и снять заряд с конденсаторов фильтра; Ремонт *электросамоваров* заключается в замене и ремонте соединительного шнура, замене нагревательного элемента, замене и ремонте пластмассовых ручек корпуса и крышки *самовара*; *Электроутюги* с терморегулятором и пароувлажнителем нагреваются при помощи трубчатого нагревательного элемента, залитого в алюминиевую подошву *утюга.*

В тематической части этих предложений стоит форма мн. числа, в рематической — форма ед. числа. Противопоставление этих форм в данных контекстах ослаблено: форма ед. числа могла бы быть заменена анафорическим местоимением во мн. числе или формой мн. числа без потери в общем смысле, но иногда с синтаксическим напряжением и утратой возможного семантического оттенка: в реме обозначен частный случай или деталь отдельного прибора (неиндивидуализированные, нефиксированные).

Развитие текста также задает правила последовательного выбора форм для обозначения основного предмета описания и его частей. Если начальным является предложение с множественным числом ведущего имени (обычно подлежащего), за ним могут следовать предложения, в которых делаются утверждения относительно того же класса предметов — мн. число сохраняется, что должно учитываться при выборе зависимых или каким-либо образом скоординированных форм.

Далее возможен переход к родовому употреблению в ед. числе двух типов: 1) *магнитофоны — магнитофон* (экстенсионалы обеих форм совпадают); 2) *магнитофоны — магнитофон «Электроника»* (мн. число обозначает класс классов, многие из которых обладают свойствами родового класса). Например: *Плиты* могут быть двухконфорочные и четырехконфорочные. В быту самым распространенным видом четырехконфорочных плит является *плита ПГ-4.*

В подобных случаях часто сохраняется и общеродовое слово *«плита»*.

«Имена вещей, как правило, исключены из процесса языковой индивидуализации: [. . .] являются одновременно и именами класса и именами индивидов этого класса» [Степанов 1979, 344]. Поэтому противопоставление род—индивид в изучаемых текстах с неактуализованными типами предикатов не выражается; что касается обозначений частей, то в тексте они получают дистрибутивную ориентацию относительно имен приборов на уровне текста или на уровне предложения. Оказывается существенной разная значимость деталей как отличителей рода класса. Имена «отличительных» деталей часто выделяются не зависимой от синтаксического окружения формой ед. числа, соответствующей реальной единственности этой части.

Если текст начинается с единственного родового в таксономическом предложении, возможно последующее появление множественного при выделении подклассов и разновидностей, не достигающих уровня рода — множественное число используется в случаях, когда имя приобретает экзистенциальный статус (в модальных, отрицательных высказываниях).

Обратим внимание на то, что если в таксономических высказываниях, варьирующих выбор ед. или мн. числа, экстенсионалы совпадают (*магнитофон*(ы)/*аппарат*(ы), *предназначенный*(—*е*) *для*. . .), то в других контекстах множественное число может обозначать любые множества предметов, разные по объему, однородные и неоднородные, выделенные по узуальным и актуальным признакам, существенным и случайным, т. е. не обладающие свойствами родового класса.

При монотонности темы у автора возникает потребность в числовом варьировании ее обозначения. В определенных пределах может варьироваться логико-семантическое и синтаксическое развитие текста с сопутствующей меной денотативных статусов и синтаксических позиций имен.

Приведем частный, но характерный пример чередования форм во фрагменте текста: *Магнитофоны* с питанием от автономных источников постоянного тока и *магнитофоны* с универсальным питанием должны иметь устройства для контроля напряжения этих источников. Продолжительность работы *магнитофона* от одного комплекта (или одной зарядки) автономных источников должна быть не менее 10 час. *Магнитофоны* с питанием от сети после 4 часов непрерывной эксплуатации [. . .] должны сохранять работоспособность и обеспечивать параметры, оговоренные в тех же ТУ. *В магнитофоне* не должно возникать повреждений при нарушении потребителем последовательности включения органов управления.

В следующем фрагменте основной темой является информация о детали прибора. Корреляция *горелка — количество сопел* по формам числа может быть определена только в последних предложениях, скорее именно в последнем предложении: Плиты старых

образцов имели в горелках духового шкафа *регулируемые сопла*. При помощи регулировочной иглы площадь сечения *сопла* может уменьшаться или увеличиваться, следовательно, может изменяться тепловая нагрузка горелки. Таким образом, при работе на газе с переменной теплотой сгорания можно тепловую нагрузку с помощью *регулируемого сопла* сохранять постоянной. *Регулируемые сопла* имеют и конфорочные горелки некоторых типов плит. Следует отметить, что наличие *регулируемых сопел* оправданно только при систематических и значительных изменениях теплоты сгорания газа. Обычно теплота сгорания газа и фактическое давление газа в каждом населенном пункте изменяются мало, и *сопло горелки* должно иметь определенный диапазон, рассчитанный на соответствующую теплоту сгорания и давление газа. При наличии *регулируемого сопла* потребители самовольно могут менять настройку горелки, увеличивая расход газа.

Инструкции

Общие характеристики текстов

Инструкция отличается от научно-технического текста тем, что является не сообщением о существующих типах приборов, а руководством к действию с определенным типом приборов. Стратегия построения ее текста иная. Обычно сразу же дается характеристика предназначения прибора и далее его устройства, в этой части предикаты не локализованы во времени: предназначен, рассчитан, снабжен, имеет и др. (форму таксономического высказывания первые фразы принимают реже). В отдельный раздел часто выделяются сведения о способах управления прибором, формулируемые либо в форме общих правил, либо с ориентацией на действующее лицо — читателя инструкции. Адресованность может быть общей (ср. обращения: *Уважаемые покупатели*, *Вниманию радиослушателей*, в правиле употребляется инфинитив) и индивидуальной (ср. обращения «*к Вам*» по поводу «*Вашей кофеварки*», преобладают формы повелительного наклонения, в частности от глаголов совершенного вида). Отправитель актуализуется редко (в обобщенной форме «*мы не рекомендуем*»), однако в последнее время появился новый тип инструкций, вобравших в себя некоторые свойства рекламы. Они более красочны, названия бытовых приборов — в виде имен собственных — имеют особую стилистику, ср. *фен* «*Сюрприз*», *высечка для приготовления пельменей и вареников* «*Помощница*». Расширяется круг форм, в которых проявляется отправитель. Ср.:

«Помощница» — удобно, быстро и даже выгодно позволит в домашних условиях приготовить традиционное русское блюдо — пельмени и украинские вареники. *Наши* рекомендации [. . .] Во избежание порчи поверхности кухонного стола и прилипания пельменей при вырезке *просим* вас раскатку теста производить на деревянной подкладке; под нижний лист теста подсыпать муку,

режущую часть «Помощницы» периодически опускать в муку. Не разрешается! Кипятить пластмассовые детали; сушить детали на окне и вблизи горячих предметов. *Просим* бережно обращаться с пластмассовыми деталями.

В текстах инструкций изредка встречаются некоторые типы предикатов, характерные для научно-технических текстов: 3 л. множественного числа, модальное слово + инфинитив (исчезает пассив). В частности, внутри текста может происходить повышение уровня актуализации, вызванное дополнительными целями воздействия на адресата. Так, форма повелительного наклонения может выделять в тексте рекомендации, связанные с техникой безопасности.

Чтобы зажечь газ, *следует поднести* зажженную спичку к горелке [. . .] Если газ почему-либо не загорится, немедленно *закройте* краник, повернув его в первоначальное состояние. Пламя верхних горелок *регулируется* поворотом ручек краников [. . .] Во избежание утечки газа *не открывайте* краника, не имея в руках зажженной спички.

Итак, тексты инструкций неоднородны. В текстах без актуализации ситуации читателя будут преобладать два статуса имени прибора: родовой и экзистенциальный. В текстах с актуализацией ситуации читателя рядом с ними появляется конкретный дистрибутивно определенный статус. В центр внимания помещается единственный — относительно читателя—владельца прибора и «настоящей» инструкции — прибор. Относительно отправителя — это переменные объекты (при этом индивидуализация лиц несущественна, индивидуализация приборов — отсутствует). Поэтому чрезвычайно важную роль начинает играть отношение соответствия.

Убедитесь в том, что переключатель напряжения питания установлен в соответствии с напряжением сети в Вашей квартире; Для ремонта газовой плиты вызывайте из домоуправления слесаря-газовика или обращайтесь в районную ремонтно-эксплуатационную контору «Мосгаз», адрес и телефон конторы указаны в счете за пользование газом и на стр. 17. (На стр. 17 указаны адреса и телефоны 16 районных контор). В этом тексте опущены определения: из вашего домоуправления, вашей районной конторы.

Те же отношения важны а) для переменных ситуаций: Вращая ручки настройки, установите стрелку на деление шкалы, *соответствующее* длине волны принимаемой станции. Установите ручку терморегулятора в положение символа, *соответствующего* температуре глажения ткани; б) при существовании типовых вариантов. Для получения качественной записи и воспроизведения необходимо применять *тот тип* ленты, *который указан в инструкции* по эксплуатации магнитофона.

Если у отдельных групп приборов имеются частные особенности, отправитель попадает в ситуацию, как бы обратную «слабой определенности»: здесь предмет известен адресату и не известен отправителю. Это также вызывает необходимость опереться на со-

ответствие — на противопоставление. Так, в описании магнитофона сообщается, что для разных целей предназначены красная и некрасная (любого цвета, кроме красного) ручки; черная и цветная кнопки, что в некоторой ситуации нужно воспользоваться «третьей крайней ручкой, имеющей отличительный цвет».

Читатель, получая инструкцию, должен научиться действовать на том единственном приборе, который находится перед ним, а для этого прежде всего отождествить его основные элементы. Нужно заметить, что элементы управления в современном бытовом приборе унифицированы — это ручки и кнопки, так же как унифицированы действия с ними — нажать, повернуть. Из этого вытекает как следствие: обучать действиям почти не нужно, самое важное — научить различать ручки и кнопки и задать последовательность действий и некоторое представление о связи действия и результата.

Современный — достаточно сложный — прибор несет на себе целый текст из языковых и неязыковых знаков, служащих для идентификации элементов управления. Если в научно-техническом тексте названия частей приборов соотносятся лишь с конструктивной схемой, помещенной в тексте, при работе с инструкцией нужна конкретная идентификация, ей помогают условные знаки (выделение цветом, порядком расположения, формой, цифрой, стрелкой, буквой, рисунком).

Итак, вместо последовательной номенклатуры элементов в научно-технической речи (многословных номинаций) в инструкциях появляются пиктографические номинации, релятивные обозначения (левый, правый, первый, второй), типы приборов получают имена собственные (в научно-технических текстах им часто соответствуют обозначения из букв и цифр).

Наконец, заслуживают внимания следующие собственно языковые особенности. Единство логических оснований и способов номинации, характерное для научно-технической речи, разрушается. При обозначении частей прибора вместо ряда имен предметов (частей), которые иерархически подчинены целому, в инструкциях и часто на приборах разнобой грамматических форм (языковые формы смешаны с неязыковыми). Ср.: *Кнопка «трансляция»* должна быть нажата. Кнопка *«магнитофон — усилитель»* должна быть нажата. На схеме указательные стрелки поясняются: *включение ЭПУ*, *индикатор включения*, *регулировка тембра низких частот*, *выключатель сети и регулятор громкости*. При клавишах пояснения: *откат*, *стоп* (*временный стоп*), *пуск*. Здесь действуют законы идентификации, отличные от законов классификации. Свертывание ситуаций происходит по разным правилам.

Закономерности употребления форм числа

Многие инструкции строятся на монотонном использовании формы единственного числа при обозначении прибора и форм реального количества при обозначении частей прибора (или других сопрягае-

мых аппаратов). В такого рода текстах чаще всего сочетаются единственное родовое и единственное дистрибутивно определенное относительно ситуации владельца прибора.

Родовой статус обязателен при сочетании имени нарицательного с именем собственным или индексом: Режим работы *диапроектора ДМ-4* продолжительный, диапроекторов ДМ-4Г и ДМ-4М — кратковременный. Стационарный *магнитофон «Тембр»* предназначен в основном для использования на радиоузлах и в клубах. Портативные магнитофоны (Весна-2, Орбита, Романтик, Мрия) собираются на транзисторах с питанием от *батареи* типа «Сатурн» или «Марс».

Родовое употребление особенно подчеркнуто при указании на варианты, диапазон в качествах и возможностях: *Магнитофон «Электроника-302»* выпускается в двух вариантах внешнего вида. Электроакустические характеристики этих вариантов *магнитофона* совершенно одинаковы; Масса *утюга* не более 1,2 кг; *Электроутюг* предназначен для включения в сеть переменного тока напряжением 127 или 220 В. (Напряжение и мощность указаны в маркировке). Ср.: *Холодильники* выпускаются по напряжению в двух исполнениях.

Показателем неродового употребления имени прибора служит сочетание с предикатом состояния, характерное именно для инструкций: Не оставляйте *неработающий магнитофон включенным*; Уходя из квартиры не оставляйте *плиту включенной*; Переключение терморегулятора при *нагретом утюге* производите от низких температур к более высоким; Шнур следует наматывать свободно только *на охлажденный утюг* избегая натяжения и резких перегибов; Во избежание несчастных случаев категорически воспрещается включать *телевизор при снятой задней стенке*; Не оставляйте *камин включенным* в помещении, в котором находятся дети.

В том случае, если речь идет о состоянии устойчивом, характерном для всего класса предметов, используется множественное класса (но не родовой статус): Завод выпускает *магнитофоны, подготовленные для включения в сеть напряжением 220 В*; *Диапроекторы* выпускаются *подготовленными для включения в электросеть 220 В*; *Телевизоры* выпускаются с завода *с переключателем, установленным на 237 В.*

Интересно множественное имени прибора, соотносимое с множественностью положений и «состояний»: Не подлежат гарантийному ремонту *утюги*: без данного руководства, с механическими повреждениями, если утюг разбирался вне гарантийной мастерской. (Статус имени — экзистенциальный.)

Уже приведенный выше пример: Стационарный *магнитофон* «Тембр» предназначен в основном для использования *на радиоузлах и в клубах* — показывает, что в характеризацию прибора входит набор переменных ситуаций — задающих потенциал его деятельности. В переменных ситуациях действуют объекты, контактирующие с основным прибором, например соединяющиеся с ним в функционировании, либо составляющие внешние обстоя-

тельства ситуации. Форма множественного числа в этих случаях может указывать на разнородную группу объектов. Такое толкование подходит, видимо, к следующему примеру, где речь идет о разных акустических системах: Большая входная мощность усилителя *магнитофона* позволяет подключать *высококачественные акустические системы* или *внешние громкоговорители* непосредственно к *выходу магнитофона* без дополнительного усилителя.

Вероятно также отражение в формах мн. числа многократности действий, множественности актантов. Однако в большой группе употреблений множественного числа представлено множественное экзистенциальное, в логическом отношении соответствующее переменной:

Рекомендуется перегоревший трубчатый электронагреватель заменять *в гарантийных мастерских*. При установке плиты требуйте *от монтажных организаций* заполнения *гарантийных талонов*. В случае возникновения неисправности обращайтесь *к организациям, имеющим право на ремонт*. Если в телевизоре два гнезда, то следует использовать то из них, которое по инструкции к телевизору рекомендуется *для комнатных антенн*. Не разрешается устанавливать на плиту *тяжелые баки* для подогрева и кипячения белья.

В случае однородного класса может использоваться единственное родовое: *Магнитофон* позволяет производить запись с *микрофона*, *радиоприемника*, *телевизора*, радиотрансляционной сети, *звукоснимателя* радиолы, *электропроигрывателя*, а также с другого магнитофона любого типа. Но, как говорилось во введении, невозможно выделение родовых классов имен за определенными границами, поэтому преобладает множественное разнородного класса от номинативных единиц разного типа:

а) Не бросайте в термос, не заполненный водой, *твердые тела*; Не устанавливайте самовар *вблизи легкосгораемых предметов*; Не включайте камин в помещении, в котором имеются *горючие жидкости* и *легковоспламеняющиеся материалы*.

б) Подключение к *радиоаппаратам старого образца* производить с помощью однополюсных штеккеров, нового образца — с помощью трехштырьковой вилки. *Мощные местные радиостанции* не рекомендуется слушать при максимальной громкости. Не применяйте *самодельные предохранители* — это приводит к повреждению телевизора. При необходимости подключения на стабилизатор *вместо телевизионных приемников* только активной нагрузки (*утюги*, *чайники*, *осветительные электролампы*, *электроплитки* и т. п.) потребляемая мощность должна быть не более 300 ватт. Не допускается хранение ленты *вблизи крупных железных масс или сильных электромагнитных полей* (*электромагнитов*, *электромоторов*, *трансформаторов* и т. д.).

в) *Толчки* при этом недопустимы. *Резкие колебания* температуры недопустимы. Предохраняйте кинескоп *от ударов* и *царапин*. Оберегайте *от повреждений* нагревательный элемент.

Множественное экзистенциальное во многих из приведенных

примеров выступает в высказываниях с предикатами неактуального типа — относящимися к классу ситуаций. Для инструкции характерен тип высказываний, где тематическому имени в ед. число соответствует мн. число для переменных, с ним семантически связанных.

Некоторые тексты инструкций содержат чередование форм ведущей темы — имени прибора. Чаще всего это вызывается необходимостью указать на разновидности прибора (мн. число), а затем перейти к родовой характеризации его: *Электроутюги* типа УТ 1000-1,2 и УТ 750-1,2 изготовлены по ГОСТ [. . .[*Электроутюги* предназначены для работы при температуре окружающего воздуха от 1 до 45° С [. . .] *Электроутюг* предназначен для включения в сеть [. . .] (далее идут фразы с формой ед. числа).

Длинные цепочки зависимых множественных в инструкциях встречаются реже и обычно соотносятся с цепочкой реальных множеств: отвернуть *винты, крепящие крышки держателей батарей*; вынуть *щетки из гнезд обойм щеткодержателей.*

Обратим внимание на пример, в котором отсутствие формы множественного числа у лексемы *пламя* нарушает формальную регулярность корреляции множеств: При нормальном горении *пламя* горелок спокойное и имеет отчетливые, ярко выраженные, голубовато-зеленые *ядра* с фиолетовыми *колпачками.*

В инструкциях с неактуализованным адресатом правила действия с приборами строятся для общего случая с предикатами — глаголами несовершенного вида. По правилу логико-семантического согласования актанты имеют форму множественного числа (этот тип правил близок к тем, которые встречаются в научно-технических текстах).

Во избежание несчастных случаев и порчи плиты нельзя: . . .

б) открывать *краники* на плите, не имея в руках зажженной спички; . . .

г) допускать заливание *горящих горелок жидкостями*;

д) снимать конфорку и ставить посуду непосредственно на горелку;

е) стучать *по кранам*, *горелкам* и *счетчикам металлическими и деревянными предметами* и повертывать *ручки* крана на плите с помощью *ключей*, *щипцов*, *клещей*, *рычагов* и т. д.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ ЧИСЛА В НЕКОТОРЫХ ТИПАХ ТЕКСТОВ УСТНО-РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Общие характеристики текстов

Тексты, которые анализируются далее, относятся к двум разновидностям устной речи: профессионально-разговорной и разговорной (в наших записях 1, 2, 3 особенности профессиональной речи

редуцированы, так как в рабочем помещении идет беседа людей разных специальностей; установка на официальность отсутствует).

Устные тексты, в отличие от научно-технических и инструкций, не стандартизированы. Поэтому их структуру нельзя свести к каким-либо общим схемам. Более того — множественность структур происходит из большого числа возможных пересечений таких отношений, как говорящий — слушающий/действующий, действие реальное или потенциальное, предмет присутствующий или отсутствующий. При этом разговор может идти и о типах приборов вообще, о разных классах приборов.

Назовем основные ситуации в их связи с поведением говорящего и слушающего.

1. Прибор находится перед собеседниками.

а) Говорящий и действующий совпадают в «я» конкретной данной ситуации: *Я включаю* (действительно включает). К слушающему обращены слова, побуждающие к вниманию: *Видите*; *Смотрите* или запоминанию: *Так Вы будете делать тише.*

б) Говорящий управляет действиями слушающего: *Включайте.* (Возможен и безглагольный вариант: *Левая ручка, теперь кран*). *Включите.*

в) Говорящий, он же действующий, привлекает слушающего к пассивному соучастию, что выражается инклюзивной формой глагола: *Включаем.*

г) Говорящий действует и с опорой на свои действия описывает ситуацию, перенося действие на слушающего: *Включаете это. Включили. Теперь нажимаете на эту кнопку.*

д) Говорящий с указанием на части прибора рассказывает о последовательности действий (не действуя). (См. тексты 4, 6, 7).

е) Слушающий проверяет последовательность действий, указывая на предметы (части прибора), которые должны быть введены в действие (текст 2).

2. Прибор отсутствует.

Говорящий описывает прибор и называет действия с ним: *Там слева есть такая ручка, ее поворачиваешь и все включается. Он включается так. Его включают кнопкой. Его можно включить* (*включать*).

Можно заметить, что во многих случаях дается такое описание действия, которое объединяет говорящего и слушающего: 2 лицо представляет действие как (потенциально) производимое адресатом при том, что реально — в данный момент — действует говорящий; 2 лицо обобщенное, относящееся к любому из участников коммуникативного акта; множественное инклюзивное (обучающее). Раздельность их соблюдается при 1 лице изъявительного наклонения и 2 лице повелительного наклонения.

На уровне текста формы, ориентированные на участников речи, могут синтагматически противопоставляться формам, не имеющим такой ориентации, т. е. формам 3 лица мн. числа и форме возвратного глагола на -ся (3 лица ед. числа):

а) Да/ вот вы ее сюда *вставляете*/ ну вот смотрите/ ну как правило она *вставляется* только одним образом/ то есть ее нельзя провернуть как-то по-другому и ошибиться//; Ну чтобы сделать запись вот существует кнопочка запись/ вот на нее *нажимаете* и как правило/ я не знаю как в этом/ как правило эта кнопочка *нажимается* вместе//; А здесь как *делается*? Очень легко//*Включаешь*/ как всегда под трубочку откуда газ . . . и одновременно *нажимаешь*//; Вы *включаете* его сюда/ блок питания . . . он не так просто *вставляется*//. Заметим, что формы на *-ся* обычно передают постоянное свойство, в то время как в научно-технических текстах больше подчеркнуто процессуальное значение: затем вставляется блок питания.

б) *Поставишь* и *жарь* на слабом огне/ делают еще и по-другому//; Но сюда его *включаешь* в сеть/ ибо в первое время/ его *включают* на минуту/ ну меньше обычно/ чтобы аппарат прогрелся/ а потом уже вторую или третью //. Формы 3-го лица в первом примере создают контраст ты — другие (общий случай), во втором — контраст потенциальное действие адресата — правило, не относящееся к ситуации коммуникации.

Структура текста устного общения строится на многих смысловых и формальных контрастах. Последовательность действий часто передается чередованием форм настоящего несов. вида — прошедшего времени сов. вида; следованием за формой прошедшего времени сов. вида — повелительного наклонения: Дальше *нажимаю* вот эту штуку/ так? *Открылось*/ *вставила* сюда кассету/ теперь после этого *закрыла*/ как это/ так?; *Протерли* и *пишите* дальше//. Ср. также: И вы как бы вашу картинку *передвигаете* все время вперед/ вот *написали* часть/ *продвинули* вперед/ *написали* часть/ *продвинули* вперед//.

В определенном смысле объект речи (прибор) перестает быть единственной смысловой доминантой текста, поскольку выдвигаются вперед участники речи/производители действия. Становятся возможными разные коммуникативные направления диалога: от лица — источника информации, от лица — желающего получить информацию, со сменой их активности в одном диалоге. «Человеческие факторы» живого информационного диалога сказываются на полноте информации, которой владеет говорящий, на способности активизировать ее в своем собственном сознании и в беседе (забыл сказать, не сразу нашелся, что сказать). Письменные информационные тексты предполагают определенную полноту информации и отсылку к более широкой информационной базе, которая считается исходной и обязательной как для автора, так и для читателя. В бытовом диалоге общей информационной базой является представление об обыденном круге знаний. Для бытового рассказа характерно сообщение о новом с отталкиванием от «обычного» или в сравнении с похожим: Принцип такой же как в мясорубке; Ну обычно как/ я беру обычную бумагу/ жгу и подношу// А здесь как делается?; А поверхность плиты эмалированная// Ее чистишь как обычную кастрюлю//.

Если в диалоге активен получатель информации, он движет изложение информации внутренними и внешними вопросами: Так чтобы слушать запись/ *я что делаю*/ ну во-первых тоже включила/ поставила/ *теперь я включаю что*?

Если ведущим в диалоге является носитель информации, то его цель состоит в том, чтобы активизировать внимание слушателя на каждой новой порции информации. Используются две основные формы введения нового знания: экзистенциальные высказывания с *есть* (в письменных текстах они отсутствуют): *Есть вот это гнездо*; *Есть там такая катушечка*; *Здесь есть место, сюда вставляется. . .*; *Вот есть специальная кнопка для выброса кассеты*; и прямое указание: Блок питания *это вот сюда* вставляете//; И вот громкость регулируете *вот этой ручкой*//; Только надо поглядывать/ они вот вращаются *вот эти вот валы*//. Как мы видим, указание (местоимения, частица *вот*) часто входит внутрь «есть-высказываний». На каждом шаге вводится новая деталь, так же как в начале мог быть введен в поле зрения прибор целиком. При этом на каждом шаге не выражается отнесенность детали к целому — нет, как в научно-техническом тексте, цепочки зависимостей — из родительных падежей. В текстах РР дистрибутивные отношения более редки и более просты.

В разговорных текстах возрастает количество средств, обозначающих уровни осведомленности говорящего и слушающего. Имя объекта, известного говорящему и вводимого впервые в поле сознания слушающего, сопровождается местоимением *такой*. Оно выполняет две близкие функции. Если прибор находится перед глазами собеседников, таким образом выделяется объект при первом его упоминании: Это открывать тут *такая* крышечка//; Вставляем в отверстие до *такого* мягкого щелчка//. Если прибор отсутствует, дается первое представление о нем и его частях: Значит он устроен следующим образом/ внизу *такая* коробка железная/ над ней штанга// На штанге укреплена линза// Вот значит/ сверху в этой коробке *такое* прозрачное предметное стекло// Вместо того чтобы писать на доске/ вы пишете на маленьком *таком* предметном стекле/ ручкой//; Там *такая* лепешечка железненькая/ круг *такой* на который ставят кастрюли//. При подчеркивании разнородности предметов употребляется местоимение *всякие*: Это сам миксер и *всякие* к нему есть насадки//.

В случае неизвестности предмета говорящему употребляются местоимения *какой-то*, *какой-нибудь*. Если инструкция может учесть только типовые вариации основной ситуации, то в устной речи обсуждаются разные возможные конкретные ситуации, общий случай разбирается на конкретных примерах.

Местоимение *какой-то* избирается в случае переменной ситуации при фиксированности одного/нескольких объектов: . . .поэтому сначала сюда вставляется *какой-то шнур*/ то есть или вы записываете с микрофона/ значит вот микрофонный шнур/ вот здесь видите гнезда/ или вы записываете с радиоприемника/ или еще откуда-то//; Если вы хотите переписать с магнитофона на

магнитофон/ то *какое-то и другое гнездо* используете/ с радиоприемника еще одно гнездо//; Значит я поставила *каким-то образом вот* ручку//; Сейчас не буду/ потому что надо чтобы он крутился *в какой-то жидкости* или *в чем-то*// (в этом модальном контексте возможно употребить и *какой-нибудь*).

Местоимение *какой-нибудь* избирается в случае выбора одного, безразлично какого, предмета из множества: Мне рассказывали уже всякие ужасы про эти плиты// Ну что например/ если оставишь забудешь на плите *какую-нибудь кастрюльку* и вся вода выкипит/ то если вода вся выкипит/ то кастрюлька может припаяться к плите//; Лучше всего ее ставить на *какую-нибудь гладкую поверхность*//; А здесь *какая-нибудь тарелка*/ готовая морковка вываливается в тарелку//.

Что касается возможного набора денотативных статусов имен, употребляющихся в этих текстах, то пока не обнаружены запреты на тот или иной статус. Контрасты статусов, как кажется, здесь подчеркнуты.

Основной способ идентификации объектов — элементов управления — жестовое указание. Местоимения (в том числе наречия), лексически опустошенные слова типа *штука* часто полностью вытесняют наименования: Ну *вот это* для орешков//; Ну *это* соответственно в сеть/ *сюда* положила гущу//. Многие названия оказываются ненужными и поэтому остаются не известными говорящим, забываются ими: Значит я поставила каким-то образом вот ручку/ как она/ ручка называется?; Там такая лепешечка железненькая/ круг такой/ на который ставят кастрюли/ уж названия я не знаю// Конфорка может быть//. Иногда предметы окказионально переименовываются. Заметим, что и яркие окказиональные номинации служат средством выделения и запоминания объекта, их языковое свойство не входить в регулярный ряд вполне соответствует требованию идентифицировать предмет, отличить его от других (обычно ситуативно данных вместе с ним), не соотнося ни с каким классификационным объединением. В разговорных текстах предпочитаются краткие знаки идентификации, поэтому заимствованные составные номинации обычно свертываются до одного слова. Ср.: Но воспроизведение от записи отличается тем/ что вы *на запись* нажимаете/ и сразу *на пуск*//.

Возведение объекта к известному классу не всегда легко, поэтому возникают приблизительные отождествления: Ну вот у нас есть там/ большие стационарные/ полустационарные такие *типа «Тембр»*//; . . .потому что перед ним лежали вот. . . стопочка вот этих готовых. . . ну в общем *типа слайдов*/ только крупноформатных//; Еще есть разные усовершенствования *типа того что*/ линза есть ну так называемая широкофокусная//.

Несколько слов об особенностях профессионально-разговорных текстов. В них иногда с оговорками, иногда без оговорок, порой в свернутом виде появляются номинации, восходящие к научно-технической номенклатуре. Местами ощущается давление формул печатных инструкций.

Устный инструктаж в присутствии прибора строится как описание единичной конкретной ситуации с определенностью как участников речи, так и предмета речи. С этим связано прямое количественное — денотативно обусловленное употребление форм числа.

Описание в отсутствии прибора строится исходя из конкретных знаний говорящего. В случае слабой определенности также сохраняются реальные количественные характеристики.

Дистрибутивные связи также, по нашим материалам, строятся на тех же основаниях (как уже сказано, в РР они более просты). О некоторых ограничениях дистрибутивного согласования см. ниже.

В РР нет никаких ограничений для перевода разговора в более общие планы, для обозначения рода и класса предметов. Один пример родового употребления (ед. число): Значит я расскажу вам чем вот в принципе отличается *кассетный магнитофон* от *катушечного*//.

Обычно информация о существовании класса предметов дается в форме множественного числа (множественное число обязательно, если отсутствует родовое понятие, в ином случае может вначале сообщаться о существовании/несуществовании рода предметов в ед. числе). Ср.: А есть *однодорожечные*? — *Однодорожечные* есть? Есть/ да// Это *диктофоны* как правило// Вот *магнитофона* без воспроизводящей головки не существует//.

При множественном экзистенциальном, множественном класса дистрибутивная связь, служащая характеризации класса, также может быть внешне рассогласованной, обозначения частей даются в единственном числе, чему способствует синтаксическая расчлененность текста, распределение имен объектов, связанных отношениями принадлежности, целого — части, по разным предикациям. (Ср. ниже в анализируемых отрывках текстов дистрибутивное согласование, когда речь идет не о классах, а о конкретных множествах).

И есть вот такие *графпроекторы*/ у которых есть специальная *рамочка на линзе*/ вот *на этой штанге*/ там *линза* сверху/ вот *на ней* есть *специальная рамочка*/ куда можно вставлять *слайд*/ и демонстрировать *слайд*//.

Вот знаете *в этих магнитофонах*/ тут не нужно ничего нажимать/ потому что *он* сразу реагирует *вот этот индикатор*/ на микрофон//; Самые большие несчастья которые случаются *с магнитофонами*/ это вот ломается *корпус*/ бьется/ во многих местах/ ломается *крышка*/ вот все это пластмассовое ломается//.

Характерной особенностью этого типа текстов являются резкие переходы из общего плана в конкретный, от общего случая к конкретному примеру, которые могут выражаться и в текстовом контрасте форм множественного/единственного числа:

Диктофоны// *Они* однодорожечные// *Он* просто дошел до конца и выработался//; *Они* это используют не только для схем/ для са-

мых пустяковых вещей// Я вот видел/ то есть буквально одно слово/ *ему* уже лень писать слово на доске/ *он* пишет на этой штуке//.

Другой путь перехода от общего к конкретному — от рода к классу. Вот, например. . . *спектроанализатор*// *Анализатор спектра*// (Да//) Прибор/ значит/ ну вот *эти старые анализаторы*/ они устроены следующим образом/. Интересен и случай с переходом к характеризации класса: А сколько вообще времени кассета? — Это зависит от пленки/ вот щас// А/ ну да/ Ваша *отечественная кассета*/ *они* со временем звучания 60 минут//.

Приведем несколько примеров текстового развития фрагментов, начинающихся интродукцией.

1. Форма номинации во мн. числе заменяется формой в ед. числе при появлении имени собственного — родового.

Вот есть щас *маленькие такие*/ *совсем*/ *вот крошечные*/ *диктофончики*/ вот у них есть специализация// *Это плойер* так называемый или *плайер*/ это кто как/ кто на английский вариант/ кто на немецкий/ *плойер* или *плайер* значит *вот то что с наушничками ходят*/ *с маленькими*/ вот одни из них только/ можно только слушать/ другие. . .

2. В тексте происходит замена множественного класса на единственное родовое *магнитографы — магнитограф*, но есть опосредующее звено: сравнение предметов одного класса (*магнитографы*) с эталоном другого класса (*обычный магнитофон* — ед. число). Далее в обозначении частей прибора форма числа избирается в соответствии с их количеством.

Есть например *технические магнитофоны*/ так называемые магнитографы/ принцип тот же самый/ то есть они пишут на магнитную ленту/ там ну какой-то сигнал/ поступающий на вход/ ну обрабатывают они его совсем не так *как обычный магнитофон*/ вот/ если *обычный магнитофон* записывает аналоговый сигнал/ как он есть/ то *магнитограф*/ он сначала этот сигнал цифрует// Ну вот не вдаваясь в подробности// (Угу//) То есть конечный способ записи/ то есть запись некоторого сигнала на магнитный носитель тот же самый/ и выглядят они внешне одинаково/ то есть стоят там катушки с лентой/ они крутятся/ и проходят через головки/ но там есть существенное отличие//.

3. Фрагмент текста начинается с конкретно-ситуативного напоминания слушателю о существовании некоторого типа приборов. От ситуативного описания делается шаг к таксономическому определению на уровне класса (местоимение *такие* снова указывает на первичность введения в поле сознания слушателя знания о классе). Далее интересен скачок в наглядно примерный план: *корреспонденты — он* (*может стоять-стоять. . .*). Дистрибутивное согласование по множественному числу (*у них — хорошие микрофоны*) усиливает установку на конкретную интерпретацию форм. (Единственное дистрибутивное обычно стоит при не локализованном во времени предикате характеризации, имя ведущего

множества во мн. числе указывает в этом случае на класс предметов):

А вот вы видели наверно в кино показывают/ щас вот корреспонденты прямо суют *какие-то такие коробочки* под рот прямо выступающим/ вот это и есть *такие вот магнитофоны*/ там может быть кассета/ по полтора часа/ записи/ то есть вот он может так стоять-стоять-стоять-стоять/ и вот держать вот/ или положить где-нибудь/ *у них очень хорошие чувствительные микрофоны*//.

Отметим множественное нереферентное в контекстах с неактуальными предикатами (класса): Круг такой на который ставят *кастрюли*//; Зато на ней хорошо томить *каши*//. В следующем примере речь идет о конкретной ситуации — об одном докладе, выделенные формы мн. числа указывают на тип иллюстраций, а не их количество, которое могло быть равным и одному: У него все картинки которые он проецировал/ были готовы заранее// Там были *фотографии*/ *тексты*/ там *графики*/ *формулы*/ все это было//. В РР возможно также наглядно-примерное представление фактов: *На нее ставишь какую-нибудь кастрюльку*/; *Он берет какую-то фотографию*/. . . В этих случаях подчеркивается противопоставление класс — индивид, классу может быть противопоставлено множество конкретных индивидов, участвующих в реальной или потенциальной ситуации. Появляется и такая примета индивидности предмета, как обозначение его производным именем с суф. *-ка* (см. выше: кастрюлька). Ср.:

1) — Сначала я вставлю сюда *батареи*/ да?
— Да// Или блок питания//
— Или блок питания//.

2) Если же она не доходит до красного/ значит уже *батарейки* садятся//; 3) Там где-то на другом магнитофоне. . . с хорошими *батарейками*//.

В первом примере речь идет о типе предметов, во втором и третьем — об отдельных конкретных предметах. В качестве индивидуальных имен употребляются в РР и имена собственные (названия марок приборов): Вот я помню что вот *репортеры* нам давали давно/ маленькие//.

ВЫВОДЫ. УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ ЧИСЛА КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕКСТА

1. Какие собственно текстовые факторы влияют на выбор форм числа?

2. Какие типологические характеристики текстов коррелируют со специфическими комплексами факторов, влияющих на выбор форм числа?

3. Целесообразно ли описывать употребление форм числа как общую характеристику текстов, не следует ли оперировать более

общими категориями, частной реализацией которых является выбор форм числа?

Далее попытаемся ответить на эти вопросы в рамках результатов, полученных в этой работе.

Исследование показало, что в текстах, которые были отобраны так, чтобы при определенной близости содержания они различались по коммуникативным характеристикам, принципы выбора форм числа имен существительных оказались различными.

Устная разговорная речь и книжно-письменная речь принципиально различаются по типу текстовой организации. По мнению ряда лингвистов самый термин текст может применяться только по отношению к письменной речи. Структуры книжно-письменных текстов подчинены жанровым стандартам, закрепляющим определенные схемы коммуникативного (тема-рематического) и логико-семантического развертывания. Разговорные тексты в этом смысле не стандартизованы, структура и содержание диалогов варьируются в зависимости от связи с ситуацией общения и форм взаимодействия говорящего и слушающего (степень сформированности жанровых стандартов в РР еще не изучалась).

Разговорные тексты отличаются высоким уровнем синтаксической расчлененности, разговорные и научно-технические тексты полярно противоположны с точки зрения глубины синтаксических подчинительных связей. В научно-технических текстах она максимальная, в РР — минимальная.

Избранный тип научно-технических текстов характеризует монотонность повторения смысловой темы, которая должна варьироваться, меняя денотативные статусы, морфологическую форму (в частности, форму числа), синтаксическую форму. Новое выделяется по контрасту с монотонной темой. Разговорные тексты подчинены напряженному ритму введения нового, построены на акцентировании рем. Подчиненность теме не выражается в формах синтаксического подчинения, выявляется в тексте. Итак, с одной стороны: *Ручка краника горелки духового шкафа. Плиты старых образцов имели в горелках духового шкафа регулируемые сопла* (деталь *сопло* за три шага «доходит» до основной темы «плиты»). С другой стороны: *Это я включаю сюда; Как устроена плита? Это духовой шкаф. Здесь горелки. Вот это называется сопло.*

Инструкции — это книжно-письменные тексты, подчиненные достаточно жестким жанровым схемам, с доминированием темы — предмета речи, но возможная актуализация участников речи и предмета речи создает семантическую и формальную структуру текста, отличную от научно-технических текстов.

Научно-технические тексты. Ведущим является представление прибора на уровне класса, обычно оно соотносится с родовым представлением в том же тексте. Основные оппозиции в тексте: множественное класса — единственное рода (*магнитофоны — магнитофон*), множественное класса классов — единственное рода (вида) (*магнитофоны — магнитофон «Тембр»*). В тексте возможны разные направления движения от рода к классу,

и от класса к роду. Выбор направления, а также построение таксономических и характеризующих высказываний на базе рода или класса — ресурсы стилистического варьирования, которыми распоряжается пишущий. Возможности варьирования в выборе форм числа:

1) *Телевизор* это *устройство*. . *Телевизоры* это *устройства*. . . (при совпадении экстенсионалов различаются денотативные статусы, форма числа предиката согласуется с формой числа подлежащего).

2) а) *Телевизор* имеет *антенну*; *Телевизоры* имеют *антенну/антенны*; б) *Антенны телевизоров*; в) *Антенна телевизора/телевизоров*. В случае согласования по мн. числу а) б) не выражено наличие одноднозначных дистрибутивных отношений и реальное количественное отношение. В случае в) также возможна дистрибутивная неопределенность, если речь идет о свойстве антенны определенного типа (телевизионной антенны). Синтаксическая позиция и синтаксический контекст (прежде всего тип предиката) влияют на выбор форм и их интерпретацию. В целом же нереферентное употребление имен и сложность и глубина синтаксических связей в научно-технических текстах ведут к экспансии множественного числа, к увеличению вариативности выбора форм в тексте, к увеличению неопределенности семантической расшифровки. Ср.: «Множественное число, как правило, увеличивает неоднозначность денотативной характеристики имени» [Крейдлин, Рахилина 1981, 18].

Вариативность синтагматических отношений а), б), в) ограничена в случае темо-рематических контрастов и подчеркнутой характеризации. Количественно мотивированное употребление форм числа встречается при выражении реляционных отношений: прибор — количество частей.

И н с т р у к ц и и. Ведущим является родовое представление предмета (ед. число). Характерная оппозиция в ряде текстов: родовое — конкретно-референтное (дистрибутивно-определенное) употребление. На уровне форм числа эта оппозиция не выражена: *телевизор — Ваш телевизор*. Выразителен синтагматический контраст: Рекомендуется *перегоревший трубчатый электронагреватель* заменять в *гарантийных мастерских* (прибор — переменные, характеризующие связанные с данным прибором другие предметы и обстоятельства: ед. число — мн. число экзистенциальное). Как уже говорилось, эта позиция — условие снятия количественного противопоставления.

В инструкциях этому типу отношений может быть предпочтен тип отношений с единичной или реальной количественной дистрибутивной определенностью: Для ремонта газовой плиты вызывайте *из домоуправления слесаря-газовика* и обращайтесь в *районную ремонтно-эксплуатационную контору Мосгаз*. Выбор ключа актуализации имен находится в воле составителя инструкции.

Наконец, еще одна возможность варьирования заключена в сближении инструкции с научно-техническим текстом. В ин-

струкции также могут формулироваться общие правила для класса приборов без актуализации адресата (предикат обычно выражен глаголом несовершенного вида): Нельзя допускать заливания *горящих горелок жидкостями*. В этих же текстах встречаются и длительные цепочки последовательного подчинения имен. Реально-количественное употребление форм числа широко представлено.

Устно-разговорные тексты. В разговорной речи представлен весь спектр денотативных статусов. Формы числа существительных при референтном употреблении имен существительных имеют реальное количественное значение.

Поскольку в диалоге вступают во взаимодействие знания о предмете говорящего и слушающего, возникает возможность слабоопределенного референтного употребления (известно говорящему — неизвестно слушающему). Специализированным средством введения предмета в поле зрения слушающего является местоимение *такой* и конструкции с *Есть*... (чаще всего при локализации части по отношению к прибору).

В конструкциях с «есть», сообщающих о существовании класса приборов, а также в других высказываниях, включающих имена в экзистенциальном статусе, используется форма мн. числа.

Характерной чертой разговорной речи является перевод общих утверждений (потенциальных) в наглядно-примерный план. Для этих целей в РР используются местоимения: *какой-то*, *какой-нибудь*. Сдвиги от общего к конкретному происходят в тексте, от информации о классе к конкретному случаю.

Дистрибутивные отношения в РР обычно выражаются выбором форм с реально-количественными значениями. В случае, если исходное множество задано на уровне класса, в характеризующей части часто употребляется ед. число (части).

В РР можно отметить тенденцию к усилению противопоставления индивид (экземпляр) — класс и род, для этого используются и некоторые формальные средства — суф. *-ка*, мн. число от имен собственных.

Структура текста определяется взаимодействием говорящего и слушающего в разных типах диалога.

Два заключительных замечания.

1. Текстовая мена форм числа у слова, являющегося смысловой темой, в каждом типе речи ограничена возможным набором денотативных статусов. Говорящий может редуцировать этот набор или контаминировать жанры. Последовательность текстового развития создается выбором синтаксических структур, в которых меняются позиции и статусы имени (см. об этом в работах Н. Д. Арутюновой, см. также [Селезнев 1985]).

2. Последовательно системный подход должен учитывать взаимодействие форм существительных и глаголов, статусов имен и типов предикатов, т. е. исходить из существования общей категории пространственно-временной локализации.

Важно подчеркнуть, однако, что в самих именах предметов содержатся ограничения на возможность их реализации в разных

когнитивных статусах (этот термин был использован Т. В. Булыгиной в докладе на Виноградовских чтениях в январе 1987 г., в котором были выделены три когнитивных статуса именных групп: абстрактные классы; индивидные объекты, взятые в отвлечении от конкретных пространственно-временных манифестаций; конкретные проявления — «инстанты»). Мы исходим из противопоставления: род — класс — индивид (=конкретные проявления).

На наш взгляд, у объектов, имеющих родовой статус, возможны также реализации на уровне абстрактного класса и на уровне конкретного множества: один/более одного. У объектов, возводимых лишь к абстрактному классу, возможно также представление на уровне конкретной единичности и множественности. У индивидных имен (выше они обозначались также как имена индивидуализированных объектов, экземпляров, т. е. терминами, видимо, менее удачными из-за их неоднозначности) возможно лишь представление на уровне конкретной единичности или множественности. В последнем случае имеются в виду лексически маркированные единицы типа *батарейка*, *книжка*, *картофелина*, *бросок*.

В первом и втором случае единицы конкретных множеств (=1 и более одного) могут быть отличены от единиц, представленных на уровне абстрактных классов (в формах единственного и множественного числа) только с помощью контекста. Представления на уровне классов и индивидов могут включать разного рода местоименные актуализаторы; некоторые из них, например *всякий*, *любой*, в основном значении употребляются только с обозначениями на уровне классов. Имена абстрактных классов могут узуализироваться — быть номинативно устойчивыми (*головные уборы*, *электротовары*).

Представление на уровне классов характерно для определенного типа текстов, не спускающихся до уровня конкретной референции, для представления на уровне переменных, в интродуктивных частях текстов, в случаях, когда говорящий сознательно уходит от уточняющей информации.

Родовые употребления выступают в единственном числе. Особой интерпретации требуют случаи типа: Режим работы диапроектора ДМ-4 продолжителен, *диапроекторов ДМ-4Г и ДМ-4М* — кратковременный.

Абстрактные классы задаются множественным числом, форма числа в случае представления на уровне класса может предопределяться местоимением (например, *каждый*), вариативность выбора числа зависит от дополнительных условий.

По мере углубления в анализ функционирования форм числа все более накапливаются наблюдения о его обусловленности синтаксическими факторами. Должен быть поставлен вопрос об отношении категории числа к актуализационным морфологическим категориям (ср. [Бондарко 1975]; ср. шифтерные категории Р. Якобсона; ср. выделение в числе коммуникативного и когнитивного аспекта И. И. Ревзиным, см. [Ревзина 1979]). Поскольку выбор форм числа связывается с уровнем высказывания, а также

с уровнем текста, утверждается его трактовка как грамматической категории (ср. взгляды Ф. Ф. Фортунатова и его последователей на синтаксический критерий выделения морфологических категорий).

ПРИЛОЖЕНИЕ. ОБРАЗЦЫ ТЕКСТОВ

Научно-технические тексты

1. Магнитофоны это аппараты, предназначенные для магнитной записи и воспроизведения звука. В качестве носителя звука используется ферромагнитная лента. Запись звука в магнитофонах производится на магнитную ленту — гибкую пластмассовую полоску, покрытую с одной стороны ферромагнитным порошком. [. . .] Классифицировать магнитофоны можно по нескольким признакам: по размерам, весу (стационарные и переносные), по числу скоростей (односкоростные, двух, трех. . .), по источникам питания (сетевые, батарейные, со смешанным питанием), по качеству звучания (монофонические, стереофонические) и др. признакам. Современные магнитофоны позволяют производить запись от любого источника звука: микрофона, звукоснимателя, радиотрансляционной сети и радиоприемника, имеющего выход на звукосниматель. Акустическая система магнитофонов состоит из одного, двух, трех или четырех громкоговорителей. [. . .] Проверка качества магнитофонов в условиях магазина проводится в последовательности, приведенной ниже.

1. Производят наружный осмотр магнитофона: корпуса, крышки, кассет, ручек управления. Они не должны иметь сколов, царапин, трещин. Ручки управления должны двигаться плавно, без заеданий и фиксировать положение, в котором должен работать аппарат.

2. Проверяют четкость перемотки ленты вправо и влево. При пользовании клавишей «Стоп» лента должна оставаться в натянутом состоянии, без образования петель.

2. Основное отличие кассетных магнитофонов от магнитофонов старого (катушечного) типа состоит в том, что магнитная лента размещается в них не на катушках, а в небольшой плоской коробке (кассете), которую можно легко установить на магнитофон и легко снять с него.

Эксплуатация кассетного магнитофона очень проста: в отличие от катушечного магнитофона в нем не надо брать ленту руками и закреплять на приемной катушке. Кассета легко вставляется в пазы и аппарат включается на запись или воспроизведение. После того как одна дорожка [. . .] полностью использована, автостоп выключает лентопротяжный механизм; кассету вынимают, перевертывают и вновь вставляют в магнитофон для продолжения работы.

. . .Эта возможность реализуется в некоторых кассетных [магнитофонах, отличающихся тем, что в их кассетах лента не перематывается с одного рулона на другой, а представляет собой один бесконечный рулон. Наружу кассеты выходит только небольшая петля ленты. Подобные магнитофоны имеют как конструктивные, так и эксплуатационные преимущества.

3. В перколяционной (гейзерной) электрокофеварке вода заливается в резервуар А (рис. 2, а) корпуса и одновременно попадает в резервуар

Б. [. . .] О готовности напитка свидетельствует интенсивный выход воды из гейзера.

4. Для регулировки горелок нужно отвернуть крепящие винты или барашки, снять горелки и проверить их состояние, чистоту внутренней полости. Установив горелки на место, производят регулировку, для чего зажигают горелку и перемещением ее на себя или от себя добиваются отчетливого спокойного горения с голубоватым ядром пламени. В плитах нового образца, имеющих горелки с регулировочным шибером, регулирование горелки производится перемещением кольцевого шибера. Затем зажигаются горелки и производится регулировка и проверка их работы [. . .].

Процесс жарения нужно вести при полностью открытом кране. Посуду ставить либо на дно духового шкафа, либо на лист [. . .] Тушение пищи производится так же, как и жарение, но при несколько более низкой температуре, для чего кран горелок следует немного прикрывать. Для выпечки мучных изделий духовой шкаф должен быть хорошо разогрет в течение 20—25 минут.

Инструкции

1. Из руководства по эксплуатации кассетного магнитофона „Электроника-302"

«Электроника-302» — кассетный носимый и монофонический магнитофон третьего класса по ГОСТ 20838-75, предназначен для записи и воспроизведения звука с применением магнитной ленты А-4203-3, размещенной в кассете МК-60-2. [. . .]

Красная кнопка, расположенная на магнитофоне, позволяет дистанционно управлять включением и выключением магнитофона, что дает возможность использовать его в репортерских целях.

Уровень записи контролируется с помощью стрелочного индикатора. При записи стрелка индикатора не должна выходить за пределы сектора ЗАПИСЬ (левый сектор). При воспроизведении и перемотках индикатор показывает напряжение питания и его стрелка должна находиться в пределах сектора БАТ (правый сектор). [. . .]

Нажав клавишу подъема кассеты, откройте крышку кассетного отсека. Совместив отверстия в кассете с осями подкассетных узлов, движением вниз установите ее на место, как показано на рис. 7. Закройте крышку. Прослушав запись или записав новую на одной из дорожек, переверните кассету другой стороной. Это позволит сделать запись или воспроизвести ее на второй дорожке. Чтобы удобнее было снять кассету, нажмите клавишу до упора — кассета поднимется.

2. Из инструкции к магнитофону. Подготовка к включению.

Поставить магнитофон в вертикальное положение, открыть крышку, расположенную на дне корпуса, и извлечь из ниши сетевой шнур. Установить магнитофон в горизонтальное положение. Перед каждым включением магнитофона в сеть убедиться, что переключатель напряжения сети находится в положении, соответствующем номинальному значению напряжения пи-

тающей сети (магнитофон выпускается включенным на напряжение 220 в.). Переключатель расположен в нише на задней стенке магнитофона (7—27).

Для осуществления перезаписи с канала на канал необходимо подключить одну вилку шнура (11—2) к гнезду [знак] (см. рис. 9) того канала, с которого производится перезапись, а другую вилку того же шнура подключить к гнезду [знак] (1—9), поставить переключатель входов (1—17) в положение [знак], а кнопку переключателя канала записи [знак] (1—7) — в положение, соответствующее каналу, на который производится перезапись. Зафиксировать кнопку (1—26) в нажатом состоянии. Нажать кнопку (1—16) и, не отпуская ее, вращая ручку регулятора уровня записи (1—12), по индикаторному прибору (1—10) установить необходимую величину записываемого сигнала.

3. Из инструкции к электрокофеварке.

Налить воду в электрокофеварку до требуемого объема (1,2 л; 1,0 л; 0,75 л; 0,5 л или 0,25 л). В дозатор насыпать молотый кофе из расчета 1-2 чайные ложки на порцию, распределить его равномерно и смочить небольшим количеством воды. Закрыть дозатор крышкой, установить на стояк гейзера и поместить в электрокофеварку.

Во избежание неправильного функционирования гейзера проследите, чтобы клапан гейзера плотно закрыл соответствующее углубление в дне корпуса электрокофеварки. Закрыть электрокофеварку крышкой и включить в сеть.

О готовности кофе (чая) Вы узнаете по беспрерывному фонтанированию его из гейзера.

Для каждого количества порций на внутренней поверхности электрокофеварки имеются соответствующие отметки (пуклевки).

4. Инструкция к электроутюгу.

Электроутюг типа УТА 1000-1,2 и УТА 750-1, 2
с терморегулятором

1. Технические данные

1.1 Электроутюг предназначен для включения в сеть переменного тока напряжением 127 или 220 В (напряжение и мощность указаны на маркировке).

1.2. Утюг соответствует прибору класса О незащищенного исполнения по ГОСТ 14087-68.

1.3. Масса электроутюга не более 1,2 кг.

1.4. В электроутюг встроен терморегулятор, автоматически поддерживающий наилучший режим глажения тканей: из капрона 80—110 °С (гладить следует через тонкую хлопчатобумажную ткань), из шелка 140—160 °С, из шерсти 160—180 °С, из хлопка 180—200 °С, из льна 200—240 °С. Сигнальная лампа периодически загорается и гаснет во время работы утюга...

3. Требования по технике безопасности.

3.1. Не оставляйте без присмотра включенный утюг.

3.2. Нагретый электроутюг при перерывах в глажении ставьте в вертикальное положение на упоры ручки.

3.3. По окончании глажения дайте утюгу остыть до комнатной температуры и уложите в упаковочную коробку.

3.4. Не допускайте касания неразборной вилки к подошве и крышке горячего утюга.

4. Порядок работы

4.1. Поверните ручку терморегулятора так, чтобы надпись наименования ткани, подлежащей глажению, была против продольного выступа у основания заднего изгиба ручки утюга.

4.2. Глажение начинайте через 3 мин. после включения утюга в сеть с тканей, требующих более низкую температуру.

Переключение терморегулятора при нагретом утюге производите от низких температур к более высоким (капрон—лен). Для перехода от высоких температур к низким отключите утюг от сети, через 10 мин. установите ручку терморегулятора нужным Вам наименованием ткани против продольного выступа ручки утюга и вновь включите утюг в сеть.

5. Из инструкции к электроплите.

Требования по технике безопасности.

3.1. Запрещается пользователям электроплиты открывать верх, снимать заднюю стенку, заменять конфорки, нагреватели жарочного шкафа, а также производить какие-либо изменения в схеме.

В случае возникновения неисправности обращайтесь к организациям, имеющим право на ремонт.

3.2. Не доверяйте детям включение электроплиты!

3.3. Уходя из квартиры, не оставляйте электроплиту включенной!

3.4. Нельзя вынимать вилку из розетки под токовой нагрузкой.

3.5. Работа электроплиты без подключения заземляющего провода запрещается.

Записи устной речи[1]

1. О кассетном магнитофоне (отчасти с показом действий).

— Значит я расскажу Вам чем вот в принципе отличается кассетный магнитофон от катушечного // Здесь пленка намотана сразу на такую кассету/ еще ее называют галета/ ну по-всякому ее называют/ компакт-кассета она называется/ так официально // А преимущество в отличие от обычного катушечного в том/ что пленку не нужно заряжать-разряжать // Тут и катушечка с пленкой небольшая и пустая катушечка/ и она как бесконечная лента просто ну единственно что надо переворачивать //

— Один раз переворачивать/ да?

— Ну это уже. . . если двухдорожечная или если четырехдорожечная/ это если стереомагнитофон/ тут переворачивается один раз // Доиграл до конца/ остановилась сама/ вынимаете и переставляете/

— А есть однодорожечные?

— Однодорожечные есть? Есть/ да // Это диктофоны как правило //

— Да/ угу //

---

[1] Автор признателен всем, кто помог ему в проведении записей. Особенная благодарность Ю. И. Павлову, консультационная и иная помощь которого сопровождала разные этапы этой работы.

— Диктофоны // Они однодорожечные // Он просто дошел до конца и выработался // И поэтому здесь/ остальные изменения. . . отличия от обычного катушечного магнитофона в том/ что зарядка пленки/ то есть кассета/ вот видите голубые/ голубая клавиша/ тут стрелочка как правило/ эта стрелочка как правило. . . стрелочки могут быть самые различные // Это открывать тут такая крышечка (щелкает крышка)

— Значит голубая клавиша/ на нее нужно. . .

— Да/ эта голубая клавиша/ это обозначает она вот. . . вставить. . . кассету/ вставить кассету вот так вот (делает)

— И открывается крышка/

— Да/ вот вы ее сюда вставляете/ ну вот смотрите/ ну как правило она вставляется только одним образом/ то есть ее нельзя повернуть как-то по-другому и ошибиться/ и вставить наоборот что называется/ потому что она/ вот слишком много таких дырочек и стерженьков которые однозначно совершенно ее положение определяют // Вот/ вставили закрыли крышечку/ так вот до щелчка/ а вот дальше/ все основное управление по сути дела/ оно повторяет типичное управление любого магнитофона/ то есть вы нажимаете клавишу пуск/ рабочий ход/ в любом режиме/ или в режиме записи/ или в режиме воспроизведения/ а остановка идет. . . надписи пуск/ останов. . .

— Так/ ну теперь я уже должна понять/ это только вначале нажимается/

— Да и в конце когда хотите вынуть/

— И в конце когда вынуть // Теперь чтобы началась запись /

— Вы хотите воспроизвести или записать?

— Нет/ я ее поставила/ я начинаю запись/ чтобы сделать запись/ да //

— Ну чтобы сделать запись/ вот существует кнопочка запись/ вот на нее нажимаете и как правило/ я не знаю как в этом/ как правило эта кнопка нажимается вместе/ запись/ это включает электронную схему записи/ а пуск/ это механизм рабочего хода/ поэтому они нажимаются вместе/

— Ага/ это вместе //

— Ну сейчас это. . . блокирована эта клавиша тем что здесь не вставлен никакой штеккер/

— Понятно //

— Этот штеккер кстати говоря гарантирует от всяких ошибок/ то есть чтобы не стереть/ чтоб не получилось что вы стерли какую-то нужную вам запись/ поэтому сначала сюда вставляется какой-то шнур/ то есть или вы записываете с микрофона/ значит вот микрофонный шнур/ вот здесь видите гнезда/

— Да //

— Или вы записываете с радиоприемника/ или еще откуда-то/ вот только после этого вот начинает работать вот эта кнопка/ ну еще значит она начинает работать тогда/ когда здесь будет. . . кассета/ значит тут несколько блокировок предусмотрено //

— Понятно // . . .Во-первых подзарядка нужна? Она работает от сети или нет?

— Да/ она может работать от сети/ но для этого сюда надо. . .

— И может на. . .

— Ну может от того и от другого/ здесь есть место/ сюда вставляется. . . или батарейки/ или. . . как он называется/ блок питания/ тут шнур //

— Ну здесь нужно еще с самого начала. . . Значит батареи сюда вставляются/ так?

— Да // Сюда вставить батареи или блок питания/ теперь/ вот сейчас видите здесь этого ничего нет и поэтому/ просто совершенно. . . и можно очень просто убедиться/ видите/ не в одном режиме/ не крутится тут/ (нажимает)

— Так/ если я хочу записывать с микрофоном/

— Так/ вставили батарейки/ так? Включили/ как правило это гнездо отмечается чем-то вроде буквы ю/ вот видите?

— Какой/ ю?

— Буква ю только без палки/ примерно/ ну это условное обозначение микрофона/

— Ну похоже/ да //

— Вот в это вот гнездо/ включаете микрофон/

— Так //

— Теперь. . . до того как записывать/ вы вот. . . можете. . . уровень записи отрегулировать вот по этой шкале/ значит стрелочку установите/ вот красненькая стрелочка (—Угу //) она должна быть только в пределах черной шкалы/ не выходя на красную (— Угу //) и регулировать громкость/ уровень верпсе записи/ вот этой ручкой/ здесь видите вот написано запись/ красным (— Угу //) в обычном режиме тембр/ а так это запись/ треугольничек остается и направлен в сторону уменьшения/ значит вот так вот вы будете делать тише (— Угу //) а вот так вот вы будете делать громче // (— Угу //) Вот значит отрегулировали/

— А там тоже громкость?

— Нет/ это громкость воспроизведения/ ну ее при записи на микрофон лучше вообще выключить // После этого начинается запись //

2. О магнитофоне (проверка запоминания).

— Сначала я вставляю сюда батареи/ да?

— Да // Или блок питания //

— Теперь тут где-то есть место/ куда можно включить вот еще питание от сети/ да?

— Нет-нет-нет // Блок питания это вот сюда вставляете/ он состоит из такой черной коробочки/ на нем сетевой шнур/

— В нем шнур уже есть/

— Вы включаете его сюда/ блок питания/ подключаете. . . он не так просто вставляется/ ну. . .

— Блок питания со шнуром // Значит от этого шнура я от этого шнура. . . я включаю в розетку // Так // Это я все сделала/ так/ если я хочу писать с микрофоном/ то шнур от микрофона я вставляю/ вот где-то здесь значок. . .

— Вот он он //

— Значок/ я щас смотрю/ значок/ вот сюда вста. . . (—Да //) вот сюда вставила в гнездо // А остальные гнезда для чего? Или это не нужно знать?

— Нет/ если вы хотите переписать с магнитофона на магнитофон/ то какое-то и другое гнездо используете/ с радиоприемника/ еще одно гнездо/ есть вот это гнездо для дистанционного управления/

— Угу // Конечно // Ну хорошо/ ну с микрофоном если я пробую/ значит вот это самое крайнее // Это я включила/ поставила около говорящего/

дальше нажимаю вот эту штуку/ так? Открылось/ вставила сюда кассету/ теперь после этого закрыла/ как это/ так?

— Просто пальцем/ до щелчка //

— Пальцем/ до щелчка? Дальше? Я уже начинаю запись/ да? Все? Да? Больше уже никаких препятствий нет? Да?

— Нет/ препятствий нет // Вы должны еще запись приготовить/ то есть отрегулировать/ если у вас есть время/ если вы работаете с таким так сказать человеком который подождет/ (— Да //) пока вы наладите/ (— Да //) то значит вы должны сначала отрегулировать/ громкость/ попросить его попробовать/

— Да? Пробу сделать?

— Сделать пробу // То есть он начинает говорить так как будет говорить/ а вы регулируете/ нажав вот/

— Да/ что?

— Вот нажав эту кнопочку/ или вообще/

— Или две/

— Нет-нет-нет одну/ вот знаете в этих магнитофонах/ тут не нужно ничего нажимать/ потому что он сразу. . .

— [неразборчиво]

— Он сразу реагирует/ он сразу реагирует вот этот индикатор/ на микрофон/ поэтому вы просто регулируете вот этой ручкой/

— Так/ вот эта ручка влияет вот на эту шкалу/ да?

— Да/ на стрелочку //

— На стрелочку // Вот это две вещи связанные/ (—Угу //) значит вот это я регулирую/ чтоб было только на черном поле/

— Чтоб только на черном поле не заходило на красное/

— Да // Отрегулировала/ значит я поставила каким-то образом вот ручку/ как она/ ручка называется?

— Да //

— Да // Вот так все // Можно теперь записывать?

— Да/ уже можно записывать //

3. Рассказ о разных приборах (без обращения к ним).

— Это прибор предназначенный ну/ как сказать/ это прибор из так сказать приборов оргтехники // То есть он предназначен для облегчения что ли труда/ улучшения труда лектора/ докладчика //

— Понятно //

— Вместо того чтобы писать на доске/ (— Угу //) вы пишете на маленьком таком предметном стекле/ ручкой // Значит он устроен следующим образом // Внизу такая коробка железная/ на ней штанга // На штанге укреплена линза // Вот значит / сверху в этой коробке ну такое прозрачное предметное стекло // А внутри этой коробки лампочка // Он чрезвычайно прост/ это такая лампа и все // И увеличительные стекла // Вот вы зажигаете лампу/ на этом предметном стекле что-нибудь пишете/ фломастером/ карандашом/ и это проецируется сзади вас или там сбоку от вас/ на экран/ таким образом то что вы пишете перед собой вот не напрягаясь/ проецируется на большой экран (— Угу //) и/ значит ну как бы вы пишете на доске // Только на экране // (— Угу //) Вот // Удобство в том что вот есть специальные фломастеры/ специальная так сказать. . . паста для фломастеров/ которые легко стираются водой // Просто влажной тряпочкой протерли/ и пишите дальше //

Можно писать на стекле/ а можно писать на прозрачной пленке которая вот/ есть там такие катушечки сбоку приделаны/ вот эта прозрачная пленка она перематывается/ и вы как бы вашу картинку продвигаете все время вперед/ вот написали часть/ продвинули вперед/ (— Угу //) написали часть/ продвинули вперед // Вот такая удобная штучка //

— А кто пользуется-то?

— Этим/ вообще это вот я говорю предназначено для преподавателей/ для докладчиков/ вот в университете например преподаватели этим ну уже довольно широко пользуются //

— Да-а?

— Как правило технари // Этим очень широко пользуются // Ну потому что им легче это освоить //

— Им схемы нужны всякие. . .

— Нет/ им просто легче это освоить // Они это используют ну. . . не только для схем/ для самых пустяковых вещей // Я вот видел/ то есть буквально одно слово/ он. . . ему уже лень писать слово на доске/ он пишет на этой штуке и вот это слово светится и значит. . . что-то такое. . . (— Угу //)

— Если заказать/ то это какой тип техники? Что это?

— Оргтехника //

— Оргтехника называется?

— Это оргтехника // Это из области оргтехники //

— И много там разных приборов таких?

— Ну/ вообще так сказать разные марки существуют // Вот этого прибора/ ну все они устроены в общем одинаково/ и сделаны просто с разной степенью тщательности/ там удобства и так далее вот // Самые конечно плохие это наши // Это безусловно //

— Нет // А есть. . .

— Называется Лектор 2000 (две тысячи) // Вот этот/ Лектор 2000 // (указывает) Почему две тысячи не знаю //

— А другие названия какие?

— Вот // Есть названия. . . э. . . ну. . . ох я щас уже забыл эти названия/

— Нет/ ну такого же типа/ с цифрами?

— Нет // Без цифр // Нет/ я имею в виду уже другие названия // Значит немецкие есть очень хорошие/ Киндерман они называются/ есть венгерские очень симпатичные/ польские есть ничего себе/ их отличие вот от нашего/ в лучшую сторону/ заключено в том/ что они сделаны из пластмассы/ поэтому они легче // (— Угу //) Вот этот ящик такой/ наш/ он же сделан из железа/ его не поднимешь // (— Угу //) А они сделаны из пластмассы // Еще есть разные усовершенствования/ типа того что/ линза есть ну так называемая широкофокусная/ поэтому ну вот на близком расстоянии от доски/ можно получать большое изображение // На экране // Тогда как вот здесь/ большое изображение не получишь //

— Ну а вот в оргтехнике еще-то какие есть приборы?

— Есть/ разные есть // Так вот я говорю что существуют усовершенствования вот этого прибора/ который разные может заменить/ то есть существуют диапроекторы/ для. . . чтобы демонстрировать слайды/ ну известно?

— Да //

— Существуют ну такие. . . ну диапроекторы разного типа/ слайдопроекторы и фильмопроекторы //

— Угу //

— То есть/ проецирующие так сказать на экран отдельные слайды/ или фильмы // Диафильмы // Ну есть специальные учебные диафильмы там и так далее/ и есть вот такие графпроекторы/ у которых есть специальная рамочка на линзе/ (— Угу //) вот на этой штанге/ (— Угу //) там линза сверху/ вот на ней есть специальная рамочка/ куда можно вставлять слайд/ и. . . демонстрировать слайд/ прямо здесь же // То есть это очень такая. . . удобная штука // Там есть там иногда вот на крючке таком висит зеленое стекло/ там какое-то светозащитное/ потому что яркая лампа снизу бьет/ очень хорошая вещь // Ну вот не приживается //

4. Рассказ о кофеварке (с условным показом, без кофе).

— Сюда наливаешь воду как в обычный чайник/

— А до какого уровня?

— От двух до трех чашек // Потом открываешь эту крышечку/ потом кладешь кофе/ кладешь кофе там соответственно //

— А из какого расчета?

— Ну расчета там. . . как обычно принято/ полторы или две ложки на чашку/ зависит от крепости // Потом закрываешь/ сюда положила гущу/ кофе/ закрываешь крышечкой/ вот этой крышкой с этой пупочкой // Ну это соответственно в сеть //

— И когда готов кофе?

— А потом там все начинает бурлить со страшной силой // А кофе готов/ когда вот в этой пупочке начинает подпрыгивать вода и такой звук бр-брр //

— Все?

— Да все //

— И выключать из сети?

— И выключать из сети //

5. Рассказ об электроплите (в отсутствие прибора).

— Я видел у Яны. . . Там значит в чем там отличие/ что мне как раз в ней очень не нравится // Здесь сразу видишь что я включил плиту/ а там не видишь // И все мои знакомые берут ладошкой и начинают щупать //

— Что щупать?

— Там такая лепешечка железненькая/ круг такой на который ставят кастрюли/ уж названия я не знаю // Конфорка может быть //

— И все?

— И это еще там есть очень сложные правила // Мне рассказывали всякие ужасы про эти плиты // Ну что например/ если оставишь забудешь на плите какую-нибудь кастрюльку и вся вода выкипит/ то если вода вся выкипит/ то кастрюлька может припаяться к плите // Якобы // Такого я сам не видел // И как уже потом снимают/ я уже не знаю тоже // И еще что/ говорят нельзя воду капать на этот самый круг/ (круговое движение пальцем) на эту конфорку/ а то она может лопнуть //

6. Рассказ об овощерезке (с условным показом).

— Лучше всего ее ставить на какую-нибудь гладкую поверхность // Тогда работает вот эта присоска // Вот так поворачиваешь рычажок/ она хоп/ присосалась // Открываешь крышку/ вставляешь какой-нибудь барабан в зависимости от того что тебе надо на нем овощерезать // Ну вот это для орешков/

для свеклы/ для морковки/ для капусты // Вставляешь чтоб попало в дырочку и накручиваешь ручку/ принцип такой же как в мясорубке // Кладешь сюда предположим морковку/ давишь на нее крышкой/ и крутишь ручку // Видишь/ она еще не присосалась/ поэтому надо использовать вот этот прижим/ вот видишь/ тоже как у мясорубки // А здесь какая-нибудь тарелка/ готовая морковка вываливается в тарелку // Все // Очень удобно //

— Да // Будем теперь делать салатики //

7. Рассказ о миксере (с условным показом).

— Миксер // Совершенно необходимая вещь в хозяйстве // Очень удобно // Это сам миксер и всякие к нему есть насадки // Две для взбивания желтков/ коктейлей и так далее/ и две для теста/ для более таких густых консистенций всяких // Правда я не знаю / вот красная есть насадка с красным ободком/ смысла не знаю/ но вставляю знаю куда // Только вот специально вот отверстие тоже с красным ободочком вот // Вставляем // Берем любую насадку/ вставляем в отверстие до такого мягкого щелчка/ и включаем миксер в сеть // Сейчас не буду/ потому что надо чтобы он крутился в какой-то жидкости или в чем-то // Есть здесь три скорости // Это специальная кнопочка/ которая называется регулятор скоростей // Первая/ это значит увеличивается/ но сюда его включаешь в сеть/ ибо в первое время/ его включают на минуту/ ну меньше обычно/ чтобы аппарат прогрелся/ а потом уже вторую или третью // И есть какое-то по-моему пятнадцать минут максимальное время работы/ а в конце/ в конце/ вот есть специальная кнопочка/ для выброса насадки/ вот я жму/ и она выскакивает/ теперь ее можно вынимать //

8. Рассказ об электрозажигалке (с реальным показом).

— Вот Лидочка // Во-первых распутываем шнур/ так как у вас розетка далеко от плиты // Шнур этот/ вот в сеть в розетку // Распутываем и включаем вилочку в розетку // Подносим зажигалку к конфорке // Так? Чтоб эта часть которая сверху с дырочками / была около конфорки/ и включаем газ // Включаем газ и одновременно нажимаем на красную кнопочку //

— А трещать должно?

— Да // Конечно // Но лучше около своего глаза и около своего уха не зажигать // И подальше от Сашки // Спрячь от Сашки //

— А сверху что это за штучка?

— Это петелечка // За нее вешают // У вас негде хранить // А у аккуратных людей она висит около плиты //

— Но со шнуром ужасно страшно //

— Лидочка // В чем преимущество ее? Дело в том/ что когда мы зажигаем спички/ от них идет вредный газ которым мы дышим постоянно // А здесь совершенно безвредно //

ЛИТЕРАТУРА

Авдеев 1975 — *Авдеев Ф. Ф.* О месте исторического настоящего в системе грамматических значений времен современного русского языка // Изв. Воронеж. пед. ин-та, 1975. Т. 146. Вопросы русской аспектологии.

Аксаков 1960 — *Аксаков К. С.* Опыт русской грамматики. М., 1960. Ч. 1.

Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика: Синонимические средства языка: М., 1974.

Апресян 1978 — *Апресян Ю. Д.* Языковая аномалия и логическое противоречие // Tekst. Język. Poetyka: Zbiór studiów / Ed. M. R. Mayenowa. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1978.

Апресян 1979 — *Апресян Ю. Д.* Английские синонимы и синонимический словарь // Апресян Ю. Д., Ботякова В. В., Латышева Т. Э. и др. Англо-русский синонимический словарь. М., 1979.

Апресян 1980а — *Апресян Ю. Д.* Принципы семантического описания единиц языка // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. 1980. № 519. Семантика и представление знаний.

Апресян 1980б — *Апресян Ю. Д.* Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл↔Текст» // Wiener Slawistischer Almanach. 1980. Bd. 4.

Апресян 1983 — *Апресян Ю. Д.* О структуре значений языковых единиц // Tekst i zdanie. Zbiór studiów. Wrocław; Warszawa; Kraków, Gdańsk; Łódź, 1983.

Апресян 1988 — *Апресян Ю. Д.* Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Русистика сегодня. М., 1988.

Арутюнова 1976 — *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.

Арутюнова 1982 — *Арутюнова Н. Д.* Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. 1982. Вып. XIII.

Аспекты семантических исследований. М., 1980.

Бареш 1956 — *Bareš K.* O konkurenci vidů v českém a ruském jazyce // Časopis pro slovanské jazyky, 1956. N 4.

Бахтин 1979 — *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Богуславский 1981 — *Bogusławski A.* On Describing Accomplished Facts with Imperfective Verbs // The Slavic Verb: An Anthology Presented to Hans Christian Sørensen 16th December 1981. Copenhagen, 1981.

Бондарко 1959 — *Бондарко А. В.* Настоящее историческое в славянских языках с точки зрения глагольного вида // Славянское языкознание. М., 1959.

Бондарко 1962 — *Бондарко А. В.* Система глагольных времен в современном русском языке // Вопр. языкознания. 1962. № 3.

Бондарко 1967 — *Бондарко А. В.* К проблематике функционально-семантических категорий (глагольный вид и аспектуальность в русском языке) // Вопр. языкознания. 1967. № 2.

Бондарко 1971 — *Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола. М., 1971.

Бондарко 1973 — *Бондарко А. В.* О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений: Функциональный анализ грамматических категорий. Л., 1973.

Бондарко 1975 — *Бондарко А. В.* Об актуализационных признаках предложения // Теоретические проблемы синтаксиса современных европейских языков. Л., 1975.

Бондарко 1978 — *Бондарко А. В.* Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.

Бондарко 1983 — *Бондарко А. В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
Бондарко 1984 — *Бондарко А. В.* Функциональная грамматика. Л., 1984.
Бондарко 1985 — *Бондарко А. В.* К теории функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985.
Бондарко, Буланин 1967 — *Бондарко А. В., Буланин Л. Л.* Русский глагол. М.; Л., 1967.
Браккер 1980 — *Браккер Н. В.* Синтез видовых значений глагола и числа отпредикатного имени ситуации // НТИ (ВИНИТИ) 1980, Сер. 2. № 9.
Браккер 1982 — *Браккер Н. В.* Синонимические преобразователи конструкций с отпредикатными именами // НТИ ВИНИТИ 1982. Сер. 2. № 12.
Брандес 1980 — *Брандес М. П.* О роли композиционно-речевых форм в системе текста // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. 1980. Вып. 158.
Брюно 1922 — *Brunot F.* La pensée et la langue. P., 1922.
Будагов 1976 — *Будагов Р. А.* В защиту понятия «стиль художественной литературы»: Человек и его язык. М., 1976.
Булыгина 1964 — *Булыгина Т. В.* Пражская лингвистическая школа: Основные направления структурализма. М., 1964.
Булыгина 1980 — *Булыгина Т. В.* Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
Булыгина 1981 — *Булыгина Т. В.* О границах и содержании прагматики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40. № 4.
Булыгина 1982 — *Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов в русском языке. Семантические типы предикатов. М., 1982.
Булыгина 1983 — *Булыгина Т. В.* Классы предикатов и аспектуальная характеристика высказывания // Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. — М., 1983.
Булыгина, Шмелев 1982 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Диалогические функции некоторых типов вопросительных предложений // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982. Т. 41, № 4.
Булыгина 1983а — *Булыгина Т. В.* К проблеме моделирования способности говорящих к контекстному разрешению неоднозначности: Семантические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Телави, 1983.
Бурас 1985 — *Бурас М. М.* Выбор числового оформления русских существительных в дистрибутивном употреблении // ИРЯЗ АН СССР, 1985. Вып. 168.
Васильева 1976 — *Васильева А. К.* Курс лекций по стилистике: Общие понятия стилистики. Разговорно-обиходный стиль речи. М., 1976.
Васильева 1976 — *Васильева А. К.* Научный стиль речи. М., 1976.
Вежбицка 1980 — *Wierzbicka A.* Lingua mentalis. The semantics of natural language. Sydney, N. Y., etc: Academic Press, 1980.
Вежбицкая 1982 — *Вежбицкая А.* Дескрипция или цитация // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 13.
Вейренк 1980 — *Veyrenc J.* L'imperatif russe et les systèmes de l'énonciation // Études sur verbe russe. 1980.
Вендлер 1982 — *Вендлер З.* Сингулярные термы // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XII.
Виноградов 1947 — *Виноградов В. В.* Русский язык. М.; Л., 1947.
Волошинов 1929 — *Волошинов В. Н.* Марксизм и философия языка. Л., 1929.
Вольф 1974 — *Вольф Е. А.* Грамматика и семантика местоимений. М., 1974.
Вюльнер 1927 — *Wüllner F.* Die Bedeutung der sprachlichen Casus und Modi. Münster, 1927.
Гак 1985 — *Гак В. Г.* К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985.
Галкина-Федорук 1963 — *Галкина-Федорук Е. М.* Выражение неопределенности в русском языке неопределенными местоимениями и наречиями. М., 1963.
Галтон 1976 — *Galton H.* The main functions of the Slavic Verbal Aspect. Skopje, 1976.
Гамперц 1970 — *Gamperz J.* Types of linguistic communities. Readings in the sociology of language / Ed. by J. Fishman. Mouton, 1970.

Гард 1985 — *Гард П.* Структура русского местоимения // Новое в зарубежной русистике. М., 1985. Вып. XV.
Гард 1985а — *Гард П.* Русское *каково* // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XV.
Гаспаров 1978 — *Гаспаров Б. М.* Аспектуальные значения неопределенных предицируемых предложений в русском языке // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. 1978. Вып. 439. Семантика и функционирование категории вида русского языка.
Гвоздев 1952 — *Гвоздев А. Н.* Очерки по стилистике русского языка. М., 1952.
Гинзбург, Крейдлин 1982 — *Гинзбург Е. Л., Крейдлин Г. Е.* Родовидовые отношения в языке (таксономические операторы) // НТИ.(ВИНИТИ). Сер. 2. 1982, № 8.
Гловинская 1981 — *Гловинская М. Я.* Общефактическое значение несовершенного вида: (Формы прошедшего времени) // Проблемы структурной лингвистики. 1978. М., 1981.
Гловинская 1982 — *Гловинская М. Я.* Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
Гловинская 1983 — *Гловинская М. Я.* Специфические значения некоторых глагольных форм в разговорной речи // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.
Гловинская 1986 — *Гловинская М. Я.* Теоретические проблемы видо-временной семантики русского глагола. Автореф. дис. . . . д-ра фил. наук. М., 1986.
Головин 1950 — *Головин Б. Н.* О видовых и внутривидовых грамматических значениях современных русских глаголов // Зап. Вологодск. пед. ин-та, 1950. № 7.
Граудина 1980 — *Граудина Л. К.* Вопросы нормализации русского языка: Грамматика и варианты. М., 1980.
Граудина, Ицкович, Катлинская 1976 — *Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П.* Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976.
Гуляницкий 1973 — *Hulanicki L.* The Actional Perfect in Russian // Slavic and East European Journal. 1973. Vol. 17. N 2.
Гуляницкий 1977 — *Гуляницкий Л.* Общефактическое значение глаголов несовершенного вида (по поводу ст. О. Расудовой) // Russian linguistics. 1977. Vol. 3. N 3—4.
Гуляницкий 1976 — *Гуляницкий Л.* Глаголы «обратимого» действия // Russian Language Journal. 1976. Vol. 30. N 106.
Гуревич 1983 — *Гуревич В. В.* О семантике неопределенности // Филол. науки. 1983, № 1.
Даль 1974 — *Dahl Ö.* Some suggestions for a logic of aspects // Slavica Gothoburgensia. 1974. N 6.
Девкин 1981 — *Девкин В. Д.* Диалог. Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской. М., 1981.
Джусти 1985 — *Джусти Ф.* Нереферентные показатели имени нарицательного // Новое в зарубежной лингвистике. Современная зарубежная русистика. М., 1985. Вып. 15.
Долинина 1985 — *Долинина И. Б.* Функциональная грамматика и содержательная классификация грамматических категорий // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985.
Дольская 1964 — *Дольская С. Я.* О значении повторяемости в русском глаголе. // Учен. зап. Горьк. ун-та. 1964. Вып. 65.
Дончева 1969 — *Дончева Л.* Неопределителные местоимения и наречия от типа *-от* и типа *-нибудь* от гледище на синтактичните функции на контекстите им // Език и литература. 1969. № 3.
Ермакова 1969 — *Ермакова О. П.* Об отрицательных местоимениях типа никто в современном русском языке // Рус. яз. в шк. 1969. № 4.
Ермакова 1976 — *Ермакова О. П.* Некоторые замечания о синтаксической обусловленности и других несвободных значениях слов // Синтаксис и стилистика. М., 1976.

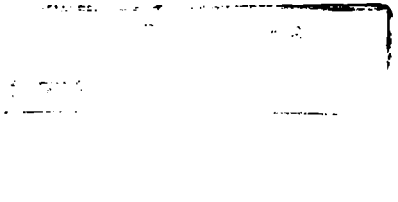
Есперсен 1958 — *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.
Зализняк 1987 — *Зализняк А. А.* О типах взаимодействия семантических признаков // Экспериментальные методы в психолингвистике. М., 1987.
Зализняк, Падучева 1974 — *Зализняк А. А., Падучева Е. В.* О контекстной синонимии единственного и множественного числа существительных: информационные вопросы семантики, лингвистики и автоматического перевода. НТИ (ВИНИТИ). М., 1974. Вып. 4.
Зарецкий 1940 — *Зарецкий А. И.* О местоимении // Рус. яз. в шк. М., 1940. № 6.
Захарова 1986 — *Захарова Е. П.* Особенности функционирования категории числа существительных в научной речи // Функционирование языка в разных видах речи. Саратов, 1986.
Захарова 1984 — *Захарова Е. П.* Род и число в разговорной речи: («значимость служебных морфем»). Автореф. канд. дис. Саратов, 1984.
Земская 1973 — *Земская Е. А.* Разговорная речь и функциональные стили кодифицированного литературного языка // Русская разговорная речь. М., 1973.
Земская, Китайгородская 1986 — *Земская Е. А., Китайгородская М. В.* Наблюдения над просторечной морфологией // Городское просторечие. М., 1986.
Золотова 1973 — *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
Иванова-Лукьянова 1984 — *Иванова-Лукьянова Г. Н.* Особенности интонации стиха // Вопросы структурной лингвистики. 1982. М., 1984.
Иванова-Лукьянова 1985 — *Иванова-Лукьянова Г. Н.* Интонационная модель звучащего текста // Сб. науч. трудов. МГПИИЯ им. Мориса Тореза. 1985. Вып. 252.
Исаченко 1960 — *Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Братислава, 1960. Ч. II.
Исаченко 1968 — *Isatschenko A.* Die Russische Sprache der Gegenwart. 1. Formenlehre. Halle, 1968.
Ицкович 1963 — *Ицкович В. А.* Какая разница между местоимениями *что-то* и *что-нибудь*? // Рус. яз. в нац. шк. М., 1963.
Калабухова 1980 — *Калабухова Т. А.* Наглядно-примерное значение совершенного вида при отрицании // Функциональный анализ грамматических единиц: Сб. научных трудов. Л., 1980.
Карцевский 1927 — *Karcevskij S.* Système du verbe russe. Prague, 1927.
Кобозева 1981 — *Кобозева И. М.* Опыт прагматического анализа *то-* и *нибудь*-местоимений // Изв. ОЛЯ АН СССР. 1981. № 2.
Ковтунова 1986 — *Ковтунова И. И.* Поэтический синтаксис. М., 1986.
Кожевникова 1968 — *Кожевникова Н.* О функциональных стилях // Рус. яз. в нац. шк. 1968. № 2.
Кожина 1972 — *Кожина М. Н.* О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972.
Кожина 1983 — *Кожина М. Н.* Стилистика русского языка. М., 1983.
Комри 1985 — *Comrie B.* Tense. Cambridge; L. etc., 1985.
Костомаров 1971 — *Костомаров В. Г.* Русский язык на газетной полосе. М., 1971.
Кошмидер 1962а — *Кошмидер Э.* Очерк науки о видах польского глагола: Опыт синтеза. Вопросы глагольного вида. М., 1962.
Кошмидер 1962б — *Koschmieder E.* Primäre und secundäre Funktionen // Die Welt der Slaven. 1962. Bd. VII. N 4.
Красильникова 1987 — *Красильникова Е. В.* Некоторые проблемы изучения морфологии русской разговорной речи // Проблемы структурной лингвистики. 1981. М., 1983.
Крейдлин, Рахилина 1981 — *Крейдлин Г. Е., Рахилина Е. В.* Денотативный статус отглагольных имен // НТИ (ВИНИТИ), 1981. Сер. 2. № 12.
Кржижкова 1971 — *Křižková H.* Ke konkurenci vidů v ruštině a v češtině // Československá rusistika 1961. N 1.

Кржижкова 1962 — *Кржижкова Е.* Некоторые проблемы изучения категории времени в современном русском языке // Вопр. языкознания. № 3.
Крылов 1984 — *Крылов С. А.* Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы // Семиотика и информатика. НТИ (ВИНИТИ). 1984. Вып. 23.
Крысин 1976 — *Крысин Л. П.* Речевое общение и социальные роли говорящих: Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
Кузнецов 1949 — *Кузнецов П. С.* К вопросу о praesens historicum в русском литературном языке // Докл. и сообщ. филол. ф-та МГУ. 1949. Вып. 8.
Лайонс 1967 — *Lyons J. A.* Note on possesive, existential, and locative sentences // Foundations of language. 1967. N 4.
Лайонс 1977 — *Lyons J.* Semantics. Vol. 1—2. Cambridge; L.; N. Y.; Melbourn, 1977.
Лебедева 1984 — *Лебедева Л. Б.* Пространственные и временные указания в общереферентных высказываниях // Изв. АН СССР СЛЯ. 1984. № 4.
Левин 1973 — *Левин Ю. И.* О семантике местоимений: Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.
Лесскис 1970 — *Лесскис Г. А.* Функциональная дифференциация стилей // Рус. яз. в нац. шк. М., 1970. № 3.
Ломовцева А. А. — *Ломовцева А. А.* «Нарушенное» число как явление семантико-стилистического плана // Вопросы семантики. Л., 1976. Вып. 2.
Мазон 1914 — *Mazon A.* Emplois des aspects du verbe russe. 1914.
Мазон 1958 — *Мазон А.* Вид в славянских языках: (Принципы и проблемы). IV Международный съезд славистов (доклады). М., 1958.
Мазон 1962 — *Мазон А.* Употребление видов русского глагола // Вопросы глагольного вида. М., 1962.
Маловицкий 1971 — *Маловицкий Л. Я.* Вопросы истории предметно-личных местоимений. «Местоимения». Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1971. Т. 517.
Мартынов 1985 — *Мартынов В. В.* Функциональная грамматика и категория языка // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985.
Маслов 1948 — *Маслов Ю. С.* Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Изв. АН СССР ОЛЯ. 1948. Т. VII. Вып. 4.
Маслов 1959 — *Маслов Ю. С.* Глагольный вид в современном болгарском литературном языке: (значение и употребление) // Вопр. грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.
Маслов 1975 — *Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. М., 1975.
Маслов 1978 — *Маслов Ю. С.* К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопр. сопоставительной аспектологии. Л., 1978.
Маслов 1984 — *Маслов Ю. С.* Очерки по аспектологии. Л., 1984.
Маслов 1984а — *Маслов Ю. С.* Типология славянских видо-временных систем и функционирование форм претерита в «эпическом» повествовании // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984.
Матезиус 1938 — *Mathesius V.* O konkurenci vidů v českém vyjadřováni slovesném // Slovo a slovesnost. 1938. T. 4.
Матусевич 1976 — *Матусевич М. И.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1976.
Некрасов 1865 — *Некрасов Н. П.* О значении форм русского глагола. СПб., 1865.
Николаева 1979 — *Николаева Т. М.* Словосочетания с лексемой «один», форма, значения и их контекстная маркированность // Синтаксис текста. М., 1979.
Николаева 1979 — *Николаева Т. М.* Акцентно-просодические средства выражения категории определенности—неопределенности // Категория определенности—неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.
Николаева 1982 — *Николаева Т. М.* Семантика акцентных выделений. М., 1982.

Николаева 1983 — *Николаева Т. М.* Функциональная нагрузка неопределенных местоимений в русском языке и типология ситуаций // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1983. Т. 45, № 4.
Нисио Минору 1983 — *Нисио Минору.* Язык японцев // Языкознание в Японии. М., 1983.
Новиков 1959 — *Новиков Л. А.* Природа числа существительных и его стилистические функции. РЯШ. 1959. № 5.
Ожегов 1968 — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / 7-е изд. М., 1968.
Падучева 1974 — *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. М., 1974.
Падучева 1979 — *Падучева Е. В.* Денотативный статус именной группы и его отражение в семантическом представлении предложения. НТИ (ВИНИТИ). Сер. 2. 1979. № 9.
Падучева 1982 — *Падучева Е. В.* Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэррола // Семиотика и информатика. 1982. Вып. 18.
Падучева 1984 — *Падучева Е. В.* Референциальные аспекты семантики предложения // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1984. № 4.
Падучева 1985 — *Падучева Е. В.* Высказывания и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.
Падучева 1986 — *Падучева Е. В.* Семантика вида и точка отсчета // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1986. № 5.
Панов 1969 — *Панов М. В.* Русский язык // Языки народов СССР. М., 1969. Т. I.
Пеньковский 1986 — *Пеньковский А. Б.* Об одной группе местоимений, потерянных русскими грамматиками и словарями // Тезисы научно-практической конференции. «Функциональное и типологическое направления и их использование в преподавании теоретических дисциплин в ВУЗе». Вологда, 1986.
Петрова 1981 — *Петрова Л. А.* О технике речи. М., 1981. Вып. 1. Как звучит наша речь?
Пешковский 1928 — *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М.; Л., 1928.
Пешковский 1935 — *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 5-е изд. М., 1935.
Пешковский 1956 — *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
Пицкова 1982 — *Пицкова Л. П.* Грамматическая категория вида в современном французском языке. М., 1982.
Поливанова 1983 — *Поливанова А. К.* Выбор числовых форм существительных в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. 1981. М., 1983.
Поспелов 1948 — *Поспелов Н. С.* О значении форм прошедшего времени на *-л* в современном русском литературном языке // Труды кафедры русского языка. МГУ, 1948, Вып. 128. Кн. 1.
Поспелов 1966 — *Поспелов Н. С.* О двух рядах грамматических значений глагольных форм времени в современном русском языке // Вопр. языкознания. 1966. № 2.
Потебня 1958 — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. I—II.
Радзиевская 1984 — *Радзиевская Т. В.* Научный текст как представитель особого типа коммуникации // НТИ (ВИНИТИ). Сер. 2. 1984. № 10.
Рассудова 1968 — *Рассудова О. П.* Употребление видов глагола в русском языке. М., 1968.
Рассудова 1982 — *Рассудова О. П.* Употребление видов глагола в современном русском языке. 2-е изд. М., 1982.
Ревзина 1979 — *Ревзина О. Г.* Функциональный подход к языку и категория определенности—неопределенности // Категория определенности—неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.
Рогова 1975 — *Рогова К. А.* Синтаксические особенности публицистической речи. Л., 1975.
Розенталь 1977 — *Розенталь Д. Э.* Практическая стилистика русского языка. М., 1977.

Розина 1988 — *Розина Р. И.* Таксономические отношения в языке (таксономическое предложение как одноструктурная конструкция) // в печати.
Русская грамматика. М., 1980. Т. I.
Русская разговорная речь. М., 1973.
Русская разговорная речь 1983 — Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.
Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского языка.
Саламин 1975 — *Саламин Э. О.* О неопределенных местоимениях и наречиях в современном русском языке. 1975.
Селезнев 1985 — *Селезнев М. Г.* Функционирование механизмов определенной референции в процессе синтеза текста. Канд. дис. М., 1985.
Селиверстова 1964 — *Селиверстова О. Н.* Опыт семантич. анализа слов типа *все* и типа *кто-нибудь* // Вопр. языкознания. 1964. № 4.
Селиверстова 1982 — *Селиверстова О. Н.* Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М., 1982.
Семантические типы предикатов 1982 — Семантические типы предикатов. М., 1982.
Слюсарева 1981 — *Слюсарева Н. А.* Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1981.
Слюсарева 1985 — *Слюсарева Н. А.* Функциональная грамматика и когнитивность морфологии // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985.
Спагис 1961 — *Спагис А. А.* Об употреблении глаголов несовершенного вида для обозначения повторяющихся действий // Русский язык для студентов-иностранцев. М., 1961.
Станков 1976 — *Станков В.* Конкуренция на глаголните видове в българския книжовен език. София, 1976.
Стеблин-Каменский 1974 — *Стеблин-Каменский М. И.* Изоморфизм и фонологическая метафора: Спорное в языкознании. Л., 1974.
Степанов 1979 — *Степанов Ю. С.* Иерархии имен и ранги субъектов // Изв. СЛЯ АН СССР. 1979. Т. 38, № 4.
Трубецкой 1960 — *Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М., 1960.
Филатова-Хелльберг 1975 — *Филатова-Хелльберг Е.* Вид глагола и широкий контекст. М., 1975.
Форсайт 1970 — *Forsyth J.* A Grammer of Aspect. Usage and Meaning in the Russian Verb. Cambridge: University Press, 1970.
Фортунатов 1903 — *Фортунатов Ф. Ф.* О залогах русского глагола // Изв. Отд. рус. яз. и словесности АН. 1903. Т. IV. Кн. 4.
Фортунатов 1956 — *Фортунатов Ф. Ф.* Сравнительное языковедение. Общий курс // Фортунатов Ф. Ф. Избр. труды. М., 1956. Т. 1.
Фуксман 1973 — *Фуксман А. А.* Признак наличия-отсутствия связи с настоящим временем при функционировании формы будущего несовершенного в современном русском языке // Функциональный анализ грамматических категорий: Сб. науч. трудов. Л., 1973.
Храковский 1985 — *Храковский В. С.* Типы грамматических описаний и некоторые особенности функциональной грамматики. М., 1985.
Червенкова 1961 — *Червенкова І.* Неопределенные местоимения на *-нибудь* и *-либо*. РЯВШ. 1961. № 2.
Шахматов 1952 — *Шахматов А. А.* Из трудов по современному русскому языку. М., 1952.
Шведова 1960 — *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
Шведова 1984 — *Шведова Л. Н.* Трудные случаи функционирования видов русского глагола: (к проблеме конкуренции видов). М., 1984.
Шведова 1985 — *Шведова Н. Ю.* Один из возможных путей построения функциональной грамматики русского языка // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985.
Швейцер, Мельников 1980 — *Швейцер А. Д., Мельников А. И.* К проблеме социально-коммуникативного анализа художественного текста (опыт

социолингвистического анализа диалогической речи) // Сб. научн. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. 1980. Вып. 158.
Шелякин 1976 — *Шелякин М. А.* Аспектуальное употребление глаголов сообщения в русском языке: (К проблеме синонимии видов) // Научн. докл. высш. школы. Сер. филол. наук. 1976. № 3.
Шелякин 1978 — *Шелякин М. А.* О семантике и употреблении неопределенных местоимений в русском языке // Семантика номинации и семантика устной речи. Тарту, 1978.
Шелякин 1980 — *Шелякин М. А.* О спорных вопросах виде-временной системы современного русского глагола // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. 19 0. Вып. 524. Труды по русской и славянской филологии.
Шелякин 1985 — *Шелякин М. А.* О единстве функционального и системного описания грамматических форм в функциональной грамматике // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985.
Шелякин 1985а — *Шелякин М. А.* О функциональной модели форм числа существительных в русском языке // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. 1985. № 719. Функциональные аспекты грамматики русского языка.
Широкова 1971 — *Широкова А. Г.* Некоторые замечания о функциональных границах вида в русском и чешском языках // Исследования по славянскому языкознанию. Сб. в честь шестидесятилетия профессора С. Б. Бернштейна. М., 1971.
Шмелев А. Д. 1984 — *Шмелев А. Д.* Определенность—неопределенность в названиях лиц в русском языке. Дис. . . . канд. филол. наук. М., 1984.
Шмелев А. Д. 1984а — *Шмелев А. Д.* К типологии генетических именных групп // Лингвистические исследования: Типология. Диалектология. Этимология. Компаративистика. Сб. статей. М., 1984. Ч. 2.
Шмелев Д. Н. 1958 — *Шмелев Д. Н.* Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке // Вопр. языкознания. 1958. № 6.
Шмелев Д. Н. 1960 — *Шмелев Д. Н.* Абсолютное и относительное употребление форм времени русского глагола // Рус. яз. в нац. шк. 1960. № 6.
Шмелев Д. Н. 1961 — *Шмелев Д. Н.* Стилистическое употребление форм лица в современном русском языке // Вопросы культуры речи. М., 1961. Вып. 3.
Шмелев Д. Н. 1964 — *Шмелев Д. Н.* Слово и образ. М., 1964.
Шмелев Д. Н. 1977 — *Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.
Щерба 1915 — *Щерба Л. В.* Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915.
Щерба 1947 — *Щерба Л. В.* Преподавание иностранных языков в средней школе. М., 1947.
Языковая деятельность 1984 — «Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики». ИНИОН АН СССР. 1984.
Якобсон и др. 1962 — *Якобсон Р., Фант Г. М., Халле М.* Введение в анализ речи // Новое в лингвистике. М. 1962. Т. II.
Якобсон и Халле 1962 — *Якобсон Р., Халле М.* Фонология и ее отношение к фонетике // Новое в лингвистике. М. 1962. Т. II.
Якобсон 1985а — *Якобсон Р. О.* О структуре русского глагола. Избранные работы. М., 1985.
Якобсон 1985б — *Якобсон Р. О.* К общему учению о падеже. Избр. работы. М., 1985.
Янко-Триницкая 1977 — *Янко-Триницкая Н. А.* Местоименные слова со значением неопределенности. Рус. яз. в шк. 1977. № 1.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ (*Д. Н. Шмелев*) 3

СУПЕРСЕГМЕНТНАЯ ФОНЕТИКА

СУПЕРСЕГМЕНТНАЯ ФОНЕТИКА В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (*Г. И. Иванова-Лукьянова*) 33

Интонация 34

Паузирование 44

Логические ударения 53

Темп 65

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА И СТИЛИСТИКА ВИДО-ВРЕМЕННЫХ ФОРМ (*М. Я. Гловинская*) 74

Вводные замечания 74

Грамматические способы выражения значения 'предстоящее действие' 79

Предстоящее действие, выражаемое формами будущего времени обоих видов 79

Настоящее НСВ предстоящего действия 81

Прошедшее НСВ предстоящего действия 92

Прошедшее СВ в значении близкого будущего 93

Прошедшее СВ в значении неизбежного будущего 95

Прошедшее СВ в значении иронического отрицания будущего действия 97

Грамматические способы выражения значения 'единичное действие в прошлом, достигшее результата' 99

Прошедшее СВ 100

Прошедшее НСВ общефактическое 101

Настоящее историческое 106

Прошедшее НСВ в значении «сказового» действия 108

Настоящее НСВ непосредственного предшествующего действия 112

Настоящее НСВ интерпретационное 113

Настоящее НСВ экспозиционное 114

Настоящее НСВ о прошлом единичном факте как неслучайном, типичном (настоящее эмоциональной актуализации) 116

Будущее СВ о прошлом единичном факте как удивительном, неожиданном 117

Будущее СВ или повелительное СВ для обозначения внезапно наступившего действия в прошлом 118

www.ruslang.ru

Грамматические способы обозначения узуальных и потенциальных действий . . . 119
Узуальные действия . . . 119
Понятие локализованности во времени . . . 119
Узуальное значение НСВ . . . 120
Узуальное значение СВ . . . 121
Сопоставление прошедшего и будущего СВ в узуальном значении . . . 122
Различие между узуальным СВ и узуальным НСВ . . . 125
Контекстные условия реализации узуального значения . . 127
Потенциальные действия . . . 128
Потенциальное значение НСВ . . . 128
Потенциальное значение СВ . . . 132

Грамматические способы обозначения действия при повторной дескрипции (пересказе текстов) . . . 134
Типы пересказа и временной дейксис . . . 134
Литературный пересказ-повествование . . . 137
Изображение событий как фактов прошлого . . . 137
Изображение событий как фактов настоящего . . . 139
Изображение событий как фактов будущего . . . 140
Сценические ремарки . . . 141
Заголовки (подзаголовки) . . . 141

Заключительные замечания . . . 143

СЕМАНТИКА, ГРАММАТИКА И СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ МЕСТОИМЕНИЙ (*О. П. Ермакова*) . . . 146

СЕМАНТИКА И СТИЛИСТИКА НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ (*С. М. Кузьмина*) . . . 158

Вводные замечания . . . 158

Неопределенные местоимения-прилагательные . . . 164
Какой-то . . . 165
Какой-нибудь . . . 174
Какой-либо . . . 178
Некоторый . . . 180
Кое-какой . . . 181
Некий . . . 183

Употребление синонимичных НМ-прилагательных . . . 187

Неопределенные местоимения-существительные . . . 196
Группа *кто*-местоимений . . . 198
Группа *что*-местоимений . . . 202

Употребление синонимичных НМ-существительных . . . 207

Неопределенные местоимения-наречия . . . 216
НМ-наречия места . . . 216
Употребление синонимичных НМ — наречий места . . . 221
НМ-наречия времени . . . 222

Заключение . . . 227

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ ФОРМ ЧИСЛА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РАЗНЫХ ТИПАХ РЕЧИ (*Е. В. Красильникова*)
Вводные замечания 232
О функционально-стилистическом анализе употребления форм числа 232
О факторах, обусловливающих выбор форм числа 234
Задачи исследования 238
Употребление форм числа в некоторых типах текстов книжно-письменной речи 239
Научно-технические тексты 239
Общие характеристики текстов 239
Закономерности употребления форм числа 242
Инструкции 248
Общие характеристики текстов 248
Закономерности употребления форм числа 250
Употребление форм числа в некоторых типах текстов устно-разговорной речи 253
Общие характеристики текстов 253
Закономерности употребления форм числа 258
Выводы. Употребление форм числа как характеристика текста . . . 260
Приложение. Образцы текстов 265
ЛИТЕРАТУРА 275

Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. — М., Наука, 1989. — 287 с.

Г76

ISBN 5-02-010961-4

В монографии подвергнут анализу языковой материал с точки зрения его отмеченности в функционально-стилистическом отношении. Иными словами, содержится анализ грамматических фактов, связанных с определенной ситуацией общения и контекстом. Разделы монографии посвящены исследованию вопросов суперсегментной фонетики и морфологической семантики.

Для лингвистов широкого профиля, преподавателей вузов, аспирантов.

Г $\frac{4602000000\text{-}119}{042(02)\text{-}89}$ 372-89. Кн. 1

ББК 81

Научное издание

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика

Утверждено к печати
Институтом русского языка
АН СССР

Редактор издательства Л. М. Гаврилова
Художник С. А. Резников
Художественный редактор И. Ю. Нестерова
Технический редактор Н. Н. Кокина
Корректоры Е. Н. Белоусова, Л. А. Лебедева

ИБ № 37924

Сдано в набор 29.08.88
Подписано к печати 12.04.89
Формат $60 \times 90^1/_{16}$
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура обыкновенная новая
Печать высокая
Усл. печ. л. 18. Усл. кр. отт. 18
Уч.-изд. л. 21,3
Тираж 1950 экз. Тип. зак. 763.
Цена 4 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

4р. 60к.